

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1 (17)

2015

Научный журнал
ВЕСТНИК БНЦ СО РАН

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Бурятский научный центр СО РАН»

Главный редактор
чл.-кор. РАН Б. В. Базаров

Редакционный совет

чл.-кор. РАН Б. В. Базаров – председатель
к.и.н. А. В. Дамдинов
акад. РАН А. П. Деревянко
д.и.н., проф. Е. И. Зеленев
чл.-кор. РАН Н. Н. Крадин
чл.-кор. РАН В. А. Ламин
д.и.н., проф. Е. И. Лиштованный
акад. РАН В. И. Молодин

чл.-кор. РАН В. В. Наумкин
д.мед.н., проф. С. М. Николаев
д.и.н. И. Ф. Попова
д.т.н., проф. А. П. Семенов
д.хим.н., проф. В. В. Хахинов
чл.-кор. РАН А. К. Тулохонов
д.б.н., проф. Л. Л. Убугунов
акад. АНМ Б. Энхтувшин

Редакционная коллегия

д.фарм.н., проф. Т. А. Асеева
к.ф.н., доц. Л. Д. Бадмаева
к.и.н. Г. Д. Базарова
д.и.н., проф. М. Н. Балдано
к.и.н. В. Ю. Башкуев – ученый секретарь
д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова
к.б.н. И. К. Дамбуева
д.ф.н. Л. С. Дампилова
д.э.н., проф. З. Б.-Д. Дондоков

д.ф.н. Г. А. Дырхеева
д.и.н., проф. Ю. А. Зуляр
д.и.н., проф. С. И. Кузнецов
д.и.н., проф. Л. В. Курас – отв. ред.
д.филос.н., проф. С. Ю. Лепехов
д.э.н. А. С. Михеева
д.и.н. Э. А. Николаев – зам. отв. ред.
к.и.н. С. Чулуун
д.филос.н., проф. Л. Е. Янгутов

Журнал включен в систему РИНЦ

ISSN 2222-9175

www.bscnet.ru/vestnik/

© Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки «Бурятский научный центр СО РАН», 2015
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	9
История. Этнография	
<i>Балдано М. Н., Кальмина Л. В., Санжиева Т. Е.</i> Экономика Забайкалья (1900–1918): испытание войной	10
<i>Захарова Е. В., Кальмина Л. В.</i> Женские учебные заведения Забайкалья в контексте Первой мировой войны	20
<i>Базарова В. В.</i> Культурно-национальное совещание 1926 года: курс на модернизацию образования в Бурят-Монголии	25
<i>Доржу З. Ю.</i> Из истории столицы Республики Тыва – Кызыла	32
<i>Нанзатов Б. З.</i> Административные образования бурят в Российской империи в XIX веке – Кудинская степная дума (расселение и этнический состав кудинских бурят) ..	41
Историография. Источниковедение	
<i>Дудин П. Н.</i> Мэнцзян на страницах научной литературы	57
<i>Ванчикова Ц. П.</i> Монголия в полевом дневнике Ц. Ж. Жамцарано 1904 года	69
<i>Башкуев В. Ю.</i> Геомедицинская ситуация в Байкальском регионе (конец XIX – первая половина XX в.) в документах архивов	74
Филология	
<i>Энхжаргал С.</i> Метафора как способ переноса значений слов	90
<i>Дампилова Л. С., Игумнов А. Г.</i> О современном состоянии и основных направлениях исследований по фольклористике в мировой науке	96
Мировая экономика	
<i>Хулан Т.</i> Современное состояние и тенденции рынка ценных бумаг Монголии	103
Региональная экономика	
<i>Потапов Л. В., Добровенский Ю. П.</i> Концептуальные основы региональной стратегии развития Республики Бурятия	109
<i>Потапов Л. В., Базаров Б. В., Дондоков З. Б.-Д.</i> О региональной системе стратегического планирования	131
Регионализм: Байкальский фактор	
<i>Бюраева Ю. Г.</i> Труд и занятость населения Баргузинского района Республики Бурятия	143
<i>Дугаржапова Д. Б.</i> Информационное обеспечение субъектов образовательного процесса (на примере Баргузинского района)	150
<i>Дугаржапова Д. Б., Васильев Б. С.</i> Некоторые аспекты функционирования домашних хозяйств Баргузинского муниципального района	155

Биологические и экологические исследования

<i>Намзалов Б. Б., Тайсаев Т. Т.</i> Эндемизм биоты Байкальской природной территории: истоки, новейшие узлы и перспективы исследований	164
<i>Убугунов Л. Л., Меркушева М. Г.</i> Почвенно-агрохимические исследования в западном Забайкалье: история и современность	174

Формирование (био)фармкластера в Республике Бурятия

<i>Плеханов А. Н., Шабатина О. А.</i> Опыт применения геля квотлан в лечении венозных трофических язв	186
<i>Цыденова Ц. Б.</i> Иммуномодулирующее действие препарата бализ-2 у больных с бактериальным вагинозом	195
<i>Маркевич П. С., Маркевич Л. Б.</i> Многокомпонентная терапия синдрома диабетической стопы, осложненного трофическими язвами	201

Природоохранные взаимодействия в Центральной Азии

<i>Дремов К. Г.</i> Об основных направлениях деятельности Управления Росприроднадзора по Республике Бурятия	208
<i>Цыренова Т. Б.</i> О формировании и развитии российско-монгольских отношений в области охраны окружающей среды	212
<i>Кирилюк О. К.</i> Северо-восточная часть Даурского степного экорегиона как модельный участок международного природоохранного сотрудничества	220

Религиоведение

<i>Шитиков Ф. В.</i> Географические особенности религиозной ситуации в Республике Бурятия	231
---	-----

Тибетская медицина

<i>Асеева Т. А., Кузнецова Н. А., Михневич Л. В., Пефторан Г. С.</i> Болезни органов пищеварения в тибетской медицине: симптоматика и лечение	239
<i>Синицына Е. К.</i> Музейная экспозиция «Тибетская медицина: история и современность» как пример изучения и отражения достижений современной науки в БНЦ СО РАН	256

Монголия

<i>Соёлмаа Сухбат.</i> Проблемы исследования мифологического мышления монголов ...	264
<i>Батунаев Э. В.</i> Расстановка политических сил в Монголии (1920–1921 гг.)	270
<i>Батцэрэн Уртнасангийн.</i> Участие женщин в работе Великого Государственного Хурала Монголии и некоторые вопросы формирования политического имиджа	275

Корея

<i>Дашибалов Э. Б.</i> Образ постсоветской России в Республике Корея (по материалам СМИ Республики Корея)	284
---	-----

Первая мировая война в документах Государственного архива Республики Бурятия

Публикация документов	289
<i>Жалсанова Б. Ц., Чимитдоржиева Л. Ш.</i> «На пожертвования бурятского населения области учреждается в Петрограде лазарет бурятского имени на 30 кроватей...» (документы о деятельности Петроградского бурятского лазарета)	290

Научная жизнь

<i>Монх-Очир Д., Петрова М. П., Гомбожапов А.Д., Нолев Е. В.</i> К 25-летнему юбилею летней школы молодых ученых-монголоведов	298
<i>Энхчимэг Ц., Нолев Е. В.</i> Осмысление опыта взаимоотношений средневековых цивилизаций: международная конференция «Историческое значение столкновения Монголии и Европы в XIII в.»	305

Юбилей

<i>Петрова М. П.</i> 60 лет со дня рождения заведующего кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктора исторических наук, профессора В. Л. Успенского	308
<i>Базаров Б. В., Плеханов А. Н., Курас Л. В.</i> Я отвечаю за все (к 75-летию доктора медицинских наук Еши Нянюевича Цыбикова)	310

Научные потери

Даба-Цырен Дамбаевич Нимаев (26.02.1952–14.12.2014)	314
---	-----

Анонс

Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии	315
--	-----

CONTENTS

Editor's note	9
----------------------------	---

History

<i>Baldano M. N., Kalmina L. V., Sanzhieva T. E.</i> Economy of Transbaikalia (1900–1918): An Ordeal by War	10
<i>Zakharova E. V., Kalmina L. V.</i> Women's Educational Institutions in Transbaikalia in the Context of the First World War	20
<i>Bazarova V. V.</i> The Cultural and National Meeting of 1926: Heading for the Modernization of Education in Buryat-Mongolia	26
<i>Dorzhu Z. Y.</i> From the History of the Capital of the Republic of Tuva – Kyzyl	32
<i>Nanzatov B. Z.</i> The Buryat Jurisdictions in the 19 th Century Russian Empire: The Qudai Steppe Duma (Settlement and Ethnic Composition of the Qudai Buryats)	42

Historiography. Source studies

<i>Dudin P. N.</i> Mengjiang in Academic References	57
<i>Vanchikova Ts. P.</i> Mongolia in the 1904 Field Diary of Ts. Zh. Zhamtsarano	70
<i>Bashkuev V. Yu.</i> The Geomedical Situation in the Baikal Region (Late 19 th – First Half of the 20 th Centuries) in Archival Sources	75

Philology

<i>Enkhzhargal S.</i> Metaphor as a Way of Transfer of Word Meanings	90
<i>Dampilova L. S., Igumnov A. G.</i> On the Current State and Main Directions of Folklore Studies in World Science	97

World economy

<i>Khulan T.</i> The Contemporary Condition and Tendencies of the Mongolian Stock Market ..	103
---	-----

Regional Economy

<i>Potapov L. V., Dobrovenskii Yu. P.</i> The Conceptual Foundations of the Regional Strategy of Development of the Republic of Buryatia	109
<i>Potapov L. V., Bazarov B. V., Dondokov Z. B.-D.</i> On the Regional System of Strategic Planning	132

Regional Studies: the Baikal Factor

<i>Byuraeva Yu. G.</i> Labor and Population Employment of the Barguzin District of the Republic of Buryatia	143
<i>Dugarzhapova D. B.</i> The Information Support of the Educational Process Subjects (A Case Study of the Barguzin District)	150
<i>Dugarzhapova D. B., Vasili'ev B. S.</i> Some Aspects of the Functioning of Households in the Barguzin Municipal District	155

Biological and Ecological Studies

<i>Namzalov B.B., Taisaev T. T.</i> Endemism of the Baikal Natural Territory Biota: Sources, Newest Nodes and Prospects of Research	164
<i>Ubugunov L. L., Merkusheva M. G.</i> Soil-Agrochemical Studies in Western Transbaikalia: History and Modernity	174

The Making of a Biopharmaceutical Cluster in the Republic of Buryatia

<i>Plekhanov A. N., Shabatina O. A.</i> Experience of Application of “Cvotlan” Gel in the Therapy of Venous Trophic Ulcers	186
<i>Tsydenova T. B.</i> Pharmacotherapeutic Efficacy of the Preparation “Baliz-2” in the Treatment of Bacterial Vaginosis	195
<i>Markevich P. S., Markevich L. B.</i> Multicomponent Therapy of Diabetic Foot Syndrome Complicated by Trophic Ulcers	201

Environment protection interaction in Central Asia

<i>Dryomov K. G.</i> On the Main Fields of Activity of the Directorate of the Rosprirodnadzor for the Republic of Buryatia	208
<i>Tsyrenova T. B.</i> About the Formation and Development of Russian-Mongolian Relations in the Field of Environmental Protection	212
<i>Kirilyuk O. K.</i> The Northeastern Part of the Daurian Steppe Ecoregion as a Model Region of International Environmental Cooperation	220

Religion Studies

<i>Shitikov F. V.</i> Geographic Specifics of Confessional Situation in the Republic of Buryatia ..	231
---	-----

Tibetan Medicine

<i>Aseeva T. A., Kuznetsova N. A., Mikhnevich L. V.</i> Diseases of the Digestive System in Tibetan Medicine: Semiology and Treatment	239
<i>Sinitsyna E. K.</i> The Museum Exposition “Tibetan Medicine: History and Modernity” a Case Study and Reflection of the Achievements of Modern Science in BSC SB RAS	256

Mongolia

<i>Soyolmaa S.</i> Problems of Mongolian Mythological Thinking Research	264
<i>Batunaev E. V.</i> The Alignment of Political Forces in Mongolia (1920–1921)	270
<i>Urtnasangiin Battseren.</i> Participation of Women in the Work of the Great State Hural of Mongolia and Some Questions of Formation of Political Image	276

Korea

<i>Dashibalov E.B.</i> The Image of Post-Soviet Russia in the Republic of Korea (Based on Mass Media of the Republic of Korea)	284
--	-----

The First World War in the Documents of the State Archive of the Republic of Buryatia

Publication of Documents	289
<i>Zhalsanova B. Ts., Chimtdorzhieva L. Sh.</i> “The 30-bed Infirmary of Buryat Name is Established in Petrograd on the Donations of the Buryat Population...” (Documents on the Activity of the Buryat Infirmary in Petrograd)	290

Scientific Life

<i>Monkh-Ochir D., Petrova M. P., Gombozhapov A. D., Nolev E. V.</i> Toward the 25th Anniversary of the Summer School on Mongolian Studies	298
<i>Enkhchimeg Ts. Nolev E. V.</i> Understanding of the Experience of Relations between Medieval Civilizations: International Conference “Historical Accounts on Mongol-European Encounters in the 13th Century”	305

Jubilee

<i>Petrova M. P.</i> The 60 th Jubilee of the Chair of the Mongolian and Tibetan Studies of the Oriental Department of Saint Petersburg State University Doctor of Sciences in History, Professor V. L. Uspenskiy	308
<i>Bazarov B. V., Plekhanov A. N., Kuras L. V.</i> I Am in Charge of Everything (Toward the 75 th Jubilee of the Doctor of Sciences in Medicine Eshi Nyanyuevich Tsybikov) ..	310

In Memoriam

Daba-Tsyren Dambaevich Nimaev (26.02.1952–14.12.2014)	314
---	-----

Announcement

The Topical Issues of Archeology and Ethnology of Central Asia	315
--	-----

ОТ РЕДАКТОРА

EDITOR'S NOTE

Уважаемый читатель! Перед Вами первый номер нового 2015 г. и очередной – семнадцатый – номер «Вестника Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук». У журнала уже сложился постоянный круг авторов; есть устойчивый вектор интересов – Восток, определяемый геополитическими особенностями региона; есть узнаваемое имя (см. журналы «Известия Иркутского государственного университета». Серия «История». 2014. № 2; «Проблемы Дальнего Востока». 2014. № 5). Как и прежде, широка география авторов журнала, которые представляют академические и вузовские востоковедные центры страны и зарубежья. Наряду с уже признанными именами, маститыми учеными редакция традиционно печатает и материалы молодых авторов, для которых страницы журнала становятся стартовой площадкой в последующих научных поисках.

Журнал имеет устоявшуюся рубрику, определение которой исходит из классификатора специальностей (история, этнография, историография, источниковедение, филология, экономика, религиоведение и др.), страноведения (Монголия, Корея) и конкретной проблематики (тибетская медицина), имеющей не только научное, но и прикладное или социальное значение.

Настоящий номер имеет и свои особенности. Впервые на страницах издания открыта рубрика «Природоохранные взаимодействия в Центральной Азии», в которой будут публиковаться статьи руководителей региональных управлений Федеральной службы по надзору в сфере природопользования.

Редколлегия продолжает публиковать подборку документов из Государственного архива Республики Бурятия о бурятском сообществе в годы Первой мировой войны, абсолютное большинство которых впервые вводится в научный оборот.

Наращивает обороты рубрика «Формирование (био)фармкластера в Республике Бурятия», которая имеет реальную возможность дать старт налаживанию производства фармацевтических препаратов растительного происхождения.

Как и ранее, настоящий выпуск рассчитан, прежде всего, на научную общественность – преподавателей вузов, академических работников – специалистов-востоковедов.

И последнее. Изданию исполняется пять лет и это вселяет не только надежду, но и уверенность в правильности избранной редколлекцией журнала идеологии.

УДК 33 : 94 (571.54)

М. Н. Балдано, Л. В. Кальмина, Т. Е. Санжиева
ЭКОНОМИКА ЗАБАЙКАЛЬЯ (1900–1918):
ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

В статье показано влияние военного фактора на состояние экономики Забайкалья. Разрыв традиционных экономических рыночных связей потребовал создания производств, работающих на местном сырье. Изменение структуры промышленности позволило сохранить ее относительную устойчивость.

Ключевые слова: экономическое развитие, военный фактор, промышленность, транспорт, Забайкалье.

M. N. Baldano, L. V. Kalmina, T. E. Sanzhieva
ECONOMY OF TRANSBAIKALIA (1900–1918):
AN ORDEAL BY WAR

The article shows the influence of the military factor on the economy of Transbaikalia. The rupture of traditional economic market relations demanded the organization of production facilities operating on local raw materials. Alteration of the industrial structure allowed keeping its relative stability.

Key words: economic development, military factor, industry, transport, Transbaikalia.

На рубеже XIX–XX вв. интересы Российской империи настоятельно требовали ускоренного экономического развития ее восточных территорий. В правительственных кругах в это время уже четко обозначилось понимание того факта, что закрепиться в Примурье и Приморье, получив прямой выход в Азиатское пространство, на одной военной силе вряд ли возможно. Политическая сила государства обнаружила жесткую зависимость от самодостаточности экономической системы, позволяющей опереться на собственные ресурсы, поэтому в модернизационной стратегии развития империи важное место отводилось восточным районам России с их высоким ресурсным потенциалом [7, с. 67].

В предстоящей задаче капитализации Сибири главную роль было призвано сыграть транспортное строительство: прокладка железных дорог создавала условия для промышленной революции в других отраслях. Однако внешнеполитическая миссия Транссибирской магистрали по укреплению восточных рубежей империи несколько не уступала ее экономическому значению связующего звена между основными центрами Сибири и мировым рынком. Крупнейший железнодорожный проект стал не столько непосредственным откликом на неотложные экономические потребности развития связей с Сибирью, сколько дальновидным, стратегически ориентированным проектом [11, с. 82].

БАЛДАНО Марина Намжиловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: histmar@mail.ru.

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: kalminal@gmail.com.

САНЖИЕВА Татьяна Ефремовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета. E-mail: sanj_te@mail.ru.

Стратегическое значение железных дорог и необходимость их финансовой поддержки государством инициаторы железнодорожного строительства в Сибири хорошо понимали задолго до Высочайшего рескрипта Александра III, повелевшего приступить к сооружению Транссибирской магистрали: А. А. Головачев в своем труде «История железнодорожного дела в России», опубликованном в 1881 г., указывал на необходимость «прямой заботы государства» о сооружении этих стратегических объектов [8, с. 122]. Проведения Транссибирской магистрали требовали в первую очередь военно-стратегические интересы империи на Дальнем Востоке, и главные доводы обоснования ее строительства формировались вне связи с объективными задачами экономического развития Сибири [3, с. 45; 9, с. 191].

Забайкальская экономика, в целом копируя «траекторию» экономического развития Сибири, значительно отставала от других сибирских территорий. Регион с четко обозначенной сырьевой направленностью, законсервировавшимися феодальными традициями купеческой монополии в торговле, широким использованием штрафной колонизации в добыче полезных ископаемых и примитивным промышленным производством развивался как горнопромышленный цех России [13, с. 18]. Эволюция прочих отраслей промышленности запаздывала: местная буржуазия не спешила отказываться от быстрых денег, которые приносили торговля и золотодобыча. Обработывающая промышленность в общей промышленной структуре занимала незначительное место, даже в 1880–1890-е гг., отвлекая на себя лишь от 5 до 17 % капиталов. В среднем на одно предприятие Забайкалья приходилось 2,5 рабочих и 2146 руб. производства (в России – соответственно 62 и 79 тыс. руб.) [23, с. 155]. При таком положении дел регион вряд ли мог справиться с предназначавшейся ему ролью стратегического плацдарма

для утверждения России во Внутренней Азии, понимание которой видно в статьях-отчетах военных агентов России, оценивавших Забайкалье как основную базу будущих военных действий против Китая [20, с. 139, 140]. Но отсутствие надежных путей сообщения для беспрепятственного продвижения войск делало природу куда более грозным соперником, чем предполагаемый неприятель. Поэтому задача формирования надежной транспортной инфраструктуры в регионе оказалась в ряду первостепенных.

Надо отдать должное местной власти в Забайкалье: она интуитивно понимала истинное назначение будущей железнодорожной магистрали. В сохранившихся в архивах ходатайствах Верхнеудинской городской думы перед Приамурским генерал-губернатором А. Н. Корфом и Министерством путей сообщения еще в 1887 г., задолго до проведения трассы, приводятся аргументы городской власти в пользу предлагаемой ею траектории через город: «...При проведении железной дороги через Верхнеудинск Правительство в случае экстренной усиленной перевозки войск, фуража и других казенных транспортов может пользоваться кроме железнодорожного пути и параллельным ему от Иркутска до Верхнеудинска водяным путем [...]. При неотложности постройки Сибирских железных дорог для стратегических целей постройка Забайкальской ветви могла бы быть начата в первое время для скорейшего пользования дорогою от г. Верхнеудинска, так как водяной путь между Иркутском и Верхнеудинском открыт в течение полугода, с конца апреля по ноябрь» [2, ф. 10, оп. 1, д. 577, л. 3].

Аргументы оказались убедительными. Вероятность столкновения с Японией, претендовавшей на роль лидера в Азиатско-Тихоокеанском регионе и стремительно наращивавшей военный потенциал, скорректировала траекторию, темпы и цели сооружения Транссибирской магистрали. Экономическими

соображениями выбора трассы, предполагавшими максимальную выгоду от ее коммерческой деятельности, пришлось пожертвовать ради внешнеполитической безопасности [14, с. 12]. В результате даже на фоне общей недостаточной провозо-пропускной мощности Транссибирской магистрали и крайне низких скоростей движения поездов Забайкальский участок, обслуживавший в основном потребности военного ведомства и свои собственные, выделялся нерентабельностью и был самым убыточным из всех казенных железных дорог [1, ф. 10, оп. 1, д. 2256, л. 14]. Существовая большей частью за счет казны, он, по подсчетам его начальника Ф. Кнорринга, давал около 9 руб. убытка на каждую пудо-версту [12, с. 197–199]. Однако при обсуждении проектов строительства новых железных дорог в Сибири их возможная убыточность предусматривалась. В Особой высшей комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела в России отмечалось: «Необходимо... строго разграничивать сферу железнодорожной политики от сферы практики железнодорожного хозяйства, заранее признать возможность отнесения части расходов на содержание дорог, построенных по соображениям стратегическим и политическим» [5, с. 162].

Хотя Транссибирская железнодорожная магистраль стала той нитью, «ухватившись за которую сибирская экономика стала быстро подтягиваться к общероссийскому уровню» [10, с. 44], первоначально она никак не способствовала трансформации забайкальского экономического пространства. Как и во всей Сибири, быстрый рост получили лишь отрасли, которые не создавали конкуренции европейской России и углубляли специализацию области как сырьевого придатка: по переработке сельхозсырья (мукомольная, кожевенная) и по производству строительных материалов (цементная, кирпичная и лесопильная). В тех отраслях, которые содействова-

ли бы формированию промышленного комплекса, Забайкалье проиграло конкурентную борьбу не только Европейской России, но и другим районам Сибири. С проведением железной дороги сюда хлынул поток товаров более дешевых, чем могла предложить местная промышленность. Тенденция снижения производства проявилась уже в 1900 г., когда железная дорога только начала действовать: объем производства местной промышленности в области уменьшился на 615667 руб. [15, с. 9].

Историческим фактором, ускорившим индустриализацию Забайкалья, стал военный. Перед лицом экстремальных военно-политических обстоятельств Россия всегда искала возможности создания многовариантной системы транспортных выходов [14, с. 3]. В данном контексте роль этих обстоятельств сыграли русско-японская и Первая мировая войны, а также постоянно ожидаемая Россией война с Китаем за влияние в Монголии.

Неудачно окончившаяся русско-японская война наглядно продемонстрировала слабость экономического развития восточных рубежей империи. Поэтому усиление промышленной мощи Забайкалья, являвшегося связующим звеном между Монголией, Китаем, российским Дальним Востоком и Центральной Россией, вошло в число наиважнейших задач правительства. Регион, ранее рассматривавшийся как сырьевой придаток огромной империи, стал формироваться как «точка экономического роста», зона развития не только добывающей, но и обрабатывающей промышленности. Начавшаяся в 1901 г. добыча каменного угля уже в 1905–1907 гг. увеличилась более чем в три раза. Только на Танхойских коях в 1907 г. было добыто более 5 млн. пудов [6, с. 31; 16, с. 136]. Новое месторождение Тарбагатайских и Холярдинских копей, где мощность угольных пластов достигала миллиарды пудов, обещало рост производительности и относительно низкую себестоимость бу-

дущего машиностроительного завода. Богатые залежами слюды, асбеста, меди, железа окрестности Верхнеудинска усиливали его перспективы промышленного центра. Забайкалье предметно готовилось к роли военно-стратегического и торгово-промышленного плацдарма, который мог быть дополнительно укреплен высокой плотностью населения (в Верхнеудинском уезде и примыкающих к нему территориях Селенгинского и Баргузинского уездов сосредоточивалась треть населения Забайкалья) и обилием прилегающих плодородных земель, которые при хорошем урожае реально превращали Верхнеудинск в региональный «склад» запасов для мясной и хлебной торговли.

На совещаниях о развитии путей сообщения в Сибири, проводившихся у Иркутского генерал-губернатора, выражалась постоянная тревога в связи с активной деятельностью Японии по расширению на континенте дорожной сети. В случае заключения военного союза Японии с Китаем во время потенциальных военных действий Россия могла оказаться в очень сложном положении. Китай, чья неудачная попытка колонизации северо-востока Монголии, предпринятая с подачи японской дипломатии, не остановила его в стремлении ослабить влияние России в Монголии, интенсифицировал железнодорожное строительство для достижения стратегических целей, что потребовало от России «симметричного» ответа, тем более что российско-китайское соперничество не исключало широкомасштабных военных действий на территории Монголии. Даже в случае ведения военных действий в Забайкалье российские войска из-за отсутствия надежных путей сообщения с плодородными территориями могли остаться без продовольствия [19, с. 164]. Чтобы упредить подобную ситуацию, планировалось проведение Кяхтинской ветки железной дороги – от приграничной Кяхты до Транссибирской магистрали с

перспективой проведения ее через Монголию до Пекина [2, ф. 10, оп. 1, д. 2256, л. 49–51].

Строительство ветки могло значительно усилить позиции российского капитала на монгольском рынке: предполагалась не только успешная конкуренция с другими странами в экспорте в Монголию мануфактуры, которая утратила здесь свое положение после падения ввоза чая через Кяхту, но и полное вытеснение с монгольского рынка мануфактуры нероссийского производства, последующее установление монополии на ввоз металлоизделий и домашней утвари, а также прочное обоснование там русских золотопромышленников. Авторы экономической записки о значении Кяхтинской дороги отвели ей роль соединительного звена России с монгольским рынком и средства выхода монгольских товаров на Сибирскую магистраль [18, с. 56, 68, 71, 75].

Опасения противников проведения Кяхтинской ветки, полагавших, что она станет подарком Китаю, который использует ее для колонизации Сибири мирным, а впоследствии и военным способом [25, с. 198], отступили перед мнением специалистов, изучавших Монголию «в военно-научном и военно-стратегическом отношении» и настоятельно рекомендовавших «немедленно, не теряя времени восстановить свое экономическое влияние на монгол», для чего в первую очередь требовалось «скорейшее соединение рельсами г. Кяхты с одной из станций Забайкальской дороги», с тем чтобы продолжить ее по Монголии до г. Урги как начала магистрали на Калган, что позволит «чрезвычайно улучшить наше экономическое положение в Монголии» и «убить китайскую торговлю» [21, с. 299, 300]. В действительности, как мы видим, эти намерения имели куда более далеко идущие цели, чем нейтрализация экономического конкурента.

Из двух проектов траектории соединения Кяхтинской ветки с Транссибир-

ской магистралью – у Мысовой и Верхнеудинска – выбор был сделан в пользу верхнеудинского варианта, который при реализации военных целей в Монголии был предпочтительней: Верхнеудинск к этому времени выполнял функции центра промышленного района, в окрестностях которого работали цементные заводы и лесопильные предприятия, были обнаружены угольные месторождения и залежи сырья для развития металлургической промышленности. К тому же район отличался повышенной плотностью населения. Как указывалось в экономической записке о предполагаемой роли Кяхтинской ветки, контингент этого населения (семейские) «...служит залогом для экономического преуспеяния края и является элементом, обеспечивающим железнодорожный путь от всяких неожиданностей во время войны» [18, с. 73].

Вторым обстоятельством, способствовавшим планам укрепления экономики Забайкалья, стала Синьхайская революция и объявление Монголией независимости, что вызвало большой интерес в России, окончательно осознавшей важность Монголии для реализации российских политических и экономических интересов на Дальнем Востоке [24, с. 92]. Близкое соседство с Монголией сулило Забайкалью завидные перспективы не только транзитного пункта для всех идущих туда товаров, но и экономической базы для усиления влияния России на Востоке. Планы развития транспортной инфраструктуры в Забайкалье и Монголии стали приобретать реальные очертания.

В дальнейшем военно-стратегические причины строительства железных дорог в Сибири уже определялись не столько межгосударственными противоречиями на Дальнем Востоке, сколько подготовкой царской России к Первой мировой войне на европейских фронтах и необходимостью вывоза продуктов из Сибири для снабжения армии. Этим же определялись и проекты экономического усиления восточных регионов империи.

С началом войны и угрозой потери индустриальных районов в Европейской России самодержавие окончательно убедилось в необходимости ориентации на азиатский рынок, и официальный Петербург начал строить дальнейшие планы экономического усиления восточных территорий, в т. ч. и Забайкалья. В 1914 г. Государственная Дума приняла решение о проведении Кяхтинской железнодорожной ветки, которая должна была стать решающим шагом империи в экономическом «завоевании» Монголии и в значительной степени нейтрализации здесь китайского и британского влияния.

В целом транспортная система страны оказалась не приспособленной к военному положению. Война явилась серьезным испытанием для российской экономики: были нарушены традиционные экономические рыночные связи, проявились слабость экономических ресурсов и техническое отставание промышленности, что вело к хозяйственной разрухе. С началом войны сократились добыча нефти, угля, производство металла. Закрывались заводы: одни – из-за нехватки сырья, другие – в результате невозможности получить необходимые станки и оборудование за границей. Производительность труда в промышленности в первый год войны резко упала из-за мобилизации на фронт квалифицированных рабочих. В последующие годы рост ее наблюдался только в военных отраслях, получивших приоритетное развитие.

Перестройка экономики на военный лад происходила медленно, но к 1916 г. положение с обеспечением армии постепенно выправлялось. Войска получили в достаточном количестве снаряды и патроны, снаряжение, обмундирование, обувь. Промышленные предприятия, не связанные военными заказами, сокращали выпуск продукции. Закрывались мелкие предприятия. Ценой крайнего перенапряжения экономики Россия выходила из кризиса в снабжении армии оружием и боеприпасами.

Сильно пострадало в результате войны сельское хозяйство, прежде всего потому, что лишилось рабочих рук. В сельском хозяйстве, как и в промышленности, широкое распространение получил труд женщин и подростков. Резко сократились посевные площади (в т. ч. и в результате оккупации), поголовье крупного рогатого скота и лошадей, урожайность зерновых. Уменьшился валовой сбор хлеба, но в первую очередь упало производство товарного хлеба.

Первая мировая война, выявив недостатки экономики России, вместе с тем ускорила развитие капитализма. Усилилась концентрация производства и капитала: наблюдался рост численности акционерных обществ; создавались тресты и концерны, поддерживаемые капиталом. Между монополиями шла жесткая борьба за рынок и военные заказы, за источники сырья, топлива.

Значительно возросла роль банков, усилился финансовый капитал. К 1917 г. крупнейшие российские банки господствовали в железнодорожных обществах, машиностроении, контролировали до 60 % акционерных капиталов в черной и цветной металлургии, нефтяной, лесной и многих иных отраслях промышленности.

Как же повлияла Первая мировая война на развитие промышленности Западного Забайкалья? Для добывающей промышленности региона были характерны две тенденции. С одной стороны, уменьшение добычи в отраслях, не работавших на войну, и даже закрытие предприятий этой группы. С другой, сохранение прежних объемов добычи, а в некоторых случаях – ее увеличение на предприятиях, добывающих стратегически важное сырье.

Золотодобыча, на рубеже XIX–XX вв. занимавшая первое место в российской горнозаводской и горнодобывающей промышленности, в Сибири на протяжении многих лет вообще была ведущей отраслью. В период становления

монополистического капитализма ее значение еще больше возросло – не только как производителя, но и как емкого потребителя продукции других отраслей [26, с. 246, 247, 254].

Согласно шнуровым золотозаписным книгам владельцев предприятий, золотопромышленность Западного Забайкалья в первые два года войны реагировала сокращением добычи золота, в 1916 г. происходит ее увеличение. Но эти колебания не были значительными, они составляли примерно 1–2 пуда. Происходил рост числа разрабатываемых приисков, при этом количество рабочих сократилось на 1/3, поскольку они не являлись постоянными и не имели отсрочек. Процесс концентрации производства в годы войны усилился: закрывались в основном небольшие золотопромышленные предприятия.

Значительную трудность представляет анализ золотодобычи, поскольку владельцы многих приисков, общее число которых составляло 177, не отправляли или отправляли свои отчеты с огромным опозданием. К примеру, по Баргузинскому уезду не предоставили сведения 68 приисков, а по Верхнеудинскому – 5. По одним данным, в 1917 г. было добыто 10 пудов, 21 фунт, 90 золотников, 17 долей золота [2, ф. 121, оп. 2, д. 17, л. 43], по другим – 36 пудов, 12 фунтов, 85 золотников, 65 долей [Там же, д. 21, л. 18]. Последние сведения, на наш взгляд, более достоверны, поскольку они в какой-то степени подтверждены диаграммой золотодобычи в Баргузинском уезде, где указано, что в 1917 г. было добыто около 32 пудов золота [Там же, ф. 107, оп. 1, д. 1175, л. 7–10].

В документах горного инженера мы находим большое количество телеграмм в адрес владельцев приисков с просьбой в кратчайшие сроки предоставить отчетные сведения или уточнить ранее предоставленные. Среди владельцев, не предоставивших отчеты, числились довольно крупные золотопромышленники,

чьи сведения могли значительно повлиять на общие цифры добытого золота. К примеру, Я. Д. Фризер не представил сведений за 1917 г. о деятельности своих приисков, из-за чего окружной инженер пригрозил ему штрафом до 1000 руб.

Нестабильность политической обстановки, бездорожье в Баргузинской тайге затрудняли контроль за деятельностью золотопромышленников [2, ф. 107, оп. 2, д. 32, л. 7]. Еще до войны владельцы приисков скрывали реальные объемы золотодобычи, продавая часть золота нелегально за границу, в Китай, где закупочные цены были на порядок выше [4, с. 189]. В России в 1917 г. цена на золото также росла, достигнув в слитках 45 руб. за золотник. В годы войны происходило разорение мелких золотопромышленников, чьи прииски скупались крупными предприятиями.

Увеличение заказов железной дороги, интенсифицировавшей свою работу в военное время, стимулировало развитие угледобывающей промышленности Забайкалья. В 1916 г. уголь добывался на 14 рудниках «Товарищества братьев Замятинских», «Восточно-Сибирского углепромышленного товарищества» (А. Х. Тетюкова), «Товарищества С. Н. Калачевского и К^о», «Первого Читинского углепромышленного товарищества» (инженера путей сообщения И. И. Собошанского) [16, с. 85]. Возобновили свою деятельность Забайкальское товарищество, Сибирское торгово-промышленное предприятие и предприятие З. Г. Горлова.

Владелец Восточно-Сибирского товарищества А. Х. Тетюков в 1914 г. добился выделения ему каменноугольного рудника «Хилокский» [2, ф. 107, оп. 1, д. 1030, л. 37], который вскоре был пущен в разработку. За 1916 г. на руднике было добыто 8 млн. 708 тыс. 458 пудов [6, с. 34]. В 1916 г. А. Х. Тетюков получил еще две рудничные площади [2, ф. 107, оп. 1, д. 1185, л. 19]. Двумя годами ранее копи Восточно-Сибирского

товарищества были переоборудованы, что позволило увеличить производительность до 10 млн. пудов угля в год. Все паровые двигатели были заменены на электрические, которые работали от электростанции, приводимой в действие турбогенератором в 800 л. с. и двумя паровыми котлами. Водоотливная система была оборудована четырьмя электронасосами производительностью до 170 тыс. ведер в час. Также была установлена электрическая лебедка, транспортировавшая вагонетки с углем из разрезов. Далее на погрузочную эстакаду уголь доставляли вагонетками и электровозом в 15 л. с. [Там же, д. 1104, л. 2].

Увеличение объемов достигалось в основном за счет перехода копей от подземных работ к открытым как более дешевым и более доходным для владельцев. Но так как качество угля было низким (с примесью породы), железная дорога часто его браковала.

В 1917 г. рост в угледобывающей промышленности продолжился. За первые полгода Восточно-Сибирским товариществом было добыто 4 млн. 199 тыс. 556 пудов угля; товариществом «Братья Замятины» – 7 млн. 585 тыс. 795 пудов; Первым Читинским товариществом – 3 млн. 715 тыс. 624 пуда; Сибирским торгово-промышленным предприятием – 3 млн. 206 тыс. 491 пуд. В целом добыча составила 18 млн. 807 тыс. 467 пудов угля [Там же, оп. 2, д. 32, л. 1–4]. Рост объемов добычи угля был обусловлен потребностями военного времени.

В условиях военного времени увеличилась и добыча глауберовой соли. В 1917 г. на гуджирных озерах было добыто 90123 пуда неочищенной глауберовой соли (в 1914 г. – 58944 пуда) на общую сумму 3604 руб. 92 коп. Весь добытый гуджир транспортировался на Алгинский завод глауберовой соли М. А. Новомейского. Однако в 1917 г. завод часто простаивал из-за нехватки рабочих [Там же, л. 32–35].

Добыча мрамора и известкового камня практически полностью прекратилась, так как перестал работать главный потребитель – Брянский цементный завод [22, с. 165].

В первый год войны была прекращена разработка Ильчирского асбестового рудника, начатая в 1907 г. «Первым Сибирским Товариществом по эксплуатации асбеста». С перебоем разрабатывался графитовый рудник на Батагольском кряже на территории нынешнего Окинского района.

Война внесла свои коррективы в развитие обрабатывающей промышленности Западного Забайкалья. Произошло сокращение промышленных предприятий. В 1914 г. в Верхнеудинском уезде было 124 предприятия, в 1915 г. 22 закрылись, три перешли в низший разряд, вновь появилось одно предприятие [2, ф. 121, оп. 1, д. 616, л. 57, 59]. В первые месяцы войны производство значительно сократилось, но в дальнейшем в отраслях, выполнявших военные заказы, ситуация выровнялась. Так, оборот промышленных предприятий г. Верхнеудинска по III, IV и V разрядам за 1915–1916 гг. сократился лишь на 2 % [Там же, л. 80].

27 сентября 1914 г. Правительство приняло Положение о прекращении продажи водки, вина и пива. Для возмещения убытков владельцам винокуренных заводов выдавали компенсацию, равную затратам на постройку завода с машинами. Производителям вина и пива таких льгот не предоставлялось.

В списке промышленных предприятий за 1915 г., подчиненных фабрично-заводской инспекции (т. е. наиболее крупных), числились следующие: лесопильно-мукомольный завод Е. П. Сердюкова, лесопильный завод и крупчатная вальцовая мельница торгового дома «Бр. Клейман и М. И. Родовский), лесопильный завод и мельница торгового дома «М. И. Авданович и Капельман», лесопильный завод и мельница

С. И. Розенштейна, стеклоделательный завод А. К. Кобылкина, компания «Первая Забайкальская электроосветительная станция», Брянский цементный завод Товарищества сибирского цемента, типография и переплетная мастерская А. К. Кобылкина. В их числе не работавшие Николаевский винокуренный и пивоваренный заводы А. К. Кобылкина, завод искусственных минеральных вод и пивоваренный завод А. А. Коробейникова [Там же, л. 42].

Несмотря на правительственное положение, в 1915 г. в Забайкалье два винокуренных завода продолжали производить спирт, выпустив 88189 ведер (для сравнения: в 1914 г. – 581071 ведро спирта), работали 11 пивоваренных заводов [Там же, ф. 10, оп. 1, д. 2874. л. 36, 38]. В 1916 г. прекратил производство пивоваренный завод, принадлежавший А. К. Кобылкину, продолжили работу его же завод искусственных минеральных вод и квасной завод А. А. Коробейникова [Там же, ф. 121, оп. 1, д. 616, л. 79].

Остановил работу Брянский цементный завод, в течение 1915 г. ограничившись реализацией остатков производства. Закрылась хлебопекарня П. И. Родовского, ежегодный оборот которой составлял примерно 20 тыс. руб. Его конфетно-кондитерская фабрика значительно снизила объемы выпускаемой продукции из-за недостатка сахара [Там же, л. 78, 79].

Мастерские по пошиву одежды и обуви (351 сапожных, 12 портных и 1 шапочная) с первых месяцев войны были обеспечены заказами военных ведомств и поэтому работали бесперебойно.

Упадок промышленности и торговли породил необходимость создания местных производств. «Прибайкальское торговое-промышленное товарищество кооперативов» (Прибайкалсоюз) скупало у частных предпринимателей мелкие промышленные предприятия. В 1916 г. «Прибайкалсоюз» купил в с. Новая Курба небольшой кожевенный завод произ-

водительностью около 500 кож в месяц [2, ф. 10, оп. 1, д. 2897, л. 1], паровую мукомольную мельницу и лесопильный завод за 190 тыс. руб. [Там же, ф. 228, оп. 4, д. 17, л. 10], арендовал у правительства на 30 лет маслособойный, чугунолитейный и кирпичные заводы. В феврале 1918 г. «Прибайкалсоюз» ввел в эксплуатацию кожевенный и овчинный заводы в Петровском Заводе. При овчинном заводе была мастерская по пошиву шуб производительностью 7200 штук в год [Там же, оп. 1, д. 2897, л. 2]. Промышленные предприятия Прибайкальского товарищества кооперативов выпускали предметы потребления для сельского и городского населения региона. Наиболее ходовыми из них были полушубки, шапки, рукавицы, мыло, выделанная кожа и обувь (ичиги).

Обрабатывающая промышленность Западного Забайкалья работала на местном сырье и ориентировалась главным образом на внутренний рынок. Поэтому с началом Первой мировой войны и разрывом хозяйственных связей промышленность Забайкалья продемонстрировала относительную устойчивость. В свою очередь немногочисленные крупные промышленные предприятия, работавшие на привозном сырье и вывозившие свою продукцию в другие регионы, сокращали или вовсе прекращали производство. На основе имеющихся (хотя и неполных) данных можно прийти к выводу, что в целом война не оказала разрушительного действия на промышленное производство региона.

Источники и литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
3. *Андреева Т. И.* Военно-стратегический фактор железнодорожного строительства в Азиатской России в конце XIX – начале XX в. // Сибирь и войны XIX–XX вв.: тез. Всерос. науч. конф. с межд. участием, г. Новосибирск, 8–10 июня. 2014 г. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – С. 43–45.
4. *Баринов А. О.* Золотые тайны Забайкалья. – Чита: Поиск, 1999. – 202 с.
5. *Баталова Т. И.* Проблема дефицита в железнодорожной сети Азиатской России в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история Сибири XX в.: мат-лы Всерос. науч. конф. Ч. 1. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2006. – С. 153–164.
6. *Берсенева Л. Ф.* Экономическое развитие Забайкалья в период между двумя революциями (июнь 1907 – февраль 1917 г.) // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX в. Забайкальский краеведческий ежегодник. – Чита: Ред.-издат. сектор Забайкальского филиала Географ. общества СССР, 1972. – № 6. – С. 29–41.
7. *Букин С. С., Исаев В. И., Тимошенко А. И.* Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX в.: мат-лы Всерос. науч. конф. Ч. 1. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2006. – С. 66–73.
8. *Гурьев В. И.* Проблемы железнодорожного строительства в отечественной историографии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы отечественной истории. Вып. 13. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – С. 121–136.
9. *Зиновьев В. П.* Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII – XX вв.: сб. мат-лов конф., Новосибирск, 22–23 сент. 2003 г. / под ред. В. А. Ламина. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. – С. 185–193.

10. *Зиновьев В. П.* Особенности становления индустриального общества в Сибири в XIX – начале XX в. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX в. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 35–48.
11. *Зубков К. И.* Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890–1920-е гг.) // Уральский исторический вестник. – 1994. – № 1. – С. 76–92.
12. *Кнорринг Ф.* Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги. – Иркутск: Типо-литография П. Макушина и В. Посохина, 1910. – 212 с.
13. *Лаженцев В. Н., Недещев А. А.* Структура и экономические связи Забайкальского хозяйства в дореволюционный период // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX в. Забайкальский краеведческий ежегодник. – Чита: Ред.-издат. сектор Забайкальского филиала Географ. общества СССР, 1972. – № 6. – С. 3–28.
14. *Ламин В. А.* Императивы формирования Российской транспортной системы // Императивы России в транспортную систему Восточной Азии: сб. науч. статей. – Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. – С. 3–32.
15. Обзор Забайкальской области за 1901 г. – Чита: Тип. Забайкальского обл. правления, 1902. – 51 с.
16. *Паликова Т. В.* Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое и культурное развитие). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – 311 с.
17. *Раднаев Б. Э.* Развитие промышленности Забайкалья в период капитализма // Бурятия XVII – начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 132–144.
18. Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении / под ред. П. П. Червинского. – СПб.: Тип. тов-ва С. Суворина «Новое время», 1913. – 212 с.
19. *Распопина А. А.* Иркутское совещание о путях сообщения в Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 158–165.
20. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. – СПб.: Издание Военно-учетного комитета Главного штаба, 1891. – 277 с.
21. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. – СПб.: Военная типография, 1913. – 374 с.
22. *Семка Б. И.* Производство и сбыт цемента в Западной Сибири накануне и в годы Первой мировой войны // Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в. – Новосибирск, 1987. – С. 143–170.
23. *Соболев М.* Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1908. – С. 141–168.
24. *Старцев А. В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2003. – 308 с.
25. Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения в Сибири. В 2 т. Т. II / под ред. В. Попова. – Иркутск: Изд. канцелярии Иркутского Генерал-Губернатора, 1908. – 479 с.
26. *Хроленок С. Ф.* Золотопромышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 312 с.

УДК 373 : 94 (571.54)

Е. В. Захарова, Л. В. Кальмина

**ЖЕНСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ
В КОНТЕКСТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Первая мировая война нарушила привычное течение жизни женских учебных заведений Забайкалья. Педагоги и воспитанницы участвовали в многочисленных благотворительных акциях по оказанию помощи воинам и их семьям. Несмотря на трудности военного времени, все женские учебные заведения области продолжали работу, стараясь соблюдать довоенные требования к учебному процессу.

Ключевые слова: женское образование, учебные заведения, Первая мировая война, благотворительность, Забайкалье.

E. V. Zakharova, L. V. Kalmina

**WOMEN'S EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN TRANSBAIKALIA
IN THE CONTEXT OF THE FIRST WORLD WAR**

The First World War broke the routine life of women's educational institutions in Transbaikalia. Teachers and students participated in numerous charity events to help soldiers and their families. Despite wartime difficulties all provincial women's educational institutions continued to work, trying to keep up to the pre-war standards of educational process.

Key words: women's education, educational institutions, the First World War, charity, Transbaikalia.

Исследования, посвященные образованию в годы Первой мировой войны, единичны. Советскими историками эта тема практически не разрабатывалась, и одной из редких работ, посвященных истории средней школы в указанный период, стала монография профессора Н. А. Константинова [9]. В постсоветское время при возрастании интереса к истории образования в России (в т. ч. и женского) появились статьи, анализирующие изменения в учебном процессе в разных регионах империи под давлением военных обстоятельств [7; 8; 10–14]. При некоторых региональных нюансах функционирования женских учебных заведений в годы Первой мировой войны во всех статьях прослеживается

одно общее утверждение: несмотря на то, что война оказала на учебно-воспитательный процесс заметное влияние (нехватка помещений и финансов, участие учениц и преподавателей в различных благотворительных акциях в помощь фронту и пострадавшим от военных действий, призыв на фронт учителей-мужчин), ни одно учебное заведение, кроме оказавшихся в прифронтовой полосе, не прекратило работу. Более того, именно в годы Первой мировой войны российское общество, проникнувшись «идеей служения школы жизни и нуждам населения» и «развитию производительных сил страны», пришло к убеждению о необходимости проведения реформы народного образования. Хотя Н. А. Константинов в

ЗАХАРОВА Екатерина Валерьевна – аспирант отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: clike@mail.ru.

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: kalminal@gmail.com.

рамках неперменного в 1940-е гг. «классового подхода» объяснил эту необходимость тем фактом, что существовавшая система образования была не в состоянии готовить кадры, которые бы стали «оплотом буржуазии», и не «гарантировала от революционного влияния» [9, с. 175], это дела не меняет. Уже в апреле 1915 г. «Особое совещание по реформе средней школы» пришло к смелому для того времени выводу о необходимости однотипных мужских и женских средних школ и сочло допустимым введение совместного обучения мальчиков и девочек, хотя и с «особой осторожностью и под тщательным педагогическим контролем» [Там же, с. 178–180]. Учебные программы, воспитательные функции, полномочия попечительских советов и родительских комитетов разрабатывались с такой тщательностью, словно Россия не находилась в состоянии войны и не несла больших людских и материальных потерь. О причинах провала реформы можно спорить, однако одно очевидно: «военный фактор» в этом никакой роли не сыграл.

В Забайкалье, которое еще не становилось объектом самостоятельного изучения в обозначенном ракурсе, нами также отмечено проявление общей для всей России тенденции: изменение в годы войны сознания населения, подчиненного единой цели оказания помощи Отечеству; готовность всех слоев общества «положить жизнь и имущество на одоление врага и процветание Великой России» [3, ф. 57, оп. 2, д. 71, л. 37] при одновременной бесперебойной работе системы образования, в т. ч. женского.

Учащиеся женских учебных заведений в Забайкальской области, находившейся в тысячах верст от фронта, еще 10 лет назад прошли испытание близостью к театру военных действий. В годы русско-японской войны учителя и ученицы Троицкосавской женской гимназии собирали деньги на нужды раненых и больных воинов, оборудование воен-

но-полевых лазаретов, организовывали благотворительные музыкально-вокальные вечера, сборы с которых шли в пользу раненых и на «поддержку флота» [4, № 16, 18–21]. В 1911 г. при содействии члена главного управления Российского общества Красного Креста А. И. Гучкова, побывавшего с визитом в областном центре Забайкалья, в Чите «в виде опыта» были открыты курсы подготовки сестер милосердия для военного времени. Судя по требованиям, которые предъявлялись к поступающим на курсы, они должны были, по крайней мере, закончить несколько классов гимназии. Поэтому будущих сестер милосердия, скорее всего, «вербовали» из числа гимназисток. Прошения о поступлении (случайно или специально) принимались в доме напротив первой Читинской женской гимназии [6, 1911, № 99].

Начавшаяся Первая мировая война вывела жизнь учебных заведений Забайкалья из привычного руслу. Цены на предметы первой необходимости стремительно выросли, а некоторые товары невозможно было приобрести и за высокую цену, в то время как финансовые возможности учебных заведений оставались прежними. К концу 1916 учебного года на читинском рынке почти не стало сахара, масла, мыла, керосина, материи для форменного платья и белья, а дрова поднялись в цене на 35 % [1, ф. 7, оп. 2, д. 587, л. 58]. Это вынуждало руководство учебных заведений прибегать к строгой экономии, изыскивать новые источники доходов, заранее делать запасы «всего необходимого». Успешней других действовал Совет женского епархиального училища во главе с его председателем – протоиереем отцом Сергием Старковым: хлеб, масло и другие деревенские продукты Совет училища приобретал у местных жителей, а материалы на одежду воспитанниц председатель Совета закупал во время своих поездок в Харбин или Владивосток. Подобная практика позволила училищу работать в

довоенном режиме: занятия проводились без сокращения учебного времени, а воспитанницы ни в чем не нуждались.

Во время войны в женских гимназиях и прогимназиях были значительно изменены правила, регламентирующие порядок обучения и воспитания. Воспитанницы, «родитель коих призван на войну», не исключались из школы за несвоевременную плату за обучение. Гимназисткам разрешалось участвовать в платных спектаклях, литературно-вокальных утрах и вечерах, которые они сами или различные общественные учреждения устраивали в пользу благотворительных организаций, отчислявших средства на нужды войны. К примеру, 27 октября 1914 г. Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев дал согласие на постановку пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок» с участием учениц старших классов Верхнеудинской женской гимназии [3, ф. 57, оп. 2, д. 71, л. 20–20об.]. Сборы от постановки предназначались для Верхнеудинского комитета Красного Креста и городского попечительства о семьях воинов запаса, призванных на войну.

Помимо отчисления средств от спектаклей в благотворительные организации, собранные деньги шли на учреждение стипендий для детей павших воинов, на содержание приютов для сирот войны, закупку необходимых вещей для российской армии. С ученического спектакля с музыкальным отделением, устроенного 29 ноября 1915 г. Нерчинской Софийской женской гимназией, за вычетом расходов по устройству вечера было собрано 584 руб. 27 коп. На 240 руб. 38 коп. из этой суммы были закуплены 661 «единица теплых вещей» и подарки, которые отправили по адресу: «СТАВКА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Графу Капнисту» [2, д. 640, л. 11].

По указанию начальства в зданиях гимназий были установлены специальные «кружки» для сбора пожертвований с целью оказания помощи солдатам и семьям погибших воинов. Деньги по-

страдавшим от военных действий собирали и по подписным листам. В 1915 г. ученицы второй Читинской женской гимназии пожертвовали 5 руб. в пользу Забайкальского Областного попечительства детских приютов, 7 руб. 50 коп попечительству Читинского детского приюта, 9 руб. 44 коп. в «кружку» Красного Креста [Там же, д. 637, л. 14об.].

В сборах пожертвований принимали участие и преподаватели. Учителя Нерчинской Софийской женской гимназии ежемесячно при получении жалования отчисляли 1 % в специальный фонд на стипендии детям Георгиевских кавалеров и 0,5 % на «Братскую помощь» по содержанию калеки-воина, лишившегося трудоспособности [1, ф. 4, оп. 5, д. 160а, л. 5об.]. На ежемесячные пожертвования преподавателей второй Читинской женской гимназии в лазарете русских женщин в Петрограде была оборудована кровать для раненых воинов (содержание этой кровати обходилось в 30 руб. ежемесячно) [2, д. 637, л. 14]. Финансовую поддержку оказывали преподаватели и воспитатели Читинского женского епархиального училища: с августа 1914 г. они отчисляли по 3 % из своего содержания на нужды войны. Если служащие в центральных учреждениях Духовного ведомства решили жертвовать 2 % от своего оклада на лазарет Преподобного Серафима Саровского [10, с. 121], то преподаватели Читинского женского епархиального училища на ту же цель отчисляли 1 % и еще 2 % отсылали в местный Епархиальный комитет [1, ф. 7, оп. 2, д. 555, л. 72об.]. Известно, что в октябре 1914 г. преподаватели и учащиеся частной гимназии О. М. Цимбал-Миклашевской пожертвовали 18 руб. 60 коп., в ноябре – 15 руб. 25 коп., а в марте 1915 г. – 21 руб. [6, 1914, № 120, с. 2; № 127, с. 3; 6, 1915, № 25, с. 2]. Ежемесячные сборы в гимназии пересылались в комитет для оказания помощи воинам, учрежденный императрицей Елизаветой Федоровной, через военного губернатора Забайкальской области

А. И. Кияшко. Пожертвования поступали и через вице-губернатора Забайкальской области А. П. Нарышкина. К апрелю 1915 г. кружок педагогов Троицко-савской женской гимназии и приходских училищ собрал на содержание полевого лазарета достаточно солидную сумму – 900 руб. [6, 1915, № 41, с. 3]. Имеются сведения и о других женских учебных заведениях, которые принимали участие в сборе средств на военные нужды.

Как сообщала начальница Нерчинской Софийской женской гимназии Домника Савватьевна Шилова, воспитанницы «искренне отзываются на призыв к жертвованиям охотно делают по своей личной инициативе, сбор между собою и с особенным удовольствием изготовляют и посылают воинам на позиции мешочки с подарками» [1, ф. 4, оп. 5, д. 160а, л. 5об.]. В кيسеты или «мешочки» ученицы, как правило, клали чай, сахар, табак, портянки и другие предметы первой необходимости. Отправляли не только тривиальные вещи: например, ученицы второй Читинской женской гимназии выслали на Кавказ для казаков балалайку и «гармонию». Посылки к Рождеству, Пасхе и другим праздникам отправлялись через городские и железнодорожные комитеты.

Учителя средних учебных заведений также отправляли посылки в действующую армию. По сообщению газеты «Забайкальская новь» от 16 ноября 1914 г., начальницей второй Читинской женской гимназии Ольгой Родионовной Депрерадович, а также педагогическим персоналом и «другими лицами» сибирским солдатам были отправлены «шесть мест» весом 13 пудов 14 фунтов: теплые вещи, табак, папиросы, мыло, чай, сахар [5, № 2105, с. 3].

На уроках рукоделия в гимназии и с «исправлением части задания» на дому ученицы занимались шитьем белья и других вещей. Часть из них жертвовалась для распродажи на благотворительных вечерах в пользу пострадавших от войны, остальные отправлялись в раз-

ные благотворительные организации. В 1915 г. для вербного базара в пользу воинов ученицы второй Читинской женской гимназии пожертвовали 22 вещи и 17 своих работ. Благородная цель воспитывала более сознательное отношение учениц к своей работе, повышала интерес к ней и их родных. По мнению Министерства народного просвещения, она способствовала приобщению гимназисток «с самого юного их возраста к величайшему национальному делу» и задавала «практическое направление тому всенародному подъему патриотизма, который, охватив всю Россию, глубоко проникает и в среду учащихся детей» [3, ф. 57, оп. 1, д. 79, л. 142об.]. Воспитанницы Читинского женского епархиального училища в воскресные дни после литургии посещали молебны о даровании победы русскому оружию.

Почувствовавшие дыхание войны, женские учебные заведения Забайкальской области – шесть гимназий и одна прогимназия, принадлежавшие ведомству Министерства народного просвещения, и Читинское епархиальное женское училище – тем не менее продолжали работу. Ежегодно, как в мирное время, каждое учебное заведение обязательно отчитывалось по установленной форме: численный состав учениц, образовательный уровень учителей, финансовые поступления и действительные расходы на работу учебных заведений, их оснащенность, учебная программа, бытовые условия.

В случае призыва преподавателей-мужчин на действительную военную службу их нагрузка распределялась между оставшимися преподавателями. Еще в июле 1914 г. в армию был призван исполняющий обязанности законоучителя Верхнеудинской женской прогимназии священник отец Василий Перфильев. Преподавание Закона Божия было поручено учительницам общеобразовательных предметов [2, д. 631, л. 33]. В качестве ратника ополчения второго разряда в местах боевых действий находил-

ся учитель рисования Верхнеудинской женской гимназии Николай Макаренко. Однако по «разстроенному» здоровью он был освобожден от прохождения военной службы и по возвращению в Верхнеудинск с 21 марта 1916 г. восстановлен в должности [2, д. 629, л. 11].

Во время войны сеть женских учебных заведений в Забайкальской области даже расширилась: в октябре 1916 г. в Троицкосавске открылось новое женское высшее начальное училище – в соответствии с «потребностью населения в учебном заведении, дающем законченное начальное образование». Основные расходы по работе училища (95 %) несло Казначейство, помещение содержалось за счет средств города [1, ф. 4, оп. 1, д. 297, л. 11об., 43–43об.]. В отчете о работе училища за 1916 г. указывается на трудности, с которыми столкнулось учебное заведение, открывшееся в военное время: позднее начало занятий; недостаточная подготовка учениц, принятых без экзаменов с разрешения директора народных училищ по ходатайству городского головы за девочек, окончивших начальную школу и выдержавших экзамен в 1-й класс женской гимназии; отсутствие библиотеки и наглядных учебных пособий, нужного числа учебников по некоторым предметам; бедность учениц в связи с дороговизной предметов первой необходимости; неприспособленность помещения школы для учебных занятий. Тем не менее в отчете содержатся заверения, что педагогический совет принимает все меры, «чтобы правильный ход учебных занятий не нарушался», и приводятся аргументы в пользу «выгодности» обучения в училище, т. к. оно «дает возможность за низкую плату пройти в течение 4-х лет курс, соответствующий курсу 4-х классов средней школы, и по окончании училища поступить без экзамена в 5-й класс женской гимназии» [1, ф. 4, оп. 1, д. 297, л. 1–1об., 43–43об.; 3, ф. 261, оп. 2, д. 33, л. 35об.].

В январе 1917 г. (!) были введены новые учебные программы с увеличением еженедельного числа уроков. Троицкосавское училище решило отдать полученные дополнительные часы под изучение французского языка. Спустя некоторое время совет училища ходатайствовал о введении еще двух дополнительных уроков французского в неделю, чтобы соответствовать программе средней школы, и получил на это разрешение от директора народных училищ Забайкальской области. Французский язык не входил в число обязательных предметов, поэтому жалование учительнице – 640 руб. в год – платили из средств, внесенных кяхтинским купечеством [1, ф. 4, оп. 1, д. 297, л. 43об.–44]. Даже в условиях войны новое училище старалось поддерживать гимназический уровень, хотя его оснащенность сильно уступала учебным заведениям, открывшимся в благополучное время.

Первая мировая война ворвалась в повседневную жизнь Забайкальской области, несмотря на ее отдаленность от фронтальной полосы. К новым условиям пришлось адаптироваться и женским учебным заведениям, играющим все более заметную роль в жизни общества. Испытывая большие финансовые трудности, они, тем не менее, продолжали учебный процесс в довоенном режиме и в то же время оказывали посильную помощь фронту: организовывали благотворительные спектакли, сборы вещей для воинов, делали добровольные пожертвования на нужды войны. Предложения о постановке обучения «на должную высоту», совершенствовании подготовки учителей, проведении их периодических съездов «с устройством Педагогических курсов» звучали в военные годы и с трибуны проводимых в центре совещаний, и в отчетах учебных заведений сибирской провинции [1, ф. 4, оп. 1, д. 297, л. 1; 9, с. 219, 220]. Общество понимало необходимость образования (в т. ч. женского) для своего послевоенного переустройства.

Источники и литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
4. Байкал. – Кяхта, 1904.
5. Забайкальская новь. – Чита, 1914.
6. Забайкальские областные ведомости. – Чита, 1911, 1914, 1915.
7. Антонова Ю. В. Женщины-педагоги Тулы конца XIX – начала XX в. // Тульский краеведческий альманах. – 2012. – № 9. – С. 93–99.
8. Груздева Е. Н., Колосова Е. М. Женский педагогический институт на рубеже веков (1913–1917 гг.) // Вестник Герценского университета. – 2007. – № 5. – С. 22–31.
9. Константинов Н. А. Очерки истории средней школы (гимназии и реальные училища с конца XIX в. до февральской революции 1917 г.). – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва народ. просвещ. РСФСР, 1947. – 247 с.
10. Попова О. Д. Первая мировая война и учебные заведения для дочерей духовенства // Вестник церковной истории. – 2008. – № 3 (11). – С. 116–123.
11. Сулимов В. С. Благотворительные спектакли в школах Тобольской губернии в годы Первой мировой войны // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 3. – С. 196–199.
12. Сулимов В. С. Организация благотворительных спектаклей в школах Западной Сибири в пользу пострадавших в годы Первой мировой войны // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. / Омск. гос. пед. ун-т. – Омск, 2011. – Вып. 2. – С. 144–157.
13. Сулимов В. С. Тарская женская прогимназия в годы I мировой войны // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: мат-лы VI регион. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения А. В. Ваганова (г. Тара, 1–2 февраля 2012 г.). – Омск, 2012. – С. 217–220.
14. Сулимов В. С. Экскурсионная деятельность в Омской второй женской гимназии в годы Первой мировой войны // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики: мат-лы Всерос. науч. симпозиума (Барнаул, 27–30 сентября 2012 г.). – Омск: Наука, 2012. – С. 267–270.

УДК 37 : 94 (571.54)

В. В. Базарова

**КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ 1926 ГОДА:
КУРС НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ОБРАЗОВАНИЯ
В БУРЯТ-МОНГОЛИИ**

Статья посвящена становлению бурят-монгольской школы как важнейшего института модернизации бурятского общества в 1920 – 1930-е гг. Автор считает, что узловым событием, определившим историческую судьбу этого процесса, явилось культурно-национальное совещание 1926 г. Подробному анализу новых подходов в образовательной политике, учитывающих коренные интересы государства, прогрессирующего этноса и

БАЗАРОВА Валентина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: bazarov60@mail.ru.

межнациональных отношений, были посвящены многие аналитические доклады, значительная часть из которых была взята за основу новой социально-культурной политики в одном из отделенных регионов Восточной Сибири. Обращает на себя внимание постановка вопроса о единой монгольской основе языкового строительства и «изжитии» смешанного национального состава учащихся в школе для ускорения темпов ее национализации, которые были раскритикованы в последующие годы. Определение конкретных путей в осуществлении языкового строительства в Бурятии, таким образом, изначально было дискуссионным и требовало корректировки в ходе политических преобразований.

Ключевые слова: национальная школа, культурно-национальное совещание, образование, культура, национальная политика, бурятский язык, модернизация общества.

V. V. Bazarova

THE CULTURAL AND NATIONAL MEETING OF 1926: HEADING FOR THE MODERNIZATION OF EDUCATION IN BURYAT-MONGOLIA

The article is devoted to the development of Buryat-Mongolian school as the most important institution of modernization of the Buryat society in the 1920s–1930s. The author believes that the key event, which determined the historical fate of this process was the cultural-national meeting of 1926. A detailed analysis of new approaches in education policy, taking into account the fundamental interests of the state, progressive nation and ethnic relations were the subject of many analytical reports, most of which were taken as a basis for a new social and cultural policy in one of the East Siberian region. A noteworthy issue is that of a single Mongolian base of language construction and “eradication” of mixed national composition of school students to accelerate the pace of its nationalization, which were criticized later. So identification of specific ways to implement linguistic construction in Buryatia was controversial and required adjustments in the course of political transformations.

Key words: national school, cultural-national meeting, education, culture, national policy, the Buryat language, modernization of society.

Становление бурят-монгольской школы и ее насущные проблемы были в центре внимания партийных и государственных органов и являлись предметом обсуждения на партийных совещаниях, конференциях и собраниях разного уровня. Но важнейшей вехой в осуществлении национальной политики по самому широкому кругу вопросов, определивших историческую судьбу социально-культурных экспериментов в Бурят-Монголии, следует считать Первое культурно-национальное совещание 1926 г. Это событие, без сомнения, надо понимать как определяющее, если говорить о его политическом и международном значении.

В числе важнейших были выделены вопросы модернизации образования и принципы новой национальной школы. Этой интересной и вместе с тем наиболее важной темой посвятили свои доклады известные ученые и деятели народного образования. Первым был заслушан доклад Б. Б. Барадина «О бурят-монгольской школе» [1], в котором он поделился своими представлениями о национальной школе, а также о том, какой она, по его мнению, должна быть, каково ее современное состояние и какие меры необходимо принять, чтобы произошла ее «количественная и качественная нормализация». Основным признаком любой национальной школы, по мнению

Б. Б. Барадина, является «полное выявление родного языка учащимися во всей школьной системе преподавания» [2, общ. ф., оп. 1, д. 327, л. 73]. Соответственно, в национальной школе республики единственным языком преподавания должен быть бурят-монгольский язык. Кроме того, каждый работник бурят-монгольской школы должен владеть не только родным, но и другими языками: монгольским, русским и английским. Монгольский язык объединяет со всем остальным монгольским миром, русский язык является пока единственным источником освоения европейской культуры, науки и техники, посредством английского языка нужно поддерживать связи на всем Востоке. Острой критике докладчик подверг современное состояние бурят-монгольской школы, считая, что она вообще не отвечает элементарным требованиям, предъявляемым к школам этого типа. Среди недостатков он отметил: слабое знание родного языка, который не реализован полностью как основной язык преподавания; низкий уровень и качество преподавания русского языка объясняет большой отток учащихся националов; не преподается ни один из западноевропейских языков. Кроме того, школы испытывают острую нужду в учебниках и пособиях на родном языке, группы зачастую полностью неуккомплектованы, много детей-переростков. Короткая продолжительность учебного года (130 дней), возможно, объясняет низкое качество знаний. Б. Б. Барадин обратил внимание собравшихся и на плохое состояние школьных зданий или приспособленных для учебы помещений, на их антисанитарное состояние, на отсутствие общежитий с питанием, которые были необходимы для детей улусной бедноты, привозимых родителями из степных районов. Одним словом, перечисленные недостатки не могли способствовать расширению сети национальных школ в Бурят-Монгольской республике [Там же, л. 75–77]. Основной выход из сло-

жившегося положения Б. Б. Барадин видел в повышении монгольской языковой культуры «путем введения в жизнь халха-монгольского наречия в качестве единого общемонгольского нового литературного языка». Остальные мероприятия по «изжитию ненормального состояния бурят-монгольской школы», в основном, перекликались с теми, которые предлагали другие докладчики – это полная реализация родного языка, подготовка национальных кадров, организация различных языковых курсов, обеспечение учебной и методической литературой и т. д.

Другой докладчик Г. Р. Ринчинэ, посвятив свой доклад роли и значению родного языка в бурят-монгольской школе, отметил, что только путем установления тесной связи с «сородичами – монголами» и ликвидации неграмотности среди ответственных работников можно «поднять и далее развивать языковую культуру» и «создать единую языковую группу». Одной из основных проблем осуществления национализации образования он видел в темпах реализации родного языка в школе, при этом преподавать родной язык он предлагал на общемонгольском наречии, что, возможно, «устранит разнообразие наречий и установит единообразную языковую культуру». Немаловажным моментом для докладчика явилось введение возрастных ограничений при изучении учащимися разных языков: на родном языке обучать детей до достижения ими 12-летнего возраста, а вот иностранный язык бурятский ребенок может начать изучать только тогда, когда ему исполнится 14 лет, так как в этом возрасте учащиеся «будут в состоянии понимать умозаключения, как это предусмотрено научным исследованием» [Там же, д. 329, л. 70об.].

Скорее не повторением, а продолжением прозвучавших на этом совещании докладов стало выступление А. Г. Бажина на тему: «Перспективный план национализации бурят-монгольской школы». Докладчик подробно остановился

на истории бурят-монгольской школы, рассказал об ее организационно-педагогическом состоянии, перечислил общие мероприятия по осуществлению национализации бурят-монгольской школы, ознакомил с планом перевода преподавания учебных предметов на родном языке. А. Г. Бажин подчеркнул, что бурят-монгольская школа, кроме образовательной и воспитательной функции, способствует «реализации языковой культуры бурят-монгольского народа и консолидации национальности, ее действительному самоопределению и возрождению». Успешно решить эту важную задачу можно только в том случае, если в основу национализации школы будет положен единый литературный язык, отсутствие которого может затормозить сам процесс национализации народного образования и станет препятствием для создания единой национальности, национальной культуры и школы. В докладе были перечислены и подробно освещены принципы национализации бурят-монгольской школы, поскольку они составляли основу этого важного процесса:

а) обеспечение школ преподавательским бурятским составом;

б) обеспечение школ литературой на родном языке;

в) приспособление программ к жизни, быту и хозяйственным потребностям бурят;

г) методология преподавания на родном языке и научно-исследовательская работа по изучению и постановке родного языка в школах;

д) преподавание русского языка в бурятской школе;

е) проведение организационных мероприятий, направленных к изжитию смешанности национального состава учащихся в бурятских школах;

ж) обеспечение методического руководства на родном языке со стороны органов народного образования;

з) повышение качества продукции национальной школы;

и) широкое содействие Буручкома по национализации школы [2, общ. ф., оп. 1, д. 131, л. 6].

Согласно плану полное обеспечение массовой бурятской школы 1-й ступени преподавателями-бурятами возможно было только в течение двух учебных лет: 1926/1927 и 1927/1928. В течение трех лет (1926–1929) нужно было обеспечить учителями родного языка, монголоведения и бурятведения школы повышенного типа, а на протяжении пяти лет (1926–1931) – остальные оставшиеся школы: 2-й ступени, семилетки и школу крестьянской молодежи. Ликвидацию неграмотности на монгольском языке и дальнейшее повышение языковой квалификации планировалось проводить для учителей из западных аймаков в течение четырех лет (1926–1930). Пять лет (1926–1931) должны были постоянно работать одногодичные курсы при Бурпедтехникуме для подготовки учителей монголистов для работы в районных опорных школах, опытных школах 1-й ступени и младших группах школы повышенного типа. Таким же образом подробно расписаны планы издания бурятских учебников и методической литературы. К единому мнению пришли работники образования в вопросе о языке преподавания в бурятской школе. Так, в школах восточных аймаков преподавание предполагалось на бурятском языке, а в западных аймаках – только в первой и второй группе – на бурятском, а в последующих группах – на обоих языках. Обучение русскому языку было решено начать со второго года повсеместно во всех бурятских школах. Письменным же языком в школах восточных аймаков планировали оставить монгольский язык, а в западных аймаках таким языком оставался русский. К концу 1931 г. первая и вторая группы массовых школ 1-й ступени в западных аймаках должны были перейти на монгольскую письменность. Докладчик предположил, что полная национализация школ осуществима

в течение 10 лет: первые пять лет потребуются для создания основы этого процесса, а следующие пять лет нужны для активного развития и в итоге благополучного завершения национализации образования. Всем было понятно, что реформирование национальной школы потребует разрешения сложных проблем материального, образовательного, педагогического, экономического и политического характера, поэтому Наркомпрос и педагоги обратились за поддержкой ко всей советской общественности и населению республики. Присутствующие на этом съезде представители партийного руководства, ученые, работники культуры и образования из разных аймаков и г. Верхнеудинска, с большим вниманием выслушав эти доклады, постановили, что обоснование национального образовательного процесса, роль и значение бурятского языка в школе и практические мероприятия, направленные на реализацию поставленных задач, следует считать правильными. В ходе активного обсуждения докладов было высказано множество предложений. Некоторые из выступавших считали, что необходимо сначала приступить к научно-педагогическому изучению бурятских детей, собственно их развития, способностей к обучению и усвоению языков, выяснить соотношение преподавания бурятского и русского языков в национальной школе в разных аймаках республики. На съезде было решено поручить аймачным отделам народного образования составить планы национализации школы, подробно изучив объективные условия для организации и проведения этого важного мероприятия, охватив территории булуков, сомонов и хошунов. Было принято предложение по поводу проведения подготовительной работы по введению всеобщего образования, в ходе которой было рекомендовано согласование «с планами и мероприятиями национализации школ». И в то же время всеобщее образование открывало новые возмож-

ности для ликвидации неграмотности вообще и «изжития» смешанного национального состава учащихся в школе для ускорения темпов ее национализации. Последнее положение справедливо обосновывалось тем, что этническое смешение приводило к путанице преподавания и наносило ущерб общему образовательному процессу. Действительно, неподготовленность педагогической системы в условиях перехода к двуязычию приводила к удивительной маргинализации образования, которое в результате не достигало главной цели ни на русском, ни на бурятском языке.

На основе аймачных планов национализации школы и введения всеобщего образования было поручено разработать единый план, рассчитанный на 10 лет, по истечению которых родной язык должен быть реализован во всех национальных школах. Съезд поручил Наркомпросу и Буручкому организовать научно-методический совет, который будет осуществлять согласованную деятельность всех организаций, занятых национализацией школы, и в то же время проверять качество выполняемой работы. Проверка качества учебных программ, методической литературы, выпускаемых учебников на родном языке, руководство повышением квалификации преподавателей бурятского языка, организация методических консультаций для педагогических коллективов национальных школ – вот неполный перечень дел, которыми были призваны заниматься опытные учителя и методисты, представлявшие научно-методический совет. В резолюции съезда выражалась обеспокоенность, вызванная практическим отсутствием подготовленных и образованных национальных кадров, необходимых для работы в Бурятском педагогическом техникуме, о чем говорили с тревогой многие ораторы, поскольку это было одно из образовательных учреждений по подготовке педагогов. Такое непростое положение решили менять сообща, призвав для этого все

организации образования, партийное руководство и даже тех «бурят, оставшихся вне республики».

Кроме того, на съезде было принято предложение о том, что будущий общемонгольский новый литературный язык по грамматической форме должен быть халхаским наречием, а по содержанию – языком, охватывающим весь лексический состав всего литературно-монгольского языка и всех живых наречий монголов.

Таким образом, начиная с середины 1920-х гг. в Бурят-Монгольской республике усиливаются меры по созданию единого литературного бурят-монгольского языка и его письменности, изданию учебников на родном языке и подготовке национальных педагогических кадров, которые обеспечили бы наиболее благоприятные условия для дальнейшего развития школьного образования, в т. ч. для проведения подготовительных работ для перехода к всеобщему начальному образованию. Введение всеобщего обязательного начального образования приобретало особое политическое значение, поскольку оно было активно обсуждено на XV съезде ВКП(б) как одна из важных задач в области культурного строительства в связи с утверждением пятилетнего плана развития народного хозяйства. После этого партийного съезда увеличили ассигнования на нужды просвещения, что позволило проводить ремонтные работы в школьных помещениях, строить новые школьные здания. В эти и последующие годы немало было отпущено средств для улучшения материального положения учителей: для них строили жилье, повышали заработную плату и вводили поощрения за их плодотворную педагогическую деятельность. Такая забота правительства и партии о работниках образования создавала самые благоприятные условия для их профессионального роста, привлечения новых педагогических кадров, стимулирования интереса к этой профессии у подраста-

ющего поколения. По сохранившимся воспоминаниям многих очевидцев, учителей чтит и уважало все население независимо от возраста, поскольку педагоги повсеместно помогали ликвидировать неграмотность, серость, преодолевать людям нищету, отчаяние за будущее своих детей. Словом, учителя выступали в роли просветителей и проводников социалистической культуры, высокого образования и светлого будущего, ради которого стоило работать не покладая рук. Такое отношение наблюдалось по всей стране, а в Бурят-Монгольской республике с присущей бурятскому народу восточной мудростью проявляли особенное почтительное уважение ко всем, кто трудился в сфере народного образования. Для выполнения ответственных партийных решений в области просвещения правительство БМАССР принимало самые серьезные меры, в т. ч. поставило задачи обеспечить:

- а) развертывание просветительной сети по линии наибольшего охвата колхозного сектора населения;
- б) усиление охвата всеми типами школ детей батрацко-бедняцкой группы населения, создание для них возможности фактического обучения в школах;
- в) усиление темпов ликвидации неграмотности, особенно бедноты и батрачества;
- г) расширение подготовки кадров;
- д) ускорение перевода бурятских школ на родной язык [1, ф. 1, оп. 1, д. 146, л. 238].

Таким образом, определение конкретных путей в осуществлении языкового строительства в Бурятии оказалось делом политически и практически важным и довольно сложным. Сложность этой работы заключалась в создании более совершенной письменности и нового, отвечающего современным требованиям литературного языка. Поиски путей решения этой проблемы привели к тому, что в 1920-х гг. традиции единого для монгольских народов старописьмен-

ного языка были успешно продолжены, и в Бурятии начал создаваться во многом общий с халха-монголами обновленный литературный язык на старомонгольской основе, ориентированный на восточно-бурятские говоры. Так, в результате длительных поисков и дискуссий была достигнута договоренность в определении фундаментальной основы языкового строительства в Бурят-Монгольской АССР. Это и явилось основным фоном для модернизации письменности, наби-

равшей обороты на огромном пространстве Советского Союза. Несомненно, что многие факторы осуществления национально-культурной политики не могли быть учтены с исчерпывающей полнотой. Многие позиции были учтены в ходе нарастающего культурно-национального прогресса и диалога как государственного, так и внутриэтнического. Но основные фундаментальные основы остались без изменения и выдержали испытание временем.

Примечание

I. Следовало бы сделать некоторую оговорку по поводу приводимых цитат из выступлений на этом совещании. В ходе работы над этой темой мы обратились к историческим документам, хранимым в фондах ЦВРК ИМБТ СО РАН. Уникальность этих материалов заключается, прежде всего, в том, что в них сохранен стиль и последовательность изложения, языковые обороты, целые фразы, построение предложений и другие грамматические особенности, характерные для текстов определенного периода развития языков. Доклады и выступления сопровождалась переводами на двух языках. После издания СНК И ЦИК БМАССР циркулярного распоряжения о необходимости пользования русским и бурятским языками как равноправными на территории республики (5 февраля 1924 г.) собрания, совещания и другие массовые мероприятия проводили на этих языках и делали переводы с одного языка на другой. Выступления часто изобиловали специальными терминами, а т. к. вновь созданная терминологическая комиссия только что приступила к своей работе, следовательно, не были изданы в достаточном количестве словари и справочные материалы, к которым могли бы обратиться переводчики. Отсюда и появление собственных интерпретаций терминов, сложных текстов, но такие вольные переводы чаще пресекались. Но, не взирая ни на что, мы имеем уникальную возможность посредством этих документов наблюдать перемены в настроениях общества в переломный период становления молодой республики, когда все было новым, неизведанным, порою непонятным, а чаще – трудным. Ценность этих материалов еще больше возрастает, поскольку они способны дать ответы на многие сложные вопросы из существующей действительности, когда можно избежать неправильных решений и действий, потому как истина, открытая человечеством однажды, – о том, что все, что было и есть в этом мире, находит свое повторение во времени, продолжает находить подтверждение в веках.

Источники

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
2. Центр восточных рукописей и киелографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН).

УДК 947.1/9 (571.52)

З. Ю. Доржу

ИЗ ИСТОРИИ СТОЛИЦЫ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА – КЫЗЫЛА

На основании архивных документов и статистических данных представляется история основания и становления Кызыла – столицы Республики Тыва, которая отметила в 2014 г. 100-летний юбилей.

Ключевые слова: история, документы, Белоцарск, Кызыл, столица, Урянхайский край, Центр Азии, Республика Тыва.

Z. Yu. Dorzhu

FROM THE HISTORY OF THE CAPITAL OF THE REPUBLIC OF TYVA – KYZYL

This article based on archival sources and statistical data presents the history of foundation and making of Kyzyl, the capital of the Republic of Tyva, which celebrated its 100th anniversary in 2014.

Key words: history, documents, Belotsarsk, Kyzyl, capital, Uryankhaisky region, Center of Asia, Republic of Tyva.

В сентябре 2014 г. самый молодой субъект федерации – Республика Тыва отметила 100-летие единения с Россией и основания г. Кызыла, 9 августа 2011 г. Президент России Дмитрий Медведев подписал указ «О праздновании 100-летия единения России и Тувы и основания г. Кызыла», придав юбилею федеральный статус. Дата значимая и для широкой общественности, и для ученых, которые изучали и продолжают анализировать этот исторический путь, пройденный республикой в составе большой страны. Работа исследователей в плане обобщений только разворачивается, поскольку важно переосмыслить историю, особенно в ситуации переломных эпох, каким явился XX в. для всей России и для Тувы.

Становление и развитие Тувы и Кызыла является неразрывным, так как именно 100 лет назад был образован Белоцарск – административный центр Урянхайского края и будущая столица Республики Тыва. Все исторические со-

бытия досоветского, советского и постсоветского времени проходили в основном в Кызыле и являются составной частью истории республики, поэтому важно обратиться к этой дате, к истории города.

Обращение к истории Кызыла произошло во второй половине XX в. в рамках советской истории, где тема города была соотнесена с административно-политической историей и определялась датами и событиями. Ряд публикаций В. И. Дулова, А. Н. Сердобова, Ю. Л. Аранчына, М. Х. Маннай-оола, работа «Кызыл – столица Советской Тувы» (1964), справочник «Кызыл: туристская схема» (1982) дают развернутую характеристику географического положения и определяют значение г. Кызыла как экономического и культурного центра Тувы.

В конце 1970-х гг. в связи с актуализацией процессов урбанизации Институт истории, филологии и философии СО РАН (г. Новосибирск) совместно с Тувинским научно-исследовательским ин-

ститутом языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) провели социально-экономические и социально-демографические исследования, результаты которых были опубликованы в монографии «Городское население Тувинской АССР» (1981). В конце XX – начале XXI в. получило развитие изучение этнических и этносоциальных процессов в Туве в связи с изменениями экономических, социально-политических, социокультурных стратегий и практик в стране, в связи с ростом внутренней и внешней миграции. Это работы Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан, З. Ю. Доржу, А. В. Седен и др.

Рост числа публикаций связан с юбилейными датами города. Этап его основания рассматривается в статье архивиста Т. А. Бондаренко «История создания города в центре Азии». К 100-летию юбилею г. Кызыла вышел в свет документальный сборник «История города в центре Азии» в двух томах, подготовленный сотрудниками Архивного агентства и Центрального государственного архива РТ. Исследования истории города находятся в стадии развития, ее изучение еще не приобрело системный характер.

В начале XX в., после освобождения Тувы от колониального господства Китая, группа влиятельных тувинских нойонов обратилась к российскому императору Николаю II с просьбой о покровительстве. В апреле 1914 г. царское правительство объявило протекторат России над Тувой, и она, под наименованием Урянхайский край, вошла в состав Енисейской губернии с ведением политико-административных дел Иркутским генерал-губернатором. Для усиления на новой территории влияния царской России заведующему устройством русского населения в Туве В. Габаеву было поручено выбрать место и приступить к строительству переселенческого пункта, который должен был стать административным, промышленным и торговым центром Урянхайского края.

25 мая 1914 г. В. Габаев в своем письме уведомил канцелярию Его Пре-

восходительства Иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева о том, что в центре Урянхайского края, при слиянии Большого и Малого Енисея, им запроектирован будущий город Белоцарск. Название это дано в честь Державного вождя русского народа, известного урянхам под именем «Цагань Хань», что означает в переводе Белый Царь [11; 13, с. 17].

Он также отправляет письмо заведующему урянхами по р. Хемчику Гуну Буян-Бадырғы, в котором писал: «Высшее Российское Правительство, идя навстречу к улучшению быта коренного населения Урянхайского края, уполномочило меня создать в местности Виланах при слиянии двух Енисеев административный центр, при котором открыть русско-урянхайскую школу, больницу, ветеринарный пункт и сельскохозяйственный склад, в складе продавать по удешевленным ценам урянхайскому населению все необходимые предметы. С открытием административного центра будут учреждены управления, находящиеся в моем ведении, где будут приниматься разные жалобы и решаться претензии урянхов к русским» [13, с. 15].

Город стали закладывать в апреле 1914 г., в местечке Хем-Белдир, что означает «слияние рек Бий-Хем и Каа-Хем», образующих Енисей. В этом месте собирались феодалы и чиновники, устраивались моления лам, были торговые заведения русских купцов. Владимир Ермолаев, очевидец начала строительства города, описывал это событие так: «Среди голой степи, на небольшом возвышении из галечника и земли стоит «престол», на нем ведро – вероятно, со святой водой и еще какие-то поповские атрибуты. Идет богослужение на закладке города и церкви. ... Вокруг толпа жителей Белоцарска. Их около ста человек.

В толпе чиновников видна высокая фигура известного ученого Г. Е. Грумм-Гржимайло, автора большого труда «Западная Монголия и Урянхайский край». Рядом с ним грузная фигура петербург-

ского чиновника Переселенческого управления С. Р. Минцлова. Позади всех, несколько в стороне, стоит Н. М. Черневич. Этот статный, высокого роста старик с белыми усами явно обижен: землю, на которой строится город, он считал своей. Ведь он первый облюбовал слияние Енисеев и окрестности под свои поместья, чтобы построить здесь свою резиденцию, из которой он мог бы управлять собственными золотыми приисками и сельскохозяйственными фермами, разбросанными по всему Урянхаю» [11; 12].

В мае 1914 г. заведующим устройством русского населения в Урянхае был утвержден проект правил об отводе участков в собственность в Белоцарске и об организации в нем комитета по благоустройству города. Самые первые земельные участки отвели под казначейство, почтово-телеграфную контору, казенный пожарный сарай, дома чиновников, управление, а также для почетных урянхов. Правила заселения Белоцарска содержали и такие пункты: «Жилые дома, возводимые засельщиками, должны быть не менее 12 аршин по фасаду, покрыты тесовой или железной крышей, имеют тесовые ворота, калитки и приличные заборы. ... В течение двух лет от сооружения жилого дома каждый засельщик обязан против дома и усадьбы по фасаду и переулкам устроить деревянный или каменный тротуар шириною в 1 аршин и посадить тополя через 3 сажени один от другого, огородить и поливать их» [13, с. 37].

Несмотря на военное время и отсутствие дороги через Саяны, Белоцарск медленно, но развивался. Араты постепенно привыкали к городу и возили сюда для обмена продукты животноводства и охоты. Кроме комиссарства и переселенческой организации здесь был командир казачьей сотни с тремя офицерами, таможня и начальник почтовой конторы.

Для связи Белоцарска с «большой землей» требовалось регулярное паромное сообщение. Все хозяйственные и финансовые вопросы по работе парома ре-

шал заведующий устройством русского населения в Урянхае. Паром представлял плавучий понтон, т. е. лодки, соединенные платформой. На берегу из бревен устраивался припаромок – пристань с перилами, по которым люди, лошади с телегами заходили на паром и спускались с него. Припаромок постоянно изнашивался, требовал замены бревен и досок, к тому же подмывался водой, поэтому ему необходима была регулярная подсыпка грунта. Управление паромом требовало немалой сноровки, помимо опытных речников паром обслуживали поденщики и привлекаемые по сдельной оплате рабочие из числа местных жителей [17].

Существовала такса на перевозку через Енисей: пеший неслужащий или служащий, переправлявшийся по частной надобности, платил 15 коп., перевозка лошади, коровы или быка стоила 40 коп., мелкого скота за штуку – 15 копеек. Телега с крестьянской кладью или без клади при одной лошади или без лошади стоила хозяину 70 коп., дороже обходился купеческий воз или экипаж при одной лошади – целый рубль. Дополнительная лошадь оплачивалась как крупный скот. Плата не взималась со служащих, если они переправлялись по делам службы, о чем они должны были иметь удостоверение [13, с. 75].

Город строили завербованные рабочие из Красноярска, Минусинска, Томска и других городов Сибири, тувинские батраки, русские рабочие, бежавшие с золотых приисков из-за тяжелых условий труда и быта. Уже в 1915 г. в Белоцарске были 18 казенных и 54 частных строения, открыты школа, больница, почта, метеостанция, появились небольшие промышленные мастерские. Заведующим устройством русского населения в крае В. Габаевым был издан приказ, что «с 15 августа 1914 года канцелярия Заведующего устройством русского населения в Урянхае перемещается в город Белоцарск, куда и следует направлять всякого рода корреспонденцию» [Там же, с. 24].

Но не все шло так гладко. Встречалось множество препятствий, связанных с удаленностью Тувы от крупных городов. Очень медленно шло строительство колесной дороги, и было принято решение о привлечении рабочих из военного ведомства. Рабочий труд нещадно эксплуатировался. Газета «Минусинский листок» в статье «Дела урянхайские» от 13 февраля 1915 г. писала о безвыходном положении рабочих, нанятых для постройки казенных зданий в Белоцарске. У всех у них имеются деньги за конторой, но нет возможности получить их. Продукты им также перестали выдавать. Когда рабочие обращались в контору, то их просто не слушали. В результате рабочие не могли даже выехать.

Политические события в царской России повлияли на Урянхайский край. В 1918 г. был создан большевиками Урянхайский краевой совет, созывались съезды русского и тувинского населения края. На IV краевом съезде 11 марта 1918 г. было решено о переименовании Белоцарска в Урянхайск. Однако из-за быстрой смены власти, которая вновь перешла к сторонникам Временного правительства, это название за городом не закрепилось, и его продолжали называть Белоцарском.

В 1919 г. произошел белоцарский бой между красными партизанами отряда П. Е. Щетинкина и А. Д. Кравченко и колчаковцами под командой есаула Г. К. Бологова, вследствие которого город был почти полностью сожжен. Поэтому X съезд представителей русского населения Тувы (16–20 сентября 1920 г.) собрался в с. Туран. В резолюции съезда говорилось: «Краевой съезд находит необходимым в самом срочном порядке принять меры к восстановлению города Белоцарска». На этом же съезде в память бойцов, погибших за власть Советов, Белоцарск был переименован в Кызыл, что в переводе с тувинского означает – Красный [13, с. 104].

С 13 по 16 августа 1921 г. в местности Суг-Бажи (с. Кочетово) собрал-

ся Всетувинский учредительный хурал (съезд) представителей всех хошунов Тувы, на котором было провозглашено первое национальное государство – Тувинская Народная Республика (ТНР). В марте 1922 г. из Турана в восстановленный Кызыл были переведены Правительство ТНР, Центральный Комитет Тувинской народно-революционной партии, Исполком Русской самоуправляющейся трудовой колонии, объединившей русское население края, и районное бюро РКП(б) – руководящий орган коммунистов в Туве. Если в 1915 г. в Белоцарске насчитывалось всего 468 жителей, то после гражданской войны и пожара город фактически исчез, и население в 1921 г. составляло около 200 человек. После объявления Кызыла столицей и переезда сюда Правительства ТНР численность населения стала увеличиваться. К 1930 г. достигла 3 тыс. жителей, но в общей численности населения республики удельный вес городского населения составлял всего 4,7 %. К концу 1944 г. численность кызылчан удвоилась и составила 6,5 тыс. человек. Кроме тувинцев и русских здесь проживали незначительные группы монголов, китайцев, татар, алтайцев [14, с. 44].

В 1920-е гг. появились первые каменные здания, предприятия промышленности, транспорта, учреждения образования и культуры. Были созданы Тувинский центральный кооператив, Национальный банк. Тувинскокооп организовал в Кызыле предприятия по переработке сельхозсырья, колбасный цех, сапожную, пимокатную и портняжные мастерские. Первые культурно-просветительские учреждения в ТНР также возникли в Кызыле – Дом культуры, кинотеатр, национальный театр-студия. В 1918 г. открывается общественная библиотека, переросшая позже в городскую, затем в государственную. Сегодня это Национальная библиотека им. А. С. Пушкина.

С 1925 г. в городе велась кружковая работа урянховедения, начали собирать первые экспонаты, которые характери-

ровали хозяйство, быт, культуру тувинцев. В 1929 г. был создан музей, работу которого возглавил Владимир Петрович Ермолаев. Он наладил связи с крупнейшими музеями Москвы и Ленинграда, заполучил для Тувы бесценные экспонаты по различным отраслям музейной экспозиции. В т. ч. в дар от Советского правительства в музей было передано собрание произведений русских и европейских мастеров живописи из фондов Эрмитажа и Русского музея. Однако самым неопенимым вкладом Ермолаева в культуру Тувы являются его многочисленные фотоработы, запечатлевшие знаменательные и будничные события из жизни столицы молодой республики, ее людей.

Летом 1930 г. в составе экспедиции советских ученых-лингвистов в Кызыл приезжает А. А. Пальмбах для оказания содействия разработке национальной письменности, в том же году был принят декрет о введении письменности, стали создаваться кружки и пункты по ликвидации безграмотности (ликбезы). Были построены первые школы, зарождались печать, художественная литература, профессиональная драматургия и искусство [18]. Для оказания помощи в становлении национальной литературы в Кызыл приезжали С. Щипачев, В. Кожевников, М. Скуратов, С. Гудзенко, С. Михалков. Они делали переводы тувинских поэтов и прозаиков на русский язык, печатали их в центральных изданиях. Среди первых литературных произведений – стихи С. Пюрбю «Октябрь», «Ленин»; «Свобода» О. Саган-оола; пьесы В. Кок-оола «Не забывайте джут», «Чалым-Хая», «Хайыраан-бот»; «Женщина», «Тонгур-оол» С. Тока. В произведениях 1930-х гг. отразился рост национального самосознания тувинского народа, расширение его политического и жизненного кругозора.

Быстро развивалась экономика города. В 1929 г. открылась Кызылская типография, оборудование для которой

предоставил Советский Союз. В 1931 г. в Кызыле работала телефонная станция на 30 абонентов. До 1932 г. в городе имелся всего один радиоприемник, установленный в почтовой конторе, которая за слушание взимала определенную плату с каждого радиослушателя. В 1932 г. количество радиоточек выросло до 35. В том же году Гужевоу тракт, соединивший Белоцарск с Абаканом (Усинский тракт), после реконструкции стал автомобильной дорогой [14]. Крепли добрососедские связи между тувинцами и русскими.

22 июня 1941 г., когда стало известно о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз, было экстренно созвано заседание Политбюро ЦК ТНРП во главе с С. К. Тока, которое постановило вечером того же дня начать работу X Великого Хурала. Съезд единодушно принял Декларацию о готовности тувинского народа участвовать в борьбе народов СССР с фашизмом. Уже на следующий день началась закупка скота и сырья у населения для отправки в СССР. Во время Великой Отечественной войны жители Кызыла выступили с инициативой сбора средств на создание эскадрильи для ВВС СССР. Швейный комбинат освоил производство полушубков, на лесозаводе был построен обозный цех, выпускающий телеги, сушилки, освоено массовое производство лыж. На кожевенном заводе появились новые цеха, расширен овчинный цех, установлены дополнительные шерстобитные машины. Кожзавод выпускал в год до 60 тыс. штук овчины, 10 тыс. штук кожи (сыромятной, юфти, легкой), до 30 тыс. пар валенок в год. В сапожной мастерской изготавливали сбри, хомуты, седла, бродни, простые и хромовые сапоги. В горпромкомбинате, кроме цеха по обработке пушнины, работал махорочный цех на базе местного сырья. Количество заводских работников увеличилось почти в семь раз. Кызылчане быстро переключились на помощь фронту. За четыре года войны СССР получил из Тувы

50 тыс. боевых коней. На деньги, собранные населением республики, были сформированы три эскадрильи истребителей и две танковые бригады. Тува поставляла Красной Армии лыжи, полушубки, валенки, мед, плодово-ягодные концентраты, целебные травы [20, с. 22].

В октябре 1944 г. Тувинская Народная Республика добровольно вошла в состав Российской Федерации и Кызыл стал столицей Тувинской автономной области. Вскоре началась разработка генерального плана застройки Кызыла. Началось строительство промышленных объектов – молокозавода, мясокомбината, швейной фабрики и других социальных учреждений, жилых домов. В год вхождения Тувы в состав СССР население ТНР насчитывало 95025 чел., доля коренного населения равнялась 85 %, русского – 14,4, хакасов – 0,16, монголов – 0,09, украинцев – 0,07 %. Удельный вес городских жителей возрос к этому времени до 6,5 % [10].

Всего за 17 лет Тува достигла уровня социально-экономического и культурного развития, позволившего преобразовать ее в октябре 1961 г. в автономную республику. Следует отметить, что, даже будучи автономной областью, Тува не входила в состав края или республики, а являлась самостоятельным административно-территориальным образованием, напрямую подчиняясь Москве. С образованием Тувинской АССР эта ее особенность еще более упрочилась. Кызыл стал столицей Тувинской АССР.

В целом советский период (особенно 60–80-е гг.) для Кызыла был временем наиболее быстрого развития экономики. В эти годы были построены большинство промышленных предприятий. Выпуск строительных материалов – кирпича, железобетонных изделий, пиломатериалов – в основном обеспечивал потребности капитального строительства. Местным производством покрывалось до половины потребностей в продуктах питания и около четверти – в непродовольственных

товарах. Развивались внутренний транспорт, сфера услуг. Большое значение имела постройка в 1961 г. моста через Енисей, который был составной частью сначала Усинского тракта, затем федеральной магистрали М-54 «Енисей», связывая столицу Тувы и значительную часть ее территории с «большой землей». Столица Тувы существенно продвинулась в наращивании экономического потенциала и решении социальных вопросов. В 1951 г. был открыт Кызылский учительский институт и начал обучать первых 100 студентов на двух отделениях: физико-математическом, языка и литературы [4].

На базе учительского института был открыт Кызылский педагогический институт с филологическим и физико-математическим факультетами (1956). Позже были открыты факультет педагогики и методики начального обучения (1959) и биолого-химический факультет (1963). На дневном и заочном отделениях обучалось 500 студентов, работали 24 преподавателя, из них четверо кандидаты наук. Первый выпуск состоялся в 1961 г. в количестве 85 человек [10]. К 1971 г. в школах Кызыла работали уже 945 учителей, 61,6 % которых имели высшее образование [15].

В 1974 г. в канун 30-летия вхождения Тувы в состав СССР был открыт Кызылский филиал Красноярского политехнического института для подготовки специалистов промышленного и гражданского строительства и автомобильного транспорта. На первый курс было принято 200 человек. Открытие филиала и его дальнейшее развитие позволило обеспечить квалифицированными кадрами транспортные и промышленные предприятия республики [3]. Были приняты ряд важных партийно-государственных решений по Туве: постановления Совета Министров РСФСР «О мерах помощи по дальнейшему развитию экономики и культуры Тувинской АССР» (1961), Совета Министров СССР «О мерах помощи

Тувинской АССР в развитии производительных сил» (1967), постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Тувинской АССР» (1976) и «О мерах по ускорению экономического и социального развития Тувинской АССР» (1985) [2]. В условиях директивного планирования абсолютное большинство содержащихся в этих документах поручений союзным и республиканским ведомствам было реализовано. Достаточно эффективным оказался заложенный в постановлении 1985 г. механизм привлечения строительных организаций из 15 регионов Российской Федерации к возведению в Туве производственных и социально-бытовых объектов.

Тогда, в 1985–1990 гг., в Кызыле трудились строители из Башкирской АССР, Алтайского и Красноярского краев, Горьковской, Иркутской, Кемеровской, Куйбышевской, Ленинградской, Московской, Новосибирской, Саратовской, Свердловской, Томской, Тульской, Челябинской областей. В Кызыле были построены: Ангарский бульвар, 4 общеобразовательные школы, 2 детских сада, начато строительство овчинно-шубной и кондитерской фабрик, Дома пионеров, профессионально-технического училища, нового моста через Енисей [21].

В 1984 г. открылся филиал Красноярского сельскохозяйственного института, выпускники которого (90 % – сельская молодежь) возглавили его аграрный сектор [5]. Но авангардная роль оставалась за старейшим вузом Кызыла – педагогическим. В 1995 г. Кызылский педагогический институт и филиалы вузов Красноярска были объединены в Тувинский государственный университет [1].

Среднее и высшее образование становилось одной из доминирующих социальных ценностей общества. Всесоюзная перепись населения 2010 г. показала, что за 2002–2010 гг. численность специалистов с высшим профессиональным обра-

зованием увеличилась на 11257 человек (на 47,8 %), со средним профессиональным образованием на 8189 человек (на 14,3 %). Самое высокое число лиц с высшим профессиональным образованием было в Кызыле: на 1000 человек высшее образование имели 174 человека в 2002 г. и 236 – в 2010 г. [8, с. 6]

Культурную среду города формировали библиотеки, периодическая печать на тувинском и русском языках, книгоиздательство, телевизионные и радиокomпании, в т. ч. ГТРК «Тыва» и ТВК «Новый век».

Созданная тогда производственная инфраструктура – транспортная, энергетическая, инженерная – обеспечивала бесперебойное функционирование производственных объектов и учреждений социальной сферы, а затем служила и в течение многих лет постсоветского периода.

После распада СССР и принятия в 1993 г. Конституции Кызыл стал столицей Республики Тыва. Население республики и ее столицы начиная с 1945 г. характеризуется относительно высокими темпами роста численности. Так, с 1945 по 1994 г. она увеличилась более чем в 3 раза, с 95,4 до 306,3 тыс. чел., из них 66,9 % составляли тувинцы. По доле коренного населения Тува – один из немногих регионов Российской Федерации, в котором этот показатель превышает 50 %.

Кроме того, в течение всех этих десятилетий в Туве продолжало увеличиваться городское население, в первую очередь за счет сокращения сельского и естественного прироста. Городское население за эти годы возросло на 41,3 %, сельское соответственно на столько же уменьшилось. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность жителей Кызыла составляла более 109 тыс. человек. Это 35 % всего населения Тувы и 73 % горожан республики [9, с. 6]. В 2014 г. число жителей города составило уже 114 тыс. человек, по-преж-

нему свыше трети всех жителей Тувы проживают в г. Кызыл, по национальному составу количество тувинцев и русскоязычного населения в столице примерно равное [7, с. 6].

Таким образом, интенсивная урбанизация и высокая динамика обновления населения обусловили мозаичность города, решающая роль в трансформации г. Кызыл принадлежит сельско-городской миграции, в значительной степени имевшей этнический характер.

В Кызыле расположены органы республиканской власти: Правительство республики и парламент Тувы – Верховный Хурал. Кызыл стал центром науки и образования. Началась реализация проекта железнодорожной линии Курагино–Кызыл, строительство которой повлечет за собой ускорение развития всех отраслей экономики и социальной сферы.

Столица Республики Тыва имеет немало достопримечательностей, отражающих историю тувинского народа, – обелиск «Центр Азии», Национальный музей, Музей политических репрессий, Музей Нади Рушевой, буддийские храмы Цеченлинг, Тувдан Чойхорлинг, архитектурный ансамбль площади Ленина, в т. ч. здания музыкально-драматического театра. Неподалеку от города, на берегу Улуг-Хема находятся древние наскальные надписи и рисунки.

Национальный музей имени Алдан-Маадыр (60 богатырей) является колыбелью скифской культуры. В 2001 г. в курганах Аржаан-1 и Аржаан-2 близ Кызыла было обнаружено богатейшее захоронение, названное первой археологической сенсацией XXI в.

Обнаруженная при раскопках свернувшаяся кольцом бронзовая пантера стала символом древней Тувы. В национальном музее представлено уникальное собрание золотых артефактов древней скифской культуры.

Кызыл является центром Азиатского материка. Обелиск, обозначающий эту точку, установлен на берегу Енисея

в виде скульптурной композиции «Царская охота», изображающей «оживших» в бронзе царя и царицу из скифского кургана. Памятник представляет собой ансамбль из трех мифических животных, подобных львам, которые держат земной шар, а также из двенадцати фигур буддийского гороскопа. Символ республики олицетворяет шаманский дух предков, тайны буддийской культуры, символы древнего искусства, раскрывающие сущность географического центра Азии. Он создан скульптором с мировым именем Даши Намдаковым.

В столице Тувы находится и Музей всемирно известной художницы Нади Рушевой. Ее мама – первая тувинская балерина, отец – Николай Рушев приехал в Туву из Москвы в 1945 г., работал художником в драматическом театре. Известно, что в возрасте семи лет Надя нарисовала 36 картинок к «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина за то время, пока ее папа читал ей это произведение вслух. В 1964 г. состоялась первая выставка иллюстраций Нади, организованная журналом «Юность». Позже Надя проиллюстрировала «Войну и мир», «Мастера и Маргариту». За свою короткую жизнь – 17 лет – она нарисовала более 12 тыс. рисунков, 380 из которых хранятся в экспозиционных фондах Кызылского музея.

5 октября 2010 г. в Кызыле был торжественно открыт памятник первым русским учителям (архитектор – Александр Ойдуп). В 1928 г. в Тувинскую Народную Республику прибыла большая группа учителей из СССР. Монумент, изображающий молодую учительницу с учениками, «дает возможность увековечить искреннюю признательность, глубочайшее уважение этим истинным подвижникам просвещения. Их роль в становлении республики выходит далеко за рамки развития школьного образования. Они не только учительствовали в самом высоком смысле этого слова, но и занимались социальным и просветительским служением» [16].

В 2014 г. – в год 100-летия единения Тувы и России в Кызыле был открыт памятник основателю тувинской государственности Монгушу Буяну-Бадыргы, его автор – скульптор Байза Ондар. Монгуш Буян-Бадыргы был нойоном самого большого в Урянхайском крае Даа-кожууна. Когда нужно было решать судьбоносный вопрос – с кем жить тувинскому народу, – он обращается с просьбой к русскому царю о принятии Даа-кожууна под покровительство России. Когда произошла февральская революция и положение России стало неопределенным, молодой политик начал искать новое решение. Друг Тувы и сторонник ее самоопределения Иннокентий Сафьянов сумел убедить Буяна-Бадыргы в силах и возможностях народа Тувы идти своим, не зависимым ни от кого, путем. Буян-Бадыргы был избран председателем первого правительства Тувы.

В 1929 г. он был арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности и приговорен к расстрелу. Лишь в 2007 г. указом «О политической реабилитации государственных деятелей Тувинской Народной Республики и граждан, подвергнутых политическим репрессиям на ее территории в 1920–1930 гг.» Буян-Бадыргы был полностью реабилитирован и было принято решение об увековечении его имени [14; 19]. Открытие этого и других памятников – это великое дело по сохранению и переосмыслению исторических событий, ибо, как говорил Джордж Сантаяна, «кто не помнит своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его вновь». Горожане должны знать и помнить свою историю, пусть даже прошло 100 лет. Это, конечно, не вся история Кызыла. Ее изучение только начинается.

Источники и литература

1. Указ Президента РФ «О создании в Республике Тыва Тувинского государственного университета» № 989 от 30 сентября 1995 г.
2. Постановления Совета Министров РСФСР от 3 ноября 1961 г. № 1352 «О мерах помощи по дальнейшему развитию экономики и культуры Тувинской АССР», Совета Министров СССР от 25 сентября 1967 г. № 879 «О мерах помощи Тувинской АССР в развитии производительных сил», Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 декабря 1976 г. № 1020 «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Тувинской АССР» и от 11 апреля 1985 г. № 297 «О мерах по ускорению экономического и социального развития Тувинской АССР».
3. Приказ министра высшего и среднего специального образования РСФСР «Об открытии филиала Красноярского политехнического института» № 87 от 21 февраля 1974 г.
4. Распоряжение Совета Министров СССР «Об открытии в Кызыле с начала 1952–1953 учебного года учительского института и о строительстве учебного корпуса» № 22644-Р от 27 ноября 1951 г.
5. Распоряжение Совета Министров СССР № 870 от 4 мая 1984 г., приказ Министерства сельского хозяйства СССР № 116 от 4 июня 1984 г., приказ ректора Красноярского сельскохозяйственного института № Л-80 от 21 июня 1984 г.
6. Письмо министра просвещения РСФСР «О реорганизации Кызылского учительского института в Кызылский государственный педагогический институт» № 124-5/0 от 13 июня 1955 г.
7. Демографический ежегодник Республики Тыва. Сентябрь 2014 г.: стат. сб. – Кызыл: Тывастат, 2014. – 106 с.

8. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11 томах. Т. 3. Образование в двух книгах. Кн. 1. – Кызыл: Тывастат, 2013. – 461 с.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11 томах. Т. 6. Число и состав домохозяйств. Кн. 1. – Кызыл: Тывастат, 2013. – 500 с.
10. Советская Тува в цифрах: стат. сб. – Кызыл, 1961.
11. *Бондаренко Т. А.* История создания города в Центре Азии // Новые исследования Тувы. – 2009. – № 4. Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/914-bondarenko.html.
12. *Ермолаев В. П.* По следам старых фотографий // Тувинская правда. – 1964. – № 67. – 18 марта.
13. История города в Центре Азии: сборник документов. Т. 1. 1914–1944 гг. – Новосибирск: Сибирское кн. изд-во, 2013. – 232 с.
14. Кызыл – столица Советской Тувы. – Кызыл, 1964.
15. Очерки социального развития Тувинской АССР. – Новосибирск: Наука, 1983. – 143 с.
16. *Салчак Д.* Памятник первым русским учителям открыт // Центр Азии. – 2010. – № 40. – 15 октября.
17. *Сергиенко О.* Паром: от Белоцарска до Кызыла // Плюс-информ. – 2012. – 19 июля.
18. *Татаринцев Б. И.* К истории создания тувинской письменности. Н. Н. Поппе // Башкы. – 2000. – № 2. – С. 71–77.
19. *Филатенко А.* Буян-Бадыргы выбрал Россию // Тувинская правда. – 2014. – № 100. – 9 сентября.
20. Честь и доблесть солдат из Тувы. Документальные очерки. – Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2013. – С. 22.
21. *Ширишин Г. Ч.* Жизнь продолжается. О времени, товарищах и о себе. – Кызыл, 2004.

УДК 39 (571.54) + 346.231

Б. З. Нанзатов

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ БУРЯТ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ – КУДИНСКАЯ СТЕПНАЯ ДУМА (расселение и этнический состав кудинских бурят)

Статья является продолжением цикла исследовательских работ, посвященных этническому составу бурятского населения на примере национальных административных единиц Российской империи – Степных дум. Данная статья посвящена исследованию этнического состава и расселению бурят в Кудинской степной думе. Территория расселения кудинских бурят является «породной» землей крупнейшего подразделения бурят – булагатов. На основе архивных материалов, опубликованных источников и полевых записей реконструированы этнический состав и территории расселения кудинских бурят в XIX в., составлена подробная карта с указанием административных границ и нахождением улусов.

Ключевые слова: буряты, Степная дума, этнический состав, картирование.

B. Z. Nanzatov

THE BURYAT JURISDICTIONS IN THE 19TH CENTURY
RUSSIAN EMPIRE: THE QUDAI STEPPE DUMA
(Settlement and Ethnic Composition of the Qudai Buryats)

The article continues a series of research works on the ethnic composition of the Buryat population using a case study of the Steppe Dumas, national jurisdictions of the Russian Empire. This article studies the ethnic composition and settlement of Buryats in the Qudai Steppe Duma. The settlement territory of the Qudai Buryats is an “origin” land of the Bulagats – the largest branch of Buryats. Based on archival sources, published sources and field research materials we have reconstructed the ethnic composition and settlement areas of the Qudai Buryats in the 19th century and compiled a detailed map indicating administrative borders and settlements.

Key words: Buryatia, Steppe Duma, ethnic composition, mapping.

Кудинские буряты представляют собой одну из ключевых этнотерриториальных групп бурят в силу нескольких факторов. Кудинская долина является колыбелью крупнейшего этнического объединения в составе бурят – булагатов. Так или иначе, булагаты, составляющие значительную часть в составе идинских, балаганских (унгинских), тункинских, закаменских и селенгинских бурят, в своих легендах и преданиях упоминают кудинские степи.

В начале XVII в. территория кудинских бурят занимала среднее и нижнее течение долины Куды и ее притоков, а также прилегающие к Ангаре степные пространства и побережье Байкала южнее Приольхонья. Однако в связи с завоеванием Прибайкалья и колонизацией долины Ангары на участке от Идинского до Иркутского острога бурятское население значительно уменьшилось. В результате массовых миграций в Монголию после восстания П. Тайшина и В. Степанова приангарские степи в нижнем течении Куды были покинуты [13, с. 98–169]. В настоящее время потомки кудинских булагатов расселены преимущественно на западной оконечности оз. Хиргис-нур, сохранив этноним булгад (булгадар) [11, с. 90].

В XIX в. кудинские буряты расселились в среднем течении р. Куды и ее при-

токов, а также дисперсно на побережье Байкала в долинах рек Бугульдейка и Идин-гол (Голоустная).

В сентябре 1824 г. была образована Кудинская степная дума [5, с. 28], в состав которой вошли преимущественно булагатские племена, составлявшие двадцать административных родов. В 1839 г. были выделены в отдельную Кудинско-Капсальскую инородную управу с зависимостью от Кудинской степной думы буряты буяновских и алагуевского родов [4, с. 249]. Вследствие этого информация о численности указанных родов не всегда отражалась в ведомостях думы впоследствии. В середине XIX в. в состав думы также входили два шаралдаевских административных рода, на краткое время покидавшие Идинскую степную думу. Так, в нашем распоряжении есть сведения о составе ревизских и работных душ (м.п.) Кудинской степной думы за 1855 г., когда в составе думы указаны буряты шаралдаевских родов [1, ф. 1, оп. 1, д. 902], в сведениях за 1860 г. шаралдаевские роды уже отсутствуют [Там же, д. 1184, л. 2, 3].

Расселение. В настоящей работе при составлении карты расселения кудинских бурят в XIX в. нами использованы материалы переписи 1897 г., обработанные С. К. Паткановым [14]. Картографической основой является карта

Таблица 1

Окладная книга Кудинской степной думы
о следующих плательщиках ведомства (1855 г.)

Административные единицы	Ревизские	Работные
1 Абаганат	266	138
2 Абаганат	318	137
3 Абаганат	593	308
4 Абаганат	267	142
1 Харанут	179	83
2 Харанут	334	181
3 Харанут	648	278
4 Харанут	363	169
1 Ашибагат	395	207
2 Ашибагат	308	152
1 Бубай	363	197
2 Бубай	422	211
3 Бубай	296	136
4 Бубай	380	192
Хурумши	498	265
1 Шаралдай	447	215
2 Шаралдай	449	222
Тунгусы Куртунского и Голоусинского стойб	64	30
Оседлые инородцы Курского и Усть-Ординского селений	76	18

Составлено по: ГАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 902.

Иркутского округа Иркутской губернии, опубликованная в рамках материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта населения Иркутской и Енисейской губерний [8]. Границы управ и административных родов показаны по состоянию на 1890 г. Названия бурятских улусов даны в современной бурятской орфографии в соответствии с собранным полевым материалом автора [25].

Таблицы 1–6 составлены на основе работы С. К. Патканова [14, с. 440–461].

Этнический состав. Основу этнического состава кудинских бурят составляют булагаты. Булагаты среди кудинских бурят представлены такими племенами, как алагуй, ашибагат, харанут, бубай, буян и абаганат, самостоятельным

племенем являются хурумши, в XVII в. поддерживавшие активные политические связи с булагатами. Кроме того, на этой территории проживали небольшие этнические группы, такие как дархат, толодой, соогол, тажагар и др., представленные осколками других племен и племенных объединений, входивших в состав булагатских административных родов.

Генеалогия булагатов. Как упоминалось выше, в первую очередь булагатов считается Булагат. Его сыновьями считаются Булган-хара и Бузган-хара. Сыном Булган-хара считается Тугалак. У Тугалака было семь сыновей: Амасаган Алагуй, или Аха-эхэ Алагуй, Хузусаган Хурхут, Саган, Бирюха-Тургэн, Боржиндалхай, Готол и Ашибагат. Наибольшее

Таблица 2

Абаганатское ведомство (административные роды: абаганат 1, 2, 3, 4)

№	Населенный пункт	Географическая привязка	Дворов	Жителей	№ а. р.
1	Амалаганский	На лугу Задинском	22	99	2
2	Кутульский	На лугу Задинском	23	127	2
3	Угуровский	На лугу Задинском	18	109	2
4	Тужинский	На лугу Задинском	16	78	2
5	Толодоевский	На лугу Толодоевском	25	122	3
6	Улан-Бирский	На лугу Булусинском	10	39	3
7	Балтуевский	На лугу Булусинском	17	72	3
8	Шаршинский	На лугу Булусинском	25	102	3
9	Шагдуевский	На лугу Булусинском	29	105	3
10	Утогоевский	На лугу Булусинском	17	57	3
11	Гурбинский	На лугу Булусинском	24	77	3
12	Хужертуевский	На лугу Убусинском	35	127	3
13	Гулзагаевский	На пади Убусинской	29	134	3
14	Бороевский	При рч. Мурина	49	233	4
15	Базаевский	При рч. Мурина	54	242	4
16	Кулункунский	При оз. Кулункунское	95	407	1
17	Абаганатский выс.	При рч. Куда	1	6	
Итого			489	2135	

Таблица 3

Алагуевское отдельное родовое управление (административный род алагуей)

№	Населенный пункт	Географическая привязка	Дворов	Жителей
1	Турундинский	При реках Турунда и Б. Бугульдейка	42	207
2	Кидусинский	При рч. Кидуса	20	92
3	Бугульдейский улус и таможен. пост	При рч. Б. Бугульдейка	25	200
4	Куядский	При рч. М. Бугульдейка	17	141
5	Харасаевский	При рч. М. Бугульдейка	7	51
6	Хонхойский выс.	При рч. Куртун		
Итого			118	708

потомство отмечается у Сагана, от которого ведут происхождение остальные персонажи булагатской генеалогии.

У Сагана было три сына: Батай, Онга и Обогон. У Батая было три сына: Мандалхай, Батлай, Буин. У Онги – сын Бу-

бай. У Обогона было три сына: Хогой, Онгой, Онхотой. У Батлая, сына Батая, было семь сыновей: Мунхэлэй, Хухурдой, Шаралдай, Олой, Отонхой, Бабай, Осогор, из которых у Мунхэлэя был сын Харанут. У Бубая, сына Онги, было чет-

Таблица 4

Капсальское ведомство (административные роды: буян 1, 2, 3)

№	Населенный пункт	Географическая привязка	Дворов	Жителей	№ а. р.
1	1-й Капсальский	При реках Капсал, Куда и Куяда	39	145	1
2	2-й Капсальский	При реках Капсал, Куда и Куяда	33	140	1
3	1-й Батховский	При рч. Мурина	46	200	1, 2
4	2-й Батховский	При рч. Оёк	38	163	1, 2
5	2-й Шархитский	При рч. Оёк	27	110	1, 2
6	Егоровский	При рч. Оёк	19	77	1, 2
7	Кысыгыровский	На горе	29	107	2
8	Солянский	При рч. Куяда	46	190	1, 2
9	Хамардаевский	При рч. Мурина	13	52	1, 3
10	Ехоевский	При рч. Мурина	33	117	3
11	Тарханутский	При рч. Мурина	33	130	1, 3
12	Шебтохоевский	При рч. Мурина	41	156	1, 3
13	Молоевский	При рч. Оёк	41	182	2
14	Бардинский	При реках Барда и Оёк	22	110	2
15	1-й Кудареевский	При рч. Кударейка	42	218	2
16	2-й Кудареевский. Тадай заим.		21	117	2
17	2-й Кудареевский. Дундуктуй заим.		11	48	2
18	2-й Кудареевский. Умужуй заим.		5	25	2
19	2-й Кудареевский. Дархатуй заим.		4	25	2
20	2-й Кудареевский. Быкун заим.		7	40	2
21	Матвеевский выс.		12	92	1, 2
Итого			555	2433	

веро сыновей: Булса, Ата, Боза, Дурлай [1, ф. 362, оп. 1, д. 19, л. 3].

Алагуй. Буряты этого племени составляли одноименный административный род. В XIX в. расселились в долине р. Бугульдейка. По многочисленным преданиям, прежде алагуевцы жили в местности Хабшал (Капсал), однако были вынуждены ее покинуть. С другой стороны, не меньшее число преданий связывает алагуевцев с Байкалом.

Этноним употребляется в форме *алгуй*, *алагуй*. В генеалогических таблицах

в персонифицированной форме – Амагаан Алагуй. Значение этнонима проясняется с помощью тюркского языкового материала, где *ala* – «пегий, в яблоках» [6, с. 32] в значении масти животного, а *уи* – усилительная частица. Таким образом, значение *алагуй* – «истинно, действительно пегий».

Если исходить из генеалогических преданий, этноним принадлежит самому старшему сыну Тугалака. Исходя из того, что это персонификация древних этнических, социальных, демосоциальных

Таблица 5

Кудинское ведомство (административные роды: харанут 1, 2, 3, 4; ашибагат 1, 2)

№	Населенный пункт	Географическая привязка	Дворов	Жителей	№ а. р.
1	Идыгеевский	При рч. Идыга	37	196	X1
2	Табуевский	При рч. Идыга	23	143	X1
3	1-й Балтаевский	При рч. Сухая Куяда	20	90	X2
4	2-й Балтаевский	При рч. Сухая Куяда	19	62	X2
5	Бумолаевский (Хатаевский)	При рч. Сухая Куяда	21	90	X2
6	Ебартуевский (Батуровский)	Близ рч. Сухая Куда	25	124	X2
7	Сухокуядский (Балтахуровский)	При рч. Сухая Куяда, притоке Куды	35	165	X2
8	Тангахайский	При рч. Мурина	28	118	X3
9	Муринский	При рч. Мурина	159	687	X3
10	Бортуровский	При рч. Куда	26	122	X3
11	Голоусинский	При рч. Голоусинская	104	497	X3
12	Харьяшинский	При кл. Идыгинском	20	92	X4
13	Барунумханский		50	251	X4
14	Идыгинский	При рч. Идыга	36	169	X4
15	Бохолдоевский	При рч. Идыга	45	209	X4
16	Кукунутский	При рч. Кукунут	129	669	A1, A2
17	Харзаргайский	При рч. Харазаргай, впад. в Кукунут	57	319	A1
18	Дархатский	При рч. Мурина	33	192	A1
19	Хандатский	При рч. Мурина	22	102	A2
20	Больше-Голоустное село	При рч. Голоусинская	18	127	A2
21	Усть-Ординское село	При рч. Куда	58	372	Xx
22	Курское село	Курское сельское общество уроч. Кура	41	248	Xx
23	Карганайский выс.		3	14	X3
24	Качергатское стойб.	При рч. Кочергат	5	13	Тунг. в A2
25	Зогинское стойб.		13	65	Тунг. в X3
Итого			1027	5136	

образований, можно полагать, что этноним принадлежит к группе населения главенствующего, аристократического характера, т. е. к социальной прослойке населения, в данном случае к «истинно пегой [гвардии]».

Амасаган Алагуй. В этой форме этноним *алагуй* встречается в родословных преданиях и генеалогическом древе булагатов. Возможность народной этимологии – «белоротый Алагуй», по нашему мнению, неверна, по-бурятски

Таблица 6

Ординское ведомство (административные роды: бубай 1, 2, 3, 4; хурумши)

№	Населенный пункт	Географическая привязка	Дворов	Жителей	№ а. р.
1	Барун-Булуковский	При кл. Б. Булук	52	283	Б3
2	Зун-Булуковский	При кл. Зун-Булук	52	282	Б3
3	Ирсайский	При кл. Ирсайский	23	129	Б3
4	Ишинский	При колодцах	18	95	Б3
5	Хинеевский	При рч. Мурина	71	412	К
6	Ходайский	При рч. Мурина	59	331	К
7	Хатарский	При рч. Мурина	36	201	К
8	Шохтоевский	При рч. Мурина	55	331	К
9	Хандабаевский выс.	При рч. Мурина	10	68	К
10	Корсукский	Близ рч. Мурина	64	337	Б2
11	Ероновский	При кл. Корсук	17	60	Б2
12	Арульский	При кл. Корсук	13	63	Б2
13	Сагаровский	При рч. Мурина	42	155	Б 2, 4
14	Тыншутский	При рч. Мурина	21	77	Б 2, 4
15	Гушитский	При колодцах	37	170	Б 1, 2
16	Бохинский	При ключе	13	60	Б2
17	Тодохонский	При рч. Мурина	25	114	Б 2, 4
18	Базайский (Басайский)	При рч. Мурина	25	111	Б 1, 2, 4
19	Туларовский	При колодцах	27	155	Б1
20	Халхоровский	При колодцах	27	124	Б1
21	Булсуровский	При колодцах	20	94	Б1
22	Хадаровский	При колодцах	10	58	Б1
23	Бошаровский	При рч. Корсук	25	112	Б4
24	Батуровский	При кл. Корсук	23	79	Б4
25	Хартуровский	В уроч. Дожной и Сизагагай	5	18	Б4
Итого			770	3919	

«белоротый» будет *сагаан ама(тай)*, или в редких случаях возможна форма *ама сагаатай*, сравни, например: *ама мута, ама хайтай* [3, с. 47], но никак не в виде «ама саган». В этом случае *ама* выступает как определитель к определяемому *саган*, значение его, очевидно, имеет характер термина, определяющего местность – «устье». В таком случае *амасаган* – «саганы из устья», возможно, имеется в виду устье р. Ангары, как крупнейшей реки, не требующей определения, т. е. гидронима. В этом случае не-

обходимо отметить, что в устье Ангары, по преданиям, похоронен один из сыновей легендарного Буха-нойона – Ангарын-ижэн Амасагаан-нойон [1, ф. 362, оп. 1, д. 19, л. 3], т. е. хозяин р. Ангары – Амасаган-нойон, что указывает на связь термина *амасагаан* с устьем Ангары.

Кстати, значение другого термина *Аха ехэ Алагуй* также можно свести к термину со значением «белый» (от тюркского ақ.), т. е. буквально – *Белый великий Алагуй*.

В целом «амасаган» представляет собой определитель второй части этнонима – «алагуй». В конечном счете, исходя из утверждения об этнонимическом облике раннегенеалогических персонажей, становится очевидным, что «амасаганские алагуи» указывают на возможность происхождения алагуев из древней общности, именуемой сагаан.

Также можно полагать, что носители имеют отношение к древнему народу *бома* – кит. ‘пегие лошади’, по-тюркски – *алаты*. Фонетической интерпретацией этнонима в китайской передаче было *элочжи* [7, с. 106], что, по нашему мнению, могло произноситься как тюрками, так и монголами как *алауҗи*, т. е. «разводчик пегих».

По нашему мнению, алагуи имеют древнюю связь с Прибайкальем. В этнониме отражается период расселения в районе истока Ангары, в долине Куды, а также непосредственно на побережье Байкала.

Абаганат. Абаганаты не считаются одним из основных племен булагатов, но зачастую причисляются к ним. Расселены они в долине Куды, притоке Ангары, в районе современной Усть-Орды. Эта территория характеризуется как контактная зона между эхиритами и булагатами, а также как изобилующая племенами позднего монгольского происхождения. Но, в отличие от последних, абаганаты считаются старожилами этого края.

Этноним по-бурятски звучит *абаганад*, его монгольской праформой является *абауанад* (от слова *абау-а* – ‘дядя, старший брат отца’).

По нашему мнению, этноним *абаганад* уходит вглубь истории, вплоть до сяньби, о чем упоминает в своей работе Г. Сухбаатар, первым же такую трактовку предложил Л. Базен, сравнивая с «авга» сяньбийский аймак Афугань [23, с. 43, 44]. О широком распространении в Монголии племен с корнем *аваўа* (*awaγātčūd*, *barún awāγā*, *dzγn awāγā*, а также собственно *аваўа*) свидетельству-

ет одна из карт Этнолингвистического атласа МНР [19, к. 58]. Во внутренней Монголии *абага* и *абаганары* расселены в Шилингольском аймаке [10, с. 220; 21, с. 163]. *Абаганары* также известны и среди калмыков [18, с. 12]. В составе дэр-бэтов – *авгас* [22, с. 17].

В работе Х. Нямбуу в списке подразделений *Барга*, к сожалению, без подразделения на *хуучин* и *шинэ*, также упоминается малое племя *авгачуул* [2, с. 156]. Единственным известным этнонимом на *-чуул*, исключая вышеуказанный, является *баргучуул* в составе узэмчинов, среди которых также встречается малое племя *авгачин* [21, с. 161]. Очевидно, какая-то группа древних *авауа* приняла участие и в формировании баргутов во время пребывания в районе Прибайкалья. Исходя из этого, можно полагать, что современные бурятские *абаганаты*, баргутские *авгачуулы*, узэмчинские *авгачины* имеют общие корни, т. е. произошли от тех *авауа*, которые приняли участие в формировании населения Прибайкалья. Морфологические различия в окончаниях лишь свидетельствуют о раннем распаде баргутских *авауа*.

Указанные группы *авауа* – лишь небольшая часть древнего этноса, сохранившего свое наименование и принявшего участие в формировании как халха-монголов, ойратов, монголов Внутренней Монголии, моголов Афганистана, так и современных баргутов и бурят.

Ашибагат. К этой же группе этнонимов, по нашему мнению, относится *ашибагат* (*ашаабагад* по-бурятски). Этноним расчленяется на *аҗи* ~ *аҗа* – «племянник» и *авауа* – «дядя». В данном случае, по-видимому, не следует глубоко вдаваться в дословный перевод. Возникновение подобного этнонима можно объяснить тем, что ашибагаты были поздними переселенцами в Прибайкалье по отношению к абаганатам. Обе группы имели общий этноним *авауа*, но, разделенные временем, возможно из-за многочисленности, либо по другим причинам,

не слились. Возникла необходимость в дифференциации этнонимов: наиболее древние насельники сохранили прежний этноним, а поздние, соответственно, к начальной форме прибавили термин *асі* ~ *аша* со значением «племянник», который скрывал в себе смысл поздних насельников.

К тому же в устных народных преданиях об ашибагатах говорится следующее: «Ашаанда ерэнэн Ашаабагад – с обозом пришедший Ашибагат» [17, с. 249] (с обозом пришедшие ашибагаты. – *Б. Н.*), что, по-видимому, еще раз подтверждает версию о более позднем появлении ашибагатов в Прибайкалье относительно других булагатских племен.

Ашибагаты являются крупным булагатским племенем, широко распространенным в Западной Бурятии. Помимо кудинских степей, ашибагаты расселены в долине р. Идин-гол (Голоустная), а также на крайнем западе в долине Уды, Оки. В XVII в. сложились две традиции записывания этнонима *ашибагат*: в отношении кудинских – *асипугаты*, асипугаи, в отношении удинско-окинских – *ашехабаты*. В середине XVII в. основная масса окинско-удинских ашибагатов покинула Бурятию, уйдя в регион между Хангаем и Хубсугулом, где в настоящее время они известны как хариады (ача, авга) [12, с. 32]. Часть ушедших в Монголию ашибагатов ушла на восток, расселившись в долине Хилка, составив, таким образом, одну из крупнейших единиц селенгинских бурят. Кудинские ашибагаты, по общеашибагатским представлениям, являются потомками двух младших сыновей Ашибагата, оставшихся на породной земле, т. е. месте, где по представлениям бурят находилось тоонто (послед) племени, которое особо почиталось сообществом. Понятие «породной земли» в традиционном мировоззрении монгольских народов подробно рассмотрено в работе М. М. Содномпиловой [16, с. 126]. Расселение кудинских ашибагатов отражает

исходную территорию этногенеза бурятских ашибагатов.

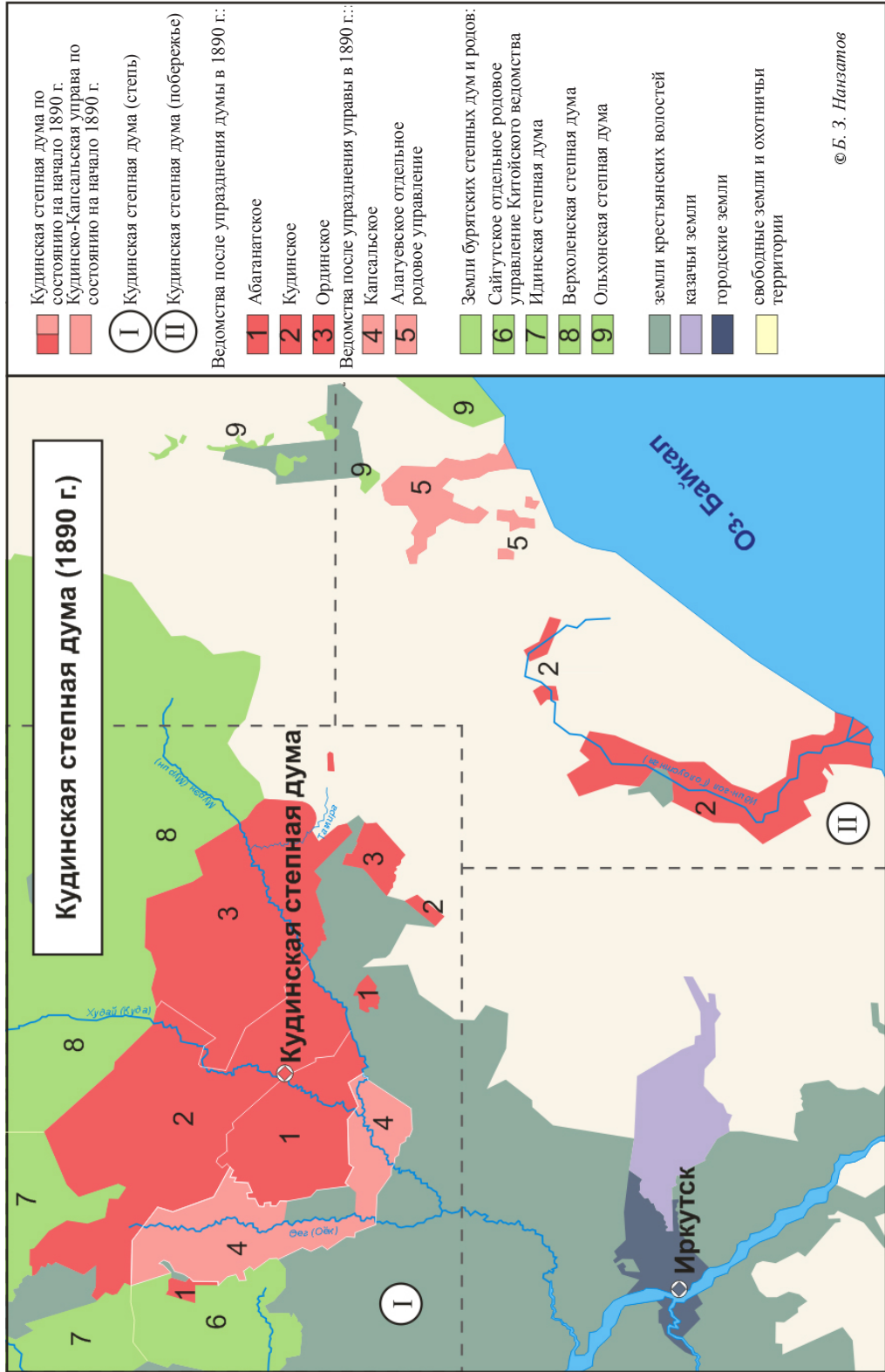
Также ашибагаты кудинские являются единственными из булагатов, кто может проводить обряды жертвоприношения предкам на сакральной горе Ухэр Манхай, находящейся на их землях [24].

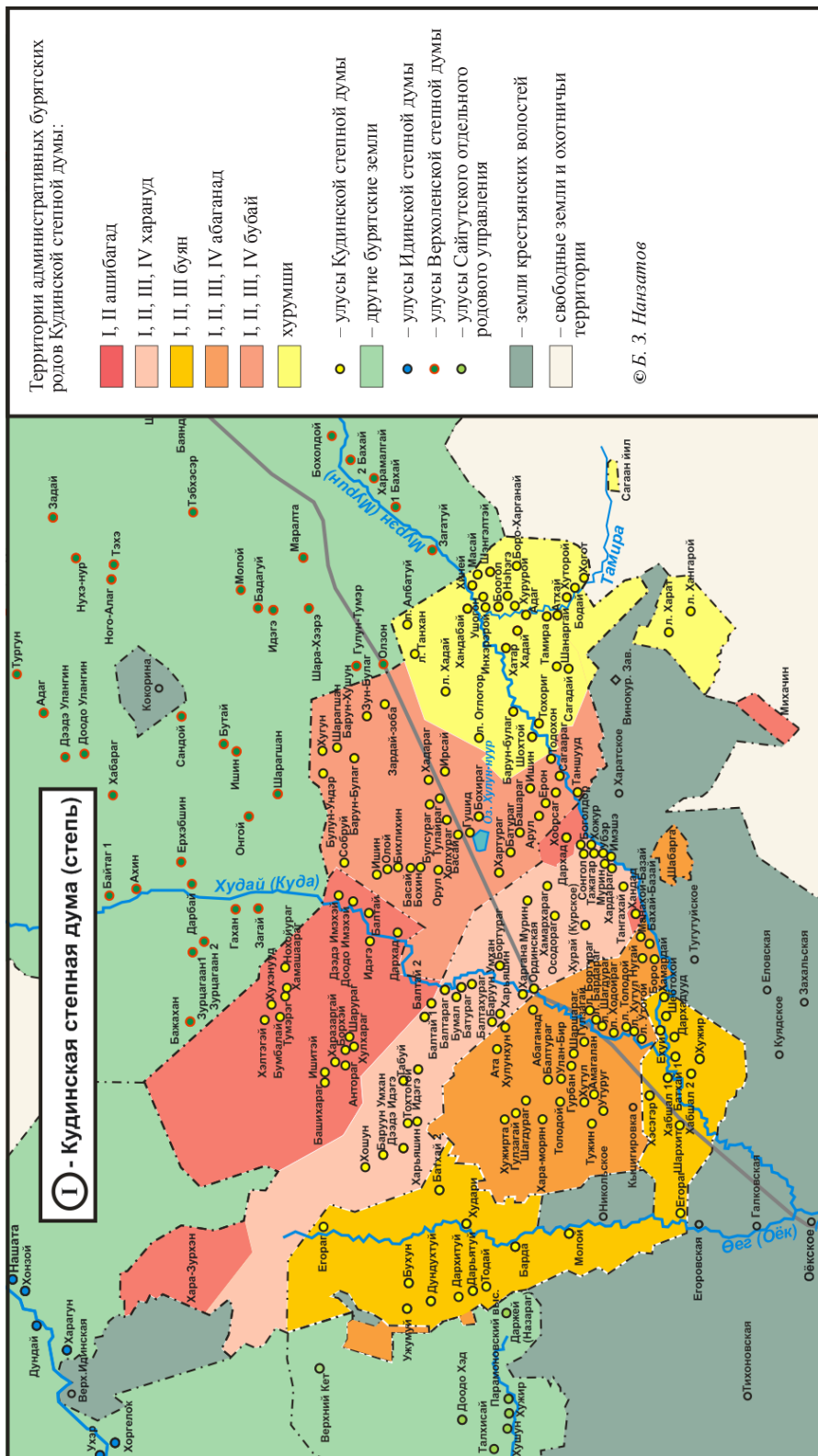
Расселение кудинских ашибагатов в таблице 5 ограничено крупными улусами, однако на карте представлено более подробно на основе полевых материалов [Там же].

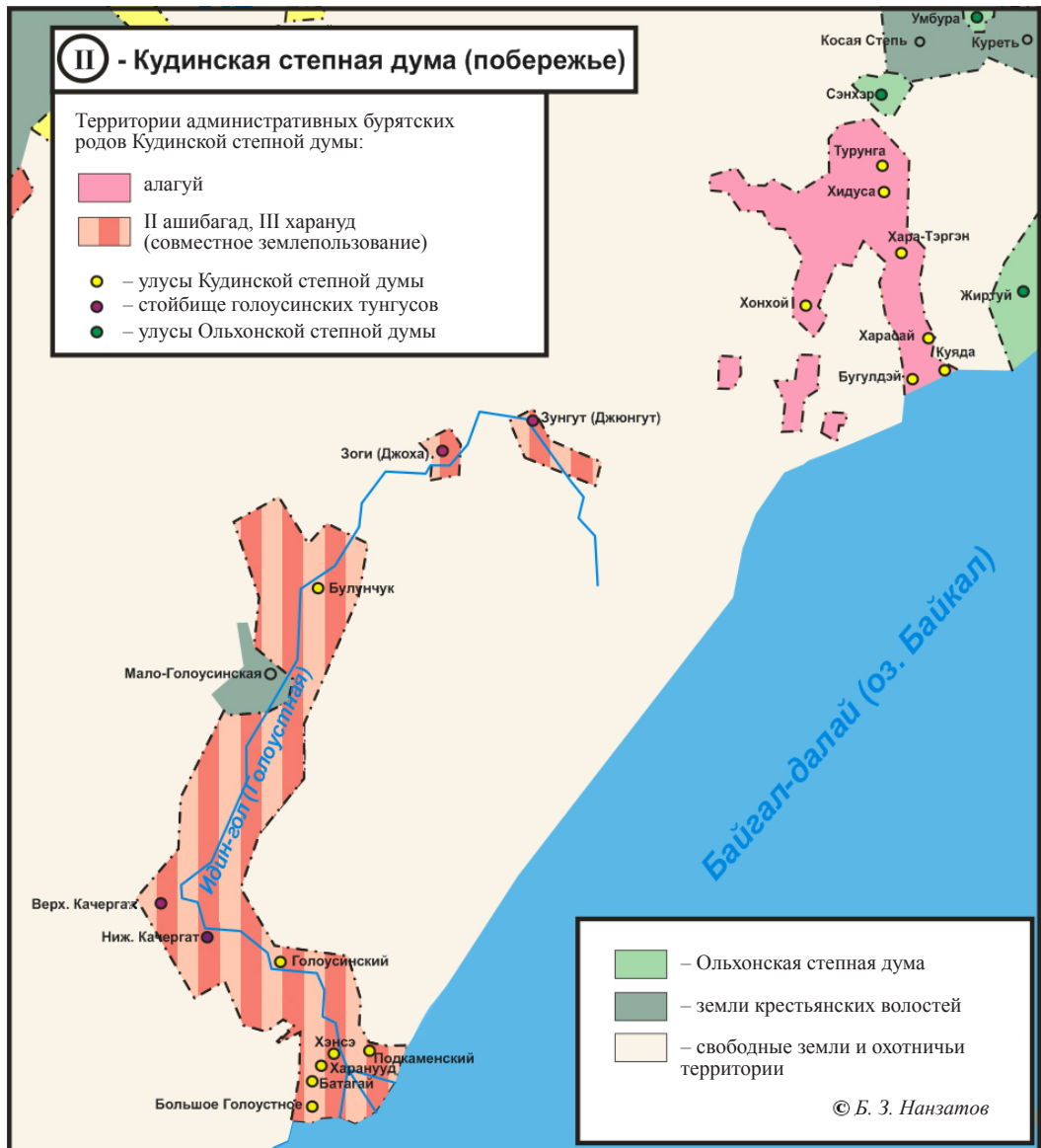
Бубай. Представители племени бубай/бабай являются коренными насельниками кудинских степей. В настоящее время общебубаевская идентичность практически потерялась, т. к. реально буряты-бубаевцы зачастую самоидентифицируют себя с этнонимами меньшего порядка, такими как олой, отонхой и др. В этом контексте бубаевские племена вплетены вместе с харанутами в общую систему родства, где, к примеру, Бозой является братом Олой и Отонхой [Там же]. Представители этих племен являются потомками Батлая. В XVII в., скорее всего, были известны русским как батулинцы.

По нашему мнению, возможна также связь этнонима бубай/бабай с тобасским этнонимом *баба* [23, с. 39], что, возможно, указывает на то, что бурятские бабаевцы – это осколок древней центрально-азиатской общности.

Харанут. Харануты кудинские расселены узкой полосой с северо-запада на юго-восток, через всю Кудинскую степную думу, где составляли Кудинскую управу вместе с ашибагатами. Практически повсюду на территории Бурятии являются соседями ашибагатов. Кудинские харануты, по нашему мнению, в XVII в. составляли этнополитическое объединение Батлай, известное как батулинцы у русских и ботулу у якутов. Этноним *харанут* в монгольском мире распространен повсеместно и, скорее всего, имеет древнее происхождение (вплоть до времен хунну/сяньби).

Хурумши. Буряты племени хурумши расселены в долине р. Мурин и ее притока – р. Тамир (рус. Тамар). В XVII–XVIII вв. представители племени были вовлечены в массовые миграции на восточную сторону Байкала, где в настоящее время встречаются в составе кударинских, баргузинских и селенгинских бурят. В составе селенгинских они составили административный род совместно с бабаевцами, в пропорциях 4 десятка

хурумшинцев к 1 десятку бабаевцев. Административный род был назван Бабай-Хурумчиевским. В Селенгинской думе часть хурумшинцев несла казачью службу, вследствие чего из основного ареала (совр. Иволга, Хурамша Иволгинского района) часть расселилась южнее – в современном Джидинском районе в улусе Инзагатуй. В Кударинском ведомстве существовал одноименный улус Хурумши, впоследствии слившийся с улусом Оль-

зон и названным по местности Хандала. В долине Баргузина хурумшинцы расселены преимущественно в Арзгуне.

Этноним *хурумши* употребляется также в виде *курумчи/хурамчи/хурамши/хурумша*. Выдвигались гипотезы о тюркском, ойратском, монгольском происхождении этой этнической единицы. На наш взгляд, этноним произошел от тюркского *qoqum* (каменные россыпи, обломки скал, валуны) при слиянии с суффиксом *-çi*. Смысл *qoqumçi* – «каменщик», т. е. курумчинцы представляли собой социальную прослойку населения, специализирующуюся на узком направлении профессиональной деятельности в эпоху «трех станов».

Возможна связь этнонима с поздним среднеазиатским родом с одноименным названием. В ССМ упоминаются сартагулы Масхут и Ялабачи из рода хурумша (*qurmaşı*) [20, § 263]. Возможно, что среднеазиатский этноним обнаруживает типологическое свойство, т. е. «каменщики» и там при ряде условий могли создать социальную общность с этническими чертами.

По другой версии, связь этнонима соотносится с именем одного из сыновей Гуши-хана Хурумши-батыром и его потомством. По бурятской версии, Хурумши-батор являлся одним из сыновей сыновей Гуши-хана [2, с. 327], по версии Мэн-гу-ю-му-цзи – седьмого сына [9, с. 121]. Хурумши-батор либо его сын покинул отца и ушел на север. В этом случае возможно прибытие в Прибайкалье Хурумши-батора со своими людьми (улусом), за потомками которых закрепился этноним *хурумши*.

Этноним *хурумши* также сохранили потомки бурятских мигрантов, ушедших в Западную Монголию в середине XVII в. из кудинских степей вместе с булагатами, в настоящее время вошедшие в состав дэрбэтов и захчинов [12, с. 24, 26]. Созвучный этноним *хуримчинарууд* встречается также среди ордосских монголов [21, с. 169].

Расселение бурят-хурумшинцев в таблице 6 ограничено крупными улусами, однако на карте нами представлено более подробно на основе полевых материалов [24].

Буян. Буряты племени буян/буин был расселены в Капсальском ведомстве, преимущественно в одном из притоков Куды, в долине Оёка. Местность Капсал/Хабшал, где сейчас расселены только буиновцы, в большинстве легенд булагатов связана с другим бурятским племенем – алагуи. В XIX в. представители этих двух племен даже создали отдельную Кудинско-Капсальскую управу [4, с. 249], что, очевидно, указывает на поддержание тесных связей этих двух племен в течение длительного периода. Кроме того, часть буинов переселилась в долину Кахи, где они входили в состав 3-го онгоева рода [2, с. 155], часть в долину Селенги, однако отдельного административного рода не составляли, очевидно, ввиду немногочисленности. В рамках полевых исследований мы встречались с представителями племени буин/буян/буянгууд в с. Жаргаланта, часть их присутствует в составе селенгинских бурят, ушедших в Монголию [25].

До настоящего времени отдельного этимологического исследования этнонима *буин* не предпринималось. Возможным значением термина *буин/буян* может являться древнетюркское *boj* – «скопление людей, племя, род» [6, с. 110] и его производная *bojun* – «народ» [Там же, с. 111]. Однако еще одним возможным вариантом является древнетюркское *bujan*, производное от санскр. *puṇa* – «благодатный поступок, благодеяние» [Там же, с. 120]. В настоящее время это слово в значении «благодеяние» широко используется буддистами в монгольском мире. Вполне вероятно, что этот термин мог существовать как антропоним, от которого впоследствии образовался этноним, либо как топоним (жители местности также могли приобрести этноним от топонима). В любом случае буины,

очевидно, являются одними из древнейших насельников Кудинской долины, а этноним *буин* вполне может оказаться свидетельством расцвета буддизма в Уйгурском каганате.

Дархат. Дархаты в Монголии распространены довольно широко. Одним из крупных массивов представителей этого племени являются хубсугульские дархаты, частью которых являются, на наш взгляд, и бурятские дархаты. В XIX в. дархаты входили в состав 1-го ашибагатского рода, хотя жили в непосредственном окружении харанутов. Как отмечал С. П. Балдаев, принадлежность к ашибагатскому административному роду была связана с их родственностью по женской линии. Также он отмечал попытку выделения дархатов в отдельный административный род в 1870 г., но в связи с немногочисленностью им было отказано [2, с. 340, 341].

Непосредственно связанной с дархатами является одна из ветвей племени хурумши, расселенная в улусе Нэһэгэ. По сведениям С. П. Балдаева, она именовалась хан-хиргис. Но в ходе полевых исследований в этом улусе подобный этноним нам не встретился, однако были получены сведения о том, что их ураг (патронимия) соседи зачастую называют хатан-хиргис, т. к. женой основателя урага была женщина из дархатов [25].

Помимо рассмотренных выше крупных этнических образований, составивших отдельные административные роды, в составе кудинских бурят известны другие малые этнические группы, которые не могли составить отдельных административных единиц, вследствие чего были причислены к своим более многочисленным соседям.

Толодой. Буряты племени толодой составляли отдельный одноименный улус, входили в состав 3-го абганатского рода. По устным преданиям, предки толодоевцев пришли с севера, спустившись по р. Куде, уходя от преследований сэгнутов. По другой версии, они сами яв-

ляются ветвью сэгнутов [24]. По нашему мнению, этноним *толодой* является бурятской версией широко распространенного в Центральной Азии этнонима *теле*. Бурятская форма в свою очередь могла произойти от одной из древнеуйгурских проформ, в современных вариантах у тюрков Южной Сибири – *тулуш//төлөс*. В бурятской варианте окончание -с/-ш заменено этногендерным аффиксом -дай.

Тажсагар. Также вблизи Дархатско-го улуса находился улус Тажагар, в настоящее время как и Дархат является частью улуса Харанут [2, с. 172]. Однако существует легенда о пришедшем человеке из Чахара [25].

Сонгол. В той же местности находился и небольшой улус Сонгол. По сведениям С. П. Балдаева, сонголы кудинские славились очень сильным шаманским *удха*, благодаря которому могли лечить сибирскую чуму (*мила*) [2, с. 342].

Хонгодор. Население улуса Тангахай было представлено хонгодорами [Там же, с. 299].

Гушит. В одноименном улусе вблизи оз. Хулэн (Ординское) расселялись буряты племени гушит, переселившиеся на западную сторону Байкала в связи с шаманским происхождением их предка [Там же, с. 297].

Хуацай. Буряты племени хуасай были расселены в Кукунутах, однако были немногочисленны [Там же, с. 294].

Дурлай. В Прибайкалье дурлаевцы известны в составе кудинских и ольхонских бурят. По сведениям С. П. Балдаева, основная масса расселена в Дурлаевском улусе Булусинского булука [Там же, с. 322].

Голоусинские тунгусы. Кроме бурят, к кудинской степной группе была приписана небольшая группа тунгусов (эвенков), которые пришли в долину Идин-гола (Голоустная) с севера, с Верхней Ангары [15, с. 131]. Подробных сведений о родовой принадлежности найти не удалось.

Заключение. Изучение состава и расселения населения Кудинской степной думы представляется важным в контексте изучения этнической истории бурят. Территориально-административное устройство Кудинской степной думы в определенной степени является уникальным – в силу того, что этнические границы бурятских племен думы отражают принцип традиционного социального расселения булагатов в Прибайкалье. Другие булагатские земли, например Балаганской степной думы, уже отражают другой этап истории, когда многие бурятские племена вынуждены были вследствие проникновения в регион русских поселенцев менять места жительства. Этнические границы Кудинской степной думы отражены на картах, представленных в статье.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Список информантов

Мотошкинова Мария Монхоровна, 1925 г.р., у. Тамира, хурумши.
Хабдаев Константин Кириллович, 1945 г.р., у. Хараазаргай, ашибагат.
Хантуев Анатолий Александрович, 1955 г.р., у. Хараазаргай, ашибагат.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
2. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. – Улан-Удэ, 1970. – 360 с.
3. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. – М., 1973. – 804 с.
4. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 504 с.
5. Даржаев С. Ю. Степные думы – органы самоуправления бурят в Российском государстве (1822–1904). – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. – 139 с.
6. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 676 с.
7. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, 1989. – 432 с.
8. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта населения Иркутской и Енисейской губерний. Карта Иркутского округа Иркутской губернии. – М., 1890.
9. Мэн-гу-ю-му-цзи – Записки о монгольских кочевьях / пер. П. С. Попова. – СПб., 1895. – 316 с.
10. Лебедева Е. П. К вопросу о родовом составе монголов // Филология и история монгольских народов. – М., 1958. – С. 219–227.
11. Нанзатов Б. З. Монгольские буряты: диаспора в ситуациях вызова // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. – Улан-Удэ, 2010. – С. 83–110.
12. Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Изменения в расселении и этническом составе народов Монгольского Алтая и Прихубсугулья (XX – начало XXI в.) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2013. – № 4 (12). – С. 21–34.
13. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). – Л., 1937. – 425 с.

14. *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – СПб., 1912.
15. *Патканов С. К.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I. Тунгусы собственно. Вып. 1. – СПб., 1906. – 175 с.
16. *Содномпилова М. М.* Концепт Родина в культуре монгольских народов // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 3. – С. 124–134.
17. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Родословные таблицы бурят на письменном монгольском языке как источник изучения антропонимов // Бурятские антропонимы и топонимы. – Улан-Удэ, 1981. – С. 4–8.
18. *Эрдниев У. Э.* Калмыки (историко-этнографическое исследование): автореф. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. – М., 1973. – 54 с.
19. Этнолингвистический атлас МНР. – Улаанбаатар, 1979. – 74 с.
20. *Mongyol-un niyuča tobčiyan.* – Köke-qota, 1957.
21. *Нямбуу Х.* Монголын угсаатны зүй. Удиртгал. – Улаанбаатар, 1992. – 198 с.
22. *Очир А.* Монголын ойрадуудын түүхийн товч. – Улаанбаатар, 1993. – 94 с.
23. *Сухбаатар Г.* Сяньби. – Улаанбаатар, 1971. – 217 с.
24. Архив автора.

УДК 303.446.4 + 94 (510)

П. Н. Дудин

МЭНЦЗЯН НА СТРАНИЦАХ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дается характеристика научной литературы и источников в отношении создания государства Мэнцзян, которое в 1930–1940-е гг. претендовало на лидерство в мире монголоязычных народов. Приводятся данные об отечественных, китайских, монгольских, американских, британских, японских и иных изданиях, которые затрагивали вопрос становления государственности во Внутренней Монголии в 1930–1940-е гг.

Ключевые слова: Мэнцзян, Внутренняя Монголия, источники, научная литература, государствовоительство, государственность.

P. N. Dudin

MENGJIANG IN ACADEMIC REFERENCES

The article describes the scientific literature and sources on the establishment of the state of Mengjiang, which claimed leadership in the Mongolian world in the 1930s–1940s. The data on domestic, Chinese, Mongolian, American, British, Japanese and other publications addressing the issue of state formation in Inner Mongolia in the 1930s–1940s.

Key words: Mengjiang, Inner Mongolia, sources, scientific literature, new states, statehood.

В российской, монгольской и китайской гуманитарной науке имеются объекты, которые не подвергались должному научному исследованию. Среди них Мэнцзян – политическое образование, претендующее во время своего существования на господствующее положение среди монгольских народов.

Мэнцзян, известный на Западе как «монгольские приграничные земли», появился на политической карте Китая в начале 1930-х гг. как новое государствовоподобное образование. Но вскоре локальные события, носившие региональный характер, переросли в геополитическую проблему, участие в разрешении которой вынуждены были принимать крупнейшие мировые державы. Причем процесс этот не был стихийным. Напротив, совокупность предпосылок и факторов явно свидетельствовала о том, что вслед за Внешней Монголией, до-

бившейся фактической независимости, Внутренняя Монголия не должна была остаться в стороне. Имея значительно более серьезный ресурсный, экономический, интеллектуальный и демографический потенциал, монгольские князья не упустили возможности воспользоваться сложившейся ситуацией. Так в истории Внутренней Азии началась наименее изученная история борьбы народа за самостоятельность.

Материалов, посвященных изучению и описанию процессов становления государственности у монгольских народов, достаточно, но работ, изучающих предметно процесс государствовоительства во Внутренней Монголии с точки зрения нации- и государствовоительства, практически нет. Условно можно выделить несколько категорий работ, так или иначе освещающих описываемые события. Прежде всего это труды

ДУДИН Павел Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений юридического факультета Бурятского государственного университета. E-mail: dudin2pavel@gmail.com.

исследователей советской эпохи или изданные в Советском Союзе в 1930–1990-х гг. Особенностью научной литературы по Внутренней Монголии советского периода является наличие большого количества работ в 1930–1960-е и 1980 – начале 1990-х гг. и практически их полное отсутствие в конце 1960–1970-х гг., что объясняется охлаждением отношений между СССР и КНР.

Историография Монголии и Китая более богата и содержательна, прежде всего в силу объективных обстоятельств: наличия и публикации архивных документов, большинство из которых изначально составлялись на китайском или старомонгольском языках, что обеспечивало доступ к ним преимущественно монгольских, японских и китайских ученых. Однако нам представляется более правильным и удобным разделить имеющийся научный материал в хронологическом порядке на 4 периода.

Первый период – 1931–1949 гг.: время от начала японского вторжения до победы коммунистов и провозглашения КНР.

Одним из первых отечественных исследователей Внутренней Азии был Николай Рерих. Будучи лично знакомым с главой Монгольской Автономии, присутствуя при событиях, описываемых в настоящем издании, он оставил после себя яркий и содержательный, но не всегда объективный и беспристрастный материал [10–12], скорее навеянный книжной романтикой.

Современником Н. Рериха, чьи труды представляют определенный интерес в исследуемой проблематике, является представитель харбинской юридической интеллигенции Валентин Рязановский [13], труды которого о монгольском и китайском праве и государстве позволяют проследить эволюцию государственно-правовых институтов, имеющих в Мэнцзяне: административное деление на знамена и хошуны, порядок назначения, полномочия и функции тех или иных органов управления: дзасака, дарги и т. д.

Отдельную группу источников представляют материалы средств массовой информации:

Североамериканский континент: общенациональные газеты США «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», «Чикаго Дэйли Трибьюн», «Кристиан Сайнс Монитор» и др.; журнал «Тайм», а также мелкие издания штатов: «Поукипси Игл Ньюз», «Сканектети Газет», «Олбани Ивнинг Ньюс», «Ютика Дэйли Пресс» (Нью-Йорк), «Американски Словенец» (Чикаго), «Майами Дэйли Ньюз» (Флорида), «Дэйли Айован» (Айова), «Таймс» и «Мидлэнд Джорнал» (Мэриленд) и др.;

Европа: британские газеты «Манчестер Гардиан», «Обсервер», «Таймс»;

Азия: малайские газеты «Стрейтс Таймс» и «Сингапур Фри Пресс», японская газета «Асахи Симбун»;

Австралия: «Кэрнс Пост», «Калгурли Майнер», «Адватайзер», «Канберра Таймс», «Сентрал Куинсленд Хэралд» и др.

Представленный материал затрагивал различные сферы жизни общества: политическую, социальную и т. д. В силу происходящих событий большинство материалов так или иначе освещают военные вопросы и военные действия в те промежутки времени, когда идет война. Но большее внимание уделено именно политическим процессам, происходящим во Внутренней Азии на севере Китая и конкретно во Внутренней Монголии.

В основном статьи касаются установления национально-территориальной автономии во Внешней и Внутренней Монголии, при этом Внешняя Монголия на страницах зарубежной прессы появляется гораздо реже, чем Монголия Внутренняя. Для того чтобы ориентировать читателя в правильном направлении, американская, иногда и европейская пресса делает отсылку к истории и упоминает имя Чингисхана в качестве основателя Монгольского государства, представляя Внутреннюю Монголию (Монгол-Го) его преемником.

Особенностью североамериканской прессы является использование материала из первоисточника: многие данные получены собственными корреспондентами, находящимися на месте событий. Европейская пресса традиционно размещала объемный материал с хорошей аналитической базой и подробным описанием событий. Австралийская пресса, наоборот, в большинстве случаев ограничивается лишь констатацией имеющихся фактов, не вдаваясь в излишние подробности. Однако и те, и другие, и третьи издания, во-первых, размещали материалы о событиях во Внутренней Монголии на 9–20 страницах, что свидетельствовало о незначительной их роли в политической жизни Запада, а, во-вторых, страдали периодическим указанием ошибочных названий и имен, не привычных западному человеку, в связи с чем установить, о каком месте, городе или человеке идет речь не всегда было просто.

Что касается отношения азиатской прессы к освещаемой проблеме, то оно скорее нейтральное, в силу чего издания воздерживаются от комментариев, передавая лишь событийный ряд.

Исходя из того, что упоминаний о Внутренней Монголии больше, чем о Внешней, а также в свете сопоставления монгольской государственности Чингисхана и событий вокруг Монгол-Го, имеющийся газетный материал показывает, что западная (европейская и североамериканская) и восточная (малайская и австралийская) пресса рассматривала Мэнцзян в качестве единственного преемника империи Чингисхана и продолжателя ее исторических, национальных, культурных, политических и государственных традиций.

На этом этапе не происходит научного обобщения роли и места Мэнцзяна в истории Китая и в геополитическом конструкте Внутренней Азии. Причинами тому могут служить, с одной стороны, недостаточное количество времени, прошедшего с момента существования

этого политического феномена, а с другой – наличие иных приоритетов в гуманитарных науках. Мир только что завершил одну из самых кровопролитных войн в истории человечества и был занят собственным восстановлением, а не поисками места и роли монгольского народа в современной мировой истории. Китай же находился в состоянии гражданской войны, что также не позволяло вести объективную научную работу в этом направлении.

Второй период (1949–1976) – от провозглашения КНР до окончания так называемой Великой культурной революции. Традиционно китайское образование преподаванию и изучению истории уделяло огромное внимание. Во время культурной революции исторической науке был нанесен тяжелый удар: занятия в вузах прекращались, профессорско-преподавательский состав учебных заведений высылался в горные и сельские районы, затрагивать вопросы политической жизни и уж тем более японского присутствия было опасно. В связи с этим китайская литература скудна и единообразна. Внутренняя Монголия в этот период изучается в контексте присутствия в составе империи Цин [46] либо в разрезе биографических исследований в отношении выдающихся личностей [61], которые не имели прямого отношения к автономистскому движению и самому Мэнцзяну.

Некитайская литература этого периода отличается низким уровнем осведомленности авторов о событиях 1930–1940-х гг. в регионе. Советские исследователи и ученые, публикующиеся в СССР, изучают Внутреннюю Монголию по-прежнему безотрывно от китайской истории. Вэй Цзы-чу [3] анализирует объемы финансовых и материальных ресурсов, которые европейские страны со времен опиумных войн расходовали на обеспечение своего присутствия на территории Китая. Несмотря на то что упоминание непосредственно о Мэнцзяне в книге отсутствует, а наличествует

лишь взгляд на Внутреннюю Монголию как единый регион, содержащаяся в издании информация вносит существенный вклад в анализ общей ситуации и позволяет более объективно оценивать и сопоставлять те данные непосредственно по Мэнцзяну, которые имеются в других источниках и материалах, в т. ч. современных. Советская наука крайне осторожна также в силу того, что с конца 1950-х до конца 1980-х гг. происходит охлаждение дипломатических отношений, вследствие чего официальная советская наука предпочитала не провоцировать китайского соседа, исследования острых и проблемных вопросов периода японской оккупации, к которому руководство КНР относилось крайне болезненно, были приостановлены. Та же ситуация касалась и монгольской научной литературы [36], тем более что в обозначенный период МНР воспринималась как единственная государственная и политическая система, представляющая монгольский этнос, в связи с чем попытки пересмотра истории и придания движению за автономию сколько-нибудь значимого характера могли повлечь неблагоприятные последствия.

В научной литературе Запада можно отметить работу Д. М. Фрайтерса [22], который исследует международное положение МНР, контекстно упоминает Внутреннюю Монголию, и статью Р. Рахула [33, с. 150–166], где он обращается к проблеме Внутренней Монголии в процессе формирования современного Китайского государства.

В целом же данный период характеризуется как период идеологического противостояния и борьбы убеждений, в которой поиск истины и объективных данных подменялся стремлением за счет исторических данных доказать собственную правоту. Всякая деятельность, связанная с сотрудничеством с японскими военными, расценивалась как предательство, в связи с чем поиск альтернативных позиций был чреват не только

потерей научной репутации, но и жизни. Западная же наука, с одной стороны, была ограничена в источниках, не имея доступа к китайским архивам, с другой – обе Монголии находились в зоне коммунистического влияния, в связи с чем не были востребованы ни в идеологическом, ни в ином ресурсном плане.

Третий период (1976–1985) характеризуется завершением культурной революции и очередным переосмыслением собственной истории. В 1981 г. ЦК КПК принимает судьбоносное решение «по некоторым вопросам истории партии», в котором указывается, что «культурная революция не была и не может быть революцией или источником социального прогресса в каком бы то ни было смысле... она явилась смутой, вызванной сверху по вине руководителя и использованной контрреволюционными группировками; смутой, которая принесла серьезные беды партии, государству и всему многонациональному народу». Это означало и новую систему общественных отношений, и обновленное восприятие своего прошлого.

Ответом на эти события стал выпуск целой серии исторического научного материала, в котором присутствуют сведения о Монгольской Автономии, освещаемые, безусловно, с классовых позиций и в революционной канве [41; 54; 56; 64]. Однако существенным достижением можно считать следующий факт: отныне официальная китайская наука не относилась к движению как к незначительному сепаратистскому выступлению, поддерживаемому исключительно японской военной силой. Публикуемые материалы охватывают 1933 г. – год начала автономистского движения, что означало согласие китайской стороны с тем, что выступление за автономию было в т. ч. и монгольской, нежели исключительно японской инициативой.

Одновременно с этим проявляется определенный интерес к истории Внутренней Монголии и ее аристократии

[39], возникает необходимость в анализе роли и значения Маньчжоу-Го [68; 69] и, наконец, в необходимости изучения кратковременного, но, безусловно, важного периода истории Северного Китая, связанного с именем Мэнцзяна [48; 49]. Сам Мэнцзян предстает в указанных работах как оплот японской агрессии и авторы не допускают мысли о его государственной природе, активно используя клише «марионетка», что снижает их объективность и историческую значимость.

Этот же период характеризуется наличием большого количества публикуемых мемуаров, воспоминаний и биографии как в Китае, так и за его пределами. После смерти в 1966 г. Дэ Вана выходят в свет его воспоминания [52], зарубежная печать выпускает материал, автором которого является его ближайший сторонник по Алашаньской кампании Сэ-цэн Захчид, опубликовавший материал на английском, японском, а позднее и на китайском языках (издание «Мои воспоминания о Дэ Ване и Внутренней Монголии» впервые выпускалось Научно-исследовательским институтом языка и культуры Африки и Азии в Издательстве Токийского университета иностранных языков в 1985 г.) [23; 24; 44]. Публикуются архивные материалы и другие данные [38]. В этих изданиях присутствует другая крайность – движение за автономию рассматривается как вынужденная и объективная закономерность, не имеющая иной альтернативы, участники же событий пытаются выставить себя в как можно более выгодном свете, в результате чего тексты содержат большое количество биографического материала в ущерб характеристике и анализу явлений, событий и процессов.

В СССР в этот период научный задел представлен рядом изданий, по-новому освещающих монгольские события. А. С. Титов в работе «Борьба за единый национальный фронт в Китае 1935–1937 гг.» [14] уделяет определенное вни-

мание захвату Суйюаня японскими военными и в нескольких абзацах упоминает об организации «так называемого автономного политического совета в качестве высшей административной инстанции для всех монголов провинций Чахар и Суйюань...» Тем не менее ряд неточных и противоречивых данных не позволяет говорить о знании автором истинного положения вещей. Так, указывается, что «Совет возглавил монгольский князь Дэван...», «...автономный совет в Байлинью превратился в опорный пункт японской военщины в Суйюани...» и иные данные [Там же, с. 126], не соответствующие реальной действительности, а лишь отражавшие идеологическую позицию отечественной науки того времени.

«Новейшая история Китая. 1928–1949» под редакцией М. И. Сладковского, выпущенная Институтом Дальнего Востока Академии наук СССР, также не избежала классовых и идеологических клише, включая обороты «японская военщина», «в правящем гоминьдановском лагере...продолжалась грызня» [9, с. 165] и т. д., в целом ограничившись воспроизведением известных фактов и данных.

Одной из наиболее содержательных работ является труд В. А. Богословского и А. А. Москалева «Национальный вопрос в Китае (1911–1949)» [2]. Авторы уделяют значительное внимание автономистскому движению, рассматривая его в контексте в целом неудачной национальной политики гоминьдановского правительства. Исследуя предпосылки движения, они анализируют решения, принимаемые центральными властями в области административного деления монгольских земель, государственной политики расчленения территорий и заселения их ханьскими народами, придерживаясь традиционно классовых позиций, что снижает объективность и, как следствие, научную ценность работы. Авторы ограничиваются лишь общим описанием событий, в котором отсут-

ствуют те или иные политические и государственные деятели, характеристика управленческого аппарата и другие важные вопросы.

Следовательно, в освещенный нами период вышедший в его рамках научный материал впервые рассматривает Мэнцзян и движение за его независимость как целенаправленный и поступательный процесс, а не проявление сепаратизма некоторых представителей монгольской аристократии. В это же время выходят в свет мемуары и воспоминания тех лиц, кто непосредственно был задействован в процессе получения автономного статуса, а затем добивался независимости монгольских земель. Тем не менее литература этого периода страдает однобокими суждениями, отсутствием глубинного изучения проблемы и анализа геополитической подоплеки, предсказуемыми выводами.

Четвертый период берет свое начало с середины 1980-х гг., поскольку к этому времени культурная революция практически полностью завершилась, а правительство КНР принимает необходимые меры для нивелирования ее последствий, в т. ч. путем формирования патриотично настроенной нации и реставрации исторических традиций.

Объем научного материала в этот период значительно возрастает и включает в себя как новые общие архивные данные по истории монголов в пределах Китайского государства, Внутренней Монголии в первой половине XX в. [50; 51; 55], так и предметный материал по периоду японской оккупации [45; 63; 66]. Китайское научное сообщество представлено именами таких авторов, как Хао Вэйминь [65], Чао Лоумэн [72], Чэнь Хуэйшен [73], которые рассматривали вопрос государственностроительства во Внутренней Монголии через призму общего развития региона, используя архивный материал, недоступный в настоящее время широкому кругу отечественных исследователей. И, несмотря на обилие материала,

Мэнцзян по-прежнему характеризуется односторонне и стереотипно.

Издаются биографические данные и воспоминания участников событий: Дэ Вана, Тувшина, Уланфу [62], Сэцэна Захчида [25]. В книгах «Последний князь Монголии: жизнь и время Дэмчиг Донрова» и «Мои воспоминания о Дэ Ване и Внутренней Монголии» (впервые издана на китайском языке в 2005 г.) представлена биография одного из лидеров движения за независимость Внутренней Монголии. И хотя материал изначально задумывался как биографический, в изданиях достаточно подробно описываются события 1930–1940-х гг., связанные со стремлением к автономии и независимости. В контексте политических событий не остается без внимания национальный вопрос, проблемы взаимоотношений с Китаем, социальная политика князя и другие вопросы. Содержание книг заставляет читателя сопереживать положению, в котором оказался Дэ Ван: с одной стороны, военная мощь Японии, которая стремительно продвигается в глубь Китая, с другой – судьба монгольского народа, который не в силах противостоять надвигающейся угрозе и вынужден искать выход из этой драматической ситуации.

Авторы, последовательно и предметно работающие с материалом по Мэнцзяну: Цзинь Хай [67], Ци Цзяньминь [70], Дин Сяоцзэ [42], Жэнь Ций [43], Баоинь Чаокэт [37] и др. Важно отметить, что и в описываемый период времени данной проблематикой занимались преимущественно либо университеты Внутренней Монголии, либо центральные учреждения Пекина, Тяньцзиня и некоторых других крупных научных центров.

В череде современных ученых следует выделить Сун Цунье, который в своих работах [58–60], используя значительный объем архивного материала, статистических данных, приводя сведения, содержащиеся в монгольской и китайской прессе 1930–1940-х гг., под-

робно раскрывает вопросы права и правового регулирования общественных отношений в Мэнцзяне, преимущественно касающихся вопросов экономики и торговли.

Помимо этого стоит упомянуть, пожалуй, единственное доступное предметное издание по политической истории Алашани первой половины XX в. (с 1912 г.) – «Прошлое Алашани» (издание в трех томах) [53].

Зарубежная литература этого периода выходит под грифом ведущих мировых учебных центров: Оксфорда, Кембриджа, Токийских университетов, куда некоторое время назад устремился поток эмигрантов из Внутренней Монголии. В своих трудах Уильям Бизли [16], Парк Кобл [20], Эдвин Мойз [29], Сара Кросби Мэллори Пэйн [31], Марк Элиот [21], Цинь Юянь [71] и др. [15; 17; 30] не изучают именно Мэнцзян – в большинстве книг он упоминается при описании событий на севере Китая или во Внутренней Монголии на фоне японской оккупации. Тем не менее даже этот мизерный объем материала позволяет дополнить имеющиеся данные.

Более подробно, но отнюдь не более содержательно представлен блок зарубежного регионального материала. Так, Джеймс Бойд в работе «Японско-монгольские отношения, 1873–1945 гг.: вера, гонка, стратегия» [18] использует значительный объем имеющегося научного материала, опирается на широкий спектр военных документов, донесений, правительственных отчетов и др. Отступая от традиционного представления Внутренней Монголии как инструмента реализации Японией своих стратегических задач в Маньчжурии и на других территориях Китая, Бойд определяет связь Японии с Монголией в качестве ключевой при выстраивании взаимоотношений с континентальным Китаем вплоть до 1945 г., хотя и не отрицает того факта, что Монголия внесла свой вклад в дело поддержки претензий Японии на лидер-

ство в Юго-Восточной Азии. В целом работа освещает процесс государственностроительства с точки зрения взаимоотношений с Японией, тогда как события первой половины 1930-х гг., равно как и в последующие периоды, не всегда и не во всех сферах общественной и политической жизни подчинялись японской воле.

Среди авторов, которые рассматривают события во Внутренней Монголии как с современных позиций, так и в исторической ретроспективе, выделяется Сяо-тин Лин с работами «Этнические границы современного Китая: путешествие на Запад» и «Тибет и граница националистического Китая: интриги и этнополитика, 1928–1949 гг.» [26; 27]. В первой работе Лин исследует политику Китая на протяжении XX в. в отношении национальных меньшинств и народов, населяющих окраины бывшей империи Цин. Революция, борьба за независимость, идея «Республики пяти национальностей» отсылают читателя к описываемым событиям, освещая проблемы, с которыми сталкивалась молодая Китайская Республика на всем протяжении своего недолгого существования. Автор уделяет значительное внимание анализу событий начала 1930-х гг., предшествующих движению автономистов, когда Нанкинское правительство было вынуждено искать пути сохранения политической и военной стабильности, в т. ч. и путем определенных уступок в отношении монгольских политических лидеров, но в основном лишь воспроизводит имеющийся исторический материал, изредка подвергая его анализу сквозь призму государственной национальной политики Гоминьдана, не уделяя внимания иным сторонам процесса государственностроительства.

Во второй работе Лин исследует политику Нанкинского правительства в отношении т. н. тибетского вопроса. Автор затрагивает и проблему становления государственности во внутренней Монголии. Весьма интересны сведения,

в соответствии с которыми японская сторона поддерживала автономистское движение с 1932 г., хотя официально утвердившаяся научная позиция говорит о том, что движение автономистов приобрело осязаемые черты лишь к осени 1933 г. Приводятся данные, основанные на воспоминаниях участников описываемых событий, иные данные, на совокупности которых выстраивается картина событий, происходящих во Внутренней Монголии в контексте общей ситуации с национальными территориями китайских окраинных земель. Большое внимание уделяется Панчен-Ламе, а также другим религиозным деятелям, принимавшим участие в монгольских событиях начала-середины 1930-х гг. Но в силу того, что Внутренняя Монголия и Мэнцзян не являются предметом освещения данной книги, монгольские политические и социальные процессы и события рассматриваются как фон событий в едином и схожем по своему международно-правовому статусу Тибете. Вместе с тем Лин использует значительное количество слухов (о чем неоднократно указывает на страницах своей книги) и информации, которую западная пресса выдавала за действительное положение вещей, например, утверждение о руководстве процессом получения автономного статуса Дэ Ваном.

Сяюань Лю [28] в своей работе анализирует геополитическую ситуацию в Азии в период участия в военных действиях СССР. Автор обозначает советские интересы во Внутренней Азии, которые включали и Внутреннюю Монголию. И хотя книга слабо касается вопроса государственностроительства во Внутренней Монголии, она определяет интересы России, Китая и Японии в изучаемом нами регионе, что, в свою очередь, позволяет более четко выявлять те силы, которые влияли на процесс создания и развития государственности Мэнцзяна.

В некоторых аспектах полезной и информативной может оказаться книга под авторством Чарльза Пэттибона [32],

в которой содержатся в основном статистические данные, касающиеся военных вопросов. Ценность издания заключается в том, что приводятся сведения в отношении военных формирований, являющихся составной частью мэнцзянских вооруженных сил. Некоторые данные вызывают сомнение и даже содержат ошибки, как, например, указание на то, что Председателем Политического совета автономии и Монгольского военного правительства был Дэ Ван. Хотя он действительно возглавлял Мэнцзян во Второй мировой войне, но руководил им с августа 1938 г., т. е. данные о том, что он возглавлял автономный политический совет и Военное правительство, являются ошибочными.

Среди множества подобных упомянутых выше работ следует выделить труд Джастина Тая «Создание Суйюаня: политика в отношении Северо-Западных территорий и их развитие в начале двадцатого века» [34]. И хотя автор ограничивается лишь одной из составных частей Мэнцзяна, бывшей китайской провинцией Суйюань, приведенный материал весьма интересен. Используя концепцию «нация – государство», Тай делает попытку обоснования формирования монгольской политической общности на определенной территории в обозначенный исторический период, в связи с чем проводит анализ административно-территориального деления, изучает вопросы, связанные с сельским хозяйством и развитием территорий, дает характеристику социальной структуре монгольского общества, затрагивает вопросы взаимоотношения жителей Внутренней и Внешней Монголии. Процессу государственностроительства и непосредственно Мэнцзяну посвящена отдельная глава. Автор придерживается точки зрения относительно его квазигосударственной природы. Освещаются события начала 1930-х гг., предшествующие процессу получения автономного статуса, указываются роль и значение ключевых политических деятелей и др., однако материал

не отличается глубоким анализом происходящих политических и военных процессов, а сам Тай ограничивается лишь описанием событий, получивших освещение в зарубежной (преимущественно западной) прессе.

Экономическую сторону монгольских событий в ходе общего исследования опиумного рынка в Китае изучают Тимоти Брук и Боб Тадаши Вакабаяши [19]. В работе использован материал японских архивов, опубликованный в 1970–1980-е гг., контекстно освещается процесс создания Монгольской Автономии. На основе документов автор приходит к выводу о том, что японское правительство активно поддерживало действия собственных военных в проведении политики по поддержке и увеличению оборота опиума и наркоторговли в Китае с начала китайско-японской войны в 1937 г. В книге приводится значительный объем данных, на основе которых выстраивается картина экономической ситуации во Внутренней Монголии и ее политический контекст, а также механизм оборота наркотиков, который служил одним из ключевых источников дохода для японцев и их союзников. Ни вопросов государственностроительства, ни иных политических событий 1930–1940-х гг., за исключением политики правительства Ван Цзинвэя в отношении оборота наркотиков на обозначенной территории, автор не касается.

Отметим также труды монгольских авторов: Ц. Батбаяр «Монголия и Япония в первой половине XX в.» [1] – весьма сдержанно воспроизводится общий ход автономистского движения; Д. Зоригт «Дэ Ван» [35], где автор, используя значительный объем архивных данных, материалов СМИ, фотографий и других источников, приводит не только жизнеописание монгольского лидера, но и объективные факторы, способствующие успеху и поддержке обеих кампаний государственностроительства (в Чахаре в начале 1930-х гг. и в Нинся в конце

1940-х гг.), однако не проводит глубокого анализа изучаемых событий, в результате чего книга представляет биографический, но не политический и, тем более, геополитический интерес.

В отечественной науке материал, освещающий монгольское автономистское движение и дальнейшие события, связанные с ним, предельно скромны. В книге «Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945» Г. Ф. Захарова утверждает, что движение за автономию было инициировано именно японской стороной [7, с. 38], начало ему было положено весной 1933 г. во время визита монгольской делегации к главе Маньчжоу-Го Пу Йи, когда ее представителей настойчиво уговаривали объявить независимость, а создание собственно Мэнцзяна состоялось 1 сентября 1939 г. Автор поверхностно освещает некоторые события (например, установление дипломатических отношений между Мэнцзяном, Маньчжоу-Го и Японией) и не уделяет достаточного внимания деталям, равно как и Д. И. Гольдберг [4], ограничиваясь лишь констатацией ряда общепринятых фактов. Не отличаются разнообразием и глубиной изучения современные научные изыскания начала XXI в. В контексте административного деления монгольских земель следует мысль С. В. Мажинского, А. П. Голикова и др. [5; 6; 8].

Вне зависимости от возросшего объема научного материала, который освещает события во Внутренней Монголии в первой половине XX в., комплексных работ собственно по Мэнцзяну, его политическому устройству, административно-территориальному делению, управлению, правовой системе, развитию государственности и попыткам получения государственного суверенитета до настоящего времени нет.

Представленные труды имеют иной предмет изучения, фрагментарны и зачастую конъюнктурны, и если имеется материал, так или иначе касающийся вопросов государственности Внутренней

Монголии, то в большинстве случаев он идет сопутствующим материалу о собственно китайских событиях, т. е. не является, по мнению авторов, важным.

Часть авторов рассматривает Мэнцзян исключительно или в большей степени как продукт японских оккупантов, в связи с чем ни один из ученых не ведет речь о национальном возрождении (как это было в западной прессе изучаемого периода), восстановлении утраченной государственности и национальном единстве. Упускается тот факт, что про-

цесс получения автономии был запущен в 1933 г., т. е. за 3 года до занятия Чахара японскими войсками, причем сами же авторы признают, что до середины 1930-х гг. влияние японской стороны не было значительным.

В результате имеющийся сегодня научный задел – не только не полный, но и во многом искажающий реальную действительность, в которой происходил процесс государственностроительства во Внутренней Монголии.

Литература

Издания на русском языке

1. *Батбаяр Ц.* Монголия и Япония в первой половине XX в. – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2002.
2. *Богословский В. А., Москалев А. А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). – М.: Наука, 1984.
3. *Вэй Цзы-чу.* Капиталовложения империалистов в Китае (1902–1945) / пер. с 3-го китайского издания М. А. Киселева; отв. ред. Г. В. Астафьев. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
4. *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 – декабрь 1941). – М.: Издат-во вост. лит., 1959.
5. *Голиков А. П.* Система восьми знамен: хронологические параметры (опыт конструирования исторического времени) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2013. – № 1 (24).
6. Границы Китая: история формирования / под общ. ред. В. С. Мясникова, Е. Д. Степанова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001.
7. *Захарова Г. Ф.* Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. – М.: Наука, 1990.
8. *Мажинский С. В.* Китайская политика во Внутренней Монголии в XIII–XIX вв.: историко-политический экскурс // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 358 (май).
9. Новейшая история Китая. 1928–1949 / под ред. М. И. Сладковского. – М.: Наука, 1984.
10. *Рерих Н.* Врата в будущее. – Рига: Угунс, 1936.
11. *Рерих Н. К.* Дневник маньчжурской экспедиции // Ариаварта. – 1999. – № 3.
12. *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 1. – М.: Международный Центр Рерихов, фирма «Бисан-Оазис», 1995.
13. *Рязановский В. А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. The Mongolian law (with special reference to the customary law). – Харбин: Типогр. Н. Е. Чинарева, 1931 г.
14. *Титов А. С.* Борьба за единый национальный фронт в Китае 1935–1937 гг. – М.: Наука, 1981.

Издания на английском языке

15. Atwood Chr. Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information. Twentieth-Century China 25 (2): 75–113. April 2000.

16. *Beasley W. G.* Japanese imperialism 1894–1945. – Oxford: Oxford University Press, 1987.
17. *Black C. E., Dupree L., West E. E., Naby E.* The Modernization of Inner Asia. – М. Е. Sharpe, 1991.
18. *Boyd J.* Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945: Faith, Race and Strategy. – London: BA (Hons) Adelaïd, 2008.
19. *Brook T., Wakabayashi B. T.* Opium Regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952. – LA: University of California Press, 2000.
20. *Coble P. M.* Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937. – Cambridge; MA; London: Harvard University Press, 1991.
21. *Elliott M. C.* The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies. The Journal of Asian Studies. – 2000. – Vol. 59. – № 3. – Aug.
22. *Friters G. M.* Outer Mongolia and its international position. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1951.
23. *Hyer P., Jagchid Sechin.* A Mongolian living Buddha: biography of the Kanjurwa Khutughtu. – Albany: SUNY Press, 1983.
24. *Jagchid Sechin.* Prince Gungshangnorbu: Forerunner of Inner Mongolian Modernization, Zentralasiatische Studien, 1979.
25. *Jagchid Sechin.* The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902–1966. – Bellingham, Washington: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1999.
26. *Lin Hsiao-ting.* Modern China's ethnic frontiers: a journey to the west. – London; New York: Routledge, 2011.
27. *Lin Hsiao-ting.* Tibet and Nationalist China's Frontier: Intrigues and Ethnopolitics, 1928–1949. – Vancouver: University of British Columbia Press, 2007.
28. *Liu Xiaoyuan.* A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
29. *Moise E. E.* Modern China: A History. – London; New York: Longman, 1986.
30. *Narangoa L., Cribb R. B.* Imperial Japan and national identities in Asia, 1895–1945. Nordic Institute of Asian Studies monograph series. – New York: Routledge, 2003.
31. *Paine S. C. M.* The Wars for Asia, 1911–1949. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
32. *Pettibone Ch. D.* The Organization and Order or Battle of Militaries in World War II: Vol. VII: Germany's and Imperial Japan's Allies & Puppet States. – Trafford: Trafford Publishing, 2012.
33. *Rahul R.* China's other boundaries // Australian Journal of Politics and History (Brisbane, Vol. IX, 1963).
34. *Tighe J.* Constructing Suiyuan: The Politics Of Northwestern Territory And Development in Early Twentieth-Century China (Brill's Inner Asian Library). – Leiden: Brill Academic Pub; 1st Edition, 2005.

Издания на монгольском языке

35. *Зоригт Д.* Дэ Ван. – Улаанбатаар: Адмон, 2011.
36. *Нацагдорж Ш.* Манжийн эрхшээнд байсан уеийн. Халхын туух. – Улаанбаатар, 1963.

Издания на китайском языке

37. *Баоинь Чаокэ*. Политика контроля псевдорежима Мэнцзяна в отношении ресурсов: исследование государственной политики в области животноводства // Журнал Университета Внутренней Монголии (гуманитарные и социальные науки). – 2001. – № 5.

38. Второй архив документов по истории Китая. «Сборник архивных материалов об истории Китайской республики». Т. 2. – Нанкин: Народное изд-во провинции Цзянсу, 1981.
39. *Гао Вэньдэ, Цай Чжичунь*. Родословные монгольских князей. – Чаньчунь: Изд-во социальных наук, 1979.
40. Данные о истории и культуре Внутренней Монголии. Ч. 7–8. – Хух-Хото: Народной изд-во Внутренней Монголии, 1986.
41. Данные по АРВМ Комиссии по изучению материалов истории и литературы Народного политического консультативного совета Китая. Внутренняя Монголия: культурные и исторические данные. Т. 13. – Хух-Хото: Изд-во магазина книг о истории и литературе Внутренней Монголии, 1984.
42. *Дин Сяоцзэ*. Избранные материалы об истории открытия общественных школ и Обществе японской дружбы. Институт истории и культуры Педагогического университета Внутренней Монголии // Журнал Университета Внутренней Монголии (гуманитарные и социальные науки). – 2007. – № 5.
43. Жэнь Цийи. Антикоммунистическая деятельность режима и ее культурные аспекты в Мэнцзяне // Журнал Университета Внутренней Монголии (философские и социальные науки). – 2008. – № 1.
44. *Захчид Сэцэн*. Мои воспоминания о Дэ Ване и Внутренней Монголии. – Издательство китайской истории и литературы, 2005.
45. Избранные архивные материалы агрессии японских империалистов: марионеточные режимы. – Пекин: Изд-во Чжунхуа, 2004.
46. История династии Цин. – Пекин: Изд. дом Чжунхуа, 1976.
47. История монголов в Китае с древнейших времен до наших дней / Академия общественных наук Внутренней Монголии. – Хух-Хото: Национальное изд-во, 2001.
48. *Лу Минхуэй*. Полная история Дэ Вана и монгольской автономии. – Хух-Хото: Издательство Института истории монгольского языка, 1977.
49. *Лу Минхуэй*. Полная история монгольского движения за автономию. – Пекин: Изд-во «Чжонхуа шу джиу», 1980.
50. Мирное восстание в Суйюани 19 сентября 1949 г.: исторические данные. Избранные материалы. – Хух-Хото: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1986.
51. Официальные данные Китайского народного архива. – Нанкин: Изд-во исторической литературы Цзяньсу, 1991.
52. Повествование в изложении Дэмчиг Донорва. Внутренняя Монголия: культурные и исторические данные. – Хух-Хото: Изд-во магазина истории и литературы Внутренней Монголии, 1984.
53. Прошлое Алашани (издание в трех томах). – Иньчуань: Народный издательский дом Нинся, 2007.
54. Революция в Китае и японская дипломатия в Пекине. – Чанчунь: Изд-во социальных наук Китая, 1980.
55. *Сайхан Чжинхай Судбэлиг*. История Внутренней Монголии в период Китайской Республики. – Хух-Хото: Изд-во Ун-та Внутренней Монголии, 2007.
56. Современная история Китая. – Шанхай: Шанхайский народный издательский дом, 1981.
57. *Суй Ючун*. Дополненный словарь выдающихся деятелей Китайской Республики. – Шанхай: Народный издательский дом Хэбэя, 2007.
58. *Сун Цунье*. Предварительные исследования уголовно-процессуального законодательства псевдорежима в Мэнцзяне // Журнал Университета Внутренней Монголии (философские и социальные науки). – 2010. – Февр.
59. *Сун Цунье*. Особенности правовой системы псевдорежима в Мэнцзяне // Академический журнал. Социальные науки. – 2010. – № 23 (5). – Май.

60. Сун Цунъе. Японская политика в Мэнцзяне по управлению торговлей // Исторический сборник. – 2008. – № 3.
61. У Энхэ, Синь Фули. Гунсэнноров и Внутренняя Монголия: культурные и исторические данные. – Хух-Хото: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1962.
62. Уланфу. Воспоминания. – Пекин: Информ.-изд. дом Коммунистической партии Китая, 1989.
63. Фанчжи Хоу. История военного сопротивления японским захватчикам в Северном Китае. Т. 1. – Тайюань: Народное изд-во Шаньси, 2005.
64. Фу Дин. Краткий исторический очерк о ходе революции во Внутренней Монголии. Революционные воспоминания. – Хух-Хото: Народ. изд. дом, 1983.
65. Хао Вэйминь. История автономного района Внутренняя Монголия. – Хух-Хото: Изд-во Университета Внутренней Монголии, 1991.
66. Хасимужэнь Бухэ. Операция Кантонской армии во Внутренней Монголии и создание марионеточного режима Мэнцзяна // Вестник Народного университета Внутренней Монголии. Сер. Социология. – Тунляо, 2003. – Март.
67. Цзинь Хай и др. Политическая власть в Мэнцзяне. Собрание комментариев к новой истории Внутренней Монголии. Т. 1. – Хух-Хото: Народ. изд-во Внутренней Монголии, 1986.
68. Цзоу Нянчжи. Подборка деловых бумаг японской дипломатии о Синьхайской революции. – Чанчунь: Изд-во социальных наук Китая, 1980.
69. Цзян Няньдун. Официальная история Маньчжоу-Го. Цзилиньское народное изд-во, 1980; Цутому Кавашима. Маньчжоу-Го и движения за независимость. – Чанчунь: Изд-во социальных наук Китая, 1982.
70. Ци Цзяньминь. Японская армия и смешанная комиссия Мэнцзяна // Научные исследования сопротивления японским захватчикам. – 2002. – Февр.
71. Цинь Юань. основополагающие документы о конфликтах с участием японских сухопутных и военно-морских сил. 2-е изд. – Токио: Издательское объединение высших учебных заведений, 2005.
72. Чао Луомэн. Воспоминания о демократической революции в Западной Монголии // Актуальная информация о демократических реформах в скотоводческих районах АРВМ / Исследовательский центр истории Коммунистической партии Китая во Внутренней Монголии, 1992.
73. Чэнь Хуэйшен, Чэнь Чао. История Синьцзяна Китайской республики. – Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна, 1999.

УДК 303.446.4

Ц. П. Ванчикова

МОНГОЛИЯ В ПОЛЕВОМ ДНЕВНИКЕ Ц. Ж. ЖАМЦАРАНО 1904 ГОДА

Дано краткое описание личного архива Ц. Ж. Жамцарано, хранящегося в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, и характеристика одного из его наиболее ранних экспедиционных дневников – полевого дневника, веденного им

ВАНЧИКОВА Цимжит Пурбуевна – главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: vanchikova_ts@mail.ru.

в Монголии в 1904 г. Данный дневник содержит уникальные сведения по истории, фольклору, культуре и этнографии описываемого периода.

Ключевые слова: Цыбен Жамцарано, Монголия, 1904 г., полевой дневник, народные обычаи, фольклор, религиозные верования монголов.

Ts. P. Vanchikova

MONGOLIA IN THE 1904 FIELD DIARY OF TS. ZH. ZHAMTSARANO

This article provides a short description of private archive of Ts. Zh. Zhamtsarano kept in the funds of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the IMBTS of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science and characterizes one of his earliest field diaries, that of 1904, written in Mongolia. This diary contains unique data on the history, folklore, culture and ethnography of the described period.

Key words: Tsyben Zhamtsarano, Mongolia, 1904, field diary, folk customs, folklore, religious beliefs of Mongols.

В составе архивного фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН хранится личный архив Ц. Ж. Жамцарано (1881–1942), видного политического, общественно-го деятеля и ученого-востоковеда [1, 74 ед. хр.], в котором представлены разнообразные материалы по истории Монголии, Бурятии и России, фольклору, шаманизму и этнографии монголоязычных народов. Аннотированное описание его архива было опубликовано в 2010 г. [2]. В целом архив Ц. Ж. Жамцарано небольшой, он насчитывает всего 74 дела. В нем представлены преимущественно материалы, связанные с его частной жизнью, научной и общественной деятельностью и охватывающие в основном начальный период его жизни. Имеющиеся в этом архиве материалы по интересующей нас теме, т. е. о Монголии, могут быть разделены на следующие группы: 1) экспедиционные дневники; 2) переписка; 3) статьи, рукописи работ, черновики и копии статей; 4) востоковедные материалы.

В данной статье кратко рассмотрены материалы полевых дневников Ц. Ж. Жамцарано. Всего в архиве Ц. Ж. Жамцарано хранится 9 экспедиционных дневников [3], из которых только один непосредственно связан с его экспедицией в Монголию. Это небольшая записная книжка, озаглавленная «Дневник

Ц. Жамцарано, командированного Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Забайкальскую область и Ургу для собирания этнографическо-лингвистического материала» [1, д. 23, № 4, л. 1а–115а; 1], представляет собой ежедневные полевые записи его поездки в Монголию. Они охватывают период с 1 июля по 20 сентября 1904 г., т. е. более 90 дней, включая дорогу в Монголию и обратно. Как следует из заглавия дневника, основной целью экспедиции был сбор этнолого-лингвистического материала. Весь небольшой по объему дневник, начиная уже с первой страницы, содержит бесценные материалы самого разнообразного содержания. Все записанные им за период экспедиции сведения можно разделить на 2 группы: материалы по этнографии и по фольклору монголоязычных народов.

Дневник открывается сведениями о том, как проходили его сборы к экспедиции. И первые же страницы начинаются с сообщений этнографического характера. В частности, о том, что перед отправлением в дорогу были совершены обряды: «Выехали из нашего дома все 1-го [июля] утром довольно рано. Предварительно для моего выезда был определен день и час выезда и направление, какое должно взять сначала. Несоблюде-

ние этих точностей могло печально отразиться в дороге. Путь был освящен одним омиряннившимся бандием. Путьосвящение состояло в том, что приглашенный читал тибетскую книжку – молитву буддам 100 стран, воскурил сан из благовоний, [совершил подношение] маслом, хлебом, сметаной, побрызгал вина во все стороны духам местных гор и дол, суши и воды...» [3, с. 97]. Следует отметить, что данные обряды были повсеместно распространены, что они сохраняются среди верующих бурят и монголов и в настоящее время. Данный дневник по своей информативности чрезвычайно насыщен богатейшими зарисовками и материалами по этнографии монголов того времени, о приметах и суевериях разных этнических групп, меткими наблюдениями за бытом монголов и замечаниями о его отличиях от быта бурят (например, описанный им обряд дойки овец, который не используется бурятами).

Спутниками Жамцарано были богомольцы-паломники, которые по совету лам-прорицателей для спасения жизни больного мальчика отправились в Ургу на поклонение «святыням и святым в течение 100 дней, где имеется Ганджур. Место поклонения должно находиться подальше от родного улуса и на западе или северо-западе. Вот испуганная мать распродала все и поехала со своим единственным сыном Идамжапом в Ургу» [Там же]. Даже только на основе этого фрагмента видно, как глубоко был укоренен буддизм в ежедневный быт бурятского, да и всех монгольских народов, насколько велико было влияние лам на верующих.

Основным событием в период пребывания Ц. Жамцарано в Урге был обряд поклонения богдо-гэгэну, в связи с чем собралось большое число паломников: «15 июля. Поклонялись Гэгэну, уплатив по 2 руб. с человека (нас было 7 человек). Всех богомольцев было, кажется, до 200. Тут были монголы южные, в костюмах китайского покроя, были восточные, говорившие по-маньчжурски,

были из Бурятии (как мы), были западные». Этот обряд описан Ц. Жамцарано довольно подробно и красочно [Там же, с. 108–109].

В сам дневник зачастую он записывал только краткие сведения. О наиболее интересных событиях он писал дополнительно [1, д. 12, л. 19а–20а; II], вносил уточнения, о чем делал пометки на полях дневника: «Записано отдельно», «См. синюю тетрадь III», «Описание наадана – в другом месте». Так, например, в деле № 22, озаглавленном им самим как «Поклонение Гыгену», сохранились карандашные записи о посещении и поклонении богдо-гэгэну, дополняющие сведения дневника [Там же, д. 22, л. 65а–66а]. В данном документе представляют интерес бытовые зарисовки и сюжеты, связанные с церемонией поклонения богдо-гэгэну, например, о нищих странствующих монахах – бадарчинах.

Интересно описание тибетского цамы, который продолжался 3 дня (запись от 7 августа) и проходил при дворце богдо-гэгэна. Он отмечает, что «Тибетский цам скорее похож на европейские театральные представления, нежели мистерию, каковыми являются монгольский и бурятский цам. Сцена происходит довольно живо: лица разговаривают по-монгольски и тибетски, поют, дерутся... со свойственной тибетцам живостью. Маски и костюмы, роли лиц разнообразны и жизненны. Играют лишь тибетцы, они постоянно проживают в Урге (ибо Джебзун Дамба-хутухта – сам из Лхасы)» [Там же, д. 23, л. 32].

Из содержания дневника видно, что он уделял особое значение и внимание институту ламства, его роли и проявлению в жизни монгольского населения. В дневнике много сведений о его встречах с ламами самого разного ранга и сословий (брат богдо-гэгэна, ламы-перерожденцы, странствующие ламы-бадарчины, ученые ламы, бурятский лама и др.). Особенно интересны пересказы его бесед с ними, при этом он осуждает некоторые отрицательные черты отдельных

лам, как то: пьянство, невежество, приводя не совсем лицеприятное их описание. Но по большей части его описания встреч и бесед с ламами содержат высокую оценку знаний, личных качеств и достоинств. «Записал песню «Похвала дому» из уст ламы Балиху-габжу, 51 г. из Гандана. Человек восхитительно добрый и любезный. Песенка – не что иное, как доброе пожелание дому за гостеприимство» (25 июля) [3, с. 113]. О брате богдо-гэгэна Лубсан-Вандане: «Интересовался европейской наукой, расспрашивал о технических открытиях; говорили о многом и весьма сердечно. Человек очень отзывчивый к страданиям других» (запись от 14 июля) [Там же, с. 107]. Для оценки общего уровня монашеского сословия представляется важной следующая запись от 2 августа: «Габжу Элбэк из Гандана, человек добрый, честный, каковые в большинстве случаев встречаются среди пожилых лам в Гандане и Курене. Есть между ними очень симпатичные старики, настоящие багши [т. е. учителя, наставники]».

Записи велись им ежедневно, в редкие дни – краткие, но в основном подробные.

Судя по дневнику, темп его жизни и работы в Урге был чрезвычайно напряженным, изнуряющим. Так, он в дневнике неоднократно упоминает о болезни, усталости, плохом самочувствии, например: «Чувствую себя скверно, нездоров» (20 июля) [Там же, с. 111]. Но более всего он расстраивается из-за отсутствия знатоков фольклора: «Неудача в поисках за народной литературой (изустной) прямо-таки выводит меня из тарелки» (30 июля) [Там же, с. 114].

Из записей этнографического характера наиболее подробно описаны конные скачки (морни наадан), которые проходили несколько дней – с 19-го по 23 июля. По существу это были не ординарные скачки, а специальные празднества данчиг (даншиг, даншог), т. е. религиозные церемонии, посвященные богдо-гэгэнам и сопровождаемые разными

ми обрядами и подношениями. Проводились они в последний летний месяц, совершались раз в три года («через 2 года на 3-й»), но позднее при VIII богдо-гэгэне они стали проводиться каждый год. Основная цель церемонии – подношение даров богдо-гэгэну с пожеланиями ему долгих лет жизни. Судя по описанию Ц. Жамцарано, это был всенародный праздник, на который собирался народ со всех хошунов Халхи для поклонения богдо-гэгэну: «20 июля. В верстах 30-ти от Урги по Кяхтинскому тракту, на долине р. Ху[й] раскинулась тысяча палаток и юрт, десятки тысяч обитателей степи всех возрастов и положений, начиная с самого Богдо-гэгэна и амбаней (монгольский и русский консулы) и кончая последним нищим... Собралась такая масса народу и так широко раскинулась по долине, что теряется с первого разу». В эти дни одновременно проводились борьба и устраивались скачки «разных родов лошадей: иноходцев, рысаков, бегунов, трехлеток, четырехлеток, жеребцов и прочих по несколько сот сразу» [Там же, с. 110–112]. Далее им приводятся красочные описания палаточного городка, его устройства, разных типов юрт, палаток и прочих сооружений, разных типов участников празднества. Довольно подробно дано описание скачек. В его архиве имеется также небольшая записная книжка, озаглавленная самим Жамцарано как «Пробное описание конских скачек. IV. (Наадан) к Дневнику. Жамцаранов» [1, д. 24, л. 1а–9а]. Она представляет собой краткие черновые карандашные записи о скачках, дополняющие некоторые сведения дневника. В ней кроме того приведен текст соло – гимна-восхваления, исполненного для победившего на скачках коня. Это соло было записано им 20 июля от Доржи, 18 лет, жителя Наймахото (Майма-хото, торговый район Урги. – Ц. В.). Помимо собственно описания обстановки праздника и конных скачек согласно данным дневника им было сделано немало фотоснимков.

Материалы дневника свидетельствуют об очень серьезном и тщательном отношении Ц. Ж. Жамцарано к экспедиционной работе. Он старался максимально эффективно использовать свое краткое пребывание в Монголии: знакомился с разными людьми, использовал любую возможность для получения научной информации. Практически каждый день был посвящен поиску информантов, сбору и записыванию разнообразных этнографических и фольклорных материалов. Им были записаны: загадки (20, 30 июля, 2 августа), песня «Харцал», которую исполняли бродячие ламы (23 июля), песни и загадки кударинских бурят, приехавших в Ургу закупать лошадей (27 июля), улигеры «Галзуу Баатар», «Эрийн сайн Залуудай Мэргэн», «Богдо-нойон Чжанрай-хан» (3–5, 8, 9 августа), басни-сказки «Два брата и сестра», «Мальчик-с-пальчик», «Гахай Тулгуши», (4, 6–8 августа), басни «Как черепаха, лисица и волк вино нашли и пили», «Бедный человек, как разбогател (целая повесть)», «Три человека: а) с седой головой, но усы черные, б) с седой головой и усами, в) с седой головой, но ни усов, ни бороды» (10, 11 августа), «Бедный и богатый юноши» (11 августа), два рассказа «Шидди хура», «Семь молодых и девица Сурун-Дава» (13 августа), сказка «Бигармижид-хан» (14, 15 августа), повесть о бедном Бадарчине (16, 17 августа), «анекдот-басня из уст Элбэк-габжи» (19 августа), загадки (24 августа) и песни от Лувсан-хурчи (25 августа) [1, д. 25, л. 1а–35а; III].

Статья выполнена в рамках совместного проекта Сибирского отделения Российской академии наук с Академией наук Монголии и Министерством образования, культуры и науки Монголии № 17 «Монголия – Сибирь в ретроспективе веков» (2013–2014, рук-ль чл.-кор. Б. В. Базаров).

Примечание

I. Дневник Ц. Жамцарано, командированного Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Забайкальскую область и Ургу (рук., черновик, текст на рус., монг.,

Помимо сведений о месте записи, об информантах, разъяснений к тексту им приводится и краткое содержание на русском языке записанных им фольклорных материалов.

Для этнографа и фольклориста Монголия представляла необозримое поле деятельности. Собранные им и зафиксированные свидетельства донесли до нашего времени живые черты ушедшего быта, характерные особенности жизни столицы Монголии того периода во всех ее проявлениях.

В его дневниках ярко отражена личность самого ученого, они свидетельствуют о его научной эрудиции и профессионализме, энциклопедичности его знаний и многогранности его деятельности.

В начале XX в. Россия уделяла особое внимание усилению своей роли на геополитической карте мира, особенно на востоке. Чему подтверждением являются планомерно организованные государством, академией наук и Географическим Обществом многочисленные экспедиции в Китай, Тибет, Монголию. Дневники Ц. Ж. Жамцарано, как и все его научное наследие, не потеряли своей научной ценности и в настоящее время, они являются исключительно важным источником по изучению многих вопросов истории, культуры, этнографии и фольклора Монголии. Данная экспедиция Ц. Ж. Жамцарано послужила началом его дальнейших тесных контактов с Монголией, углублению его общественных и научных профессиональных интересов.

тиб., бур. яз., чернила, карандаш, переплет твердый, бумага плотная, в линию, 13,5 x 8,2), см. Дневники Ц. Жамцарано за 1903–1907 гг. подготовлены к печати Ц. П. Ванчиковой, В. Ц. Лыксоковой и И. В. Кульганек и изданы в 2001 г. Цитаты в статье приведены по публикации Дневников 2011 г.

II. Черновик описания окрестностей горы Богдо-уула, дворцов хутухты (рук., бумага плотная, в линию, 27,3 x 21,3 см); «Обратный путь из Богдын хурээ» – путевые заметки о путешествии в Богдын хурээ (рук., на ст.-монг. яз., 22 x 18 см) [1, д. 52, л. 1а]; «Корреспонденция из Монголии» – путевые заметки Ц. Жамцарано о его пребывании в Монголии. Описание пути в Ургу на «Долоон хошууны даншиг», краткие сообщения о самом празднике, об участниках, отношении монголов к экспансии англичан в Тибет. Подписано: Ц. Жамцаранов, Урга, 22 августа (рук., черновик, бумага плотная, в линию, 34 x 22,5 см) [1, д. 5, л. 1а–7а].

III. В его личном архиве хранится отдельный документ (ф. 6, оп. 1, д. 25, л. 1а–35а), озаглавленный «Список материалам (из народной литературы), собранным вольнослушателем Императорского СПб университета хори-бурятом Цыбен Жамсарановым летом 1904 г. в Монголии, в г. Урге и отчасти у агинских хори-бурят, по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» от 11 ноября 1904 г. (рук., черновик, на рус. яз., отдельные названия на бур. яз., бумага плотная, в линию, 27 x 21 см.), в котором в разделе «Устная литература А» (поэмы, сказки, басни и т. д.) перечисляется 25 наименований с кратким изложением содержания, в разделе «Устная литература В» (песни) приводится список из 35 наименований, в т. ч. 26 монгольских и 9 бурятских песен.

Литература

1. Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, ф. 6, оп. 1.
2. Описание личного архива Ц. Ж. Жамцарано / авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 97 с.
3. Цыбен Жамцарано. Путевые дневники. 1903–1907 гг. / сост. Ц. П. Ванчикова, В. Ц. Лыксокова, И. В. Кульганек. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.

УДК 930.253

В. Ю. Башкуев

ГЕОМЕДИЦИНСКАЯ СИТУАЦИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ (конец XIX – первая половина XX в.) В ДОКУМЕНТАХ АРХИВОВ

Представлен обзор архивных источников, обнаруженных в региональных и центральных архивах России в ходе реализации первого этапа научного проекта РФФИ № 14-06-00312 «Геомедицинская ситуация в Байкальском регионе и вызовы геополитической безопасности России во Внутренней Азии: история и современность». Документы, относящиеся к концу XIX – середине XX в., освещают различные аспекты геомедицинской проблематики, включая эпидемиологические угрозы, организацию охраны

здоровья, международное научно-медицинское сотрудничество, транснациональную историю и геополитику «мягкой силы».

Ключевые слова: источники, геомедицинская ситуация, эпидемиологическая обстановка, дифтерия, холера, организация здравоохранения, социальные болезни, научно-медицинское сотрудничество, геополитика, медико-санитарная помощь, «мягкая сила».

V. Yu. Bashkuev

THE GEOMEDICAL SITUATION IN THE BAIKAL REGION (Late 19TH – First Half of the 20TH Centuries) IN ARCHIVAL SOURCES

The article presents a survey of archival sources unearthed in regional and central Russian archives while carrying out the first stage of the RFBR-funded scientific project № 14-06-00312 under the title “The Geomedical Situation in the Baikal Region and Challenges to the Geopolitical Security of Russia in Inner Asia: History and Contemporaneity”. Sources pertaining to the late 19th – mid 20th centuries reflect various aspects of geomедical problems, including epidemiological threats, organization of healthcare, international scientific and medical cooperation, transnational history and “soft power” geopolitics.

Key words: sources, geomедical situation, epidemiological situation, diphtheria, cholera, organization of healthcare, social diseases, scientific and medical cooperation, geopolitics, medical and sanitary assistance, “soft power”.

Весной 2014 г. временным коллективом, состоящим из сотрудников ИМБТ и БИП СО РАН, была начата реализация научного проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 14-06-00312 «Геомедицинская ситуация в Байкальском регионе и вызовы геополитической безопасности России во Внутренней Азии: история и современность». Под геомедицинской ситуацией в проекте понимается совокупность естественных факторов окружающей среды (климат, экология, эпидемический фон) и исторически сложившихся особенностей развития общества (социокультурные характеристики, политические и социальные институты, экономическая ситуация), определяющая закономерности возникновения и распространения болезней человека, традиционные и институционализованные практики охраны здоровья. Впервые была предпринята попытка рассмотреть проблемные аспекты безопасности и качества жизни региональных сообществ в разрезе нескольких научных дисциплин,

объединяя в научной концепции проекта ретроспективный анализ формирования проблемы и научные интерпретации ее современного состояния.

Достижение научных целей проекта подразумевает проведение комплексного исторического исследования проблемных аспектов геомедицинской ситуации и этнологического экскурса в традиционные практики организации жизненного пространства и охраны здоровья монгольских народов. Поэтому его первый этап предусматривает поиск, систематизацию и анализ исторических источников, составляющих эмпирический фундамент всей концептуальной структуры проекта. В данной работе представлена характеристика архивных материалов, обнаруженных в Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В силу разноплановости исторических источников наиболее логичным способом их систематизации

представляется размещение в хронологическом порядке.

Дореволюционные фонды ГАРБ

Информативные источники по проблемным аспектам санитарно-эпидемиологической обстановки в восточной части Байкальского региона в дореволюционный период сосредоточены в фонде № 319 с документами Верхнеудинского окружного комитета общественного здоровья за 1870–1884 гг. Этот выборный орган при городской управе г. Верхнеудинска был создан приблизительно в 1870 г. (точную дату в документах фонда обнаружить не удалось). В непосредственные функции комитета входили контроль над эпидемиями и эпизоотиями в Забайкальской области и своевременная ликвидация очагов распространения эпидемических заболеваний. В 1870 г. Верхнеудинский окружной комитет общественного здоровья состоял из председателя и четырех членов. Председателем был исправляющий дела начальника Верхнеудинского округа. Членами комитета являлись окружной врач, городской голова, благочинный протоиерей одной из верхнеудинских церквей и военный врач 1-й конной армии Забайкальского казачьего войска.

Документы фонда Верхнеудинского окружного комитета общественного здоровья важны для понимания того, как в ходе реформы городского самоуправления 1870 г. изменялись меры по контролю санитарно-эпидемиологической обстановки в городах Российской империи. Создание Верхнеудинского окружного комитета общественного здоровья, несомненно, было результатом введения 16 июня 1870 г. Городового положения, существенно расширившего самостоятельность городов и возложившего на муниципальные органы заботу о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. По сути это был первый

специализированный орган, профессионально занимавшийся обеспечением эпидемиологической безопасности далеко за пределами границ Верхнеудинска. Действуя на основе Устава медицинской полиции и Устава врачебного, комитет не только непосредственно занимался ликвидацией эпидемических очагов (дифтерия, тиф, дизентерия, сибирская язва и т. д.), но и выполнял важную информационную функцию. В случае эпидемии он еженедельно информировал как вышестоящие власти (генерал-губернатора Восточной Сибири и военного губернатора Забайкальской области), так и местные органы самоуправления (степные думы, волостные правления, сельских старшин) о санитарно-эпидемиологической ситуации в регионе. Помимо этого, с помощью местного полицейского управления комитет постоянно держал городское население в курсе текущих мер по предотвращению эпидемий, а также собирал информацию о состоянии здоровья горожан в пораженных эпидемией районах [1, ф. 319, оп. 1, л. 3–4].

Дела фонда № 319 в основном отражают меры по борьбе со вспышками инфекционных болезней, предпринятые комитетом с 1870 по 1880 г. Так, дело № 3 описи 1 содержит документы об эпидемии дизентерии, начавшейся в июне 1870 г. в Урлукской волости. Отчеты окружного врача Трашевского о поездке в пораженный район и мерах по ликвидации дизентерии сопровождаются подробными таблицами, иллюстрирующими развитие и затухание эпидемии. Статистические данные, приведенные врачом, показывают 30-процентный уровень смертности среди больных, что свидетельствует о серьезности эпидемического вызова дизентерии в регионе [Там же, д. 3, л. 1–22]. Также подробно описана вспышка тифозной горячки в Куналейской волости в сентябре 1870 г. [Там же, д. 8, л. 4–6].

Материалы комитета о ликвидации эпидемии дифтерии среди детей в Куль-

ском отдельном обществе, Тарбагатайской и Урлукской волостях и г. Верхнеудинске осенью и зимой 1880 г. свидетельствуют о масштабности эпидемической угрозы и высоком уровне смертности. Дела содержат отчеты врачей, командированных в пораженные эпидемией районы, статистические таблицы, материалы заседаний комитета и переписку с генерал-губернатором Восточной Сибири и военным губернатором Забайкальской области. Детальное описание проблемы в отчетах и переписке с вышестоящими органами власти, как и подробные статистические данные, позволяют подробно воссоздать действия комитета по ликвидации опасной эпидемии [1, д. 6, 11].

Ценный материал, проливающий свет на реакцию бурятского населения на эпидемическую угрозу, содержится в деле № 12 фонда № 319. В нем хранятся письма заседателей Хоринской степной думы в Кульскую сборную избу с просьбами ограничить контакты жителей Кульского, Сонномысского и Хасуртаевского селений с близлежащими бурятскими улусами, принять срочные меры к ликвидации эпидемий дифтерии и оспы в этих селах и особо пометить дома с больными людьми. Эти источники дают представление о том, насколько буряты боялись эпидемий и каким образом старались оградить себя от инфекции, используя официальные каналы и нормативные документы [Там же, д. 12, л. 127–130, 137, 138].

Таким образом, документы фонда свидетельствуют о том, что Верхнеудинский окружной комитет общественного здоровья являлся прообразом современного санитарно-эпидемиологического надзора. Организуя систему врачебно-полицейских противоэпидемических мер, этот орган оказывал влияние на геомедицинскую ситуацию в значительной части Байкальского региона.

В последней четверти XIX в. в российских городах начинают системно

приниматься меры по обеспечению санитарно-гигиенического благополучия. Двигателем развития общественной и личной гигиены в российском, как и в общеевропейском, контексте, были эпидемии, в особенности холерные. С 1823 по 1914 г. Россия пережила 44 холерных года, во время которых погибло около 2 млн. чел. [7, с. 203]. В Восточную Сибирь серьезная эпидемия, дальний отголосок пятой пандемии холеры, пришла в 1892–1893 гг. Учитывая восточноазиатское направление геополитической экспансии России в конце XIX в., меры по предупреждению эпидемий в приграничных областях и недопущению их распространения вглубь страны империи представляли собой сегмент национальной безопасности. Поэтому внимание уделялось как обеспечению санитарно-гигиенического благополучия населенных пунктов, так и устройству специальных учреждений для изоляции и лечения больных. В ГАРБ сохранились документы, иллюстрирующие оба этих аспекта.

Особый интерес вызывает фонд № 10 с материалами Верхнеудинской городской управы. В деле № 222 (опись 1) представлена переписка между канцелярией военного губернатора Забайкальской области и Верхнеудинским городским головой, а также циркулярное письмо Министерства внутренних дел с требованием приступить к разработке обязательных постановлений по соблюдению санитарно-гигиенического благополучия города. Материал дела позволяет проследить административную цепочку действий по инспекции санитарного состояния Верхнеудинска весной 1879 г. и механизмы принятия решений по обеспечению его санитарно-гигиенического благоустройства [1, ф. 10, д. 222, л. 2–8].

В деле № 237 собраны протоколы собрания городской управы о принятии мер по улучшению санитарного состояния и акт медико-полицейского осмотра города. В документах зафиксированы меры по решению санитарных проблем,

разработанные на заседании городской думы в апреле 1879 г. Акт осмотра города от 21 июня 1879 г. отражает проблемное состояние многих участков городского пространства и излагает предложения по устранению выявленных недостатков. В частности, врачебный инспектор Забайкальской области предлагал для контроля соблюдения обязательных постановлений учредить специальный Санитарный комитет, т. е. дополнительный муниципальный орган санитарно-эпидемиологического надзора [1, д. 237, л. 6–48].

В деле № 231 изложены обязательные постановления для жителей Верхнеудинска, разработанные городской думой и утвержденные военным губернатором Забайкальской области в 1879 г. Они содержат правила городского общежития от уборки улиц и площадей до определения мест для стирки белья на берегах рек и мероприятий по предотвращению эпизоотий и утилизации павших животных. Разработка и введение обязательных для выполнения правил обустройства и содержания городского пространства являлись важным шагом по улучшению качества жизни в городах. Они вовлекали в поддержание санитарно-гигиенического благоустройства все городское население, возлагали на них определенную законом ответственность за соблюдение регламента, способствовали развитию гражданской ответственности за чистоту и порядок.

Реакцию городского самоуправления на холерную угрозу во время пятой пандемии холеры (1883–1896 гг.) иллюстрируют документы дел № 443, 901 фонда № 10 Верхнеудинской городской управы. Первое содержит представление Медицинского департамента МВД «О медико-полицейских действиях для предупреждения и пресечения холерной эпидемии на случай появления таковой внутри империи», разосланное им по органам исполнительной власти весной 1884 г. В документе изложен полный

перечень предписаний на случай появления в области холерной угрозы, включавший надзорные, карантинные, лечебные и информационные меры [Там же, д. 443, л. 12–14об.].

Материалы второго дела подробно освещают вопросы борьбы с холерой. В нем содержатся протоколы заседаний городской думы, копии приказов по воинским частям Забайкальской области, ведомость холерных отделений в регионе и другие интересные документы. Детально проиллюстрирован процесс строительства в Верхнеудинске холерного барака, причем обширная переписка по этому поводу показывает многие нюансы организации этого дела [Там же, д. 901, л. 5–196]. Документы позволяют не только воссоздать многие аспекты противоэпидемической деятельности того периода на уровне Забайкальской области, но и определить приоритетные цели правительства и принципы этой приоритизации.

Таким образом, изученные нами в дореволюционных фондах ГАРБ первоисточники позволяют сделать некоторые обобщения. Во-первых, используя эти материалы, можно с определенной точностью охарактеризовать проблемные аспекты геомедицинской ситуации в восточной части Байкальского региона. Во-вторых, описанные первоисточники позволяют реконструировать систему мер по обеспечению эпидемиологической безопасности населения и расквартированных в регионе воинских соединений, оценить их результативность и осмыслить эти меры в геополитическом контексте того исторического периода. В-третьих, документы дореволюционных фондов дают основу для сравнительного исследования геомедицинской ситуации и вопросов эпидемиологической безопасности в другие исторические периоды (советский период и современность). И, наконец, многие документы отражают степень общественной вовлеченности в проблемы обеспечения

эпидемиологической безопасности и санитарно-гигиенического благополучия и позволяют судить об общем уровне развития гражданской культуры у многонационального населения региона.

Документы периода Дальневосточной Республики (ДВР)

Относительно небольшой промежуточный этап между Октябрьской революцией 1917 г. и началом строительства в регионе советской системы здравоохранения (после 1922 г.) был значимым с геомедицинской точки зрения. На этот период пришлось основные тяготы революции и гражданской войны, в результате которых была частично разрушена и без того слабая сеть медицинских учреждений, а население подверглось серьезным эпидемическим угрозам, исходившим от массово перемещавшихся по региону войск, беженцев и других временных мигрантов. Основные проблемные аспекты геомедицинской ситуации отражены в документах ДВР, отложившихся в ГАРБ, ГАЗК и РГАСПИ. Они, в основном, касаются организации медицинской помощи, борьбы с эпидемиями и анализа состояния здоровья бурят в период подготовки к образованию Бурят-Монгольской АССР.

Постановления правительства ДВР об организации министерства здравоохранения, приказы главы правительства ДВР о кадровых назначениях и другие нормативные документы находятся на хранении в фонде № 1144 (опись 1) Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). В фонде Р-89 ГАРБ сохранились приказы и циркуляры Министерства здравоохранения ДВР [1, ф. Р-89, оп. 1, д. 11]. Эти документы проливают свет на тяжелое материальное положение медицинской отрасли и мероприятия по реорганизации ее структуры, определяют порядок приема пациентов в лечебные учреждения, дают информацию по противоэпидемическим и противоэпизоотическим мероприятиям.

Проблемные аспекты геомедицинской ситуации в регионе отражены в деле № 1 (опись 1, фонд Р-89). Приводится план действий по локализации чумной эпизоотии на границе с Монголией, карантинные мероприятия по гриппу, сибирской язве, сапу и воспалению легких крупного рогатого скота, чуме свиней и холере птиц. В связи с эпизоотиями в приграничных областях дается план действий по мобилизации всего имевшегося ветперсонала, а также инструкции по его материальному обеспечению [Там же, д. 1, л. 20, 21].

Серьезную опасность представляла надвигавшаяся с территории Советской России эпидемия сыпного тифа. В связи с этим санитарным учреждениям ДВР предписывалось обеспечить надежную защиту территории республики от заноса инфекции с проходящими на восток эшелонами. В материалах дела содержатся подробные инструкции по организации санитарных осмотров поездов, созданию сети изоляционно-пропускных пунктов на стратегических направлениях, осуществлению санитарной очистки вагонов и людей. В деле № 11 сохранился приказ о мобилизации всех врачей, фельдшеров, акушеров, фармацевтов, медицинских сестер, студентов-медиков и ветеринарных фельдшеров на борьбу с эпидемиями [Там же, д. 11, л. 17–19]. Статистика, иллюстрирующая движение инфекционных заболеваний на территории Прибайкальской области ДВР, отложилась в деле № 7 тех же описи и фонда [Там же, д. 7, л. 14].

Сохранившаяся в РГАСПИ переписка Дальбюро ЦК РКП(б) с Министерством здравоохранения ДВР дает представление о состоянии военно-санитарных учреждений и эпидемиологической обстановке в военных частях народно-революционной армии в условиях постоянно наступающей с территории Советской России тифозной эпидемии. Эти источники содержат информацию о дислокации военно-санитарных учреждений, характеризуют сложное положение

медперсонала, ситуацию с медицинским снабжением, моральное состояние войск НРА ДВР в связи с эпидемией сыпного и возвратного тифов [3, ф. 372, оп. 1, ед. хр. 96, л. 25–34].

Большой интерес вызывают хранящиеся в РГАСПИ материалы фонда № 372 с документами Дальбюро ЦК РКП(б), относящимися к Бурят-Монгольской автономной области ДВР накануне образования Бурят-Монгольской АССР. Так, в единице хранения № 210 (опись 1) сохранился краткий доклад о Бурят-Монгольской АО, написанный председателем ревкома области М. И. Амагаевым в ноябре 1922 г. В нем подробно описаны демографическая ситуация у бурят, их физическое состояние, проблемы воспроизводства населения и социальных болезней. Проведен сравнительный анализ обеспеченности медицинскими учреждениями русского и бурятского населения в дореволюционный период и период ДВР. Информативный и хорошо структурированный доклад базируется на материалах переписи населения 1897 г. Современные статистические данные, по-видимому, собраны из текущих отчетов о состоянии медицинской сети в Бурят-Монгольской автономной области ДВР. Основная цель доклада, очевидно, состояла в привлечении максимального внимания к демографическим и социальным проблемам бурятского народа и обосновании необходимости создания бурятской автономной республики. За рамками политического лоббизма доклад М. И. Амагаева является информативным источником по геомедицинским проблемам региона, т. к. касается осевых геополитических и медицинских аспектов – демографии, влияния инфекционных болезней на воспроизводство населения, качества и потенциала развития человеческих ресурсов [Там же, ед. хр. 210, л. 24–29].

Другой доклад, сделанный М. Н. Ербановым и М. И. Амагаевым, посвящен форме объединения автономных бурятских областей, но его основные геополитические постулаты очень важны и

в контексте изучения геомедицинских проблем региона. Позиционируя бурят в качестве основных проводников политического влияния СССР в монгольском мире, авторы убедительно аргументируют то, как создание автономной республики ускорит советизацию Забайкалья и одновременно послужит положительным примером социалистической трансформации для соседней Монголии [Там же, ед. хр. 127, л. 2, 3]. Понимая под советизацией ускоренное развитие бурятского народа, а под его (гео)политической миссией – распространение данной модернизационной модели в глубины Внутренней Азии, можно спроецировать эти постулаты в область медицины, где на примере медико-санитарной помощи Монголии в 1930-х гг. и позже прослеживается явная преемственность геополитического мышления. В современной интерпретации это воздействие «мягкой силой», применявшееся советским правительством вдоль границ в Восточной и Центральной Азии [11, с. 166, 167].

В этой связи необходимо упомянуть и более ранние примеры применения «мягкой силы», осуществлявшиеся в отношении России в период разрухи и голода после гражданской войны. Здесь имеется в виду гуманитарная помощь, оказывавшаяся голодающему населению различными международными организациями (Нансеновский комитет, Германский Красный Крест, АРА). В ГАРФ сохранился ряд фондов организаций, непосредственно курировавших эту деятельность (Помгол, ВОКС, ЦК РОКК и др.). В них сосредоточены документы, иллюстрирующие различные аспекты деятельности иностранных акторов в Советской России и отношения между ними и советскими властными органами.

Так, в фонде Центрального комитета Российского Красного Креста (Центрокрест, ЦК РОКК) сохранились дела о деятельности различных национальных обществ Красного Креста (Германского Красного Креста, Шведского Красно-

го Креста и т. д.) по оказанию помощи голодающим. Нами были изучены материалы по работе Германского Красного Креста (ГКК), т. к. именно советско-германские научно-медицинские связи впоследствии оказали большое влияние на изменения геомедицинской ситуации в Байкальском регионе.

Большой интерес представляет развернутый отчет заведующего Центральной бактериологической станцией ГКК в Москве Генриха Цейсса [2, ф. 3341, оп. 6, ед. хр. 334, л. 56–58]. В нем приводятся имена и научные регалии руководителей и консультантов миссии ГКК в России, организационная структура Центрального бюро ГКК в Москве, характеристика деятельности ГКК в целом и центральной бактериологической станции, в частности. Отчеты, написанные с немецкой аккуратностью, подробно описывают все основные мероприятия, проведенные ГКК в Москве и других областях Советской России.

Договоры и проекты договоров ГКК с советскими организациями для помощи голодающим представлены в фонде Комиссии заграничной помощи при Президиуме ВЦИК СССР [Там же, ф. 3385, оп. 1, д. 62, л. 13–42]. В них определяются условия и рамки сотрудничества, организационная структура, регламент для технических вопросов и другие важные аспекты совместной деятельности по оказанию медицинской и материальной помощи голодающим на территории РСФСР и советских республик (в частности, Украины).

О значимости работ ГКК в России наглядно свидетельствует небольшой документ, отложившийся в фонде отдела научных учреждений СНК СССР [Там же, ф. 5446, оп. 37, д. 40, л. 1]. Это записка В. И. Ленина, адресованная заведующему отделом Н. П. Горбунову, в которой он поручает срочно обговорить с немецкими врачами в Центральной бактериологической станции ГКК возможность и условия их перехода на советскую службу в качестве санитарных

инспекторов или инструкторов. Как свидетельствуют другие материалы фондов ГАРФ и РГАСПИ, некоторые германские медики согласились на предложения советского правительства, положив начало почти десятилетнему плодотворному научно-медицинскому сотрудничеству между СССР и Германией, результаты которого оказали существенное влияние на геомедицинскую ситуацию не только в Советском Союзе, но и во Внутренней и Центральной Азии.

Таким образом, исторические источники, освещающие различные аспекты геомедицинской ситуации в период революции и гражданской войны, были обнаружены в нескольких фондах ГАРФ, РГАСПИ, ГАЗК и ГАРБ. Нами была изучена только «верхушка айсберга». Однако и это дает ясное представление о сложности и огромной значимости проблем эпидемиологической безопасности, организации гражданских и военных медицинских служб, человеческих и материальных ресурсов. Информативность изученных первоисточников достаточно велика, существует возможность верификации статистических данных путем сопоставления материалов различных архивов.

Ценность в контексте данного научного проекта представляют источники, иллюстрирующие геополитическую подоплеку модернизационных усилий советского правительства в Байкальском регионе, а также интернационализацию геомедицинских проблем Советской России в начале 1920-х гг. Особая вовлеченность некоторых стран (например, Германии) в процесс оказания помощи России свидетельствует не только о желании максимально обезопаситься от потоков беженцев и эпидемических угроз. В действиях германских медиков просматривается желание продолжать изучение эпидемиологической обстановки в Советской России, углублять и расширять исследовательское поле. Зарождавшееся в период активной деятельности ГКК на советской террито-

рии научно-медицинское сотрудничество между двумя «геополитическими париями» версальского миропорядка проиллюстрировано многочисленными документами, отложившимися в различных фондах ГАРФ, РГАСПИ и ГАРБ.

Геомедицинская ситуация в документах 1920–1930-х гг.

Этот исторический период оказался наиболее документированным из всех изученных нами в контексте данного научного проекта. Документы, проливающие свет на изменения геомедицинской ситуации в Байкальском регионе и во всей стране, обнаружались в ГАРБ, РГАСПИ и ГАРФ. Наиболее информативными были фонды Наркомата здравоохранения Бурят-Монгольской АССР (Бурнаркомздрав), Наркоматов здравоохранения РСФСР и СССР, а также личный фонд наркома здравоохранения РСФСР М.Ф. Владимирского, фонды отдела научных учреждений СНК СССР, ВОКС и Комиссии заграничной помощи при Президиуме ВЦИК СССР.

С самого периода становления советской системы здравоохранения особое беспокойство вызывало состояние здоровья национальных меньшинств. В 1921 г. при организационном отделе Наркомздрава РСФСР был создан соответствующий подотдел. В его задачу входила координация деятельности НКЗ РСФСР с Наркомнацем и наркоматами здравоохранения автономных республик, организация изучения медико-санитарных нужд и состояния здоровья национальных меньшинств, их культуры и быта, что особенно касалось аспектов, способствовавших распространению социальных заболеваний и иных патологий. Материалы подотдела национальных меньшинств НКЗ РСФСР находятся на хранении в ГАРФ [2, ф. А-482, оп. 19, д. 44].

Большой массив документов по проблемам охраны здоровья коренных народов хранится в фонде Бурнаркомздрава в

ГАРБ [1, ф. Р-665]. Наркомат здравоохранения Бурят-Монгольской АССР был создан приказом Бурревкома от 1 августа 1923 г. и начал организационную работу в сентябре. С самого начала нарком А. Т. Трубачев и его заместители заостряли внимание на проблеме широкого распространения социальных болезней – сифилиса, других венерических заболеваний, туберкулеза и трахомы. Необходимость комплексной борьбы с ними обосновывается как в отдельных докладах, так и в разделах общих отчетов Бурнаркомздрава [Там же, оп. 16, д. 1]. При этом советские врачи отмечали масштаб распространения этих болезней именно среди бурятского населения, сопоставляя статистику с данными по русским и другим народностям, населяющим республику.

В документах фигурируют огромные цифры. Так, в своем докладе, посвященном проблеме распространения сифилиса в Бурят-Монголии, заместитель наркома В. Н. Жинкин на основе данных, собранных венотрядами Кузьменко, Ромашова, Лапышева, Ильина и Переводчикова, давал процентное соотношение выявленных сифилитиков к общему количеству осмотренных от 24 до 62,4 % [Там же, л. 151об.]. Проблема усугублялась преимущественно бытовым характером распространения болезни, что свидетельствовало о необходимости глубокой модернизации традиционного быта бурят-монголов.

Сложная ситуация с социальными болезнями подтверждается материалами отдела учета и статистики Наркомата здравоохранения РСФСР. Ежемесячные сведения о движении инфекционных заболеваний по БМАССР свидетельствуют, что в 1924–1929 гг. сифилис во всем формах стабильно составлял более четверти всех зарегистрированных в республике случаев заразных болезней [2, ф. А-482, оп. 10, д. 431, 648, 953, 1078, 1397]. Распространенность венерических заболеваний среди автохтонного населения региона, их тяжкие последствия, как

для самих больных, так и для их потомства, влияние на показатели рождаемости и смертности, вынуждали советских врачей ставить вопрос о возможности вырождения бурят в обозримом будущем в случае, если темпы заболеваемости не удастся сдержать. Схожего мнения придерживались специалисты из центра, например, основатель Государственного венерологического института (ГВИ) В. М. Броннер (уроженец Бурятии) [2, ф. А-482, оп. 41, д. 418, л. 3].

Необходимость принятия срочных мер по ликвидации социальных болезней в БМАССР определила характер борьбы, свойственный тому историческому периоду. Против сифилиса, гонореи, туберкулеза и трахомы была начата широкомасштабная и многоуровневая кампания, поддерживавшаяся центром и проводившаяся совместными силами Бурнаркомздрава и НКЗ РСФСР. Благодаря скоординированным усилиям ситуацию удалось переломить к началу 1930-х гг. Добиться существенных изменений в заболеваемости социальными болезнями помогли регулярные научные экспедиции: советско-германские 1926 и 1928 гг.; экспедиции ГВИ им. В. М. Броннера в 1926 и 1929 гг.; экспедиции Государственного туберкулезного института НКЗ РСФСР в 1929 и 1930 гг.; экспедиция Детской комиссии ВЦИК и НКЗ РСФСР в 1929 г., антропологическая экспедиция АН СССР 1931 г. и экспедиция Московского туберкулезного института в 1933 г. [8, с. 357]. Архивные материалы кожно-венерологического диспансера Бурятской АССР за 1930–1940-е гг. показывают, что работа медицинских экспедиций в районах республики продолжалась и в этот период. Заболеваемость сифилисом среди коренного населения снизилась до 7,5 %, что по сравнению с серединой 1920-х гг. (24–62,4 % в зависимости от аймака) представляло огромный прорыв [1, ф. Р-209, оп. 1, д. 1, 5].

Благодаря своему широкому охвату, кампания по борьбе с социальными болезнями в Бурят-Монгольской

АССР хорошо освещена в ряде других источников. Это, прежде всего, печатные СМИ – газета «Бурят-Монгольская правда» регулярно публиковала статьи о различных санитарно-просветительских мероприятиях, буднях Верхнеудинского кожно-венерологического диспансера, борьбе со знахарством и тибетской медициной и т. д. Информативные статьи, отражающие результаты работы венерологических отрядов, исследовательских групп и отдельных медиков, опубликованы в журнале «Жизнь Бурятии» за 1925–1930 гг. Материалы по медицинской проблематике печатались и в журнале «Бурятведение». Большой пласт научных материалов по проблеме социальных болезней в БМАССР обнаружился в медицинских журналах 1920-х гг. «Врачебное дело», «Венерология и дерматология», «Врачебная газета» и «Здравоохранение» в Центральной научной медицинской библиотеке.

Из источников личного происхождения наибольший интерес вызывает опубликованный в 1995 г. в Германии дневник гейдельбергского психоневролога Карла Вильманса «Lues, Lamas, Leninisten: Tagebuch einer Reise durch Russland in die Burjatische Republik im Sommer 1926», в котором описывается экспедиция профессоров К. Вильманса и А. Штюмера в БМАССР для изучения третичных форм сифилиса летом 1926 г. Эта экспедиция, планировавшаяся как рекогносцировка для более комплексной германо-советской экспедиции по изучению сифилиса в Бурят-Монголии, не получила большой огласки из-за негативной оценки Вильмансом качества подготовки советских специалистов. В дневнике подробно описаны процесс предварительного обсуждения экспедиции, путешествие немецких медиков, их впечатления от региона, дана характеристика эпидемиологической и социальной ситуации в республике [12]. Этот источник уникален своим взглядом «извне» и независимым анализом проблем здравоохранения в СССР. В научный оборот

в российской историографии он еще не вводился.

Международное научно-медицинское сотрудничество в области медицины, направленное на решение важнейших для молодого советского государства проблем социальной медицины, формирует крупный сегмент нашего научного проекта. Источники, иллюстрирующие процесс взаимодействия советских и германских медиков, а впоследствии и медиков тех стран, которым СССР оказывал медико-санитарную помощь в 1930-х гг. (прежде всего, Монголии) отличаются информативностью и сконцентрированы в ГАРФ, ГАРБ и РГАСПИ. Они заслуживают более внимательного рассмотрения.

Описанная в предыдущей части работы вовлеченность Германского Красного Креста в процесс ликвидации последствий голода в России вылилась в полномасштабное научно-медицинское сотрудничество. Его результатами стали совместные периодические издания («Русско-немецкий медицинский журнал»), институты и исследовательские центры (Институт мозга, музей живых микробных культур при Институте контроля сывороток и вакцин), а также ряд научных экспедиций. В контексте данного проекта особого внимания заслуживает советско-германская научная экспедиция по изучению сифилиса 1928 г.

Экспедиция 1928 г. получила достаточно широкое освещение как в СМИ (включая эпизод в документальном фильме Совкино «По Бурят-Монголии»), так и в научной литературе. Этот успешный пример совместной работы советских и германских медиков для изучения и борьбы с опасным инфекционным заболеванием, носившим в Бурятии эндемический характер, исследовался С. Соломон в рамках истории советско-германского медицинского сотрудничества в межвоенный период. Несколько статей на эту тему были опубликованы нами в журналах «Власть», «Вестник Бурятского научного центра СО РАН» и

«Jefferson Journal of Science and Culture» в 2011–2013 гг. [4; 5]. Однако только недавно нам удалось обнаружить в ГАРФ дело, полностью посвященное организации данной экспедиции.

Дело «О совместной советско-германской научной экспедиции по изучению сифилиса в Бурят-Монголии» отложилось в фонде отдела научных учреждений СНК СССР [2, ф. 5446, оп. 37, ед. хр. 59]. В нем представлена переписка между управделами СНК СССР Н. П. Горбуновым, главой ВОКС О. Д. Каменевой, наркомом здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко, главой венподотдела НКЗ РСФСР В. М. Броннером, непременным секретарем АН СССР С. Ф. Ольденбургом и их немецкими визави. Корреспонденция велась с января 1925 по июнь 1928 г. и охватывала все аспекты подготовки экспедиции – от состава участников до финансовых и хозяйственных вопросов. Очень интересны позиции ответственных лиц, участвовавших в подготовке экспедиции, отчетливо выраженные в переписке. Так, изучая материалы дела, мы пришли к выводу, что основными сторонниками экспедиции были Н. П. Горбунов и С. Ф. Ольденбург. Н. А. Семашко не поддерживал идею, а В. М. Броннер занимал нейтральную позицию.

В данном контексте особенно интересны письма С. Ф. Ольденбурга к А. С. Енукидзе, в которых он высказывал свои соображения по поводу экспедиции, навеянные беседой с К. Вильмансом. Важным обстоятельством является то, что С. Ф. Ольденбург видел основной потенциал экспедиции не в научных и практических результатах, а в уникальной возможности передачи научного знания и опыта, необходимых советским специалистам. Позиция С. Ф. Ольденбурга доказывает существование в советско-германском научно-медицинском сотрудничестве транснационального исторического контекста, состоявшего в передаче научного знания поверх идеологических границ. Впоследствии

опыт и знания, накопленные в ходе сотрудничества, были использованы советскими специалистами при оказании медико-санитарной помощи Монголии и странам Центральной Азии [2, ф. 5446, оп. 37, ед. хр. 59, л. 44, 45].

Интерес представляют и частые отсылки к опыту казахстанской научной экспедиции под руководством С. И. Руденко, в которых отмечалась типологическая близость культур и социально-бытовых условий Казахстана и Бурят-Монголии. Основываясь на опыте медико-антропологического отряда, обнаружившего в Казахстане схожую ситуацию с распространением сифилиса, Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик АН СССР предлагал ввести в состав бурят-монгольской экспедиции антропологов, специалистов по быту и врачей-женщин [Там же, л. 48, 49].

Естественно, геомедицинская проблематика в советско-германском научно-медицинском сотрудничестве не ограничивалась исключительно сферой социальных болезней. Практически весь материал, легший в основу дисциплины под названием *Geomedizin*, был собран ее создателем немецким доктором Генрихом Цейссом (Heinrich Zeiss) в СССР. В центральных архивах отложилось большое количество документов, относящихся непосредственно к деятельности Г. Цейсса на советской службе. В силу того, что этот незаурядный «научный предприниматель» внес достаточно весомый вклад в развитие советской медико-биологической науки, особенно бактериологии, эпидемиологии, ветеринарии и социальной гигиены, его большое документальное и научное наследие нуждается в дальнейшем изучении.

Как организатор науки, Г. Цейсс действовал сразу в нескольких направлениях. Будучи заведующим Центральной бактериологической станцией ГКК в Москве, он быстро привлек внимание высшего советского руководства и был приглашен на советскую службу. Впо-

следствии он несколько раз просил для себя копию вышеупомянутой ленинской записки Н. П. Горбунову, которую, видимо, расценивал как своего рода «охранную грамоту». В СССР Цейсс развил активную деятельность. Он включился в экспедиционные исследования трипаносомоза верблюдов «су-ауру» в киргизских и астраханских степях, продвигал немецкий противотрипанозомный препарат «Байер-205», служил посредником между советской наукой, германскими научными фондами и посольством Германии в Москве, основал Музей живых культур при Институте экспериментальной терапии и контроля сывороток и вакцин и редактировал новое издание биографии И. И. Мечникова [10, с. 168–182].

Основные источники по работе Г. Цейсса сохранились в фонде отдела научных учреждений СНК СССР. Судя по активной переписке Цейсса с Н. П. Горбуновым, в лице последнего он имел влиятельного союзника. Через Горбунова инициативы Цейсса достигали самых высших официальных лиц СССР. Так, сохранилась записка Н. П. Горбунова М. В. Фрунзе, в которой, ссылаясь на высокую оценку квалификации Цейсса В. И. Лениным, он обращает внимание председателя Реввоенсовета СССР на статью «Военно-гигиенические задачи медицинской топографии России в связи с Всероссийским микробиологическим институтом» [2, ф. 5446, оп. 37, д. 40, л. 50]. Также в деле имеются записки к Н. А. Семашко и другим высокопоставленным советским деятелям, привлекающие их внимание к той или иной инициативе Цейсса [Там же, л. 141]. Судя по всему, благодаря поддержке Н. П. Горбунова Г. Цейсс обладал редкой возможностью продвигать свои идеи непосредственно в высшие советские круги.

Помимо этого Г. Цейсс опубликовал в ведущих советских журналах ряд научных статей под псевдонимом А. Л. Цейсс [9]. Как правило, параллельно статьи выходили и в немецкой научной

периодике. Цейсс часто писал в соавторстве с советскими учеными, особенно из провинциальных институтов (Саратов, Астрахань, Уральск) [6]. Это говорит о его высокой заинтересованности в геомедицинских проблемах на периферии СССР, а также о стремлении сотрудничать с многообещающими советскими специалистами, отлично осведомленными об особенностях эпидемиологической обстановки в отдаленных регионах страны. Г. Цейсс даже ходатайствовал за некоторых коллег из провинции перед высшим начальством в Москве, хлопоча о повышении окладов и материальном стимулировании.

В конце 1920-х гг. советское правительство пересмотрело политику компромиссов в отношении АН СССР. Началось давление на ученых, за которым последовали репрессии. Несмотря на свои связи, Г. Цейсс также подвергся преследованию ОГПУ. В документах личного фонда наркома здравоохранения РСФСР М. Ф. Владимирского сохранилось «Дело доктора Цейсса», в котором собраны материалы о его работе в качестве главы музея живых культур при Институте экспериментальной терапии и контроля сывороток и вакцин им. Л. А. Тарасевича. В частности, там есть стенограмма (на немецком языке) разговора между Владимирским и Цейссом, состоявшегося 27 сентября 1930 г. и прошедшего на повышенных тонах. В нем обсуждался произошедший месяцем ранее инцидент с оставленными на столе в музее микробными штаммами. По-видимому, ошибка одной из сотрудниц имела большой резонанс, что привлекло к Г. Цейссу внимание ОГПУ. Оказавшись под наблюдением агентов госбезопасности, он обратился к наркому с вопросом, желательна ли его дальнейшая работа в учреждении Наркомата здравоохранения [3, ф. 357, оп. 1, д. 125, л. 3–5]. Материалы дела свидетельствуют о нарастании напряжения между советскими официальными лицами и Г. Цейссом, что впоследствии привело к его отъезду из СССР.

Пример многолетней работы Г. Цейсса в советских научно-медицинских учреждениях иллюстративен для истории советско-германских научных связей в межвоенный период. Изучение разноплановых и информативных источников показывает основную траекторию развития этих отношений и высвечивает внутривосточный контекст сотрудничества, в котором ухудшение политического климата в стране вело к свертыванию перспективных исследований. С другой стороны, прочно вставшая на ноги советская медицина начинала собственный поиск «жизненного пространства» в центральноазиатском геополитическом лимитрофе СССР, делая это по образу и подобию своего сотрудничества с Германией. Источниковая база этого сегмента также представляет интерес.

Изученные нами материалы по советской медико-санитарной помощи Монголии, регионам и странам Центральной Азии сосредоточены в материалах группы международных санитарных конвенций фонда Наркомздрава СССР [2, ф. 8009, оп. 10, д. 77, 78]. Там сохранились нормативные документы, регламентирующие деятельность советских медицинских пунктов за границей, отчеты о деятельности советских медучреждений (например, кожно-венерологической амбулатории и стационара Урумчинской больницы, Синьцзян), предложения и рекомендации по помощи в организации здравоохранения в Монголии.

Особый интерес представляет медико-географический очерк советского участкового врача в Хэнтэйском аймаке МНР И. А. Охотникова, основанный на непосредственных полевых наблюдениях автора в 1935–1938 гг. В нем представлены подробные медико-географические характеристики различных местностей этого восточного аймака МНР, сведения о распространении социальных заболеваний, сравнительные характеристики традиционного питания монголов, бурят и китайцев, антропологические характеристики местного населения. Не пре-

тендуя на научный статус своего очерка, И. А. Охотников дал высокоинформативные характеристики состояния здоровья монголов, проанализировав воздействие традиционной культуры на формирование рациона питания, лечебные практики, практики повседневности (ношение одежды, состояние жилья, навыки личной гигиены). Важными с точки зрения геомедицины являются антропологические наблюдения И. А. Охотникова и его сопоставления монголов с соседними бурятами в плане физического и умственного развития.

Сами тексты документов представляют собой ценность в качестве первоисточников по социальной и культурной антропологии. Изложенные в них взгляды немецких ученых-медиков на состояние и качество советской медицины, социально-бытовые реалии и эпидемиологическую обстановку, в особенности на периферии СССР, в призма интерпретативной антропологии четко отражают стереотипы, предрассудки и идеологические установки. То же относится к взглядам советских врачей, организаторов здравоохранения и ученых на подобные аспекты в Монголии и регионах Внутренней и Центральной Азии в более поздний период (1930–1970-е гг.). Дискурсивный анализ этих материалов сможет выявить скрытые в них смыслы и контексты, определить геополитический подтекст, охарактеризовать восприятие идеологически и культурно разными акторами схожих проблем развития в гетерогенных социокультурных средах. Кроме того, такой анализ является еще одним методом проверки гипотезы о преемственности между германским и советским подходами к медицине как инструменту «мягкой силы» в пространстве т. н. малокультурных народов.

Таким образом, в изученных нами хронологических рамках геомедицинские проблемы 1920–1930-х гг. являются наиболее документированным сегментом проекта. В региональных и цен-

тральных архивах представлены разнообразные по тематике коллекции, так или иначе связанные с проблематикой данного проекта. Разноплановые по характеру, эти источники, тем не менее, позволяют интегрировать различные сегменты формирования геомедицинской ситуации – эпидемический фон, состояние и развитие системы здравоохранения в регионе, аспекты внутренней и внешней политики, определяющие приоритеты и направления в охране здоровья населения региона – в единую аналитическую структуру и применять к ней различные научные подходы. В частности, вовлеченность иностранных экспертов и инструкторов в процесс организации здравоохранения и эпидемической безопасности в СССР на раннем этапе и оказание советскими специалистами медико-санитарной помощи народам Внутренней и Центральной Азии в более поздние периоды помещает проблему в контекст транснациональной истории.

Заключение

Изученные исторические источники характеризуются некоторой тематической разноплановостью, что, с одной стороны, представляет сложность в процессе концептуализации. С другой – сама суть исследовательского проекта, состоящая в осмыслении не просто различных исторических аспектов формирования геомедицинской ситуации, но и углов зрения различных научных дисциплин, подразумевает подобное разнообразие эмпирического материала.

Часть обнаруженных в архивах и библиотечных фондах документов проливает свет на эпидемиологическую обстановку в Байкальском регионе и в целом по стране в различные исторические периоды. В них выделены основные эпидемиологические угрозы, описаны средства и методы их нейтрализации. Это дает представление об особенностях организации, качестве и действенности

противоэпидемических мероприятий в трансграничном пространстве Байкальского региона, Внутренней и Центральной Азии на рубеже XIX и XX вв., а также в 1920-х гг. и позднее.

Другая часть документов, относящаяся к периоду активного строительства национальных автономий СССР, демонстрирует явную геополитическую направленность политики национально-территориальной автономизации в советском лимитрофе Внутренней Азии. Осмысление геополитического подтекста национальной политики в отношении монгольских народов необходимо для более объемного понимания сущности процессов оздоровления национальных меньшинств, кампаний по ликвидации социальных и инфекционных болезней, формирования социальных движений за физическое развитие бурят и других коренных народов Байкальского региона. Комплексный анализ массива архивных источников 1920-х гг., сосредоточенных в ГАРБ, ГАРФ и РГАСПИ, позволяет определить инструментальное значение медицины, расологических и антропологических исследований, социальной инженерии и евгенических практик в реализации геополитических императивов советского режима во Внутренней и Центральной Азии.

Важным аспектом является научно-медицинское сотрудничество СССР и Германии в 1920-х гг., оказавшее непосредственное влияние на такие аспекты геомедицинской ситуации в регионе, как социальная патология. Анализ источников и историографии показывает, что высшее советское руководство придавало большое значение вопросам заимствования опыта исследования эпидемических и социальных болезней у немецких медиков, традиционно пользовавшихся высоким авторитетом в русской научной

среде. Документы, иллюстрирующие развитие научно-медицинских связей с Германией и их практическое применение в деле ликвидации социальных болезней в исследуемом регионе, являются краеугольными камнями транснационального исторического контекста, проецирующего проект в одно из наиболее перспективных направлений современных исторических исследований – транснациональную историю.

Трансграничный характер геомедицинских проблем отчетливо просматривается в сегменте источников, иллюстрирующих медико-санитарную помощь СССР Монголии, странам и регионам Центральной и Внутренней Азии в 1930-х гг. и позднее. Обнаруженные в ГАРФ материалы Бюро международных санитарных конвенций позволяют увидеть в организации медучреждений СССР за границей не только соображения национальной безопасности (сбор сведений об эпидемических заболеваниях, их изучение в эндемических очагах). В них видны элементы геополитики «мягкой силы», что особенно характерно для МНР и Синьцзяна, в 1930-х гг. фактически являвшихся советскими протекторатами во Внутренней Азии.

Таким образом, поиск, систематизация и анализ первоисточников на начальном этапе исследования дали материал для строительства как эмпирического, так и в значительной степени концептуального фундамента научного проекта. Процесс работы с источниками будет продолжен. С данной отметки реализации проекта просматриваются перспективные направления – расширение хронологических рамок до конца советского периода и включение в спектр исследуемых документов массива источников по различным видам миграций.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
4. *Байкуев В. Ю.* Геополитические аспекты советско-германского сотрудничества в области медицины в 1920-х гг. // *Власть*. – 2012. – № 1. – С. 145–149.
5. *Байкуев В. Ю.* Советская социальная евгеника и нацменьшинства: ликвидация сифилиса в Бурят-Монголии как элемент программы модернизации национального региона (1923–1930 гг.) // *Власть*. – 2012. – № 10. – С. 174–178.
6. *Емелин В. С., Цейсс А. Л.* Терапевтическое и профилактическое лечение Наганолем трипанозомоза (Су-ауру) у верблюдов // *Вестник микробиологии, эпидемиологии и паразитологии*. – 1928. – № 4. – С. 423–429.
7. *Пироговская М. М.* Ветлянская чума 1878–1879 гг.: санитарный дискурс, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности // *Антропологический форум*. – 2012. – № 17. – С. 198–229.
8. *Трубачев А. Т.* Состояние и перспективы здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // *Проблемы Бурят-Монгольской АССР: тр. первой конф. по изучению производ. сил Бурят-Монгольской АССР. Т. 2.* – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – С. 350–367.
9. *Цейсс А. Л.* Перспективы изучения трипанозомиаза (Су-ауру) верблюдов и борьбы с ним на Ю.-В. СССР // *Вестник микробиологии и эпидемиологии*. – 1926. – Т. 5. – Вып. 4. – С. 308–311. *Он же.* Отчет за первый год существования Всероссийского музея микробиологии // *Вестник микробиологии и эпидемиологии*. – 1926. – Т. 5. – Вып. 3. – С. 223–225.
10. *Nachten E.* How to Win Friends and Influence People: Heinz Zeiss, Boundary Objects and the Pursuit of Cross-National Scientific Collaboration in Microbiology // *Doing Medicine Together: Germany and Russia between the Wars* / ed. S. G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 159–198.
11. *Nye J. S.* Soft Power // *Foreign Policy*. – 1990. – № 80. – P. 153–171.
12. *Wilmanns K.* Lues, Lamas, Leninisten: Tagebuch einer Reise durch Russland in die Burjatische Republik im Sommer 1926. – Centaurus Verlag, 1995. – 313 p.

УДК 81'373.612.2 + 811.512.33

С. Энхжаргал

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ПЕРЕНОСА ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

Статья посвящена изучению метафоры в связи с переносом значений слов в монгольском языке с антропоцентрической точки зрения в тесной связи с сознанием человека, его когнитивной деятельностью, факторами культуры и т. д. В качестве объекта исследования автор использует некоторые фразеологические единицы и образцы народной паремии. По мнению автора, переносное значение слов наиболее ярко проявляется именно в подобных конструкциях, где слово употребляется в несвойственном ему семантическом окружении.

Ключевые слова: метафора, монгольский язык, переносное значение слова.

S. Enkhzhargal

METAPHOR AS A WAY OF TRANSFER OF WORD MEANINGS

The article is devoted to the study of metaphors in connection with the transfer of the meanings of words in the Mongolian language from an anthropocentric point of view, in close connection with the human mind and its cognitive activities, cultural factors, etc. The author uses some phraseological units and examples of folk proverbs as an object of her study. According to the author, the figurative meaning of words is more manifested in such constructions, where the word is used in the semantic environment unusual for it.

Key words: metaphor, the Mongolian language, figurative meaning of the word.

Полисемичность лексической единицы – явление всеобщее и распространено в любом языке мира. С давних времен исследователи изучали многозначность слова на лексическом уровне. В зависимости от соотносительности предмета с явлением действительности лексические значения делятся на денотативное, прямое, переносное, атрибутивное и абстрактное [7, с. 96]. Последнее время активизируется изучение процесса переноса значения и образования новой номинации в лексике с помощью теории и методики современного языкознания.

В языкознании переносное значение является важным источником создания образности. В создании образности одно из ведущих мест также занимает метафора, возникающая различными способами.

Метафора как многообразное, специфическое явление, связанное с языковыми и внеязыковыми факторами, способствует появлению новых наименований предметов окружающей действительности на основе сравнения и выявления сходства отдельных предметов, иными словами, участвует в возникновении нового наименования вследствие переноса значения слова.

Метафора используется в различных областях науки. Великий мыслитель древности Аристотель считал ее «сильным приемом эристики, украшением речи и художественным методом убеждения собеседника». С тех давних времен метафора изучалась с семантической стороны, но в то же время с конца XX в. начался новый этап изучения метафоры, а именно с позиций когнитивной лингви-

стики [5, с. 112]. В данной области появились разнообразные новые методики исследования.

Исследователи Монголии в области современного языкознания, пусть и в незначительном объеме, продолжают изучение метафоры в связи с лингвокультурологией и когнитивистикой. В этой области можно назвать работы таких языковедов, как, например, Б. Чулуундорж [14], Ж. Баянсан [3], Э. Равдан [9], Н. Нансалмаа [4], М. Ууганбаяр [11; 12] и др. Также выходят в свет монографические сравнительно-сопоставительные исследования молодых лингвистов, основанные на связи языка и культуры и когнитивной лингвистики.

Но в монгольском языкознании имеется лакуна, требующая заполнения в той части, которая касается исследования не единичных банальных языковых фактов, а основанная на сплошной выборке классификация языкового материала со всеми относящимися к ним выражениями, фразами для выявления особенностей национального языкового сознания с различных точек зрения [2].

Исходя из того, что выявление специфики разговорного литературного языка в определенной степени обогатит теорию монгольской лингвистики, мы выбрали в качестве материала для исследования некоторые примеры из фонда фразеологических единиц современного монгольского языка. В традиционной лексикологии переносное значение слова понимается как значение, опосредованно выраженное через значение другого слова. Это неразрывно связано с языковой метафорой и метонимией.

Это традиционное понимание полисемии в языкознании подразумевает, что слово состоит из нескольких сем, в связи с этим в процессе непосредственного общения и употребления лексем трудно определить и семантизировать весь спектр разнообразных значений слова. Поэтому важным представляется изучение явления переноса значения

с антропоцентрической точки зрения в тесной связи с сознанием человека, его когнитивной деятельностью, факторами культуры.

В прямом смысле метафора – абстрактное (conceptual metaphor) явление, или переосмысление одного предмета через другое [10, с. 76]. Часто передача абстрактного понятия происходит через метафору. Исследователи утверждали, что новые значения, новые понятия появляются в результате выявления сходства и различий двух разных предметов.

Невозможно создать новые языковые единицы для обозначения новых понятий посредством комбинаций фонем данного языка или придумать слово или словосочетание, которые не существуют в данном языке. В связи с этим общепринято, что новые понятия обретают названия исходя из предыдущего опыта, знаний и представлений.

При образовании метафоры и абстрагировании какого-либо конкретного слова привлекаются не все признаки, а лишь тот, который необходим в данном случае. Например, в монгольском языке тихого, мирного человека сравнивают с овцой, упрямого – с быком, трудолюбивого, терпеливого, удачливого – с конем, медлительного, спокойного – с верблюдом, важного, кичливого – с козой. Сравнение человека, его внешнего вида, характера, поведения с различными животными, предметами и природными явлениями распространено во всех языках мира. В Монголии, сравнивая человека с верблюдом, являющимся домашним животным, выделяют такие его качества и внешние признаки, как «большой, высокий, крупный, добрый, сострадательный, спокойный, смотрящий поверху, пьющий много воды, длинношей, ступающий степенно, с достоинством, медлительный, умный, ленивый, неуклюжий и т. д.», а в русском языке он ассоциируется с невоспитанностью и крупным, неуклюжим человеком [6, с. 76]. В сравнениях монголов, связанных

с верблюдом, отражаются больше не его внешние признаки, а качества: повадки, характер, поскольку верблюд занимал важное место в хозяйственной деятельности на протяжении многих веков – в верховой езде, вьючной перевозке грузов и т. д. Традиция сравнения характера человека с повадками пяти видов животных связана с тем, что монголы издревле занимались их разведением, знали чем и как они питаются, как ведут себя в той или иной ситуации. Об этом Эрдэнэбат пишет: «Кроме того что человек, зная все повадки каждого животного, пересмысливает их и сравнивает с ними характер, поведение какого-либо человека, это дает возможность узнать больше об особенностях разведения, содержания этих животных... Обратной стороной человеческой сути являются трусость и упрямство. Выражение *айсан бух шиг* ‘словно испуганный бык’ основано на том, что более слабый бык, проиграв в бодании, убегает с поля боя с ревом, что представляет собой жалкое и комическое зрелище. Именно на этом основана ирония над робким, трусливым человеком» [15]. Это в когнитивной лингвистике объясняется с помощью образа-схемы [1], основанного на опыте человеческого познания.

Образ-схема – это понятие об отношениях различных конкретных и абстрактных явлений, накопленных в сознании человека, его опыте. На этой основе формируются образные схемы, в рамках которых человек познает мир. Иными словами, человек создает в своем сознании какую-либо конкретную модель-схему или образ-схему на основе суммы знаний о качествах, внешних признаках, отношениях предметов объективной реальности.

Особенно широко используется образ-схема при моделировании пространственных отношений и движения. Возможно, в связи с тем, что человек представляет себя в виде сосуда, он воспринимает свой внутренний мир, эмоциональное состояние через модель сосуда.

Языковед Ж. Баянсан раскрывает с точки зрения когнитивистики понятие «души» как некоего сосуда и иллюстрирует интересными примерами: *сэтгэл уужрах* ‘успокоиться, букв. душа расширяться, стать просторнее’, *сэтгэл дүүрэх* ‘быть удовлетворенным, букв. душа наполниться’, *сэтгэл дундрах* ‘быть неудовлетворенным, букв. душа становится неполным’, *сэтгэл хоосрох* ‘опустеть в душе’, *сэтгэл нээх* ‘открывать душу’, *сэтгэлд хадгалах* ‘хранить в душе’, *сэтгэлд буух* ‘вспомнить, букв. в душу опуститься’, *сэтгэлээс гарах* ‘выйти из души (сердца)’, *сэтгэл онгойх* ‘успокоиться, букв. душа открыться’. Кроме того, представляет ее как нечто живое и приводит соответствующие примеры: *сэтгэл ханах*, *сэтгэл цадах* ‘успокоиться, букв. душа насытиться’, *сэтгэл тайтгарах* ‘успокаиваться, букв. душа утешиться’, *сэтгэл бухимдах* ‘нервничать, букв. душа нервничать’, *сэтгэл хөдлөх*, *сэтгэл уймрах* ‘беспокоиться, букв. душа двигаться и душа быть в суматохе’ *сэтгэл баясах* ‘быть удовлетворенным, букв. душа радоваться’, *сэтгэл сэргэх* ‘воспрянуть, букв. душа воспрянуть’, *сэтгэл гонсойх* ‘разочароваться, букв. душа разочароваться’, *сэтгэл эмзэглэх* ‘терпеть душевную боль, букв. душа болеть’. Таким образом выражаются разные эмоциональные состояния человека. Также ученый сравнивает душу с веществом, имеющим различные агрегатные состояния и обладающим различными физическими характеристиками, что отражается в следующих примерах: *халуун сэтгэл* ‘горячее сердце, букв. горячая душа’, *хүйтэн сэтгэл* ‘холодное сердце, букв. холодная душа’, *хатуу сэтгэл* ‘черствое сердце, букв. твердая душа’, *зөөлөн сэтгэл* ‘мягкое сердце, букв. мягкая душа’, *сайхан сэтгэл* ‘милосердие, букв. прекрасная душа’, *муухай сэтгэл* ‘жестокосердие, букв. грязная душа’, *сэтгэл бат*, *бөх сэтгэл* ‘твердость (о состоянии души), букв. крепкая душа’, *сэтгэл эмзэг* ‘ранимый, букв. душа, боль’. Человечество сравнивает по подобию и различию

признаков новые и ранее существовавшие понятия, используя свой личный жизненный опыт для более легкого понимания абстрактных предметов и явлений. Например, в «Ертөнцийн гурван хөнгөн» – «Триаде легких света»:

*Авгайгүй тавнан нэг хөнгөн,
Аягагүй алчуур нэг хөнгөн,
Аальгүй хүүхэн нэг хөнгөн.*

*Зять [II] без жены – легкомысленный,
Мешочек [III] без чашки – легкое,
Кокетливая девушка – легкомысленная.*

Здесь сравнивает зятя князя и кокетливую девушку с легким мешочком, этим подчеркиваются недостатки человека, в частности его легкомысленность. Когда говорят «легкий человек», то не имеют ввиду собственно его вес, а лишь его внутренний мир, характер, поведение, т. е. активизируется переносное значение данного слова. Иными словами, физические признаки фигурально указывают на психические состояния человека. Таким образом, образуется переносное значение через метафору на основе внешних и внутренних признаков любого предмета [1, с. 29]. Кроме этого, существует еще один метод образования переносного значения, который заключается в экстраполяции признаков предметов на абстрактные понятия, либо, наоборот, любые абстрактные признаки человека или предмета переводятся на признаки какого-либо животного или предмета. Их можно показать примерами «триад света»:

Признаки реального предмета переводятся на абстрактные понятия:

«Ертөнцийн гурван бөх» – «Триада крепких»:

*Хүргэн хүүгийн хүзүү бөх,
Хүрэл чулууны амь бөх,
Хүний морины нуруу бөх.*

*Шея крепка у зятя,
Крепка основа каменных баб,
Хребет чуждой лошади крепкий.*

В этом случае происходит перенос признаков частей тела (шея, хребет) на абстрактные понятия «жизнь», «жизненные силы».

Абстрактные признаки человека или какого-либо предмета объективной действительности переводятся на признаки какого-либо живого существа и тем самым оживляются. Например, в «Триаде неистовства»:

*Өвсөнд орсон түймэр галзуу,
Эмээлээ хөглүүлсэн морь галзуу,
Эргээ хальсан ус галзуу.*

*Пожар, охвативший ветошь, неистов,
Лошадь, седло которой сползло назад,
неистова,*

Река, вышедшая из берегов, неистова.

Здесь в примерах сравнивается неистовство человека и животного с огнем и водой.

Если признать, что монгольские «триады света» образуются посредством метафоры, то реальные или абстрактные реалии действительности сравниваются на основе какого-либо абстрактного признака, причем формы выражения метафоры в каждой строке идентичны. Например, «Ертөнцийн гурван үгүй» – «Триада недостатка или отсутствия»:

<i>Уул бүсгүй,</i>	<i>У гор пояса нет,</i>
<i>Тэнгэр баганагүй,</i>	<i>У неба столба нет,</i>
<i>Далай таглаагүй.</i>	<i>У моря крышки нет.</i>

В других версиях встречаются строки:

Уул бүслүүр үгүй, Хөндий тэнгэрт шат үгүй ‘У гор опояски нет, У неба лестницы нет’. В этом случае гору сравнивают с юртой или в последнее время – с домами, моря – с котлом. А также в этих примерах проявляется скрытая форма метафоры.

Мы разделяем мнение представителей когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа, М. Джонсона о необходимости изучения скрытых и очевидных форм метафоры [16]. В наших примерах скрытые метафоры это: гора – юрта, небо – жи-

лице, море – котел (посуда). Скрытые и очевидные метафоры связаны с образом-схемой познания, также нужно заметить, что они основаны на опыте знаний, накопленных в сознании человека. В связи с этим «триада недостаток» создана на основе образа-схемы вместимости.

В каждой триаде света некое абстрактное понятие сравнивается с предметным явлением. Это особенность объясняется с помощью источника и сферы цели, которую можно объяснить идеями, предложенными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [IV], об источнике (source domain) и сфере цели (target domain) метафоры.

«Ертөнцийн гурван хүнд» – «Триада тяжелых света»:

*Эцсэн моринд хазаар хүнд,
Ядсан хүнд чих хүнд,
Ялт хүнд санаа хүнд.*

*Тяжела узда для уставшей лошади,
Тяжелы уши для уставшего человека,
Тяжелы мысли у преступника.*

Источники: узда, уши, мысль. Цель: тяжело. Особенностью данной метафоры является то, что предметные узда, уши сравниваются абстрактным понятием «тяжело», а тяжесть мысли выражается предметно. Другая версия:

*Дийлэхэд ялалт хүнд,
Тэсэхэд өвчин хүнд,
Тэсвэрлэхэд нойр хүнд.*

*Тяжела победа, [добываемая в борьбе],
Тяжело переносить боль,
Тяжело удержаться от засыпания (от сна).*

Источники: победа, сон, болезнь. Цель: трудность. Особенностью этой метафоры является то, что три абстрактных понятия сравниваются с признаком предмета и выражаются предметной метафорой. Таким образом, абстрактные понятия выражаются предметной метафорой и предметные понятия оживляются. Например, «Ертөнцийн гурван буг» – «Триада злых гениев света»:

*Харамч эм гэрийн буг,
Хатсан ховоо худгийн буг,
Хавтгай түлээ галын буг.*

*Скупая женщина – злой гений дома,
Сухое ведро – злой гений колодца,
Плоские дрова – злой гений огня*

[МАЕГ, 2012].

Источник: женщина, ведро, дрова. Цель: дьявол. Специфика метафоры в том, что характеристика жадной женщины имеет отрицательный оттенок, в связи с этим оживляются признаки ведра и дров.

«Ертөнцийн гурван догшин» – «Триада грозных света»:

*Эргээ хальсан ус догшин,
Эмээлээ хөглүүлсэн морь догшин,
Эрээ голсон эм догшин.*

*Река грозна, вышедшая из берегов,
Лошадь грозна, у которой сползло назад седло,*

Грозна жена, которая пренебрегает мужем

[МАЕГ, 2012, 76].

Источник: вода, лошадь, жена. Цель: грозный. Особенностью метафоры является то, что сравниваются недостатки поведения женщины и лошади, таким образом оживляется вода.

«Ертөнцийн гурван галзуу» – «Триада неистовства света»:

*Өндрөөс өнхөрсөн чулуу нэг галзуу,
Өлөн өвсөнд ассан гал нэг галзуу,
Өвгөн хүнд очсон хүүхэн нэг галзуу.*

*Неистов камень, катящийся с высоты,
Неистов огонь, охвативший ветошь,
Неистова [неразумна] девушка, вышедшая за старика*

[Хөмрөг, х-5-52-51].

Источники: камень, огонь, девушка. Цель: бешеный. Здесь посредством оценки действия или поведения девушки оживляются признаки огня и камня. Вышеуказанные признаки являются выражением сравнения психологии, приобретенной приметой человеческого распознавания. А также выражает особенности

размышления с бытом и окружающей среды. Например, «Триада добавок света»:

*Өндөр тэнгэр үүлэн давхрагатай,
Өвсөн дэлхий цасан давхрагатай,
Өргөн далай мөсөн давхрагатай.*

*У высокого неба облачный покров,
У зеленой земли снежный покров,
У широкого моря ледяной покров*

[МАЕГ, 2012, 75].

Или по другой версии:

*Өндөр тэнгэр үүлэн дээвэртэй,
Өвсөн дэлхий цасан дээвэртэй,
Өргөн далай мөсөн дээвэртэй.*

*У высокого неба облачная крышка,
У зеленой земли снежная крышка,
У широкого моря ледяная крышка*

[МАЕГ, 2012, 80].

Здесь сравниваются небо, земля, море с каким-либо предметом, который имеет крышку, покров. Это связано с прямым и переносным употреблением

слова. Например, «Ертөнцийн гурван хүнд» – «Триада тяжелых света»:

*Тулаад өргөхөд чулуу хүнд,
Тухлаад ирсэн ураг хүнд,
Таньж суусан янаг хүнд.*

*При подъеме с опорой камень тяжё-
лый,*

*Приехавшие неожиданно (с оказией),
родственники тяжёлы,*

*Любимая, живущая с тобой давно, тя-
жела*

[МАЕГ, 2012, 143].

В первой строке слово «тяжелый» употребляется в прямом значении, а во второй и третьей строках – в переносном.

Помимо обозначения предметных и абстрактных понятий с помощью сравнения вышеуказанные примеры показывают тесную связь метафоры с переносным значением, которое выражается сравнением имеющегося знания с новым, полученным в результате собственного опыта.

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта СО РАН – АН Монголии № 17 «Монголия – Сибирь в ретроспективе веков».

Примечания

I. Марк Джонсон использовал термин «image schema», т. е. образ-схема, чтобы обозначить структуру, которая организует наш опыт. Языковая и мыслительная деятельность используются в языкознании как «предметно-образный код», а в когнитивной лингвистике – «образ-схема – image schema» [8, с. 72].

II. Тавнан – зять князя (архаизм) [13, с. 512].

III. Мешочек для хранения и переноски посуды, нечто вроде большого кисета.

IV. Джорж Лакофф и Марк Джонсон в труде «Metaphors we live by» (1980) объяснили фразу «Любовь – это путешествие» (love is a journey), которая стала классическим примером в когнитивной лингвистике. По их мнению, метафора – это понимание одного предмета через другое. В приведенном выше примере любовь сравнивается с путешествием. Метафора на греческом языке означает «перенос». Поэтому метафору можно понимать как процесс переноса с источника (source domain) на сферу цели (target domain).

Литература

1. Гужева Ф. К., Иванова А. Н. Лексика и фразеология русского языка. – Киев, 1982.
2. Баянсан Ж. Нүүдэлчдийн соёл иргэншлийн нэвтэрхий толь зохиох арга зүйн асуудалд. Толь судлалын тухай олон улсын хуралд тавьсан илтгэл. – Сеул, 2012.

3. *Баянсан Ж.* Соёл, хэл, үндэстний сэтгэлгээ. – Улаанбаатар, 2002.
4. *Нансалмаа Н.* Хэлшинжлэлийн судалгааны аргазүй. Үг: утга, хэрэглээ. – Улаанбаатар, 2009.
5. *Нансалмаа Н.* Яруу найргийн зүйрлэл танихуйн зүрлэлийн нэгэн төрөл болох нь. – Acta mongolica. – Vol. 13 (385).
6. *Нансалмаа Н.* Үгийн утга дахь соёлын бүрдүүлбэр. – Үгийн сан судлал. – Улаанбаатар, 2005.
7. Орчин цагийн монгол хэлний үгийн сангийн судлалын үндэс (Основы исследования лексики современного монгольского языка). – Улаанбаатар, 1986.
8. *Равдан Э.* Орчин цагийн хэлшинжлэл. – Улаанбаатар, 2005.
9. *Равдан Э.* Танихуйн хэл шинжлэл. Орчин цагийн хэл шинжлэл. – Улаанбаатар, 2005.
10. *Равдан Э.* Танихуйн хэлшинжлэл // Орчин цагийн хэл шинжлэл. – Улаанбаатар, 2006.
11. *Ууганбаяр М.* Метоними, метафор хэмээх ойлголт ба эхийг унших ерөнхий загварын нэгэн жишээ // Монгол судлал. МУИС. МХСС-ийн ЭБШ. – Улаанбаатар, 2007.
12. *Ууганбаяр М.* Монгол хэлний хэсэг бүхлийн утгатай зүйрлэлийн нэг жишээ // «Монгол судлал». МУИС. МХСС-ийн ЭШБ. – Улаанбаатар, 2012.
13. *Цэвэл Я.* Монгол хэлний товч тайлбар толь. – Улаанбаатар, 1966.
14. *Чулуундорж Б.* Когниц-сэтгэл судлал-хэлшинжлэл, мэдлэгийн онол. – Улаанбаатар, 2001.
15. *Эрдэнэбат Ц.* Монгол хэлний уугуул үгийн утга. – Улаанбаатар, 2005.
16. *Lacoff G., Johnson M.* The Metaphorical Structure of the Human Conceptual System. Режим доступа: <http://ebooksbrowse.com/lacoff-andjohnson-metaphors-pdf-d302490940>.

УДК 398

Л. С. Дампилова, А. Г. Игумнов
О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ
И ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПО ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ В МИРОВОЙ НАУКЕ

Статья посвящена современному состоянию фольклористики. В методологическом аспекте оно характеризуется плюрализмом, открывающим очень широкое исследовательское поле. В аспекте организационном для него характерны интернациональные сообщества, вплоть до сетевых, при отсутствии непроходимых методологических границ между исследователями, что и обеспечивает полноту охвата и рассмотрения фольклорно-этнографического материала.

Ключевые слова: предметное поле фольклористики, методология фольклористики, научные центры и сообщества по изучению фольклора.

ДАМПИЛОВА Людмила Санжибоевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая отделом литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru.

ИГУМНОВ Андрей Георгиевич – доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета. E-mail: anigumnov@mail.ru.

L. S. Dampilova, A. G. Igumnov

ON THE CURRENT STATE AND MAIN DIRECTIONS OF FOLKLORE STUDIES IN WORLD SCIENCE

The article is devoted to the state of affairs in the modern folklore studies. In the methodological aspect, it is characterized by pluralism opening a wide research field. In the organizational aspect it is characterized by international research communities and networks, and absence of impassable methodological boundaries between researchers. This provides complete coverage and consideration of folklore and ethnographic material.

Key words: the subject field of folklore studies, methodology of folklore studies, research centres and societies for the study of folklore.

Начать нужно с того, что «современность» для фольклористической научной традиции – понятие очень широкое и неоднозначное. Многие труды, изданные даже еще во второй половине XIX в., предопределили развитие фольклористики второй половины XX в. и подвергаются переосмыслению сейчас (у нас – труды Ф. И. Буслаева, Вс. Миллера, А. Н. Веселовского, на западе – Л. Леви-Брюля, М. Мосса, Б. Малиновского).

Напротив, многие прорывные работы далеко не сразу попадают в активный научный оборот: для их осмысления требуется, как правило, значительное время, что и произошло, в частности, с «Морфологией сказки» В. Я. Проппа [3] и работой Г. И. Мальцева «Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики» [2].

Стоит также подчеркнуть, что «мировая фольклористика» в известном смысле абстракция. Если она и существует, то лишь в виде научных школ, сообществ, центров, лабораторий. Таковы, например, American folklore society, Американское фольклорное общество (АФО) (Университет Огайо, США, основано в 1888 г.), Международное общество по изучению фольклорных нарративов ISNFR (Гёттинген, Германия), Институт Калевалы университета Турку (Финляндия). Существенно при этом, что по своему «составу» названные и другие крупные научные сообщества в своей деятельно-

сти явно тяготеют к интернационализации: в их деятельности принимают участие ученые из разных стран, а общее их число может доходить до 2000. Научные парадигмы всех этих форм совместной деятельности центров обуславливаются множеством факторов, начиная от личных научных интересов их лидеров и заканчивая научной традицией, сложившейся в рамках «национальной» фольклористики, но все же можно и должно провести некоторый водораздел между парадигмами западноевропейской, отечественной и славянской науками о народной культуре.

Исторически сложилось, что в западно-европейской и американской науках о традиционной народной культуре за словом «фольклор» сохраняется первоначальное значение, предложенное В. Томсом еще в 1864 г. По Томсу, под «фольклором» следует понимать всю сферу традиционной народной духовной культуры. «Фольклорные» явления в них оказываются частным случаем явлений более широкого объема – явлений, подлежащих изучению с точки зрения теоретической этнографии или антропологии. В частности, в одном и том же номере «Журнала американского фольклора» можно найти статьи о играх мексиканских девочек и инициационных обрядах американских парашютистов-пожарных. Такое широкое понимание предметного поля «фольклористики» допускает и требует применения к его изучению не

только методов классической филологии, но и антропологии, культурологии, социологии, описательной этнографии, когнитивной лингвистики, психологии. В сферу исследовательского внимания при таком понимании «фольклора» попадают также процессы литературно-фольклорных взаимодействий, феномены фольклорных новообразований в различных этнокультурных средах, в т. ч. в пространстве Интернета, и городской фольклор во всем своем разнообразии. Более того, при предельно широком понимании понятия «фольклор» в его сфере, начиная, пожалуй, уже с Э. Б. Тайлора, попадает даже материальная культура.

Отечественная же наука о традиционной народной культуре (и шире – славянская), включая в свой научный оборот слово «фольклор», очень скоро выказала явное стремление придать ему предельно узкое значение – «устное народное поэтическое творчество». Тем самым «фольклор» определялся как часть только словесного искусства (разумеется, при этом еще и «народного»). Соответственно, фольклористика, по словам Ю. М. Соколова, закономерно включалась в состав «марксистско-ленинского литературоведения» как его важнейшая часть [1, кн. 5, с. 92; 4, с. 21, 22]. Далеко не все из отечественных фольклористов с этим пониманием были согласны уже тогда, а сейчас эта точка зрения подвергается жесткой критике, но тенденция к предельно узкому пониманию феномена «фольклора» все же сильна, особенно в вузовской практике. По всей видимости, такое изначальное методологическое расхождение отечественной фольклористики с западно-европейской не в последнюю очередь было обусловлено состоянием фольклорных традиций на тот момент, когда в тех или иных странах возникал к ним научный интерес. В отличие от западно-европейских фольклористов, первые отечественные фольклористы имели счастливую возможность исследовать полнокровную живую

аутентичную фольклорную традицию в ее вербальной составляющей, выехав за Петроградскую заставу буквально на километр. Это обстоятельство и поставило перед ними в качестве одной из главных задач организацию широкого сбора полевого материала, его публикацию и описание его с точки зрения классической филологии, т. е. во всей полноте смыслов и поэтических особенностей.

В результате (если посмотреть на «мировую фольклористику» в целом) возник крайне широкий диапазон научных парадигм при изучении того, что можно назвать «фольклором», а само это слово оказалось крайне размытым по своему значению. Не случайно комитет правительственных экспертов, работавших под эгидой ЮНЕСКО с 1982 г., пришел к выводу о принципиальной невозможности единого определения этого слова.

Подробнее со всеми вопросами, о которых шла речь, можно ознакомиться в [4, с. 18–55], сейчас же пора обратиться к формам непосредственной организации фольклористических исследований за рубежом: изданиям и исследовательским центрам. Все их перечислить невозможно, поэтому стоит остановиться лишь на тех, деятельность которых может представлять интерес для ученых Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Прежде всего следует обратить внимание на периодические издания. Так, АФО публикуется ежеквартальный «Журнал американского фольклора» (Journal of American Folklore), один из старейших и наиболее уважаемых фольклорных журналов в мире (сейчас в него входит также мультимедийный сайт, содержащий аудио- и видеозаписи, статьи и обзоры исследований по фольклору). Журнал «Шаман» – ежегодный журнал строго академического характера, публикующий статьи, написанные на английском языке. Кроме того, «Шаман» публикует обзоры текущих книг, филь-

мов, видео и звукозаписей, краткие обзоры исследований и анонсы предстоящих событий.

Имея в виду наши перспективы международного сотрудничества, особенно стоит обратить внимание на так называемые «сетевые» институты. К примеру, при Университете Миссури (США) существует «Международное сообщество исследований устных традиций». Миссией сообщества является создание и поддержание открытой, демократичной сети для изучения устных традиций в мире. Общество является по существу виртуальной сетью, работающей в «облаке» и предлагающей бесплатный доступ, членство и интерактивный обмен. Сообщество предлагает онлайн-хранилище и неформальную публикацию первичных (основных) и вторичных материалов, связанных с изучением устных традиций. Журнал «Устные традиции» основан в качестве международного и междисциплинарного форума для обсуждения устных традиций всего мира и форм, связанных с ними. «УТ» является реферируемым академическим журналом.

В настоящее время в таких странах, как Германия (Бонн), Франция (Париж), США (Блумингтон), Венгрия (Будапешт) существуют несколько основных научных центров по изучению культурного наследия монгольских народов. Традиционно ведущее положение в западном монголоведении занимает немецкая школа, представленная учеными с мировым именем – В. Хайсигом и К. Сагастером. В частности, по настоящее время в Бонне функционирует основанный ими Институт центральноазиатских исследований. В Дюссельдорфе (Германия) существует также Международный архив магнитофонных записей, принадлежащий Северной Рейн-Вестфальской академии наук и искусств. Этот архив содержит богатую коллекцию устной литературы Восточной Монголии, включая и фотоматериалы. Здесь хранятся уни-

кальные улигеры, восходящие к временам Танской династии, например «Модон ульгэр», обретший самостоятельное звучание на монгольском языке, и др.

На базе этой архивной коллекции проводятся исследования в рамках проекта, поддерживаемого немецким научно-исследовательским фондом. Так, в 2011 г. в Дюссельдорфе был проведен Международный симпозиум, организованный Северной Рейн-Вестфальской академией наук и искусств, по теме: «The Hero and the Bard. Continuity and Transformation in the Oral Literature of the Mongols and Their Neighbours» («Герой и бард. Преемственность (непрерывность) и трансформация в устной литературе монголов и их соседей»), в котором участвовал и «наш» д.ф.н. Б. С. Дугаров. Симпозиум собрал в рамках единой конференции специалистов по тюрко-монгольскому фольклору из разных стран. Особое внимание было уделено вопросам бытования живой нарративной традиции среди современных монгольских народов и их этнического окружения – китайцев, тунгусов, тюрков, тибетцев. Также на конференции была затронута проблема трансформации традиционного фольклора в современных условиях, форм влияния общественно-политических и культурных изменений, происходящих в соответствующих странах и регионах, на устную фольклорную традицию.

Особый интерес для нас представляет научный центр Сорбонского университета и журнал «Монгольские и сибирские исследования». Деятельность этого центра и тематика журнала под руководством Роберты Амайон, профессора, антрополога, демонстрирует комплексный, свойственный антропологической науке подход в освещении проблем монгольского мира в широком историческом, этнокультурном контексте, сопряженном с реалиями нового времени. Следует отметить, что в последних публикациях Р. Амайон явно прослеживается

тема бурятской Гэсэриады, эпоса как инструмента для осмысления изменений в обществе.

Международные связи университетов продолжают расширяться. Так, например, Будапештский университет имени Лóранда Этвёша (отдел исследований Внутренней Азии) с 1991 г. проводит под руководством Алисы Саркози и Агнеш Бирталан совместные экспедиции с Монгольской академией наук, направленные на исследования монгольской фольклорной культуры и диалектов.

Устной традиции монгольских народов посвящены работы факультета исследований Азии и Среднего Востока Кембриджского университета. Особый интерес представляет грантовый проект по сбору и записи образцов устной литературы World Oral Literature Project Online Collections, разработанный в 2009–2013 гг. Кембриджским университетом (Великобритания) и Йельским университетом (США). На его сайте представлены аутентичные фольклорные материалы (эпос, песни, обряды и ритуалы, образцы этнической музыки и танцев), собранные у многих народов мира, в т. ч. и у монголов (Узэед Уранчимэг: Хорчин монгол ульгэрт дуу (Horchin Mongolian Narrative Songs, 2010–2011)).

Секция исследований Монголии и Внутренней Азии является междисциплинарным научно-исследовательским подразделением в Кембриджском университете в рамках Департамента социальной антропологии. Заслуживает внимания их проект «Устная история Монголии». Это совместный исследовательский проект MIASU и Международной ассоциации монголоведения в Улан-Баторе (д-р Дэвид Снит, д-р Кристофер Каплонски, старший консультант – Кэролайн Хамфри, кафедра социальной антропологии в Кембридже). Проектом планируется сбор более 600 личных устных историй монголов по всей стране, чтобы создать общедоступную, двуязычную базу данных устной истории

Монголии XX в. Главная цель проекта заключается в том, чтобы зафиксировать понимание истории и переживаний обычным населением государственного преобразования, а также задокументировать и проанализировать изменения, пережитые страной.

Департамент по изучению Центральной Евразии, Центр по изучению народов Внутренней Азии и Урала университета Индианы (США, Блумингтон) отличается образовательной программой изучения уникальных областей в области этнографии и фольклористики, делая уклон на знания языка и основательную подготовку по культуре коренных народов. Частный университет Нанзань (г. Нагоя, Япония) занимается исследованием фольклорных нарративов, народных верований и культовой обрядности в традиционных и современных формах Юго-Восточной Азии, Китая и Японии, в т. ч. и Монголии. Университет выпускает достаточно серьезный журнал «Asian Ethnology», принимает работы как азиатских, так и западных авторов. Сегодня с расширенной программой по фольклористике выступают китайские ученые – Академия социальных наук, Институт национальных литератур (IEL) (Китай). В Институте проводятся научные исследования этнических литератур Китая. Публикуется журнал «Исследования по этнической литературе» (ежеквартально), охватывающий все области гуманитарных наук. Запущено несколько крупных проектов по текстуализации и переводу героического эпоса и других фольклорных нарративов. Особый интерес представляют эпические центры: баргутский, хорчинский, ойратский. В Монголии у нас тесные научные контакты и совместные экспедиции с Академией наук Монголии, Институтом языка и литературы. У них издается журнал с международным индексом «Аман зохиол судлал».

Отдел литературоведения и фольклористики Института монголоведе-

ния, буддологии и тибетологии СО РАН сотрудничает с зарубежными фольклористами и литературоведами в совместных проектах: 1) с Институтом центральноазиатских исследований в Бонне и Международным архивом в Дюссельдорфе по эпосу (Германия); 2) с Академией языка и литературы Монголии (г. Улан-Батор) по эпосу монгольских народов; 3) с исследовательским центром биокультурного наследия монгольского ареала университета Данкука по обмену материалами (Корея); 4) с университетом Хух-Хото по обмену материалами и изданию фольклорных и литературных текстов (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР); 5) Гомельским государственным техническим университетом (Республика Беларусь).

Что же касается международного интереса к русскому фольклору, о каких-то крупных центрах по его изучению говорить затруднительно. Однако интерес к нему закономерно возникает практически во всех крупных университетах мира, где есть либо отделения, либо кафедры, либо институты русистики или славистики. В частности, наши сотрудники принимали участие в двух научно-практических конференциях, проводимых Институтом русского языка и литературы при университете Тайбея (Китайская Республика).

Итак, в современной фольклористике новые и старые парадигмы сосуществуют, решая каждая свои задачи. Традиционная «deskriptivno-эдиционная» фольклористика стремится к максимально полной фиксации живого бытования фольклора (независимо от понимания этого слова и этнической, социальной, стадияльно-типологической ее характеристики) и публикации полевых материалов. Структурно-семиотические методы предполагают поиск неких системных связей, позволяющих говорить о системной целостности исследуемых явлений, «филологическая фольклористика» исследует историю жанровой системы фольклора, антропо-этнофольклористика – «культурную жизнь» народа в очень большом объеме, мифологическая школа в ее современной ипостаси нацелена на распутывание клубка мифологических смыслов, образовавшегося за века и тысячелетия. Это обстоятельство и открывает перед нами чрезвычайно широкие и потенциально плодотворные перспективы непосредственного международного сотрудничества. В этой связи предлагаем вниманию заинтересованного читателя список сайтов крупнейших сообществ, центров, журналов и конференций по антропологии, этнографии, фольклористике, литературоведению и когнитивной лингвистике:

<http://www.afsnet.org> – Американское фольклорное общество (АФО).

<http://www.isfnr.org> – Международное общество по изучению фольклорных нарративов ISFNR.

<http://www.folklorefellows.fi> – Институт Калевалы университета Турку.

<http://www.afsnet.org/?page=JAFCContribInfo> – «Журнал американского фольклора» (Journal of American Folklore).

<http://www.folkscene.hu/mazines/shaman/index.htm> – журнал «Шаман».

<http://issot.org> – Международное сообщество исследований устных традиций.

<http://journal.oraltradition.org> – журнал «Устные традиции».

<http://www.awk.nrw.de> – Рейнско-Вестфальская академия наук.

<http://emscat.revues.org> – журнал «Монгольские и сибирские исследования» научного центра Сорбоннского университета.

<http://www.elte.hu> – Будапештский университет имени Лоранда Этвёша.

<http://www.ames.cam.ac.uk> – факультет исследований Азии и Среднего Востока Кембриджского университета.

<http://innerasiaresearch.org> – секция исследований Монголии и Внутренней Азии факультета исследований Азии и Среднего Востока Кембриджского университета.

<http://www.indiana.edu/~ceus> – Департамент по изучению Центральной Евразии университета Индианы.

<http://www.indiana.edu/~iaunrc> – Центр по изучению народов Внутренней Азии и Урала университета Индианы.

<http://nirc.nanzan-u.ac.jp> – университет Нанзан (г. Нагоя, Япония).

<http://nirc.nanzan-u.ac.jp/en/publications/asian-ethnology> – журнал «Asian Ethnology».

http://iel.cass.cn/english/IEL_HomePage_Eng.asp – Академия социальных наук, Институт национальных литератур (IEL) (Китай).

<http://www.isars.org> – Международное сообщество академических исследований шаманизма.

http://journal.oraltradition.org/files/articles/28ii/04_28.2.pdf – статья Д. А. Функа о принципах корпусной лингвистики: новые возможности в работе над героическим эпосом шорцев.

<http://pathwaysproject.org> – проект «Пути» направлен на иллюстрацию и объяснение основных сходств и соответствий между старейшими и новейшими мыслительными технологиями человечества: устной традиции и Интернета.

<http://www.siratbanihilal.ucsb.edu> – цифровой архив, посвященный сохранности и представлению доступа для ученых и широкой общественности к оригинальным записям и другой документации, касающихся арабской устной эпической поэмы «Сират бари хилал».

<http://www.oralliterature.org> – проект «Мировая устная литература», Кембриджский университет.

<http://dobes.mpi.nl> – архив DOBES содержит языковые документированные данные из большого разнообразия языков со всего мира, которые в данный момент находятся под угрозой исчезновения. Этот портал предоставляет доступ к материалу архива, а также содержит информацию о DOBES.

<https://sites.google.com/site/oralpoetogsci/home> – устная поэтика и когнитивная наука.

<http://issot.org/papers> – список международных конференций.

<http://elar.soas.ac.uk> – архив языков, находящихся под угрозой исчезновения, организованный Школой востоковедения и африканистики, Лондонский университет.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект «Миграционные судьбы русской фольклорной традиции» № 12-04-00107.

Литература

1. Дискуссия о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период // Литература и марксизм. – 1931. – Кн. 5, 6.
2. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. – Л., 1989.
3. Пропт В. Я. Морфология сказки. – Л., 1928.
4. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In *memoriam*. – СПб., 2003.

УДК 336.76 (576)

Хулан Т.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ МОНГОЛИИ

В статье авторы предлагают собственную периодизацию формирования фондового рынка в современной Монголии. Первый этап формирования рынка ценных бумаг связан с переходом от традиционной к современной модели. Второй этап характеризуется интенсивным развитием современной модели рынка. И, наконец, третий этап – это его консолидация.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, фондовая биржа, деньги, ценные бумаги, финансы, торги, торговля, сбережения, аккумуляция капитала.

Khulan T.

THE CONTEMPORARY CONDITION AND TENDENCIES OF THE MONGOLIAN STOCK MARKET

In this article the authors propose their own periodization of stock market formation in modern Mongolia. The first stage of the formation of the stock market was connected with the transition from the traditional to the modern model of stock market. The second stage was marked by an intensive development of the modern model of stock market. And, finally, the third stage is the consolidation of the modern stock market.

Key words: stock market, stock exchange, money, stocks, finances, auctions, trade, savings, capital accumulation.

В начале 90-х в Монголии произошли кардинальные демократические изменения во всех сферах общественной жизни, в т. ч. в сфере финансово-денежных отношений. Уже тогда начал формироваться рынок ценных бумаг, но, несмотря на определенный прогресс, пока еще рано говорить о его соответствии мировым стандартам. За годы своего существования он пережил взлеты и падения, аккумулировав в себе множество проблем, которые ожидают своего решения.

Ясно, что без специальной государственной политики по рынку ценных бумаг невозможно достигнуть весомых результатов. Банковское дело и рынок ценных бумаг как два важнейших направления монетарной политики нужда-

ются в одинаковом внимании со стороны государства. К сожалению, не будет преувеличением сказать, что вопрос развития рынка ценных бумаг все еще остается вне поля внимания не только государственных институтов, но и ученых экономистов.

Последствия мирового экономического кризиса непосредственным образом отразились на финансовом потенциале нашей страны, что повлекло за собой необходимость эффективно управлять резервами и возможностями, заложенными в денежном рынке. Поэтому в данной статье авторы высказывают собственную позицию относительно настоящего состояния и дальнейших перспектив развития рынка ценных бумаг в Монголии

и предлагают периодизацию его формирования.

Согласно общепринятому мнению среди исследователей рыночных отношений, мировая модель и нормы рынка ценных бумаг формировались на протяжении многих столетий истории рыночных отношений. Появление «простого векселя» в средние века было связано с учреждением рынка ценных бумаг. Следует отметить, что с XV по XVII в. сформировались мировые фондовые биржи, такие как Амстердамская [4], Лондонская [5], Парижская [9], Филадельфийская и Нью-Йоркская [8]. После гражданской войны в Америке в среде граждан США, имеющих государственные облигации, резко возрос интерес к торговле ценными бумагами и рынок ценных бумаг постепенно превратился в сегодняшний Уолл-стрит. В России торговля на рынке ценных бумаг началась до революции 1917 г. [1, с. 588].

В ходе исторического развития интенсивная эмиссия и торговля акциями способствовали развитию мирового рынка капитала и созданию всемирной сети, объединяющей мировые рынки.

Следует заметить, что рынок капитала сформировался по ходу поддержки государством инвестиций, благодаря предоставляемым фирмам недорогостоящих финансовых ресурсов и привлечению капитала инвесторов.

Немецкий философ и мыслитель К. Маркс отмечал, что «железная дорога никогда не была бы построена, если не было рынка ценных бумаг» [3, с. 2]. Главное преимущество рынка капитала состоит в его способности аккумулировать большой объем капитала в относительно короткий период с низкими затратами. Иными словами, огромная для того времени сумма денег, необходимая для строительства железных дорог, была собрана лишь благодаря акциям.

Монгольский рынок капитала также насчитывает многолетнюю историю. В истории отмечается, что третий сын

великого Чингисхана Угэдэй в 1236 г. выпустил бумажные деньги, которые использовались в качестве финансового инструмента.

В конце XIX – начале XX в. в Монголии не было централизованной системы финансовых услуг, как в других развитых странах мира, монголы не имели ни малейшего представления о рынке капитала и торговле ценными бумагами.

В 1925 г. Министерство финансов Монголии впервые выпустило вексель [Там же], и с 1930 г. монгольское правительство начало выпускать долговые обязательства с целью создания финансовых ресурсов, необходимых для поддержания государственных предприятий. Данный факт свидетельствует о стремлении Монголии внедрить современные элементы рынка капитала на финансовый рынок страны.

С 1960 г., когда социалистическая государственная собственность заняла главенствующие позиции в монгольской экономике, правительство начало осуществлять инвестиции, которые фактически свели на нет функции рынка капитала.

Приватизация государственной собственности стала актуальной проблемой с 90-х гг. при переходе от централизованной плановой экономики к экономике рыночной. В то же время рыночные механизмы не могли функционировать по классической модели без создания частного сектора с приватизацией государственной собственности. Именно поэтому большинство бывших социалистических стран осуществили приватизацию государственного имущества, которая в разных странах проходила по разному:

1) ускоренная приватизация, или оптовая распродажа государственных предприятий (данный вид приватизации был применен в Восточной Германии);

2) приватизация через создание взаимных промежуточных фондов (Польша и Казахстан применили этот способ для своей программы приватизации);

3) приватизация через посредство ваучеров или приватизационных чеков; (эту форму приватизации применили Чехия, Словакия, Россия, Молдова, Кыргызстан и Монголия [3, с. 10–13]).

Выбор Монголии объяснялся необходимостью быстрого проведения приватизации для усиления роли частного сектора в экономике и незначительной долей населения, способной выкупить акции приватизированных предприятий, с одной стороны, а с другой – преобладавшими в обществе требованиями социальной справедливости о том, что общественное богатство должно быть распределено поровну среди всех граждан. Правительство реструктурировало государственные предприятия в акционерные общества и распределило бесплатные инвестиционные ваучеры среди населения, что создало условия для рядовых граждан стать вкладчиками акционерных компаний посредством покупки акций инвестиционных ваучеров. В целях осуществления этой операции 18 января 1991 г. была основана Монгольская фондовая биржа. Поэтому программу приватизации в Монголии невозможно представить отдельно от Монгольской фондовой биржи, поскольку приблизительно 42 % приватизации всей государственной собственности было осуществлено при ее непосредственном участии. Таким образом, программа приватизации положила начало рынку ценных бумаг в Монголии.

В период с 1992 по 1995 г. 476 государственных предприятий с общим капиталом в 24,3 млрд. тугриков были преобразованы в акционерные компании с 212,2 млн. акций по номинальной стоимости в 100 тугриков. 51,2 % всех акций (109,8 млн. акций) остались в собственности государства, а оставшиеся 102,3 млн. акций были выставлены на торги.

Первые торги приватизационными ваучерами на Монгольской фондовой бирже были проведены 7 февраля 1992 г.

и продолжались вплоть до середины мая 1995 г. За этот период количество акционеров достигло 1,2 млн., они стали владельцами 96,4 млн. акций 470 акционерных обществ с общей стоимостью 8,3 млрд. тугриков. 96,9 %, или 93,4 млн. акций, было продано в среднем по 86,8 тугриков за акцию, в то время как нерезализованные 3 млн. акций были проданы сотрудникам государственных предприятий по номиналу 100 тугриков как акции по специальному предложению. Таким образом, приблизительно 52 % населения Монголии стали акционерами с правами на собственность.

Значение программы приватизации заключалось в предоставлении всем гражданам возможности стать собственником в результате приватизации и создании условий для их равноправного участия в рыночных отношениях. В результате этой программы были созданы акционерные общества с многотысячными анонимными собственниками акций без конкретных владельцев. Иными словами, государственная или «ничейная» собственность трансформировалась в частную или в ту же «ничейную» собственность. Акционерная компания в среднем состояла из приблизительно 2417 акционеров, которые владели равным количеством акций. 11 % акционерных обществ имело акционеров, в собственности у которых было меньше 100 акций, у 28 % акционеров имелось в собственности 101–500 акций, у 24 % были акционеры с 501–1000 акциями, у 34 % имелись акционеры с 1001–5000 акциями, у 7,8 % – акционеры с 5001–20000 акциями и всего у 2,7 % были акционеры, владевшие более чем 20001 акциями. В ходе данной приватизации были нарушены прежние производственные, технологические и маркетинговые связи между предприятиями. Тем самым, вследствие неэффективной системы контроля и менеджмента возникли условия для экономических потерь. Поэтому главная цель привати-

зации, заключавшаяся в увеличении эффективности государственных предприятий, не была достигнута: эффективность производства и доходность компаний упали, многие компании обанкротились и прекратили производство. Так, в 1995 г. решением суда пять компаний были признаны банкротами. Как следствие, приблизительно 7880 акционеров потеряли 646282 акций, и сегодня уже невозможно оценить общий объем дополнительных убытков и потерь капитала. Неудачная программа приватизации привела к падению валового внутреннего продукта страны в 1995 г. на 21,6 % от производственного уровня 1990 г. Этот опыт программы приватизации государственной собственности свидетельствует о том, что государственный контроль и управление были необходимы хотя бы в течение определенного временного периода, по крайней мере, пока инвесторы не получают некоторое представление о рынке капитала и не поймут свои права в надзоре за деятельностью компании и участия в ее управлении.

Принятие законов «О рынке ценных бумаг» в 1994 г. и «О компаниях и товариществах» в 1995 г. предоставило возможность для начала операций на вторичном рынке ценных бумаг. Комиссия по ценным бумагам была основана решением правительства с целью регулирования сделок с ценными бумагами и координации торговых операций. Комиссия утвердила ряд правил и норм, важных для регулирования рынка, а также были созданы другие специализированные организации, такие как Фондовая биржа с правом участвовать в торгах ценных бумаг правительства и комиссии по ценным бумагам, брокерские фирмы, счетная палата и фонды. Комиссия по ценным бумагам, таким образом, в ходе своей деятельности из аккумулирующей капитал организации превратилась в посредническую с консультационными функциями.

Падение курса акций в 1999–2003 гг. непосредственно связано с предыдущи-

ми годами централизации ценных бумаг, поскольку небольшое число инвесторов, которые сосредоточили в своих руках большинство акций компаний, не имели намерений продавать излишки акций. Вследствие этой централизации ликвидность рынка ценных бумаг резко снизилась. Также из-за отсутствия достоверной информации рынок потерял доверие инвесторов и они начали продавать свои акции, что повлекло обвал рыночных цен, в особенности ценных акций компаний, пользующихся большим спросом.

Монгольское правительство в рамках программы социального и экономического развития на 2001 г. уделило внимание рынку капитала и одобрило политику поощрения и развития рынка ценных бумаг. В основных направлениях развития на 2003–2005 гг. были отражены меры по развитию вторичного рынка ценных бумаг, увеличению торговли государственными облигациями, принятию соответствующих мер для обмена государственных облигаций по реструктуризации банков на ликвидные ценные бумаги [2, с. 114].

Комитет Монголии по государственной собственности, Монгольская фондовая биржа и Лондонская фондовая биржа заключили «Основное соглашение по обслуживанию» и в рамках реформы рынка ценных бумаг 2 июля 2012 г. внедрили систему Millennium IT, которая используется самой Лондонской фондовой биржей и ведущими мировыми фондовыми рынками. Система состоит из четырех основных подсистем: Millennium Exchange, Millennium CSD, Millennium Surveillance и Millennium Trader. Это явилось новым, более сложным вызовом для брокерских фирм ценных бумаг – требовалась специальная подготовка в Англии, однако из-за финансовых затруднений некоторые брокерские фирмы не смогли обучить своих специалистов.

В 2005 г. на Монгольской фондовой бирже впервые было проведено первичное публичное предложение (IPO). Это было первым шагом развития рынка ка-

питала по классической схеме, так как инвесторы приобрели акции компаний собственными средствами, в то время как компании, эмитировавшие акции, подняли необходимые фонды через рынок.

На сегодняшний день на Монгольской фондовой бирже зарегистрирована 361 акционерная компания и 79 брокерских фирм, успешно работающих на рынке [6]. Согласно статистике, 19 акционерных обществ решили распределить дивиденды в размере 10,4 млрд. тугриков своим акционерам с 15 мая 2014 г. Общее число акционеров достигло 341556 [7]. Для укрепления рынка ценных бумаг были введены преимущества, предоставлявшиеся лицам, желающим вложить капитал в рынок ценных бумаг:

во-первых, можно получить дивиденды согласно статье 47.1 закона «О компаниях»;

во-вторых, они получили возможность приобрести дополнительный капитал через колебания цен (купить по более низкой цене и продать по более высокой);

в-третьих, получили возможность привлечь собственный капитал;

в-четвертых, получили налоговые скидки.

Иными словами, для участия в торгах инвестор должен выбрать одну из брокерских фирм, открыть счет, положить деньги на депозит счета и дать распоряжение на покупку и продажу.

Рынок капитала – это уникальный финансовый сектор, который эффективно перераспределяет финансовые излишки в другие субъекты по низкой стоимости в течение длительного периода. Денежные движения актива проводятся для того, чтобы собрать и использовать финансовые ресурсы на рынке капитала. Как правило, в странах с частной собственностью инвестиции в экономику проводятся через рынок ценных бумаг. Компании используют не только свои собственные сбережения или накоплен-

ный капитал для финансирования собственной деятельности, но и свободные деньги других людей или организаций, либо мобилизуют капитал или активы других, чтобы сделать инвестиции. Это позволяет осуществлять, во-первых, непосредственное финансирование, когда банки предоставляют депозиты своих клиентов людям и компаниям, которым необходимы средства. Такое финансирование называют непрямым (косвенным) финансированием, поскольку оно осуществляется через банки; во-вторых, прямое финансирование осуществляется посредством предоставления свободных денег компаниям или инвестиции через покупки акций. Это создает отношения между кредиторами и компаниями без посредников, которые используют инвестированные средства. Весь процесс требует координации и организации отношений. Мировой рынок ценных бумаг сформировался для создания финансовых ресурсов для ведения бизнеса и его расширения, с одной стороны, и выполнения функции посредника для увеличения активов вкладчиков – с другой.

И хотя монгольский рынок ценных бумаг имеет короткую историю, тем не менее это быстроразвивающийся сектор экономики.

Таким образом, авторы выделяют три этапа формирования и развития рынка ценных бумаг Монголии за 20-летний период:

– первый этап характеризуется трансформацией рынка капитала от традиционной формы до современной модели;

– второй этап характеризуется переходом к современной модели рынка ценных бумаг и его стабилизацией;

– третий этап – это период развития современного рынка ценных бумаг.

На современном этапе для создания механизмов, стимулирующих дальнейшее развитие рынка капитала, и создания условия для роста финансовых ресурсов, выгодных для улучшения экономическо-

го состояния страны, должны быть приняты следующие меры:

1) создание условий для открытости информации о деятельности акционерных компаний через предоставление общественности открытой финансовой отчетности;

2) создание новых акционерных компаний и открытые торги акциями на фондовой бирже;

3) создание фондов частных инвестиций с внутренними и внешними источниками для стимуляции покупок ценных бумаг на монгольском рынке капитала;

4) профессиональный менеджмент монгольской фондовой биржи;

5) систематическое информирование общественности о рынке ценных бумаг;

6) совершенствование правовых рамок рынка капитала;

7) улучшение корпоративного управления;

8) соблюдение статьи 5.6 закона «О полезных ископаемых» в той ее части, что «юридические лица, владеющие специальной лицензией для размещения депозита в стратегически важных областях, должны реализовать по крайней мере

10 % акций через Монгольскую фондовую биржу».

Государственная политика должна была сосредоточиваться на развивающемся рынке капитала, поддерживая инвестиции и создавая благоприятную инвестиционную среду, объединяя и координируя действия правительственных, общественных организаций и юридических лиц для защиты прав инвесторов.

Наконец, следует отметить, что необходимо развивать монгольский рынок капитала в соответствии с существующими практиками мирового рынка в период глобализации. Современные тенденции рынка капитала определяются концентрацией капитала, глобализацией рынка, возрастающей ролью государства в управлении и надзоре за потоком капитала, электронной торговлей ценными бумагами, внедрением новых технологий на рынке капитала, обеспечением безопасности на фондовом рынке и кооперацией с другими финансовыми рынками. Приведение монгольского рынка в соответствие с вышеприведенными тенденциями рынка капитала полностью соответствует интересам Монголии.

Литература и источники

1. Дягтярова О. И. Биржевое дело. – М., 2000. – С. 588.
2. Направления развития Монголии. Правительство Монголии. – 2002. – С. 114.
3. Хөрөнгийн зах зээл сэтгүүл (Рынок ценных бумаг). – 2006. – № 5. – 2 дах тал.
4. <http://www.amsterdam stock exchange.com>.
5. <http://www.london stock exchange.com>.
6. <http://www.mse.mn> – Итоги торгов 2013 года.
7. <http://www.nchcd.mn>.
8. <http://www.new york stock exchange.com>.
9. <http://www.paris stock exchange.com>.

УДК 332.1 (571.54)

Л. В. Потапов, Ю. П. Добровенский

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ
РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Проведен анализ изменений в региональной экономике, приведены концептуальные основы регионального развития, определены направления пространственного развития Бурятской индустриальной зоны.

Ключевые слова: инвестиционный проект, комплексное развитие, пространственная экономика.

L. V. Potapov, Yu. P. Dobrovenskii

THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE REGIONAL
STRATEGY OF DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article analyzes the changes in regional economy, provides conceptual foundations of regional development and determines the directions of spatial development of the Buryat industrial zone.

Key words: investment project, integrated development, spatial economy.

После валютно-финансового кризиса 1998 г. кардинально изменилась как внутренняя макроэкономическая ситуация в России, так и параметры мирового хозяйства, которое оказывает через рынки топливно-энергетических, минерально-сырьевых, металлургических продуктов, а также транспортных и финансовых услуг чрезвычайно сильное влияние на общеэкономическую динамику и структурные пропорции России.

В этих условиях произошло заметное изменение поведения региональных экономических подсистем национальной экономики. Если до 1998 г. основной региональной характеристикой российской экономики являлась экономическая дезинтеграция в пространстве, а задача региональных экономик сводилась к поискам локальных состояний равновесия и механизмов их достижения, то с 1999–2000 гг. начинается процесс восстановления межрегиональных связей, который в первую очередь поддерживается пере-

токами капитала и перераспределением прав собственности. В этих условиях наиболее важной задачей для региональных экономических систем стала выработка оптимальных стратегий развития, учитывающих особенности нового этапа развития российской экономики. Республика Бурятия (РБ) относится к числу регионов, которые потенциально не обладают внутренними необходимыми ресурсами для обеспечения стандартных социальных и экономических параметров функционирования. Поэтому для республики проблема формирования концептуальной основы развития и стратегического каркаса организации экономической динамики представляется первостепенной.

Одним из важнейших условий построения эффективной системы регионального социально-экономического развития, основанной на современных механизмах регулирования и адекватных стимулах роста, является обеспечение

ПОТАПОВ Леонид Васильевич – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: orei.bnc@mail.ru.

ДОБРОВЕНСКИЙ Юрий Павлович – начальник научно-инновационного отдела Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: dobrovenski@mail.ru.

высокой сравнительной конкурентоспособности республики в межрегиональном и международном разделении труда.

В рамках данной работы реализована эмпирическая методика стратегического планирования, включающая несколько этапов:

– во-первых, осуществлены оценка динамики хозяйственного комплекса (в разрезе его важнейших отраслей), измерение характеристик структур и масштабов основных проблем социально-экономического развития РБ, оценка базовых факторных ресурсов развития (природных, трудовых, финансовых), выявлены сравнительные возможности и ограничения для дальнейшего экономического роста;

– во-вторых, была разработана концепция социально-экономического развития РБ, определены цели и принципы развития с учетом оценки сочетания вероятных внешних условий, проведены предварительные расчеты макроэкономических условий перспективного развития республики. Выполнена оценка перспектив и вариантов возможного развития Бурятии и наиболее важнейших отраслей и секторов хозяйства – машиностроения, минерально-сырьевого, лесопромышленного, агропромышленного и строительного комплексов, оценены перспективы развития транспортного комплекса, туризма, внешней торговли. Проанализированы перспективы развития топливно-энергетического комплекса.

Республика Бурятия в экономике России

Республика Бурятия – одна из старейших автономий бывшего СССР. В 1923 г. Бурятия в числе первых в стране получила статус автономной республики (Бурят-Монгольская АССР), а с 1937 г. существует в современных границах. С 1958 г. БМАССР была преобразована в Бурятскую АССР. Неизменные в течение почти 70 лет административные границы и высокий политический статус способ-

ствовали социально-экономической консолидации РБ и формированию ее устойчивого менталитета.

Республика Бурятия обладает территорией в 351,0 тыс. км², что составляет 2,05 % площади Российской Федерации (15-е место среди субъектов Федерации) [8]. На этом обширном пространстве выявлен и изучен значительный и разнообразный природно-ресурсный потенциал. Многие виды сырья имеют общегосударственное значение и представлены крупномасштабными месторождениями. Это цинк и свинец (48 и 34 % балансовых запасов страны), вольфрам и молибден (27 и 37 %), флюорит (16 %), а также золото, асбест, радиоактивное, фосфорное и кварцевое сырье, многочисленные источники минеральных вод.

Республика располагает топливно-энергетическими ресурсами, достаточными для создания надежной топливной базы: это каменный и бурый уголь, большая часть месторождений которых располагается вблизи от центров потребления топлива. Имеются гидроэнергоресурсы, наиболее богаты которыми р. Витим (для Мокского створа разработан предварительный вариант строительства ГЭС мощностью 1,4 млн. кВт).

Около 63 % территории Республики Бурятия покрыто лесами. Запас древесины превышает 2,0 млрд. м³, из которых на долю сосны приходится 21 %, кедра – 17 %. Расчетная лесосека определена для РБ в 6,2 млрд. м³. Однако большая часть находится в центральной экологической зоне оз. Байкал, где установлен особый режим природопользования.

Возможности сельскохозяйственного производства определяются наличием в республике более 3,1 млн. га сельскохозяйственных угодий, из которых 0,9 млн. га занимают пахотные земли, 0,6 млн. га – сенокосы и 1,6 млн. га – пастбища, кроме того, имеется 0,3 млн. га оленьих пастбищ.

Особо ценный естественный ресурс Республики Бурятия – уникальное оз. Байкал и прилегающий к нему при-

родный комплекс, занесенный в 1996 г. ЮНЕСКО в список объектов «Всемирного наследия». Озеро Байкал вмещает 1/5 часть мировых запасов пресной воды высочайшего качества, является рыбохозяйственным водоемом с ценными промысловыми породами, естественным водохранилищем для высокоэффективных ангарских гидроэлектростанций. Озеро и прилегающая к нему прибрежная зона – благоприятные места для организации крупной рекреационной и курортно-бальнеологической базы общегосударственного и международного значения, что обеспечивается, в первую очередь, многочисленными достопримечательными объектами природы, прежде всего, самим феноменом Байкала, минеральными источниками и лечебными грязями, местностями с благоприятными и относительно благоприятными климатическими условиями для рекреационных занятий.

Экономико-географическое и геополитическое положение Республики Бурятия отличается следующими особенностями:

– территория Республики Бурятия более чем на 1000 км простирается вдоль восточного берега оз. Байкал, охватывая одновременно свыше 80 % водосборной площади в пределах Российской Федерации;

– по территории республики или в непосредственной близости от ее границ пролегают два транспортных коридора общегосударственного и даже межгосударственного значения. По южному – главному – располагаются Транссиб с проходящими вдоль него автомобильной магистралью, линиями высоковольтной электропередачи, а также железной дорогой в Монголию и Китай. По северному коридору проходит Байкало-Амурская магистраль, значение которой возросло после ввода в действие в конце 2003 г. Северо-Муйского тоннеля. Эти коридоры рассматриваются как возможные трассы магистральных трубопроводов

для транспортировки нефти и газа в страны Северо-Восточной Азии. Оба транспортных коридора, пролекая по южной и северной окраине Бурятии, открывают возможности для освоения внутренних районов республики, в настоящее время наименее развитых в экономическом отношении;

– в системе макроэкономического районирования России для РБ характерно периферийное положение. Это касается Восточно-Сибирского экономического района (как Сибирского федерального округа, куда она официально относится, так и макрорегиона Дальний Восток и Забайкалье). Кроме того, территория республики «зажата» между двумя крупными промышленно-транспортными и культурными центрами – городами Иркутск (более 600,0 тыс. жителей) и Чита (около 400,0 тыс. жителей);

– важным фактором геополитического положения Республики Бурятия является ее пограничное положение – общая граница с Монголией, которая здесь пересекается с основной для Монголии железной дорогой, связывающей ее с Россией, странами Европы, Средней и Ближней Азии. Это же направление служит наикратчайшим путем из европейских и сибирских регионов Российской Федерации в Китай.

К факторам, осложняющим и ограничивающим хозяйственную деятельность на территории Республики Бурятия и использование ее природно-ресурсного потенциала, относятся следующие:

– поверхность Республики Бурятия покрыта многочисленными горными хребтами и плоскогорьями, что затрудняет транспортную доступность значительной части территории. В сочетании со сложным начертанием внешних границ республики такой характер рельефа создает значительную фрагментарность ее территории. Причем транспортная доступность отдельных частей Республики Бурятия (северные районы, Присяянье, Витимское нагорье) извне лучше, чем

этих частей между собой и центром республики;

– инженерно-географические условия усложняются повышенной сейсмоопасностью и широким распространением многолетней мерзлоты. В зоне повышенной сейсмоопасности (выше 7 баллов) находится вся территория РБ, а Прибайкальская часть, запад и северо-восток относятся к наиболее сейсмоопасным районам России с сейсмичностью 9 и более баллов. Сплошная многолетняя мерзлота и переходная от островной к сплошной мощностью более 50 м распространена в пределах всех горных областей на западе, севере и востоке республики. На южных равнинах многолетняя мерзлота представлена в островной форме и имеет меньшую мощность;

– территория РБ характеризуется континентальным климатом с большой амплитудой годовых и суточных температур, с холодной малоснежной зимой (средняя температура воздуха в январе -24° , -36° C, а абсолютный минимум в январе на большей территории ниже -50° C). Суровость климата существенно возрастает с увеличением высоты местности: средняя продолжительность зимы на высотах более 1500 м на севере 8 месяцев, т. е. такая же, как в заполярной Якутии;

– в соответствии с Федеральным законом «Об охране озера Байкал» большая часть Бурятии (вся водосборная площадь озера) включена в состав Байкальской природной территории, в пределах которой установлены центральная и буферная экологические зоны с особыми условиями природопользования. Наиболее «жесткие» они для центральной зоны, включающей оз. Байкал с прилегающей к нему водоохранной полосой, а также особо охраняемые природные территории. Вместе с Тункинским национальным парком это примерно 54 % территории республики, причем лучшие в природноресурсном отношении;

– суммарные издержки и потери, которые несет республика, осуществляя функцию охраны главной водосборной

площади оз. Байкал, оценивались на рубеже 2010 г. (9–10 % от величины ВРП). Кроме ежегодных текущих затрат «байкальский» фактор определяет и повышенные капитальные затраты на реализацию перспективных инвестиционных проектов, а следовательно, их более низкую конкурентоспособность и привлекательность для инвесторов. С введением в действие Закона «Об охране озера Байкал» и решения ЮНЕСКО о придании Байкалу статуса Объекта мирового наследия экологическая составляющая совокупных затрат возрастает;

– суровые природные условия и сложное транспортно-географическое положение явились причиной отнесения 58 % ее территории к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера.

Демографический потенциал

По данным переписи населения 2010 г., на территории Бурятии проживало 972,4 тыс. чел. (на 01.01.2014 г. – 973,9 тыс. чел.). Это около 0,7 % численности населения Российской Федерации [9]. РБ занимает 54-е место среди субъектов Российской Федерации по численности населения и входит в число 33 субъектов Российской Федерации, где в северных районах природные условия самые суровые и проживает менее 1 чел. на 1 км² территории. Средняя плотность населения по республике составила 2,8 чел. на 1 км² территории, что в 3 раза ниже среднероссийского уровня (8,36 чел. на 1 км²). По переписи населения 2010 г. 29,5 % населения составляют буряты. На городских жителей приходится 58,4 % населения республики, имеется один крупный город – Улан-Удэ (408,0 тыс. жителей) и 5 малых городов, из которых только два – Гусиноозерск и Северобайкальск – насчитывают до 30,0 тыс. чел. [4].

Численность населения Республики Бурятия за период 1990–2012 гг. сократилось более чем на 76,3 тыс. чел., или 7,3 %. Анализируя характер и особенно-

сти изменения народонаселения республики, следует отметить разную степень интенсивности как естественного, так и миграционного движения, что обусловило различие в динамике показателей численности населения. В этой связи период 1990–2013 гг. можно разделить на два условных этапа, каждый из которых характеризуется своими особенностями.

Первый этап, 1991–2006 гг., связан с политическим и экономическим реформированием нашего общества, что усугубило негативные тенденции рождаемости и смертности. Число умерших за этот период превысило число родившихся на 14159 чел. На динамику изменения численности населения в значительной мере повлиял и фактор внешней миграции.

Второй этап, 2006–2013 гг., характеризуется увеличением показателей рождаемости. Уровень смертности населения снизился, коэффициент естественного прироста населения возрос с 0,3 до 5,1 ‰, а численность населения возросла на 4,9 тыс. чел. Но сальдо миграции продолжает оставаться отрицательным и за 2013 г. составило 3,6 тыс. чел.

Динамика численности населения в Республике Бурятия все же несколько более благоприятна, нежели во многих сибирских и дальневосточных регионах. В последние годы естественный прирост населения превышает миграционный отток.

На формирование демографического потенциала Республики Бурятия (естественное движение населения, миграция) негативно влияет низкий уровень жизни населения, основные показатели которого в Бурятии существенно ниже, чем в большинстве сибирских и дальневосточных регионов.

Экономический потенциал

В дореформенный период РБ обладала заметным экономическим потенциалом. Здесь сложилась группа предприятий военно-промышленного комплекса

(ВПК), лесной промышленности, республика давала 9–10 % общероссийского производства оконного стекла, мясных консервов, а вместе с Читинской областью составляла один из общегосударственных поставщиков тонкорунного овцеводства и переработки шерсти.

В настоящее время экономический потенциал Бурятии существенно подорван, особенно промышленности, сельского хозяйства, строительного комплекса. Удельный вес республики в общероссийских основных экономических показателях в 2012 г. составил: продукция промышленности – 0,8 %; продукция сельского хозяйства – 0,4 %; экспорт – 0,2 %; инвестиции в основной капитал – 0,3 %; валовой региональный продукт – 0,3 %.

РБ сохранила роль поставщика на экспорт и в другие регионы страны некоторых видов продукции машиностроения, древесины и изделий из нее, продукции ТЭК, валяной обуви и т. д.

Существующие проблемы в развитии производственной, социальной, финансово-бюджетной сфер в сильной степени зависят от общего инвестиционного потенциала территории и уровня экономического развития. По данным информационного агентства РИА-рейтинг, республика по уровню экономического развития в 2012 г. заняла 65-ю позицию, а по качеству жизни населения – 77-ю. В то же время по такому фактору, как ресурсно-сырьевая привлекательность позиция РБ является высокой – 16-е место среди 83 субъектов Российской Федерации.

Неразвитость инновационного фактора и узкий потребительский рынок являются значительным препятствием для оживления и роста активности (в т. ч. инвестиционной) в регионе. Это еще раз подтверждает необходимость специальных мер по формированию условий его экономического развития.

Таким образом, в настоящее время Республика Бурятия представляет собой проблемный регион с низким уровнем

экономического развития и качеством жизни. При этом общие для многих регионов страны проблемы социально-экономического развития усугубляются необходимостью осуществления больших затрат на освоение природных ресурсов, которые велики и разнообразны. Освоение их на значительной части территории осложнено суровыми, зачастую экстремальными условиями, необходимостью «преодоления пространства» из-за слабой заселенности и слабого развития коммуникаций к осуществлению дорогостоящих природоохранных мероприятий.

Современная динамика хозяйственного комплекса

Общие проявления программы перехода к рыночному типу российской экономики были типичны и для РБ. За период с 1992 по 2012 г., который можно условно разделить на несколько этапов, был пройден путь от резкого спада в результате концепции «шоковой терапии» и периода депрессивной стабилизации до экономического оживления.

Первый этап (1991–1998) характеризовался крупномасштабным кризисом во всех сферах экономики и общественной жизни. Кроме того, произошел крупномасштабный разрыв кооперационных связей, прежняя система материально-технического снабжения стала разваливаться, значительная часть предприятий оказалась перед реальной угрозой остановки производства. Этот этап, завершившийся дефолтом 1998 г., сопровождался обвальным сокращением всех основных показателей производства в реальном секторе экономики, гиперинфляцией, расстройством бюджетной системы.

Второй этап (1999–2008) – это период устойчивого роста экономики республики. Одновременно он характеризуется переходом к положительной динамике социально-экономических индикаторов.

Поступательное развитие получили все основные секторы экономики республики – промышленность, строительство, торговля, транспорт и связь. Произошедшие позитивные сдвиги в реальном секторе экономики снизили социальную напряженность, стал наполняться бюджет, сократилась безработица.

Третий этап (2008–2009) характеризовался кризисными явлениями в экономике и социальной сфере. Финансовый кризис привел к глубоким изменениям в структуре производства.

Начиная с 2010 г. наступает относительный экономический рост и дальнейшая стабилизация положения в реальном секторе экономики. Показательным в этом отношении был рост ВРП, который является основным обобщающим макроэкономическим показателем, характеризующим социально-экономическое развитие региона.

Валовой региональный продукт и совокупный спрос

Валовой региональный продукт РБ в 2012 г. в текущих ценах составил 167,04 млрд. руб. и относительно 2011 г. в сопоставимых ценах увеличился на 0,5 % (табл. 1). Несмотря на продолжающийся с 1999 г. рост валового регионального продукта, его реальный объем в 2012 г. составил около 81,2 % от уровня 1990 г. [6].

Что касается динамики удельного веса ВРП Бурятии в ВВП России, то доля остается незначительной. В 2012 г. она составила 0,31 % и имела тенденцию к уменьшению (2009 г. – 0,38 %, 2010 г. – 0,35 %, 2011 г. – 0,34 %), что подтверждает замедление темпов роста ВРП.

В структуре произведенного валового регионального продукта, измеренного в рыночных текущих ценах, наивысшая доля производства товаров зафиксирована в 1996 г. (54,7 %). В течение последующего периода наблюдается тенденция снижения доли производства товаров и

Таблица 1

Валовой региональный продукт, промышленное производство,
инвестиции в основной капитал и численность постоянного населения

Год	Валовой региональный продукт		Промышленное производство		Инвестиции в основной капитал		Численность постоянного населения	
	% к предыдущему году	к 1990 г.	% к предыдущему году	к 1990 г.	% к предыдущему году	к 1990 г.	% к предыдущему году	к 1990 г.
1990		100		100		100		100
1991	95,1	95,1	88,7	88,7	82,6	82,6	100,4	100,4
1992	77,3	73,5	90,4	80,2	38,8	32,1	100,0	100,4
1993	93,3	68,6	107,5	86,2	79,5	25,5	99,4	99,8
1994	85,5	58,7	82,4	71,1	67,3	17,2	99,4	99,2
1995	86,2	50,6	90,1	64,0	75,8	13,0	100,3	98,9
1996	93,5	47,3	97,2	62,2	80,0	10,4	99,9	98,8
1997	102,2	48,3	99,4	61,9	107,1	11,1	99,5	98,3
1998	94,1	45,5	82,4	51,0	91,7	10,2	99,6	97,9
1999	108,0	49,1	105,6	53,8	116,8	11,9	99,4	97,3
2000	104,9	51,5	118,8	64,0	99,0	11,8	99,4	96,8
2001	106,4	54,8	109,7	70,2	148,3	17,5	99,4	96,2
2002	106,4	58,3	111,8	78,4	100,8	17,7	96,2	92,5
2003	106,7	62,2	108,4	85,0	140,3	24,8	99,3	91,9
2004	103,7	64,5	101,5	86,3	74,2	18,4	99,5	91,4
2005	104,8	67,6	107,9	93,1	105,1	19,3	99,7	91,1
2006	105,8	71,5	108,4	100,9	154,0	29,7	99,6	90,7
2007	107,7	77,1	108,6	109,6	115,4	34,3	99,8	90,5
2008	105,4	81,2	107,7	118,0	108,2	37,1	100,1	90,5
2009	92,6	75,2	99,3	117,2	93,0	34,5	100,2	90,7
2010	103,5	77,8	120,2	140,8	136,2	47,0	100,3	91,0
2011	103,8	80,8	114,2	160,8	108,1	50,8	100,2	91,1
2012	100,5	81,2	103,2	165,0	91,7	46,6	100,0	91,1

повышение доли производства услуг. Так, в 2012 г. доля производства товаров составила 36,5 %, а доля производства услуг – 63,5 %.

Структура товарного производства была подтверждена циклическим изменениям. Так, доля промышленности в течение второй половины 90-х гг. постепенно снижалась и составила в 1999 г. 23,4 %. Начиная с 2000 г. роль промыш-

ленности в формировании валового регионального продукта постепенно увеличивалась, составив в 2012 г. 24,0 %. Заметно снизилась доля сельского хозяйства – с 17,8 % в 1996 г. до 5,4 % в 2012 г. Вклад строительства в общий региональный объем производства имеет ярко выраженный амплитудный характер. Наивысшие значения зафиксированы в 1997 г. и в 2001 г. (8,9 и

9,2 % соответственно). В 2012 г. доля строительства составила 7,1 %. В составе производства рыночных услуг в течение 1998–2001 гг. наблюдалось повышение доли транспорта и связи. Однако в последующие годы следует отметить, что доля транспорта в общем объеме ВРП снижается. В 2012 г. удельный вес транспорта и связи составил 18,5 % (в 2011 г. – 19,1 %, в 2010 г. – 22,4, в 2009 г. – 23,9 %).

ВРП на душу населения характеризует усредненные доходы и расходы на одного жителя региона и страны и дает оценку его благосостояния. Рост ВРП на душу населения в республике (в текущих ценах) по сравнению со среднероссийскими данными в последние годы происходил гораздо медленнее.

Валовой региональный продукт в республике на душу населения в 2012 г. составил 171,9 тыс. руб. (в сравнении с 348,6 тыс. руб. в целом по России). По данному показателю Бурятия в 2012 г. находилась на 61-м месте в общероссийском рейтинге по объему ВРП на душу населения. Приходится констатировать, что за 2009–2012 гг. позиции в рейтинге, занимаемые республикой, ухудшались. Об этом свидетельствует и процентное соотношение со средним показателем по Российской Федерации, которое в 2012 г. составило 49,3 % против 55,8 % в 2009 г.

Экономический рост в последние годы сопровождался стабильным повышением темпов показателей производительности труда в экономике (табл. 2),

особенно в промышленности, кроме 2009 и 2010 гг. (следствие финансового кризиса).

Повышение валового накопления над сбережениями свидетельствует о дефиците источников финансирования инвестиций, возникающем при отрицательных сальдо баланса экспорта и импорта, межрегионального обмена, финансовых потоков между центром и регионами.

Промышленность

В 2013 г. индекс промышленного производства к предыдущему году составил 115,0 %. Но если за период 1992–1994 гг. среднегодовой темп был 11,3 %, за 1995–1998 гг. – 0,9 %, то уже в 1999–2003 гг. отмечается положительная динамика роста, среднегодовой темп прироста составил более 11 % [7].

В течение анализируемого периода 1990–2013 гг. в силу ряда причин был снижен потенциал развития. Наиболее значительное падение выпуска произошло в отраслях с высокой степенью переработки сырья. Промышленно-видовая структура экономики республики претерпела существенную трансформацию.

Динамика изменения объемов промышленного производства показывает, что падение в отрасли началось с 1990 г., когда продукции было произведено на 4 % меньше, чем в 1989 г. В последующие годы снижение объемов производства продолжалось до 1998 г. Только в 1999 г. промышленность вступила в

Таблица 2

Индекс производительности труда (% к предыдущему году)

Показатель \ Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Индекс производительности труда по Российской Федерации	105,5	107,5	107,5	104,8	95,9	103,2	103,8	103,1
Индекс производительности труда по Республике Бурятия	109,1	107,0	106,4	102,7	98,2	99,4	103,4	100,4

стадию относительного роста объемов производства. На рост промышленного производства воздействовали такие факторы, как развитие процесса импортозамещения, активизация экспорта продукции лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Изменение объемов выпуска продукции по отраслям за эти годы было обусловлено адаптационными возможностями отраслевых производителей, связанными как с технико-технологическими характеристиками, так и с особенностями потребительских свойств выпускаемой продукции.

В условиях ограниченного внутреннего рынка экономика республики переориентировалась на обслуживание экспортных видов деятельности и естественных монополий. Решающая роль в ней принадлежала производству транспортных средств и оборудования (около 30–35 % всего объема промышленного производства республики), топливно-энергетическому сектору (суммарная доля добычи топливно-энергетических полезных ископаемых и производства, передачи и распределения электроэнергии, газа и воды в 2013 г. составила 30,5 % против 6,8 % в 2001 г.). Доля цветной металлургии и машиностроения увеличилась за этот период с 6 и 22,6 % до 11,2 и 36,4 % соответственно. При этом резко сократилась доля легкой и пищевой промышленности.

Отраслевые диспропорции во многом были обусловлены приоритетностью российских сырьевых отраслей на внешнем рынке. Относительно свободный доступ на внешние рынки получили лишь российская топливная промышленность и предприятия черной и цветной металлургии. Произошло сокращение производства отраслей, не имеющих доступа на внешние рынки и неконкурентных с импортом.

Хотя реформа внесла существенные изменения в структуру промышленности, тем не менее, произошла значитель-

ная потеря промышленного потенциала, созданного в советский период. Перестал функционировать целый ряд крупных предприятий в различных отраслях экономики.

В настоящее время основными отраслями промышленности Бурятии являются топливно-энергетический комплекс, цветная металлургия, лесная, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность, отрасли гражданского и военно-промышленного машиностроения, пищевая промышленность. Именно потенциал этих отраслей является базой для дальнейшего развития промышленности. Именно в них будут происходить кардинальные сдвиги в соотношении ориентаций на внутренний рынок и на экспорт инвестиций.

Инвестиционные расходы выступают одним из главных факторов, определяющих рост экономики в долгосрочной перспективе. В 2013 г. объем инвестиций в основной капитал составил 43,2 % к уровню 1990 г. В течение 1990–1998 гг. капитальные вложения в экономику региона постоянно уменьшались и сократились к базе на 89,8 %. Начиная с 1999 г. наблюдается всплеск инвестиционной активности и за период с 2000–2012 гг. среднегодовой темп составил 13,4 %. Наибольший рост инвестиций в основной капитал наблюдался в 2001 г. – 148,3 %, 2003 г. – 140,3 и в 2006 г. – 154,0 %. По итогам 2013 г. инвестиции в экономику снизились и составили 92,7 % к предыдущему году [2].

Доля инвестиций в основной капитал РБ за 2013 г. составила 0,3 % от объема инвестиций по Российской Федерации и 2,9 % от объема инвестиций в целом по СФО.

Важным фактором, обусловившим снижение объемов инвестиций в 2012–2013 гг., стала выжидательная пауза потенциальных инвесторов в начале года в связи с переходом на новые условия налогообложения прибыли, а также ухудшение финансового состояния предпри-

ятий. Сокращение общих масштабов инвестиционной деятельности сопровождалось и значительными изменениями в структуре инвестиций. Наиболее резкий спад капиталовложений отмечается в электроэнергетике. Так, если в середине 90-х гг. в энергетический комплекс региона составлял 16–24 % общего объема инвестиций, то начиная с 1998 г. доля средств, направляемых на развитие данной отрасли, сокращалась, и в 2003 г. составила 5,1 % общих капитальных вложений.

В 2013 г. в Республике Бурятия значительный вклад в рост инвестиций внесли предприятия и организации пищевых производств – в 2,8 раза, прирост в сельском хозяйстве составил 38,2 %, в сфере добычи полезных ископаемых – 3,3 %. Инвестиционный спрос заметно снизился в обрабатывающих производствах. Так, по виду деятельности обработка древесины и производство изделий из дерева объем инвестиций уменьшился почти в 5 раз, или на 22,7 % по сравнению с предыдущим годом. Практически наполовину сократились инвестиции в металлургическом производстве (49,0 %), в строительстве (58,5 %), в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (69,0 %).

В начале 2000-х гг. отрасли, чья продукция была ориентирована в определяющей степени на внутренний спрос, испытали как наиболее сильное сокращение производственной деятельности, так и наиболее значительное сокращение инвестиций. Высокая цена кредитных ресурсов делала их недоступными для большинства предприятий и организаций реального сектора экономики, поэтому в финансировании развития экономики в течение всего анализируемого периода 1999–2013 гг. доминировала ориентация на использование не привлеченных, а собственных средств предприятий. Так, если в 1995 г. собственные средства предприятий составляли около 40 % от общей суммы капитальных вло-

жений, то в 2003 г. более 73 %, в 2013 г. ситуация снова изменилась и по источникам финансирования на собственные средства предприятий приходилось 34,2 %, доля привлеченных средств составила 65,8 %.

В республике высока доля долгосрочных кредитов в общем объеме финансовых вложений организаций, направляемых в основные отрасли экономики, и на протяжении всего анализируемого периода эта доля составляла 63–90 %. Наибольший удельный вес в долгосрочных финансовых вложениях занимает промышленность (электроэнергетика, цветная металлургия), торговля и общественное питание.

Основные фонды

Основные производственные фонды (табл. 3) оказывают непосредственное воздействие на эффективность производства, качество работы и результаты всей финансово-хозяйственной деятельности предприятий и экономики республики в целом. Закономерным следствием сокращения капитальных вложений является падение объемов вводимых в действие основных фондов.

В настоящее время коэффициент обновления фондов остается достаточно низким [5]. В 2012 г. в промышленности он составил 7,5 %, в строительстве – 7,9 в сельском хозяйстве – 3,3 и транспорте – 4,8 %. Низкие коэффициенты обновления основных фондов говорят о том, что средства направляются не на модернизацию и обновление основных фондов, а на поддержание существующих мощностей. В более благоприятном положении оказалась цветная металлургия, коэффициент обновления фондов в которой в отдельные годы составлял 20–40 %.

Растет степень износа основных фондов. В промышленности по сравнению с 1995 г. она увеличилась на 13,5 % (1995 г. – 37,3 %, 2012 г. – 50,8 %), в

Таблица 3

Основные фонды Республики Бурятия (на конец года; по полной учетной стоимости)

Год	Млрд. руб., с 1998 г. – млн. руб.	% к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	% к 1990 г.
1991	14	102,6	102,6
1992	282	97,7	100,2
1993	389	94,1	94,3
1994	8035	107,8	101,7
1995	35512	101,8	103,5
1996	68240	98,7	102,2
1997	83577	97,4	99,5
1998	85479	100,8	100,3
1999	84410	100,7	101,0
2000	107029	100,9	101,9
2001	138679	100,9	102,8
2002	166665	101,2	104,0
2003	188615	102,9	107,0
2004	200509	100,9	107,9
2005	221056	96,9	104,5
2006	242882	100,3	104,8
2007	299067	101,6	106,5
2008	343681	102,6	109,2
2009	375160	103,1	112,6
2010	402856	100,8	113,5
2011	430210	102,2	115,1
2012	485596	103,2	118,8

строительстве – на 15,6 %, в транспорте – на 26,3 %. В отдельных отраслях хозяйственного комплекса (в лесном хозяйстве, электроэнергетике, машиностроении, легкой промышленности) износ основных фондов достигает 50–60 %.

Доходы населения

Упадок производства и общий экономический спад, продолжавшийся на протяжении всего периода реформирования, сопровождался высокой инфляцией, что обусловило беспрецедентный рост цен и падение реальной заработной платы и реальных денежных доходов населения. Начиная с 2000 г. намети-

лась тенденция восстановления доходов (табл. 4). В последующие годы наблюдается непрерывный рост заработной платы в реальном выражении. В 2013 г. рост составил 105,2 %. Оплата труда имеет наибольший вес в общем объеме денежных доходов населения. Так, доля ее в разные годы варьирует в пределах 38–42 %, в 2013 г. – 41,5 %. Реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен), по предварительным данным, в 2013 г. в сравнении с 2012 г. увеличились на 9,3 % [1].

Несмотря на существенные результаты, достигнутые за годы экономиче-

Таблица 4

Доходы населения

Год	Денежные доходы без платежей	Темп роста к пред. году	Темп роста к 1991 г.	ИПЦ к пред. году	ИПЦ к 1991 г.	Реальные расп. доходы, % к 1991 г.
1991	4764,1	100,0		100	100	
1992	37507	787,3	787,3	1523,9	1523,9	51,7
1993	461385	1230,1	9684,6	895	13638,9	71
1994	1875708	406,5	39367,9	368,9	50313,9	78,2
1995	4419116	235,6	92750,8	281,4	141583,3	65,5
1996	5884685	133,2	123544,1	148,6	210392,8	58,7
1997	8735864	148,5	183463	113,8	239427	76,6
1998	7427712	85	155943,6	117,7	281805,6	55,3
1999	13612538	183,3	285844,6	183,5	517113,3	55,3
2000	18717693	137,5	393036,3	123,7	639669,2	61,4
2001	25436567	135,9	534136,3	123,3	788712,1	67,7
2002	34755575	136,6	729630,2	112,4	886512,4	82,3
2003	41434486	119,2	869719,2	114,1	1011510,6	86
2004	50197128	121,1	1053230	116,0	1173554,6	89,7
2005	64383495	128,3	1351294,1	115,3	1352521,7	99,9
2006	73967749	114,9	1552636,9	108,3	1464645,7	106
2007	92500196	125,1	1942348,8	107,0	1567170,9	123,9
2008	116243928	125,7	2441532,4	112,8	1767768,8	138,1
2009	135409356	116,5	2844385,2	110,9	1959571,7	145,2
2010	149328992	110,3	3137356,9	107,7	2110066,8	148,7
2011	164169289	109,9	3447955,2	109,2	2304192,9	149,6
2012	180919654	110,2	3799646,6	105,4	2428849,7	156,4
2013	211929315	117,1	4449386,2	107,5	2610527,7	168,1

ского роста (2001–2007 гг.) в области повышения уровня жизни населения и снижения бедности, в настоящее время продолжают развиваться и даже усиливаться неблагоприятные тенденции в области формирования и распределения доходов населения.

Положительная динамика роста реальных денежных доходов населения не изменили ситуацию по значительной дифференциации населения по уровню доходов. Так, в 2013 г. на долю 20 % наиболее обеспеченного населения приходилось 47,1 % общего объема денежных доходов населения (2012 г. – 45,8 %), а

на долю 20 % наименее обеспеченного – 5,3 %. (2012 г. – 5,7 %). Сохраняются различия между городом и селом. Материальное положение сельских жителей по-прежнему зависит от поступлений из личного подсобного хозяйства.

Несмотря на некоторые положительные тенденции в динамике показателей уровня жизни населения (рост номинальных и реальных доходов, заработной платы, пенсий), ситуация продолжает оставаться сложной. Остаются нерешенными такие проблемы, как высокая дифференциация в уровне материального достатка между наиболее и наименее обеспечен-

ными слоями населения, инфляционный рост цен, низкая заработная плата в ряде отраслей экономики, не теряет своей актуальности проблема с погашением просроченной задолженности по выплате заработной платы.

Межрегиональные связи

Достаточно заметную роль в экономике РБ играют межрегиональные связи, являющиеся действенным фактором стабильного развития. Структура межрегиональных потоков, помимо товаров народного потребления, представлена товарами инвестиционного назначения, а также сырьевыми товарами и материалами, используемыми в региональном производстве. На протяжении нескольких

лет растет вывоз и ввоз потребительских товаров продовольственного и непродовольственного назначения (табл. 5).

К настоящему времени географическая структура товарных потоков почти на 2/3 представлена регионами Сибирского федерального округа. Далее следует Приволжский федеральный округ (15,6 %), Центральный (6,0 %), Уральский (6,0 %), Северо-Западный (4,0 %), Дальневосточный (1,9 %) и Южный (1,5 %). По ввозу продукции в Бурятию за 2010–2012 гг. около 65–70 % принадлежит регионам СФО, которые также являются и основными потребителями продукции товаропроизводителей Республики Бурятия, на их долю приходится более 60 % вывозимой продукции из Бурятии. Почти полностью за счет ввоза

Таблица 5

Вывоз и ввоз в Республику Бурятия потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения, млн. руб.

Вывоз (продажа)						
	Год					
	2000	2002	2005	2010	2011	2012
Всего	1026	1486	2276	4415	5308	5431
Потребительские товары, в том числе:	555	1042	807	2044	2375	2594
продовольственные	263	583	670	2011	2330	2512
непродовольственные потребительские	292	459	108	33	47	82
продукция производственно-технического назначения	471	444	1469	2371	2933	2837
Ввоз						
	Год					
	2000	2002	2005	2010	2011	2012
Всего	4667	5944	11311	26374	36555	31430
в том числе: потребительские товары	2143	2995	5506	7693	12159	8434
Из них: продовольственные	666	1124	2412	6369	6612	6994
непродовольственные потребительские	1477	1871	3094	1324	5547	1440
продукция производственно-технического назначения	2524	2949	5808	18681	24396	22996

обеспечивается потребность экономики республики в продукции черной металлургии (порядка 20,0 % всей ввезенной продукции). Доля продукции машиностроения в объеме товаров производственно-технического назначения находится на уровне 5–6 %, продукции химической и нефтехимической промышленности – около 3 %.

В структуре ввозимой продукции около 30 % приходится на товары потребительского спроса, из них доля продовольственных товаров находится на уровне 60–70 %, непродовольственных – 40 %.

Номенклатура вывозимой промышленной продукции продолжает представлять собой довольно ограниченный круг позиций. Главными статьями вывоза из РБ традиционно являются вертолеты, картон, уголь, кондитерские и макаронные изделия, мясные консервы, деловая древесина, листы асбоцементные, валяная обувь и небольшой ряд других товаров.

Среди регионов СФО наибольшая доля в товарообороте Бурятии принадлежит Иркутской области, что объясняется географической близостью, большим количеством наименований производимой в области готовой продукции, ее конкурентоспособностью из-за более низкого уровня издержек производства. В структуре ввозимой продукции преобладают топливно-энергетические товары, продукция химической и нефтехимической промышленности, а также продовольствие.

В развитии межрегионального сотрудничества РБ существует ряд проблем, в первую очередь – это разрушение сложившихся в дореформенный период хозяйственных отношений с другими регионами Российской Федерации, поэтому важнейшей задачей является их возобновление.

Следует отметить, что за анализируемый период экономическое развитие республики прошло путь от резкого спа-

да до заметного экономического оживления. Однако в последние годы идет приближение экономики к критической черте стагнации. Так, за 2012 г. экономический рост составил всего лишь 0,5 %. Для обеспечения долгосрочного экономического роста необходимо выполнение ряда важнейших условий, к которым следует отнести:

- расширение внутренних финансовых источников инвестиций за счет роста доходов и накоплений реального сектора экономики с привлечением сбережений населения;

- создание благоприятных условий для притока прямых иностранных инвестиций;

- интенсивное обновление производственного аппарата не только в экспортных, но и в остальных отраслях экономики, что позволит повысить инвестиционную активность в секторах, производящих конечную продукцию;

- оздоровление и реструктуризация банковской системы, создание условий для развития фондового рынка, что позволит увеличить объемы кредитования банками предприятий промышленности и получение дополнительных ресурсов для инвестирования реального сектора;

- ускорение роста производительности труда, в т. ч. по отношению к росту заработной платы;

- ограничение размера повышения цен на продукцию естественных монополий, что является условием для снижения инфляции;

- повышение конкурентоспособности товаров отечественного производства как внутри страны, так и за ее пределами.

Также решающую роль в этом должно сыграть государственное регулирование, обеспечивающее и поддерживающее частное предпринимательство, развитие инфраструктуры, накопление основного капитала, развитие инновационной деятельности.

Пространственное развитие Бурятской индустриальной зоны

Экономико-географически в Забайкалье входят: Республика Бурятия и Забайкальский край. Основу экономического развития Забайкалья в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. составляют индустриальные Бурятская и Забайкальская зоны. На территории РБ выделяются следующие опорные зоны развития (ОЗР): Северная, Восточная, Центральная, Южная, Восточно-Саянская и Туристско-рекреационная.

Территориально в Северную опорную зону входят г. Северобайкальский, Северо-Байкальский и Муйский районы. Специализация Северной зоны – добыча и переработка полезных ископаемых и леса. Северная опорная зона является также одним из сегментов туристско-рекреационного комплекса Бурятии. Привлекательным для инвесторов Северной зоны является тот факт, что большинство крупных и уникальных месторождений полезных ископаемых расположены в полосе порядка 200 км от Байкало-Амурской магистрали. Запасы золота представлены месторождениями Ирокиндинское, Кедровское и Нерундинское. Перспективными для освоения являются: Чулбонское месторождение кварцитов, Олдакитское месторождение марганца, Сыннырское месторождение, содержащее глинозем и сырье для производства калийных удобрений, Кавоктинское, Буромское и Голюбинское месторождения нефритов, Аиктинское и Болаикитинское месторождения известняков.

Развитие экономики природных ресурсов Северной и Восточной ОЗР, а также освоение месторождений полезных ископаемых на севере Забайкальского края невозможно без собственной энергетики. Удовлетворить потребности в электроэнергии сможет Витимский гидроэнергетический комплекс (Мокская

ГЭС с Ивановским контррегулятором, Янгудинская ГЭС, Каралонская ГЭС, Сигнайская ГЭС, Бодайбинская ГЭС) с суммарной мощностью и годовой выработкой соответственно 3410 МВт и 16,37 млрд. кВт.ч., что обеспечит потребности роста энергопотребления, прежде всего, на Дальнем Востоке, экономика которого в ближайшие годы должна будет интенсивно развиваться и, прежде всего, его первая очередь – Мокская ГЭС и Ивановский контррегулятор проектируемой мощностью 1410 МВт, со среднегодовой выработкой 5,57 млрд. кВт.ч. электроэнергии.

Местоположение Мокской ГЭС на севере республики и на границе с Забайкальским краем предполагает включение в зону ее энергоподачи энергосистемы Забайкальского края, а также северо-восточных районов Иркутской области и юга Республики Саха (Якутия). При необходимости часть электроэнергии может быть передана в районы Дальнего Востока, испытывающие дефицит электроэнергии. Кроме того, электроэнергия Мокской ГЭС может поставляться в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Монголию и Корею. В перспективе Мокская ГЭС станет связующим звеном Сибирской и Дальневосточной энергосистем.

В Восточную ОЗР входят: Баунтовский, Еравнинский, Кижингинский, Хоринский районы. Основными полезными ископаемыми Восточной ОЗР являются цинк и свинец Озерного и Назаровского месторождений, уран Хиэгдинского месторождения – одного из лучших в мире, молибден Ореkitканского месторождения (входит в пятерку крупнейших месторождений мира), железо Гурвунурского, Аришинского, Солонгинского, Балбагарского месторождений, а также бериллий Ермаковского месторождений. Также в Еравнинском районе находится Октябрьское месторождение железомарганцевых руд, а в Баунтовском – Мухальское нефелиновых руд.

Из возобновляемых природных ресурсов в Восточной ОЗР имеют место перспективы развития лесозаготовки и глубокой переработки леса, а также агропищевое производство.

На базе Озерного месторождения полиметаллических руд, которое по мировым масштабам относится к разряду крупных, ИФК «МЕТРОПОЛЬ» осуществляется реализация инвестиционного проекта – строительство Озерного ГОКа, включающего карьер и обогатительную фабрику, ведется с 2006 г. Проектная мощность Озерного ГОКа составляет по свинцовому концентрату – 60,0 тыс. т, по цинковому концентрату – 506,0 тыс. т, пиритному концентрату – 175,3 тыс. т. Попутно будут добываться золото, серебро и кадмий.

В перспективных планах ГК «МЕТРОПОЛЬ» предусматривается:

– строительство Солонгинского горнообогатительного комбината на базе запасов железорудных месторождений Солонго, Гурвунурского, Северо-Гурвунурского, Аришинского и Октябрьского Озернинского рудного узла. Учитывая различную степень подготовленности железорудных месторождений Озернинского рудного узла, к промышленной эксплуатации, инвестором принята поэтапная схема освоения месторождений, предполагающая обеспечение первоочередного освоения наиболее изученных в геологическом плане месторождений (Солонго, Аришинское, Гурвунурское), отработка которых предполагается открытым способом;

– строительство Гундуйского горнообогатительного комбината на базе запасов Гундуйского и Туркунского медно-баритовых месторождений. Рыночные перспективы баритового сырья связаны в основном с использованием его в нефтедобывающей промышленности. С учетом роста нефтедобычи в Восточной Сибири баритовый концентрат имеет стабильный рынок сбыта.

Освоение месторождений полиметаллов позволит закрыть дефицит по

цинку и свинцу в Российской Федерации и обеспечить экспортные поставки.

На базе Ореkitканского молибденового месторождения ООО «Ореkitканская горнорудная компания» (собственность 100 % ОАО «Норильский никель») планируют строительство горнообогатительного комбината производительностью 9 млн. т руды в год или 15 тыс. т молибдена с численностью работающих 374 чел. Геолого-экономическая оценка стоимости запасов составляет 1046,5 млн. долл.

Запасы Витимского уранового рудного узла в Баунтовском районе Бурятии позволяют существенно увеличить производство уранового сырья в России. ОАО «Атомредметзолото» после объединения ураново-горнорудных активов ОАО «ТВЭЛ» и ОАО «Техноснабэкспорт» получено право на разработку Хиагдинского и Верхоленского месторождений. Планируется строительство Хиагдинского горно-химического комбината с выходом на проектную мощность 1000 т урана к 2014 г. По мнению МАГАТЭ, Хиагдинское месторождение урана входит в число лучших месторождений мира.

На базе месторождения плавикового шпата (собственник Забайкальский ГОК) в Еравнинском районе планируется ввод Эгитинской обогатительной фабрики мощностью 60 тыс. т.

При освоении Ермаковского бериллиевого месторождения в Кижингинском районе, в 250 км от г. Улан-Удэ, планируемая производительность 50,9 тыс. т руды в год достигается на третий год с начала строительства. Численность работников более 600 чел. Запасов руды 1699,7 тыс. т хватит на 28 лет. При этом 63 % руд месторождения могут быть отработаны открытым способом. Промышленная переработка бериллиевых руд Ермаковского месторождения практически полностью обеспечит потребности Российской Федерации.

Кроме разработки месторождений полезных ископаемых создание Восточ-

ной ОЗР предполагает, как отмечалось выше, развитие лесоперерабатывающей промышленности. Существующая ресурсная база Еравнинского, Хоринского и Кижингинского районов позволяет обеспечить сырьем лесоперерабатывающие предприятия республики.

Реализация всего комплекса проектов Восточной ОЗР имеет высокую эффективность: будет создано порядка 13,2 тыс. новых рабочих мест, значительно увеличится рост денежных доходов населения.

Основой экономического развития Центральной ОЗР является промышленность г. Улан-Удэ, доля которого в объеме промышленного производства республики превышает 60 %. Также здесь перспективно развитие инновационных и туристических комплексов. Особое значение представляет создание комплекса по производству высокотехнологической продукции из особо чистого кварца. Учитывая наличие уникальной по запасам и чистоте сырьевой базы, РБ имеет все предпосылки, чтобы стать крупнейшим производителем и экспортером поликристаллического кремния, а также готовых фотоэлектрических систем. Перспективно развитие пищевой и легкой промышленности.

Центральная ОЗР представлена Жарчихинским и Брянским месторождениями молибдена, Ошурковским месторождением апатитов и Третьяковским месторождением плавленого шпата.

Улан-Удэнский промышленный узел является ядром Центральной ОЗР, включающего г. Улан-Удэ, Иволгинский, Селенгинский и Заиграевский районы, где находится 67 % всех промышленных предприятий Бурятии. Это машиностроительные, приборостроительные, а также предприятия легкой и пищевой промышленности. Ключевое положение занимают несколько направлений: производство транспортных средств и оборудования, пищевых продуктов, готовых металлических изделий, а также произ-

водство, передача и распределение электроэнергии, пара и горячей воды. Основу экономического развития составляют крупные предприятия обрабатывающих производств: ОАО «Улан-Удэнский авиационный завод», «Улан-Удэнский ЛВРЗ» филиал ОАО «Желдорремаш», ЗАО «Улан-Удэстальмост», ОАО «Улан-Удэнское приборостроительное производственное объединение», ЗАО «Энерготехномаш».

Ускоренное развитие Центральной ОЗР подтверждается ростом инвестиционной активности в последние годы на территории г. Улан-Удэ и реализацией крупных инвестиционных проектов. Наиболее значимыми из них для социально-экономического развития являются технологическое переоснащение на ОАО «Улан-Удэнский авиационный завод», ЗАО «Улан-Удэстальмост», строительство производственного комплекса по переработке ТБО и другие объекты.

В Южную ОЗР входят районы: Бичурский, Джидинский, Закаменский, Кяхтинский, Мухоршибирский и Селенгинский.

Запасы вольфрама сосредоточились в Инкурском, Холтосонском месторождениях Закаменского района, бурого угля в Окино-Ключевском Бичурского района, а каменного угля в Олонь-Шибирском и Никольском месторождениях Мухоршибирского района. На юге Бурятии известны Боргойское и Боцинское месторождения нефелинсодержащих пород, Кяхтинское силлиманитовое месторождение. Южная ОЗР богата облицовочными камнями (мрамор, змеевик и гранит). Имеют хорошие перспективы развития лесопромышленный и агропромышленный комплексы.

Восточно-Саянская ОЗР (Окинский и Тункинский районы) специализируется на добыче и переработке полезных ископаемых и развитии туризма. Здесь разведано более 20 месторождений золота, редких металлов, бокситов, фосфоритов, асбеста, графита, нефрита и строи-

тельных материалов. Наиболее крупные – Зун-Холбинское, Водораздельное, Коневинское и Барун-Холбинское месторождения рудного золота и Бурал-Сардыкское и Верхне-Окинское месторождения кварцевого сырья. Перспективно Ильчирское рудопроявление хромитов Оспинского массива. Помимо развития минерального сырьевого комплекса и агропромышленного производства получат развитие санаторно-курортный комплекс на ценных лечебных источниках Окинского и Тункинского районов. Конкурентные преимущества зоны еще в том, что оба района граничат с той частью Монголии, где на оз. Хубсугул также интенсивно развивается туризм, создаются совместные турпродукты – залог усиленного развития успешного развития лечебного и других видов современного туризма.

В ОЗР туристско-рекреационного типа входит Особая экономическая зона (ОЭЗ) «Байкальская гавань». Территориально в вышеназванную ОЗР входят Прибайкальский, Кабанский, Баргузинский и Курумканский районы. ОЗР туристско-рекреационного типа постепенно превратится в зону лечебно-оздоровительного отдыха и туризма российского и мирового масштабов. Размещение здесь объектов туристических и курортно-санаторных услуг вместо производственных предприятий значительно эффективнее будет решать проблему сохранения оз. Байкал как мирового источника пресной воды и байкальской природной территории как участка с неповторимыми ландшафтами и уникальной фауной и флорой для настоящего и будущих поколений.

Развитие Бурятской индустриальной зоны будет обеспечиваться реализацией ряда инфраструктурных проектов в сфере транспортного обеспечения, в числе которых проект строительства железнодорожной линии, связывающей БАМ и Транссиб – Могзон – Озерное – Новый Уоян. Данная железнодорожная линия соединит Северную и Восточную ОЗР и позволит осваивать Озерное, Назаров-

ское и другие месторождения вышеназванных ОЗР. В перспективе железнодорожные линии Новый Уоян – Могзон – Улан-Удэ – Наушки превратят Забайкалье в сухопутные ворота Российской Федерации в страны АТР.

Получит развитие сеть автомобильных дорог республиканского и муниципального значения: Улан-Удэ – граница с Монголией, Улан-Удэ – Турунтаево – Курумкан – Новый Уоян (Баргузинский тракт), Гусиноозерск – Петропавловка – Закаменск – Нурта – граница с Монголией к пункту пропуска «Айнек-Гол», Нижний Бургултай – Желтура – граница с Монголией (Зултэр Селенгинского аймака), а также Монды – Орлик – Хужир, реконструкция автомобильной дороги Култук – Монды с выходом на монгольскую границу и строительство международного автомобильного пункта пропуска «Монды – Ханх». Строительство вышеназванных дорог создаст коридоры развития между Центральной ОЗР, ОЗР туристско-рекреационного типа и Северной ОЗР, а также между Центральной и Южной ОЗР, а также Восточно-Саянской ОЗР.

В целях инфраструктурного обеспечения Бурятской индустриальной зоны в социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона предусмотрено развитие генерирующих мощностей и электрических сетей путем строительства второй очереди ТЭЦ-2 в г. Улан-Удэ, подстанции 500 кВ Улан-Удэ, ЛЭП-500 кВ Гусиноозерская ГРЭС – Улан-Удэ решит проблему энергоснабжения столицы. Реконструкция теплосетей Улан-Удэ обеспечит взаимное резервирование ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2. Сложившаяся критическая ситуация с электро- и теплоснабжением в г. Улан-Удэ требует ускоренного ввода второй очереди ТЭЦ-2 и включение транзита Иркутск – Бурятия – Чита на проектное напряжение в 500 кВ.

Строительство Мокской ГЭС, увеличение мощностей Гусиноозерской ГРЭС и ТЭЦ-2 создадут базу для пер-

спективного обеспечения электроснабжения. Строительство ЛЭП-220 кВ Тагаурово – Горячинск – Баргузин важно для освоения туристско-рекреационной ОЭЗ и в целом Опорной зоны развития туристско-рекреационного типа. Для освоения Хиагдинского, Ермаковского и Назаровского месторождений и развития Озерного ГОКа необходимо построить ЛЭП-220 Кв Улан-Удэ – Хоринск – Еравна. Строительство ЛЭП-220 кВ ст. Витим – Ореkitканский ГОК обеспечит освоение месторождения и в перспективе выдачу мощности Мокской ГЭС.

Российская Федерация на территории Дальнего Востока и Байкальского региона имеет сухопутную границу с КНР, Монголией и КНДР, а также морскую границу с США, Японией, КНДР и Республикой Корея. Важным направлением развития макрорегиона является достойное вхождение Российской Федерации в быстроразвивающиеся интеграционные процессы в АТР. Очень важная роль в связи с этим принадлежит Забайкалью, которое, как сказано выше, является своеобразными сухопутными воротами в страны АТР. Тем более в настоящее время экономические инициативы макрорегиона в рамках международной деятельности направлены на формирование совместной энергетической инфраструктуры, экспорт природных ресурсов (нефть, газ, лес, рыба и т. д.) и привлечение иностранных инвестиций в производственную сферу. В перспективе приграничные сотрудничества будут осуществляться в рамках совместных программ и планов развития. В этой связи в целях возвращения лидерства России в торгово-экономическом сотрудничестве с Монголией целесообразно разработать Программу торгово-экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества Российской Федерации и Монголии до 2025 г.

Стратегической целью развития приграничного сотрудничества Дальнего Востока и Байкальского региона

со странами Северо-Восточной Азии является создание эффективной структуры внутренней торговли, способной обеспечить высокий уровень социально-экономического развития и качества жизни населения, позволяющей решать экономическую задачу по закреплению населения.

В условиях современной общественно-политической ситуации Российская Федерация вплотную становится перед проблемой импортозамещения. Бурятия должна найти свою нишу в этой сложной стратегической задаче, решение которой позволит достичь значительного прорыва в экономическом развитии. Такими направлениями могут стать как обрабатывающие отрасли (производство новых изделий авионики и другой импортозамещающей машиностроительной продукции; освоение новых видов и расширение ассортимента на предприятиях легкой и пищевой промышленности, создание и развитие фармацевтического производства по изготовлению лекарственных средств на основе рецептов восточной медицины), так и добыча полезных ископаемых, так как Российское правительство отнесло к первоочередным для импортозамещения видам минерального сырья марганец, хромиты и глиноземное сырье, разведанные запасы которых имеются в Бурятии. Также проблемным для России в ближайшей перспективе должно стать снабжение металлургических комбинатов плавиково-шпатовым концентратом из Китая и Монголии, в связи с чем востребованными должны стать флюоритовые месторождения республики, запасы руды в которых являются одними из крупнейших в Российской Федерации.

В связи с выстраиванием энергетической политики России по поставкам электроэнергии в КНР возникает ситуация актуальности строительства Мокской ГЭС, а также Олонь-Шибирской ТЭС (проектирование и строительство которой предусмотрено в Мухоршибир-

ском районе согласно Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2020 г. с перспективой до 2030 г.).

Задача развития и размещения производительных сил Республики Бурятия на базе комплексного освоения ее природных богатств, развития промышленности и сельского хозяйства по-прежнему остается одной из актуальных. Наличие в республике разнообразных природных богатств требует создания диверсифицированного промышленного комплекса на базе местных сырьевых и энергетических ресурсов. Для этого необходимо создание экономики, обладающей долгосрочным потенциалом динамичного роста, способной обеспечивать последовательное повышение благосостояния населения, эффективное воспроизводство и модернизацию производственного аппарата, укрепление конкурентоспособности республики.

В настоящее время в республике постепенно складываются новые экономические пропорции под воздействием спросовых ограничений, требований к ресурсо- и энергоемкости производств и экологических факторов.

Вместе с тем прежняя структура экономики в ближайшей перспективе не сможет обеспечить необходимый рост. Поэтому необходимо задействовать новые источники роста: улучшение структуры экспорта, импортозамещение и развитие новых секторов экономики.

Промышленность играет важную роль в развитии и размещении производительных сил, является важнейшей составляющей в организации территории. Концепция промышленной политики Республики Бурятия на период 2013–2017 гг. и до 2025 г., принятая Правительством Республики Бурятия в 2012 г. [3], определила промышленные кластеры и промышленные узлы с высоким промышленным потенциалом, сложившиеся и развивающиеся на территории Бурятии.

Ключевые промышленные кластеры на территории Бурятии – авиационный, топливно-энергетический, горно-металлургический и лесопромышленный. В основе формирования и развития ключевых кластеров промышленного типа республики лежит имеющаяся ресурсная база – минеральных, лесных ресурсов, а также крупные предприятия региона.

Продукция предприятий промышленности Республики Бурятия ориентирована и находит сбыт на мировом, национальном и региональном рынках. На внутренний спрос ориентированы предприятия пищевой промышленности, электроэнергетики, строительных материалов, лесопереработка, добыча угля. На российском рынке находят сбыт железнодорожный подвижной состав, металлоконструкции, золото, большая часть целлюлозы, цемента, часть продукции пищевой промышленности. На экспорт поставляется авиационная техника, каменный уголь, продукция деревообработки, целлюлоза и картон, кондитерские изделия.

Крупная промышленность республики сосредоточена в основном в машиностроении, металлообработке, лесной промышленности и энергетике. Многие крупные предприятия входят в состав вертикально интегрированных структур и оказывают существенное влияние на экономику РБ, а также на формирование доходов консолидированного бюджета республики.

Возможность регулирования данного бизнеса со стороны региона ограничена. Вместе с тем крупные промышленные предприятия используют большую часть территориальных и экономических ресурсов республики, поэтому в рамках стратегического партнерства являются важной составляющей промышленной политики региона.

ОАО «Улан-Удэнский авиационный завод», входящее в холдинговую структуру ОАО «Вертолеты России», спе-

циализируется на выпуске вертолетов МИ-171 различных модификаций. Благодаря активной маркетинговой политике предприятия через систему Рособоронэкспорта вертолеты экспортируются в страны Азии, Африки, Центральной и Южной Америки, Европы.

ОАО «Улан-Удэнский ЛВРЗ» – филиал ОАО «Желдорреммаш» является крупнейшим предприятием в отрасли по ремонту электровозов, вагонов и запасных частей. Хорошо организованное производство и устойчивый рынок сбыта свидетельствуют о конкурентоспособности этого направления.

ЗАО «Улан-Удэстальмост», входящее в интегрированную структуру ОАО «Мостостройиндустрия», имеет устойчивую нишу на рынке транспортного мостостроения России.

ОАО «Улан-Удэнское приборостроительное производственное объединение» является одним из крупнейших предприятий авиационного приборостроения России, входит в состав ОАО «Корпорация “Аэрокосмическое оборудование”», которое в 2008 г. вошло в Государственную корпорацию «Ростехнологии».

Гусиноозерская ГРЭС входит в состав группы Интер РАО. Установленная мощность станции составляет 1100 МВт.

ОАО «Разрез Тугнуйский» – одно из крупнейших угледобывающих предприятий России, осуществляет разработку открытым способом Олонь-Шибирского каменноугольного месторождения. Предприятие является одним из ведущих экспортноориентированных предприятий ОАО «СУЭК».

ОАО «Бурятзолото» – крупная золотодобывающая компания России, владеет двумя действующими рудниками республики – «Холбинский» и «Ирокинда».

ОАО «Хиагда», входящее в контур управления уранового холдинга ОАО «Атомредметзолото», расположено в Батуновском районе Республики Бурятия.

Предприятие эксплуатирует месторождения Хиагдинского рудного поля.

Правительство Республики Бурятия заинтересовано в деятельности вертикально интегрированных структур, поскольку:

- крупные объединения предприятий позволяют повысить управляемость экономическими процессами, концентрировать инновационные и инвестиционные ресурсы, гарантировать ресурсное обеспечение производства и снижение производственных затрат компании;

- капитализация вертикально интегрированных структур позволяет привлечь значительные инвестиционные ресурсы для развития бизнеса или сформировать их собственными силами;

- стратегические цели государства и крупных объединений по ключевым позициям совпадают (рост объемов производства, обеспечение занятости, изменение структуры отрасли в пользу производств с большей добавленной стоимостью).

Для достижения стратегической цели промышленной политики будут реализованы следующие направления взаимодействия с крупным бизнесом:

- развитие государственно-частного партнерства путем заключения Соглашений о сотрудничестве между органами государственной власти, органами местного самоуправления и частными компаниями;

- усиление участия республики в формировании и реализации инвестиционных проектов, программ всех уровней, работа с федеральными органами власти по привлечению инвестиций;

- увеличение инновационной составляющей в экономике, поддержка наукоемких производств, обеспечение инвестиционной привлекательности экономики республики в целом;

- использование территориальных преимуществ, интеграция экономики республики в межрегиональные и глобальные процессы, развитие связей со странами АТР;

– формирование и реализация концепции энергетической, продовольственной и социальной безопасности региона, позволяющей обеспечить устойчивое развитие и управление рисками промышленности;

– участие бизнеса в развитии территориальной инфраструктуры и социальной сферы региона;

– инвестиционное направление развития требует более активного совместного участия всех заинтересованных сторон. Предполагается и дальше использовать такие механизмы, как государственно-частное партнерство.

Механизм взаимодействия необходимо осуществлять путем заключения соглашений между Правительством Республики Бурятия, вертикально интегрированными структурами и организациями с определением четких обязательств.

Политика формирования и развития малого и среднего бизнеса

Средние промышленные предприятия являются базой для устойчивого функционирования экономики региона. Высокая капиталоемкость создания новых рабочих мест в промышленности в случае среднего бизнеса является преодолимой проблемой для региональных финансовых ресурсов.

Средний промышленный бизнес в основном сосредоточен в отраслях по переработке ресурсного потенциала республики: агропромышленном и лесопромышленном комплексах, горнодобывающей, легкой промышленности, а также других отраслях. Наличие достаточной ресурсной базы делает привлекательными данные отрасли на перспективу.

В республике присутствуют предприятия и учреждения, охватывающие все этапы производства – от возможностей разработки продукции (с помощью научных и учебных учреждений и собственных подразделений предприятий) до обслуживания, эксплуатации и утилизации. Примерами разработки и внедрения новой продукции могут послужить

молочная, мясная и другие отрасли промышленности.

Еще одной специфической чертой является концентрация капитала в руках республиканских инвесторов и собственников на большинстве предприятий среднего бизнеса.

Малые промышленные предприятия можно разделить на две группы: предприятия, выпускающие промышленную продукцию, и предприятия, выпускающие продукцию или оказывающие услуги промышленного характера для крупных предприятий республики.

Целью политики органов власти области поддержки малого предпринимательства является:

– создание правовых и экономических условий, обеспечивающих устойчивость темпов развития малого предпринимательства;

– повышение экономической и социальной эффективности его деятельности;

– рост объемов производства продукции, работ и услуг;

– увеличение добавленной стоимости и налоговых поступлений в бюджет;

– рост численности занятых в сфере малого предпринимательства, средних доходов и уровня социальной защищенности работающих в малом бизнесе.

Тенденции развития производительных сил малого и среднего предпринимательства, появившихся в годы становления рыночной экономики, подлежат глубокому анализу в первоочередном порядке.

В целом же давно уже назрела необходимость подготовки и проведения отраслевых научно-практических совещаний (конференций) по развитию и размещению производительных сил Республики Бурятия, с приглашением руководителей вертикально интегрированных структур, предприятия которых находятся в регионе, для разработки документов стратегического планирования согласно Федеральному закону «О стратегическом планировании» [10].

Литература и источники

1. Денежные доходы и расходы населения Республики Бурятия: стат. сб. // Бурятстат. – Улан-Удэ, 2013. – 29 с.
2. Инвестиционная деятельность в Республике Бурятия: стат. сб. № 11-05-12 // Бурятстат. – Улан-Удэ, 2003–2013.
3. Концепция промышленной политики Республики Бурятия на период 2013–2017 гг. и до 2025 г. Постановление Правительства Республики Бурятия от 6 декабря 2012 г. № 742.
4. Население Республики Бурятия: стат. сб. // Бурятстат. – Улан-Удэ, 2012. – 39 с.
5. Основные фонды Республики Бурятия: стат. сб. // Бурятстат. – Улан-Удэ, 2013. – 84 с.
6. Производство валового регионального продукта (за ряд лет): стат. сб. // Бурятстат. – Улан-Удэ, 2014. – 86 с.
7. Промышленное производство в Республике Бурятия: стат. сб. // Бурятстат. – Улан-Удэ, 2013. – 88 с.
8. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации: стат. сб. // Росстат. – М., 2013. – 645 с.
9. Статистический ежегодник (за ряд лет): стат. сб. // Бурятстат. – Улан-Удэ, 2013. – 514 с.
10. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

УДК 332.145

Л. В. Потапов, Б. В. Базаров, З. Б.-Д. Дондоков

О РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Рассмотрены проблемы формирования единой государственной системы стратегического планирования в России и ее регионах. Определены контуры региональной системы стратегического планирования с учетом положений федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Проведен анализ документов стратегического планирования, разработка которых предусматривается на региональном уровне. Определены их особенности, период действия и нормативная правовая база.

Обоснована необходимость создания специализированных органов для формирования региональной системы стратегического планирования, включая Совет по стратегическому планированию, возглавляемый высшим должностным лицом. Предложен алгоритм разработки документов стратегического планирования социально-экономического развития региона. Определены направления повышения качества прогнозно-плановой

ПОТАПОВ Леонид Васильевич – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела региональной экономики Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: orei.bnc@mail.ru.

БАЗАРОВ Борис Ванданович – член-корреспондент РАН, председатель Президиума Бурятского научного центра СО РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: bazarov60@mail.ru.

ДОНДОКОВ Зорикто Бато-Дугарович – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом региональной экономики Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: dzorikto@mail.ru.

работы на региональном уровне, включая использование межотраслевого баланса для детального анализа процессов производства и использования продукции по видам экономической деятельности.

Выявлены проблемы стратегического планирования в Республике Бурятия и определены причины замедления темпов экономического роста, связанные с низким качеством разрабатываемых программ социально-экономического развития и крупных инвестиционных проектов, а также с неэффективной структурой правительства республики. Разработаны предложения и рекомендации по формированию региональной системы стратегического планирования в Республике Бурятия с учетом региональных особенностей, включая влияние байкальского фактора на развитие и размещение производительных сил.

Ключевые слова: система стратегического планирования, социально-экономическое развитие региона, документы стратегического планирования, Республика Бурятия, Байкальская природная территория.

L. V. Potapov, B. V. Bazarov, Z. B.-D. Dondokov

ON THE REGIONAL SYSTEM OF STRATEGIC PLANNING

The article considers problems of making up of an integrated state system of strategic planning in Russia and the regions. Frameworks of a regional system of strategic planning have been defined taking into account provisions of the federal law "On the Strategic Planning in the Russian Federation". The analysis of documents on strategic planning developed on the regional level has been carried out. Their peculiarities, validity period and normative and legal foundations have been defined.

In the article the authors substantiate the necessity to create special authorities to form the regional system of strategic planning, including the Council on Strategic Planning to be supervised by a high state official. An algorithm of the development of strategic planning documents for the socioeconomic development of the region has been proposed. Directions to increase quality of forecasting and planning work at the regional level, including the use of input-output balance for the detailed analysis of production processes and use of produce according to a type of economic activity have been determined.

Problems of strategic planning in the Republic of Buryatia have been exposed and causes of slowing down of economic growth due to a low quality of developed programs of socioeconomic development, large investment projects and inefficient structure of the government of the republic determined. Propositions and recommendations to form the regional system of strategic planning in the Republic of Buryatia with a glance to regional specifics including the influence of the Baikal factor on the development and distribution of productive forces have been developed.

Key words: strategic planning system, socioeconomic development of the region, strategic planning documents, Republic of Buryatia, Baikal natural territory.

В 1990-е гг. в результате нелиберальных рыночных реформ и ориентации на свертывание государственного регулирования рыночной экономики директивная система прогнозирования и планирования была разрушена. Прекратилась разработка долгосроч-

ных прогнозов, перспективных планов и программ, были ликвидированы занимающиеся этим государственные органы, прекращена подготовка специалистов по этим направлениям. Плавного перехода от Госплана к стратегическому планированию не произошло. Государство не

имело стратегии, что стало одним из факторов экономического кризиса, структурной деформации и технологической деградации экономики, падения уровня жизни населения. Общий итог – потеря управления социально-экономическим развитием в государстве.

В середине 1990-х гг. была предпринята попытка восстановить прогнозирование и программирование развития экономики принятием закона от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» [6]. Однако реализация данного закона проводилась крайне непоследовательно и единая система стратегического планирования в государстве не сложилась. Отсутствует перспективная инновационно-технологическая и структурная политика, кадры госслужащих не готовы к решению крупномасштабных стратегических задач.

Много говорилось на Госсовете в июле 2006 г., президиумах Госсовета о скорейшем завершении разработки проекта закона «О государственном прогнозировании и социально-экономическом развитии Российской Федерации», который был подписан Президентом РФ только 28 июня 2014 г. [7].

В настоящее время насущной необходимостью стало формирование единой государственной системы стратегического планирования, как на уровне Российской Федерации, так и ее регионов. Кроме того, современный этап развития России проходит в сложных условиях, вызванных целым рядом внешних и внутренних обстоятельств и угроз, требующих от высшего руководства страны, ее регионов и современной науки адекватных ответов на вызовы XXI в., к которым следует отнести:

– растущий дефицит квалифицированной рабочей силы, который невозможно преодолеть с помощью миграции и краткосрочных мер воздействия на рождаемость населения;

– достигший критического уровня износ основных фондов и необходимость их инновационного обновления на базе освоения более высоких технологических укладов, обеспечивающих конкурентоспособность отечественной продукции в условиях глобализации, уход от сырьевой направленности экономического развития, участие России в качестве равноправного партнера в ВТО;

– приобретающий характер мировой катастрофы энергоэкологический кризис, связанный с исчерпанием лучших месторождений, быстрым удорожанием углеводородного топлива и энергии, увеличением выбросов парниковых газов в атмосферу, ведущим к катастрофическим климатическим изменениям;

– гипертрофия сырьевого сектора в экономике и экспорте, ведущая к однобокому развитию и потере лидирующих позиций в машиностроении и перерабатывающем секторе промышленности, в оборонно-промышленном комплексе, снижение возможностей по обеспечению национальной безопасности;

– крайне неравномерное технологическое и социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, определяющее их как дотационные регионы;

– кадровый голод в областях реальной экономики, особенно в отраслях, избравших путь инновационного развития в области фундаментальной науки;

– общий спад в экономике, сокращение рабочих мест, истощение резервов социальной поддержки и жизненного уровня населения, усиление социальных противоречий.

Чтобы дать достойный ответ на вызовы времени, обеспечить устойчивое развитие страны и ее регионов, повышение качества жизни населения, восстановление статуса великой державы, государство и общество, высшее руководство страны и ее регионов должны иметь инструмент долгосрочного видения процессов развития страны и ее ре-

гионов, проблем и путей их решения в продвижении России по пути прогресса.

Таким инструментом должна быть система определения целей и приоритетов, долгосрочного (среднесрочного) прогнозирования и стратегического планирования [10; 14; 15]. Ниже пойдет речь о региональной системе стратегического планирования. Основные контуры этой системы состоят в следующем:

1. Исходной базой стратегических планов является долгосрочный прогноз социально-экономического развития региона. Такой прогноз должен разрабатываться вместе с научным сообществом по государственному заказу.

2. На основе долгосрочного прогноза определяется оптимальный сценарий будущего развития и формируется система региональных целей и приоритетов, отвечающих интересам региона. В определении этих целей и приоритетов должно участвовать государство с использованием потенциалов науки и бизнеса, высшей школы, гражданского общества. Цели и приоритеты должны широко обсуждаться, утверждаться на высшем уровне, публиковаться и служить критерием при подготовке стратегий и государственных программ. Важнейшим документом стратегического планирования, разрабатываемом на региональном уровне, является стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации (стратегия СЭР субъекта РФ) [7]. Стратегии разрабатываются региональными государственными органами вместе с научными учреждениями, принимаются высшим исполнительным органом региона и утверждаются высшим должностным лицом. Стратегии должны быть сбалансированы по приоритетам, целям, задачам, мероприятиям, показателям, финансовым и иным ресурсам и срокам реализации.

3. К другим документам стратегического планирования, разрабатываемым в рамках планирования и программирования региона, также следует отнести:

– план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации (ПМ);

– государственные программы субъекта Российской Федерации (ГП);

– схемы территориального планирования Российской Федерации (СТП);

– бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период. Бюджетный прогноз субъекта Российской Федерации разрабатывается в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации;

– прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период должен разрабатываться ежегодно на основе прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период, стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации с учетом основных направлений бюджетной и налоговой политики субъекта Российской Федерации.

Период действия, нормативная правовая база и особенности указанных документов отражены в таблице.

4. Потребуется отладить мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования и эффективного использования выделяемых на них бюджетных средств.

5. Необходимо создание специализированных органов для осуществления региональной системы стратегического планирования:

– Совета по стратегическому планированию, возглавляемого высшим должностным лицом, с включением в него на паритетных началах по каждому направлению социально-экономического развития представителей органов исполнительной власти, общественных и научных организаций. Его целями должны стать:

• осуществление комплексного анализа социально-экономической ситуации;

Таблица

Документы стратегического планирования, разрабатываемые на уровне субъекта РФ

№ п/п	Наименование документа	Период действия	Нормативная законодательная база	Особенности
1	Стратегия СЭР субъекта РФ	2017–2028 гг.	Законы субъектов РФ	Является основой для разработки ГП, СТП, ПМ
2	Прогноз СЭР на долгосрочный период	2017–2028 гг.	Прогноз СЭР России	Разрабатывается на вариативной основе. Содержит основные параметры ГП
3	Прогноз СЭР на среднесрочный период	2017–2019 (2022) гг.	Прогноз СЭР РФ, Стратегия СЭР субъекта РФ	Разрабатывается на вариативной основе. Содержит основные параметры ГП
4	План мероприятий по реализации СЭР субъекта РФ	2017–2019 гг. 2020–2022 гг.	Стратегия СЭР субъекта РФ	Содержит цели и задачи и показатели СЭР субъекта РФ
5	Государственные программы субъекта РФ	2017–2022 (2028) гг.	Стратегия СЭР субъекта РФ, отраслевые документы стратегического планирования России	Утверждаются в соответствии с Бюджетным Кодексом РФ
6	Схема территориального планирования субъекта РФ	2017–2028 гг.	Стратегии СЭР	Учитываются требования, определенные Градостроительным кодексом РФ и схемами территориального планирования РФ
7	Бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период	2017–2025 (2028) гг.	Бюджетный Кодекс РФ	

- экспертиза представляемых правительством субъекта России проектов стратегических документов, определяющих социально-экономическое развитие республики;

- выработка вариантов государственной политики, направленной на формирование условий, обеспечивающих динамичное и устойчивое развитие экономики и социальной сферы региона, рост уровня и качества жизни населения;

- комитета по стратегическому планированию в составе Министерства экономики, подчиненного непосредственно первому заместителю Председателя Правительства и функционально министру экономики;

- высшего научного совета по стратегическому планированию во главе с руководителем регионального научного центра. Например, в Республике Бурятия таковым является Председатель Президиума БНЦ СО РАН.

6. Необходимо законодательное обеспечение работы по стратегическому планированию. В полной увязке с региональной системой стратегического планирования следует разработать документы стратегического планирования на муниципальном уровне, к которым надо отнести:

- стратегию социально-экономического развития муниципального образования;
- план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования;
- прогноз социально-экономического развития муниципального образования на средне- и долгосрочный период;
- бюджетный прогноз муниципального образования;
- муниципальную программу.

Руководству субъекта РФ необходимо:

- разработать план подготовки документов стратегического планирования, предусмотренных законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г.;
- разработать нормативные правовые акты, определяющие порядок разработки и корректировки документов стратегического планирования, а также осуществления мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования;
- создать региональный государственный реестр документов стратегического планирования в полной увязке с федеральным государственным реестром документов стратегического планирования;
- осуществить информационное обеспечение стратегического планирования путем создания обеспечивающей региональной информационной системы стратегического планирования в полной увязке с федеральной системой стратегического планирования.

Предлагается следующий алгоритм разработки документов стратегического планирования:

– подготовка проектов документов стратегического планирования СЭР субъекта РФ;

– разработка предложений и рекомендаций по проектам документов;

– общественное обсуждение проектов документов в формате конференций, круглых столов, семинаров. При разработке и корректировке документов стратегического планирования необходимо проводить научно-практические конференции по вопросам социально-экономического развития региона не реже 1 раза в 3 года;

– корректировка документов стратегического планирования с учетом результатов обсуждения;

– принятие документов стратегического планирования.

7. Для эффективной реализации региональной системы стратегического планирования необходима профессиональная подготовка государственных служащих в области прогнозно-плановой деятельности (включая министров и руководителей ведомств, депутатов представительного органа субъекта РФ, глав районов).

8. Необходимо обеспечить полноценное бюджетирование стратегии социально-экономического развития региона и государственных программ, используя для этого различные институты. На поддержку стратегического планирования, инновационное обновление экономики следует направить значительную часть фонда будущих поколений, с тем чтобы насыщать внутренний рынок и поставлять на экспорт конкурентоспособную отечественную продукцию. Обеспечение устойчивого экономического роста всегда было и остается ключевой задачей государства и регионов. Высокие темпы экономического роста создают необходимый потенциал для реализации национальных интересов и удовлетворения потребностей общества, для обеспечения его развития по всем направлениям, соответствующим выбранным целям. Проблема экономического роста должна

тесно увязываться со структурными проблемами и проблемами эффективного хозяйствования в динамике. Экономический рост в современных условиях должен рассматриваться не только в количественном, но и в качественном отношении.

Предвидение долгосрочных тенденций в экономике в таком аспекте и выстраивание стратегий плановых ориентиров выдвигаются в большинстве крупных стран как базовые задачи стратегического планирования. Заметим, что в ходе рыночных реформ в России довольно долго показатели инфляции занимали центральное место (и даже самодовлеющее), положение среди контролируемых правительством экономических показателей. Это, к сожалению, привело к перекосам в экономической политике, неоправданно принизив статус параметров динамики экономического развития как такового. Заметим, слишком длительное время уровень инфляции намного выше, чем в высокоразвитых странах. Но инфляция есть координата текущего, а не долговременного движения экономики. Контроль за инфляцией может быть правильно выстроен лишь в контексте стратегии экономического роста. Обеспечение устойчивого экономического роста на современном этапе российских и региональных трансформаций будет означать возрождение на новом уровне политики расширенного воспроизводства в стране как базы повышения уровня благосостояния народа. Именно параметры экономического роста должны быть базовым элементом долгосрочных прогнозов и стратегий социально-экономического развития. Вместе с тем нужен серьезный крен в прогнозно-плановой работе в сторону показателей эффективности российской экономики.

Важнейшим инструментом государственного стратегического планирования в регионе, обеспечивающим детальный анализ процесса производства и использования продукции по видам

экономической деятельности, является межотраслевой баланс (МОБ) [11]. Его достоинством является возможность количественной оценки влияния факторов на величину и динамику валового регионального продукта. Комбинируя тем или иным фактором (объемы инвестиций, государственных расходов, потребительского спроса, ввоза-вывоза продукции), итеративно можно достичь поставленной цели, соизмеряя с требуемыми объемами ресурсов.

Уникальным свойством межотраслевого баланса является возможность определения приоритетных для региона направлений развития, выявления отраслей и видов деятельности, обеспечивающих максимальные экономические и социальные эффекты в виде создания новых рабочих мест, налоговых поступлений в бюджет, улучшения условий проживания населения и т. п.

Использование таблиц «затраты-выпуск» даст возможность проводить детальные аналитические и прогнозные расчеты для выработки экономической политики региона, в т. ч. при определении оптимальных вариантов социально-экономического развития региона при заданных условиях, а также для обеспечения сбалансированности прогнозных расчетов при согласовании региональных прогнозов и программ.

На основе межотраслевого баланса возможно проведение сценарных расчетов развития экономики региона для оценки влияния различных факторов, важных для региона [12]:

- изменение величины безвозмездных поступлений из федерального бюджета;
- снижение (увеличение) ввоза в регион импорта и продукции других регионов России;
- рост цен на отдельные виды продукции, например, тарифов на электроэнергию;
- увеличение конечного спроса на отдельные товары и услуги.

Нельзя не поддержать теоретико-методологические и прикладные разработки, активизировавшиеся в литературе за последнее время, в области качества экономического роста. Высокое качество экономического роста – это повышающаяся производительность труда при обеспечении экологичности производства и быта, это снижающаяся фондо-, материало- и энергоемкость развития, это непрерывно улучшающиеся социальные параметры жизни. Данные показатели не могут не анализироваться при осуществлении прогнозно-плановых разработок.

До 1990 г. структура экономики России развивалась в тех же направлениях, что и в мировой экономике. Лидирующие позиции занимали потребительский и инновационно-инвестиционный секторы. В 1990-е гг. (особенно в 1992–1995 гг.) произошла глубокая структурная деформация экономики в результате кризиса, вызванного распадом СССР, обвальная демилитаризацией и неолиберальными рыночными реформами. Доля инновационно-инвестиционного сектора упала, прежде всего, за счет разрушения оборонно-промышленного комплекса, резкого падения доли машиностроения. Развернулся процесс технологической деградации экономики, падения доли пятого технологического уклада, вымывания наукоемкой и высокотехнологичной продукции. Выросла доля экспортноориентированного энергосырьевого сектора, особенно нефтегазовой промышленности и металлургии. Резко поднялась доля такого сектора экономики, как торговля. Важнейшей задачей экономической политики на перспективу является преодоление структурной и технологической деградации на основе выработки и последовательной реализации стратегии инновационного прорыва, преодоления экспортно-сырьевой доминанты в структуре экономики и экспорта.

При разработке стратегий социально-экономического развития России и ее регионов необходимо предусматри-

вать меры, обеспечивающие радикальные улучшения структуры экономики и внешней торговли в направлении повышения доли потребительского и инновационно-инвестиционного секторов в структуре производства и экспорта на основе инновационного прорыва и существенного повышения конкурентоспособности отечественной готовой продукции. Внедрение системы стратегического планирования в России и ее регионах необходимо для управления экономическим ростом.

К примеру, проблема разработки такой системы очень остро стоит перед Республикой Бурятия, экономика которой имеет низкий уровень развития. По результатам стратегического аудита Счетной палаты Российской Федерации, Республика Бурятия отнесена к субъектам РФ с низким уровнем социально-экономического развития. В СФО таких субъектов четыре: республики Алтай, Бурятия, Тыва и Забайкальский край. Более того, республика является проблемным регионом, т. к. собственными силами свои проблемы решить не может.

Республика Бурятия в 2000–2008 гг. двигалась в режиме догоняющего развития. Затем, с 2009 г. Бурятия вновь начала отставать, пошло заметное замедление темпов экономического роста. В 2012 г. он составил всего лишь 0,5 % при среднероссийском – 3,4 %. Отметим, что экономический рост нужен не ради темпов и структурных сдвигов самих по себе, а для улучшения жизни населения республики. Высокий уровень благосостояния и справедливая оплата труда, возможность получить образование и медицинское обслуживание, реализовать творческий потенциал – абсолютно необходимые условия экономического роста.

К сожалению, в настоящее время республика не является динамично развивающимся регионом. Это произойдет, когда Бурятия войдет в режим экономического роста, опережающий темпы экономического роста Российской Фе-

дерации. Только тогда можно считать республику динамично развивающимся регионом. Отметим, что именно такой высокий ежегодный прирост в 6,6 % в период до 2015 г. определен в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона [5].

Считается, что замедление темпов экономического роста в последние годы произошло из-за кризиса. Но это не основная причина. Она кроется в низком качестве разрабатываемых программ социально-экономического развития и крупных инвестиционных проектов, неэффективной структуре Правительства республики. Среднесрочные программы СЭР стали носить декларативный характер, а такие программы эффективно работать не будут [1; 2]. По качеству программ и макетов социально-экономического развития республика стала отставать от Забайкальского края, Иркутской области и других регионов, которые раньше учились на опыте Бурятии.

Закон Республики Бурятия «О прогнозировании и программировании социально-экономического развития Республики Бурятия», принятый в 1996 г., безнадежно устарел. Передовые регионы пошли по пути принятия собственных законов до принятия Федерального закона «О стратегическом планировании». В свое время Правительство Республики Бурятия было одним из первых в России инициаторов принятия региональных законов «О государственном прогнозировании, стратегическом планировании и программировании». К сожалению, из-за противодействия комитета Народного Хурала по экономической политике новый закон так и не был принят.

Теперь о крупных инвестиционных проектах. Приведем один пример – инвестиционный проект «Комплексное развитие Забайкалья», над которым в Правительстве Республики Бурятия работали 6 лет и который до сих пор не защищен [5]. Причиной этого является решение за-

местителя Председателя Правительства по экономическому развитию изменить станции примыкания железнодорожной линии Могзон – Озерная – Новый Уоян на станции Новоильинск – Озерная – Таксимо. При этом по маршруту Могзон – Озерная – Новый Уоян давно выполнено технико-экономическое обоснование в ОАО «Российские железные дороги». Из-за таких действий проект не продвигается к реализации.

Для сравнения: за это время Забайкальский край почти заканчивает железнодорожную линию Нарын – Лугокан 460 км, электрифицировал и построил вторую ветку железнодорожной линии Карымская – Забайкальск, завершает обход вокруг Читинского узла. Кстати, Забайкальский край впервые в истории Забайкалья по ВРП на душу населения обошел Бурятию. Республика скатилась среди субъектов Российской Федерации с 42-го места в 2006 г. на 61-е место в 2012 г.

Кратко о новейшей истории становления государственного управления в Республике Бурятия в постсоветский период. За 20 лет она прошла 3 этапа: первый, 1991–1994 гг. – период ломки старой системы, уход из политической арены КПСС, формирование основ нового экономического уклада, подготовка и принятие новой конституции, разграничение предметов ведения и полномочий между ветвями власти и т. д. Все приходилось решать на ходу, не имея достаточных знаний и опыта владения рыночными механизмами.

С принятием новой Конституции, введением президентского управления, переименованием Верховного Совета в Народный Хурал, Совета министров – в Правительство начался второй, самый продолжительный этап становления и развития органов государственного управления в Республике Бурятия.

С выходом из кризиса правительством был взят курс на устойчивое развитие. Были созданы Министерство эко-

номического развития, Министерство природных ресурсов и т. д. Прошла административная реформа с разделением государственных полномочий на нормотворческую, контрольную и услуг с выделением из министерств государственных служб и агентств. Наше мнение по поводу насаждения английской модели на российскую землю откровенно негативное. Получен отрицательный результат не только в эффективности управления, но и в затратах на их содержание. Усугубились проблемы бюрократии и расширилось коррупционное пространство.

В пределах существующего законодательного поля следует вернуть в исходное министерское ложе агентства и службы. Этот шаг упростит и ускорит внедрение региональной системы стратегического планирования, сократит затраты на управление.

Третий этап связан со сменой лидера в 2007 г. Как показало время, принятая структура Правительства и установившееся внутри него разделение функций сработали, на наш взгляд, неэффективно. У заместителя Председателя Правительства РБ по экономическому развитию в ведении оказался финансово-экономический блок (по доходам) и практически весь реальный сектор экономики. Считаем, что финансово-экономический блок должен быть под управлением первого заместителя Председателя Правительства.

Производство и передача электроэнергии, тепла, пара и воды – это отрасль промышленности, а не инфраструктуры. В наших сложных природно-климатических условиях нужен заместитель Председателя по агропродовольственному комплексу и развитию сельских территорий. И совершенно принципиальный вопрос – структура Правительства должна органично вписываться в региональную систему стратегического планирования.

Качественно отработанная региональная система стратегического пла-

нирования – это такая система, которая позволяет управлять экономическим ростом. Сложившаяся практика проведения научно-практических конференций и Байкальских экономических форумов не позволит это сделать. На них не рассматриваются актуальные проблемы и современные тенденции регионального развития, не обсуждаются новые источники экономического роста. При таких подходах Правительство республики не сможет управлять экономическим ростом, являющимся ключевым критерием экономического развития. Нужны коренные изменения.

В настоящее время в Бурятии идет замедление экономического роста. В 2012 г. он составил всего лишь 0,5 % (68-е место по РФ) [1]. На научно-практических конференциях и Байкальских экономических форумах не рассматриваются проблемы развития и размещения производительных сил по отраслям и секторам экономики сложившегося народно-хозяйственного комплекса Республики Бурятия. Особенно глубокому анализу подлежат производительные силы (крупные, средние и малые предприятия), появившиеся в годы рыночной экономики. В сложившихся обстоятельствах считаем крайне необходимым проведение Правительством Республики Бурятия научно-практических совещаний (конференций) по отраслям и секторам экономики республики с целью разработки:

- 1) плана подготовки документов стратегического планирования (срок до 1 января 2015 г.);

- 2) нормативно-правовых актов, определяющих порядок разработки и корректировки документов стратегического планирования, а также осуществления мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования (срок до 1 января 2016 г.);

- 3) документов стратегического планирования (срок до 1 января 2017 г.).

Разработка этих документов обусловлена требованиями Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. На форумах «Байкальский диалог», на наш взгляд, социально-экономические и экологические проблемы на БПТ следует рассматривать сбалансированно, как этого требует статья 5 ФЗ «Об охране озера Байкал», в т. ч. рассматривать влияние «байкальского фактора» на развитие и размещение производительных сил на Байкальской природной территории [7]. По экспертным оценкам, величина экономических потерь Республики Бурятия, связанных с ограничениями хозяйственной деятельности на БПТ, составляет более 10 млрд. руб. в год [13].

Межрелигиозный характер, разнообразие, сложность, взаимосвязь и противоречивость множества экологических, социальных и экономических проблем, сложившихся к настоящему времени на БПТ, обуславливают необходимость применения программно-целевого метода для их разрешения [9].

Однако в принятой Правительством Российской Федерации ФЦП «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы» социально-экономические проблемы практически не рассмотрены [4]. Обустроенные таежные тропы, видовые точки, туалеты, организованный сбор мусора – все это в программе отсутствует. Отсутствуют также мероприятия по развитию и размещению производительных сил. Это приведет к ухудшению социально-эко-

номического положения городов, поселков, деревень Байкальской природной территории. Необходимо постепенно и планомерно переходить к экологическим поселениям БПТ, создать госкорпорацию по охране оз. Байкал и социально-экономическому развитию Байкальской природной территории.

Основными результатами реализации ФЦП «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие БПТ» должны были стать:

- полное и всестороннее выполнение обязательств Российской Федерации в части сохранения озера Байкал как уникального объекта всемирного природного наследия ЮНЕСКО;

- достижение на Байкальской природной территории уровня социально-экономического положения, превышающего аналогичный уровень для субъектов Российской Федерации.

При существующих подходах депутатов Государственной думы, Правительства Российской Федерации, руководителей регионов к охране оз. Байкал и социально-экономическому развитию БПТ будет потеряно управление развитием уникального природного комплекса – Байкальской природной территории и произойдет ее деградация.

Перечисленные выше проблемы должны найти решение в документах региональной системы стратегического планирования при тесном взаимодействии с депутатами Государственной думы, Правительством Российской Федерации и руководителями соседних регионов.

Примечание

I. За 2013 год окончательные данные будут только в марте 2015 года.

Источники и литература

1. Закон Республики Бурятия от 2 апреля 1996 г. № 284-I «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Бурятия».

2. Закон Республики Бурятия от 14 марта 2011 г. № 1907-IV «О программе социально-экономического развития Республики Бурятия на 2011–2015 гг.».
3. Закон Республики Бурятия от 14 марта 2011 г. № 1903-IV «О программе социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 г.».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 487 «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 гг.».
5. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. // Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-Р.
6. Федеральный закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
8. Федеральный закон от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал».
9. *Базаров Б. В., Потапов Л. В.* Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории // *Власть*. – 2014. – № 8. – С. 5–9.
10. *Гранберг А. Г., Минакир П. А., Потапов Л. В.* Стратегия регионального развития: Республика Бурятия-2015. – М.: Экономика, 2005.
11. *Дондоков З. Б.-Д., Дырхеев К. П.* Методика проведения аналитических и прогнозных расчетов социально-экономического развития региона на основе межотраслевой модели // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2014. – № 2. – С. 37–39.
12. *Дондоков З. Б.-Д., Дырхеев К. П., Мунаев Л. А., Абзаев П. Б., Ринчино С. В.* Межотраслевой анализ экономики Республики Бурятия на основе таблиц «затраты-выпуск» // *Региональная экономика: теория и практика*. – 2014. – № 28. – С. 55–62.
13. *Дондоков З. Б.-Д.* Экономические потери Республики Бурятия от воздействия «байкальского фактора» // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. – 2012. – № 1. – С. 26–30.
14. *Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В.* Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. – М.: Экономика, 2011.
15. *Потапов Л. В., Добровенский Ю. П.* Комплексная система государственного стратегического планирования (КСГСП) и долгосрочный прогноз социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2010 г. // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. – 2013. – № 4. – С. 185–195.

УДК 331.5 (571.54)

Ю. Г. Бюраева

**ТРУД И ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
БАРГУЗИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

Рассматривается динамика развития трудовых ресурсов, возможности альтернативной занятости населения Баргузинского района Республики Бурятия. Выводы и положения основаны на данных экспедиционного исследования.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, альтернативная занятость, личное подсобное хозяйство, трудоспособное население, безработица.

Yu. G. Byuraeva

**LABOR AND POPULATION EMPLOYMENT
OF THE BARGUZIN DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA**

The article considers development dynamics of labor resources, opportunities of alternative employment of the population of the Barguzin district of the Republic of Buryatia. Conclusions and postulates are based on the field research data.

Key words: labor resources, alternative employment, private farm holding, able-bodied population, unemployment.

Решающее влияние на социально-экономическое развитие территории имеют качество и количество трудовых ресурсов. Под трудовыми ресурсами понимается трудоспособная часть населения, которая в силу психофизиологических и интеллектуальных качеств способна производить материальные блага или услуги. К трудовым ресурсам относятся люди как занятые в экономике, так и не занятые, но способные трудиться.

Необходимые для осуществления полезной деятельности психофизиологические и интеллектуальные качества человека зависят от возраста, который выступает своего рода критерием, позволяющим выделить из всего населения собственно трудовые ресурсы. Согласно сложившейся статистической практике, трудовые ресурсы состоят из трудоспособного населения в трудоспособном возрасте и занятых в экономике граждан моложе и старше трудоспособного возраста.

Рассмотрим сферу труда и занятости в Баргузинском районе Республики Бурятия. В данном аспекте отдельные сельские территории практически не изучены. Основные характеристики трудовых ресурсов района представлены в таблице 1.

Ситуация складывается не совсем благоприятная. Главной негативной тенденцией является снижение занятости населения, что характерно для республики в целом. Однако в Баргузинском районе темп снижения более интенсивен. Так, среднегодовая численность работников в районе сократилась на 40,0 % по сравнению с 2000 г. Эта ситуация осложняется сокращением трудоспособного населения. Наблюдаются высокие темпы старения населения района. Процесс выбытия населения из трудоспособной категории не восполняется должным образом за счет лиц моложе трудоспособного возраста. Также ситуация осложняется высоким уровнем

Таблица 1

Динамика трудовых ресурсов Баргузинского района (БР) Республики Бурятия (РБ), 2000–2013 гг., тыс. человек*

Показатель	2000 г.		2013 г.		Темп прироста, тыс. чел.		Темп прироста, %	
	РБ	БР	РБ	БР	РБ	БР	РБ	БР
Все население	963,5	25,5	971,8	23	8,3	-2,5	0,9	-9,8
Население моложе трудоспособного возраста	197,5	5,7	216,3	5,7	18,8	0	9,5	0
Население в трудоспособном возрасте	612,8	15,2	583,3	12,5	-29,5	-2,7	-4,8	-17,8
Население старше трудоспособного возраста	153,2	4,5	172,2	4,8	19	0,3	12,4	6,7
Доля трудоспособного населения, %	63,6	59,7	60	54,3	–	–	-3,6	-5,4
Среднегодовая численность работников	301,5	5,9	238,0	3,6	-63,5	-2,3	-21,1	-40,0

Примечание. * Авторский расчет на статистических данных. Районы Республики Бурятия. Социально-экономические показатели: стат. сб. № 01-01-16 // Бурятстат. – Улан-Удэ, 2013. – 102 с.

миграции населения за пределы района (16-е место в рейтинге районов республики). С 2000 г. миграционная убыль составила 104 человека на 1000 человек населения, что в итоге привело к сокращению населения на 2650 человек. В связи с этим нагрузка на трудоспособное население в данном районе одна из наиболее высоких по республике. Индекс равен 0,84, в то время как в среднем по республике он составляет 0,67. По данному показателю район занимает 20-е место. Более неблагоприятная обстановка наблюдается только в Кижингинском районе республики.

Качество трудового потенциала территории во многом зависит от уровня образования ее населения. Уровень образования в Баргузинском районе ниже, чем по республике в целом. Свыше половины населения Баргузинского района (56,6 %) не имеют профессионального образования, в то время как по республике в среднем этот показатель равен 42,2 % (табл. 2).

Среди имеющих профессиональное образование преобладают лица со средним специальным образованием (57,2 %). Всего у четвертой части высшее и неоконченное высшее образование. Аналогичная тенденция наблюдается в среднем по республике при более высокой доле лиц, имеющих высшее образование. В то же время необходимо отметить рост уровня образования по сравнению с 1989 г. Произошло снижение доли лиц, не имеющих никакого образования, имеющих только общее и начальное профессиональное образование в пользу увеличения доли, обладающих среднеспециальным и высшим образованием как в районе, так и в республике в целом.

Для анализа уровня образования с точки зрения занятости населения и гендерного аспекта нами использованы данные анкетного опроса трудоспособного населения Баргузинского района, проведенного в марте 2014 г. на основе многоступенчатой квотной выборки. В качестве квотных признаков были использо-

Таблица 2

Распределение населения Республики Бурятия и Баргузинского района по уровню образования по итогам переписей 1989, 2002, 2010 гг.

Уровень образования	Республика Бурятия			Баргузинский район		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Нет образования	6,4	1,2	0,7	9,7	2,2	2,2
Начальное	20,5	16,7	10,3	25,9	21,5	14,1
Неполное среднее (9 классов)	15,9	14,2	12,6	18,1	17,3	17,1
Среднее общее (11 классов)	18,1	17,0	18,6	17,7	17,7	23,2
Начальное профессиональное	10,4	10,8	4,4	9,6	12,8	6,4
Среднее специальное	16,7	23,3	27,8	13,5	20,5	24,8
Неоконченное высшее	1,6	2,9	4,4	0,6	1,5	1,8
Высшее	10,5	13,5	19,4	5,0	6,3	10,2
Послевузовское	н/д	0,2	0,8	н/д	0,1	0,1
Не указали уровень образования	0,0	0,1	0,9	0,0	0,0	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ваны пол, возраст, национальность населения района. Выборочная совокупность составила 350 человек. Опрос проводился в 18 населенных пунктах района.

По данным опроса, уровень образования у занятого населения заметно выше, чем у безработных. Однако необходимо отметить, что половина занятых выполняет работу, не соответствующую полу-

ченному образованию. Вероятно, этим обусловлена примерно аналогичная степень удовлетворенности своим образованием занятых и безработных (табл. 3).

Половина безработных не имеет профессионального образования, из них треть даже не окончила среднюю школу. Только 7,4 % имеют высшее образование. Можно заключить, что образование

Таблица 3

Распределение респондентов по уровню образования и полу, % к числу опрошенных

Уровень образования	Занятое население	Безработные	Муж.	Женщ.
Начальное	1,1	0	61,1	38,9
Неполное среднее (9 классов)	4,8	16,7	48,8	51,2
Среднее общее (11 классов)	19,3	33,3	52,8	47,2
Начальное профессиональное	3,2	5,6	57,1	42,9
Среднее специальное	41,2	37,0	37,7	62,3
Неоконченное высшее	4,3	0	33,3	66,7
Бакалавриат	3,2	0	33,3	66,7
Высшее	23,0	7,4	51,8	48,2
Полностью удовлетворены своим образованием	42,2	44,4	46,9	53,1

играет решающую роль в социальной, в т. ч. трудовой, мобильности сельского населения.

В целом, согласно результатам опроса, к безработным отнесла себя треть населения района (33,1 %). Около половины из них находится без работы непродолжительное время, поэтому они еще не потеряли надежду и стремление к трудоустройству. 26,2 % не работают около года, 21,3 % – от 1 года до 5 лет. Именно эти люди планируют трудоустроиться в ближайшее время. Лица, которые не работают более 5 лет (34,4 %), окончательно утратили надежду на официальное трудоустройство, а в некоторых случаях привычку трудиться на постоянной основе, именно среди них наблюдается наибольшее количество представителей маргинальной и криминогенной страты сельского общества.

Официально трудоустроены, по данным опроса, 53,4 % населения. При этом в отраслевой структуре занятости преобладают работающие на предприятиях бюджетной сферы и торговли (табл. 4).

Таким образом, в качестве селообразующих предприятий выступают, как правило, учреждения бюджетной сферы и муниципального управления. При этом вакансии в этих сферах, как правило, уже заполнены. Возможности маятниковой миграции трудно использовать из-за неудовлетворительного состояния дорог, плохого транспортного сообщения и высокой стоимости проезда. Например, на вахтовой работе занято всего 1,2 %. В связи с этим проблемы безработицы не теряют своей актуальности, а в некоторых селах усиливаются.

Профессионально-квалификационная структура занятого населения в основном представлена не требующими высокой квалификации и высокого уровня образования профессиями. В гендерном отношении большинство рабочих мест предназначено для женщин, только треть имеющихся на сельском рынке труда профессий предназначена для муж-

чин. Кроме того, уровень образования и удовлетворенность своим образованием у женщин выше, чем у мужчин (см. табл. 3). В результате невостребованное свободное время заполняется различными социальными девиациями, в т. ч. алкоголизмом.

Ограниченные возможности сельского рынка труда побуждают население прибегать к альтернативным способам улучшения своего материального положения. Наиболее распространенным способом является кредит или займ денежных средств. На втором месте различные сезонные подработки, а затем продажа продукции животноводства. Также довольно значимым был ответ – ничего не предпринимаю. Это связано с высокой долей людей пенсионного возраста в структуре населения района (табл. 5).

Таблица 4
Отраслевая структура занятости населения Баргузинского района, % к числу опрошенных

Сфера экономической деятельности	Доля, %
Образование	24,5
Торговля	16,6
Государственное и муниципальное управление	15,2
Здравоохранение	11,3
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8,9
Бытовое обслуживание	6,0
Культура	6,0
Транспорт и связь	6,0
Строительство	4,6
Энергетика	4,6
Гостиницы и общественное питание	2,0
Обрабатывающие производства	2,0
Финансовая деятельность	1,3
Рыболовство	1,1
Добыча	0,3

Таблица 5

Способы улучшения материального положения, % к числу опрошенных

Способ	Доля, %	Ранг
Кредиты	20,5	I
Подработка на сезонной или разовой работе, калым	15,5	II
Продажа собственной продукции животноводства	12,3	III
Ничего	12,3	III
Помощь от родных и друзей	10,6	IV
Работа на второй работе или нескольких местах	8,3	V
Не нуждаюсь	4,6	VI
Ловля и продажа рыбы	4,4	VII
Продажа собственной продукции растениеводства	2,8	VIII
Сбор и продажа дикоросов	2,8	VIII
Переквалификация, освоение новой профессии	2,1	IX
Получение дополнительного образования	2,1	IX
Работа вахтовым методом за пределами Бурятии	0,7	X
Работа вахтовым методом в Бурятии	0,5	XI

Из указанных методов наиболее устойчивым способом является ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ), что является альтернативной занятостью в условиях тотальной безработицы на селе. В целом практически 80,0 % населения района имеют свое ЛПХ (табл. 6). Традиционно животноводство распространено среди бурятского населения, поэтому наибольшая доля, имеющих ЛПХ, наблюдается в Баянголском муниципальном образовании (МО). Данное поселение помимо этнического фактора характеризуется наличием природных преимуществ для разведения скота. Также высок процент имеющих свое хозяйство и в пгт. Усть-Баргузин, поскольку под ЛПХ понимается не только животноводство, но и выращивание овощей и садовых культур.

При этом в структуре питания семей района продукция ЛПХ занимает примерно половину. Наиболее обеспеченными в этом плане являются Улюнское и Читканское поселения, наименее – Баргузинское, Усть-Баргузинское, Юбилейное МО. Поскольку последние имеют

Таблица 6

Доля населения, владеющая ЛПХ в разрезе поселений, % к числу опрошенных

Поселение	Наличие ЛПХ	
	да	нет
Адамовское	89,5	10,5
Баргузинское	44,0	56,0
Баянголское	93,9	6,1
Сувинское	81,8	18,2
Улюнское	84,4	15,6
Уринское	71,9	28,1
Усть-Баргузинское	89,6	10,4
Хилганайское	87,5	12,5
Читканское	63,6	36,4
Юбилейное	86,4	13,6
Район в целом	78,6	21,4

промышленную направленность, а существующие ЛПХ носят преимущественно растениеводческий характер и не удовлетворяют потребностей населения в продукции животноводства (табл. 7).

Рассмотрим обеспеченность населения по конкретным видам продукции

Таблица 7

Доля в структуре питания семьи продуктов ЛПХ в разрезе поселений,
% к числу имеющих ЛПХ

Поселение	Доля			
	основная	половина	треть	незначительная
Адамовское	29,4	41,2	29,4	0,0
Баргузинское	27,3	18,2	27,3	27,3
Баянгольское	32,3	51,6	9,7	6,5
Сувинское	29,6	48,1	14,8	7,4
Улюнское	44,4	37,0	7,4	11,1
Уринское	30,4	60,9	4,3	4,3
Усть-Баргузинское	25,0	40,0	30,0	5,0
Хилганайское	25,7	54,3	8,6	8,6
Читканское	42,9	50,0	7,1	0,0
Юбилейное	10,5	31,6	52,6	5,3
Всего	29,1	43,6	19,3	7,6

ЛПХ в разрезе поселений. Как видно из таблицы 8, Улюнское, Баянгольское, Уринское поселения выделяются на фоне других как наиболее обеспеченные по разным видам продуктов.

Однако, товарность личных хозяйств крайне низка. При этом в некоторых поселениях имеются все предпосылки для организации товарного производства. Наиболее выигрышно выглядит Баянгольское поселение. Здесь производятся излишки молочной и мясной продукции, картофеля. Также избыточная обеспеченность продуктами ЛПХ, которые можно было бы реализовывать, наблюдается в Хилганайском (мясная продукция), Читканском и Сувинском (картофель), Уринском (овощи) (табл. 9).

В результате товарное производство до сих пор не отлажено. Население обеспечивает только себя и родственников. Так, практически половина, имеющих ЛПХ, безвозмездно отдает свою продукцию родственникам (48,3 %). Частично охватывается ближайшее окружение – 18,3 % продает продукцию ЛПХ потребителям в своем селе (соседям, знакомым). 14,9 % сдает посредникам в родном селе или на рынке в Улан-Удэ, перерабаты-

вающим предприятиям. Непосредственно сами участвуют в продаже 17,0 %, из них на районный рынок выбирается 76,5 %, остальные на улан-удэнский рынок. Также 1,3 % работает по заранее оговоренному заказу.

При этом только пятая часть (22,1 %) из имеющих ЛПХ планирует расширить его, в то время как 40,4 % не намерены увеличивать свое подворье. Некоторые даже планируют его сокращение в результате запрета дворового убоя скота. Расширение ЛПХ планируется в основном за счет увеличения поголовья скота (35,2 %). Также можно отметить намерение расширить посевной участок (17,0 %). Официально закрепить свой статус как фермеров желают только 12,6 % из планирующих расширение своего хозяйства. Это позволит им участвовать в программах поддержки фермеров. Кроме того, 37,2 % хотели бы расширить личное подворье, но пока не могут.

Главной проблемой развития личного подворья является отсутствие рынка сбыта с адекватными ценами (32,5 %) и недостаток финансовых ресурсов (29,8 %).

Таким образом, для сохранения и развития российского села необходи-

Таблица 8

Полная обеспеченность продуктами ЛПХ, % к числу имеющих ЛПХ

Поселение	Продукт ЛПХ							
	картофель	овощи	молоко	молочные продукты	мясо и мясные продукты	яйца	мед	ягоды
Адамовское	88,2	88,2	41,2	41,2	41,2	17,6	0,0	41,2
Баргузинское	63,6	59,1	42,9	28,6	42,9	9,5	0,0	22,7
Баянгольское	51,6	61,3	51,6	51,6	54,8	22,6	0,0	12,9
Сувинское	51,9	63,0	51,9	55,6	48,1	11,1	0,0	29,6
Улюнское	88,9	70,4	74,1	70,4	55,6	33,3	3,7	14,8
Уринское	5,2	65,2	56,5	52,2	47,8	4,3	0,0	30,4
Усть-Баргузинское	61,7	70,0	8,3	6,7	10,0	20,0	0,0	23,3
Хилганайское	17,1	28,6	74,3	65,7	40,0	37,1	2,9	2,9
Читканское	38,5	78,6	57,1	57,1	64,3	14,3	7,1	21,4
Юбилейное	89,5	78,9	15,8	15,8	15,8	0,0	0,0	26,3

Таблица 9

Производство продуктов ЛПХ с излишком, % к числу имеющих ЛПХ

Поселение	Продукт ЛПХ							
	картофель	овощи	молоко	молочные продукты	мясо и мясные продукты	яйца	мед	ягоды
Адамовское	5,9	5,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Баргузинское	9,1	4,5	4,8	4,8	4,8	9,5	0,0	0,0
Баянгольское	38,7	25,8	32,3	29,0	35,5	9,7	3,2	9,7
Сувинское	48,1	29,6	18,5	14,8	33,3	0,0	0,0	0,0
Улюнское	0,0	3,7	7,4	11,1	25,9	0,0	0,0	0,0
Уринское	34,8	30,4	26,1	26,1	34,8	4,3	0,0	8,7
Усть-Баргузинское	5,0	0,0	5,0	5,0	1,7	1,7	0,0	1,7
Хилганайское	5,7	2,9	20,0	22,9	51,4	11,4	0,0	0,0
Читканское	61,5	21,4	21,4	21,4	28,6	14,3	0,0	7,1
Юбилейное	10,5	5,3	0,0	0,0	10,5	10,5	0,0	0,0

ма принципиально иная государственная аграрная политика, обусловленная экономической, социальной и духовно-нравственной модернизацией общества. Предоставление сельским жителям воз-

можности трудоустройства, возможности работать за достойную заработную плату – важная задача в контексте преодоления негативных процессов, наблюдающихся среди сельского населения.

УДК 373.5 (571.54)

Д. Б. Дугаржапова

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
(на примере Баргузинского района)**

Представлен анализ официальных сайтов районных отделов управления образованием и общеобразовательных учреждений в сети Интернет на примере Баргузинского района Республики Бурятия как средств информационного обеспечения субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: общее образование, информационное обеспечение, общеобразовательные учреждения, управление образованием.

D. B. Dugarzhapova

**THE INFORMATION SUPPORT
OF THE EDUCATIONAL PROCESS SUBJECTS
(A Case Study of the Barguzin District)**

The article features an analysis of the official websites of district departments of education and educational institutions using the Barguzin district of the Republic of Buryatia as a case study. The websites are viewed as the information support means of the educational process subjects.

Key words: general education, information support, general education institution, education administration.

Состояние образования в современном мире сложно и противоречиво. С одной стороны, образование стало одной из самых важных сфер человеческой деятельности; огромные достижения в этой области легли в основу грандиозных современных социальных и научно-технологических преобразований. С другой стороны, расширение сферы образования и изменение ее статуса сопровождаются обострениями проблем в этой сфере, которые свидетельствуют о кризисе образования. И, наконец, в последние десятилетия в процессе поисков путей преодоления кризиса образования происходят радикальные изменения в этой сфере и формирование новых образовательных систем [1].

Введение новых представлений о содержании образования требует изме-

нения организации образования и характера взаимоотношений между всеми участниками отношений в сфере образования (ученик, школа, семья, общество, государство, работодатели), являющихся основными потребителями образовательных услуг. Каждая из выделенных групп потребителей предъявляет запрос на информацию об образовании в соответствии со своей специфической сферой интересов, которая определяется характером решений, принимаемых в отношении системы образования. Так, решения руководителей образования разного уровня концентрируются в сфере управления ресурсами и контроля результатов образования с позиций качества, доступности, эффективности. Педагоги нуждаются в информации о качестве образовательных результатов

для определения направлений совершенствования содержания и технологий обучения. Родители принимают решения по поводу выбора учреждений образования на основе информации о результатах деятельности образовательных учреждений, ресурсном обеспечении и условиях обучения. Представителей властных структур, принимающих стратегические социально-экономические решения на региональном и муниципальном уровнях, интересует информация, характеризующая тенденции развития системы образования соответствующего уровня, ее эффективность, результативность [4].

Следовательно, особое значение приобретает возможность информационного обеспечения всех участников отношений в сфере образования. В целях обеспечения информационной открытости и доступности Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Правил размещения в сети Интернет и обновления информации об образовательном учреждении» от 25 апреля 2012 г. установлен порядок размещения в сети Интернет и обновления информации об образовательном учреждении в сроки, установленные законом Российской Федерации «Об образовании» [3]. Кроме того, в условиях существенного развития и распространения систем и средств информатики принципиальных ограничений по доступу к первичным данным о состоянии объектов и субъектов управления фактически не должно возникать.

В связи с этим для определения информационной обеспеченности субъектов образовательного процесса в сельских муниципальных районах Республики Бурятия автором проведен анализ информационных данных о состоянии и развитии общего образования на примере Баргузинского района, размещенных на официальных сайтах районного управления образованием и образовательных учреждений в сети Интернет.

Обзор официального сайта районного управления образованием Баргу-

зинского района в сравнении с официальными сайтами районных управлений образованием (РУО) Баунтовского, Еравнинского, Курумканского, Муйского, Окинского, Северо-Байкальского районов Республики Бурятия показал наличие 12 информационных блоков (табл. 1). Выбор выделенных муниципальных образований обусловлен их отношением к районам с дисперсным расселением населения.

Анализ сайтов выделенных районов показал наличие различных информационных блоков, из которых наиболее общими являются:

- главная страница;
- документы;
- фотоальбом (фотогалерея);
- новости.

В представленных информационных блоках, на наш взгляд, достаточно сложно ориентироваться простому пользователю в поиске необходимой информации. Отсутствует унифицированный подход к содержанию сайтов, организации доступа и работы, в связи с чем пользователи лишены возможности получать оперативную и достоверную информацию. Кроме того, сложно оценить деятельность РУО в динамике, поскольку статистические данные о деятельности РУО отсутствуют.

Также можно отметить отсутствие статистической информации о выполнении основных индикаторов развития общего образования в МО Республики Бурятия. На сайтах РУО нет четкой взаимосвязи между районными программами социально-экономического развития и отчетами районных управлений образования о реализации индикаторов общего образования. Нет общего порядка подачи информации о сфере образования в ПСЭР МО. В частности, в действующей программе социально-экономического развития МО «Баргузинский район» реализацию инвестиционных проектов в сфере образования можно было бы систематизировать соответствующим образом: дошкольное образование, школь-

Таблица 1

Наличие элементов на сайтах районных управлений образованием РБ

Район	Главная	Документы	Фотогалерея (фотоальбом)	Новости	Объявления	Нормативно-правовые акты	Структура отдела	Каталог файлов	Форум	Гостевая книга	Каталог сайтов	Общая информация	Сотрудники	Мероприятия	Отзывы	Методические материалы	Достижения и награды	Других элементов	Итого
Баргузинский	+		+	+	+			+	+	+	+							4	12
Баунтовский			+	+		+	+	+	+	+	+							7	15
Еравнинский	+	+	+	+								+	+	+	+	+	+		10
Курумканский	+	+	+	+								+	+	+	+	+	+		10
Муйский	+	+	+															15	18
Окинский	+	+		+	+	+												6	11
Северо-Байкальский		+					+											4	6
Всего	5	5	5	5	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	36	

ное образование. Не нашли в ней отражения и конкретные источники финансирования.

С целью конкретизации и определения полноты отражения информационных данных на сайтах общеобразовательных учреждений сельской местности были выбраны 9 средних общеобразовательных школ Баргузинского района. Анализ сайтов общеобразовательных учреждений и содержания их разделов позволяет отметить нечеткую структурированность содержимого, длительное время загрузки страниц, перегруженность ничем не обоснованной анимацией.

В ходе анализа содержимого сайта автором была проведена попытка более четкой структуризации представленных данных в соответствии с выявленными разделами (табл. 2).

Проведенная структуризация позволяет выделить наиболее важные информационные разделы сайта общеобразовательных учреждений, способствуя более

быстрому поиску требуемой информации для пользователей.

Отметим, что зачастую на школьных сайтах ряд разделов относится к разряду «мертвых», т. е. информация в них не обновляется практически с момента создания или является малоинформативной. Так, например, кадровый состав в большинстве школ не содержит динамики изменения численности учителей по годам, не представлена информация о повышении их квалификации, фактически отсутствуют данные о социальном составе обучающихся и т. д. Следовательно, проблема поддержки сайта, обновления размещенной в нем полноценной информации является одной из самых актуальных.

Также, на наш взгляд, на сайтах школ должна быть размещена и статистическая информация, в т. ч.:

– данные, характеризующие состояние и динамику развития экономической, социальной, материально-технической и

Таблица 2

Наличие элементов на сайтах средних общеобразовательных школ
МО «Баргузинский район» РБ

СОШ	Главная страница	Сведения о школе	Администрация школы	Наш коллектив (наши учителя)	Программы школы	Документы	Учебная часть	Органы Управления школы	Научно-методическая работа	Воспитательная работа	Ученикам	Информация для родителей	Новости и события	Фотоальбомы	Гостевая книга (сайты наших партнеров)	Архив записей (архивные данные)	Полезные ссылки	Итого
Усть-Баргузинская	1	1	1	1	1	1	1	1	1		1	1	1	1	1	1	1	16
Баргузинская	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	17
Баянгольская	1	1	1	1		1	1			1			1	1				9
Улюнская	1	1	1	1		1	1	1	1	1		1	1	1			1	12
Хилганайская	1	1	1	1	1	1	1		1				1	1	1			11
Сувинская	1	1	1	1		1			1					1	1			8
Уринская	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1		1	1	1			14
Юбилейная	1	1	1	1	1	1	1		1	1			1			1		11
Читканская	1	1	1			1	1	1	1	1	1		1	1		1	1	13
Итого	9	9	9	8	5	9	8	5	8	6	4	3	8	8	5	4	4	

инных сфер развития общеобразовательного учреждения;

– сведения об использовании бюджетных средств.

Данные также должны содержать изменения, происходящие в течение последних 5 лет. С этой точки зрения, одними из основных документов, предоставляющих данные сведения, являются доклады (отчеты) директоров школ по итогам деятельности общеобразовательных учреждений.

Однако анализ докладов руководителей об оценке эффективности деятельности школ, представленных на сайтах общеобразовательных учреждений, показал, что в большинстве случаев данные

материалы либо не информируют полностью пользователей по выделенным обязательным направлениям, либо не отвечают всем требованиям доступности, либо устарели (табл. 3).

В целом анализ сайтов общеобразовательных учреждений и РУО позволил выделить следующие проблемы:

- отсутствует единый подход к формированию сайтов;
- не представлена информация по отдельным направлениям РУО;
- существуют сложности при поиске информации;
- отсутствие статистической информации по годам;

Таблица 3

Наличие публичных докладов (отчетов) на сайтах средних общеобразовательных учреждений МО «Баргузинский район» РБ

СОШ	Наличие доклада	Дата отчета
Усть-Баргузинская	+	2012–2013 уч. г.
Баргузинская	+	2012 г.
Баянгольская	+	2012–2013 уч. г.
Улюнская	-	–
Хилганайская	+	2009 г.
Сувинская	-	–
Уринская	+	2012–2013 уч. г.
Юбилейная	-	–
Читканская	+	2009–2010 уч. г.

– не поддерживается оперативное информационное обновление сайтов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод об отсутствии многих ключевых параметров, с помощью которых можно судить о состоянии и развитии общего образования в муниципальных районах Республики Бурятия.

Во-первых, существуют проблемы реализации осуществления коммуникационной функции мониторинга – открытости результатов мониторинга, т. е. доведение ее до основных пользователей. Решение данной проблемы будет способствовать открытости деятельности районных управлений образованием, общеобразовательных учреждений, повышению участия других пользователей в развитии общеобразовательных учреждений и в целом принятию грамотных и эффективных управленческих решений в сфере образования.

Во-вторых, не контролируется качество организации и предоставления информации.

В-третьих, для выявления тенденций, противоречий развития, определения механизмов обновления образования, определения факторов влияния и воздействия на данное развитие, отбора наиболее успешного опыта с целью его освоения и трансформации в практику

необходимо наличие статистических данных.

Кроме того, поскольку статистические данные (конкретные значения конкретных показателей) используются в анализе экономического и социального развития и в качестве исходной информационной базы расчетов, между социально-экономической статистикой и макроэкономикой существует тесная взаимосвязь, а между показателями микроэкономики и статистическими показателями, отображающими ход их движения, – единство. Это единство зиждется на единой основе разработки методологии (чем обеспечивается одинаковость их содержания), на единстве систем измерения. Нарушение этих условий порождает несопоставимость статистических показателей. Разрозненный набор показателей вне их взаимосвязи не может обеспечить сколько-нибудь обстоятельного изучения социально-экономических процессов. Как различные свойства, стороны предмета познания взаимосвязаны, так и отображающие их статистические показатели должны быть взаимосвязаны и представлять собой целостную и логичную систему [2].

Таким образом, решение выделенных проблем позволит сократить разрыв между запросом пользователей инфор-

мации и набором данных, собираемых в рамках системы статистики образования; обеспечит возможность получения своевременной необходимой информации

всеми субъектами процесса образования, способствуя информационной открытости и доступности на практике.

Литература

1. Исаева О. Н. Мировое образование как система: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Рязань, 2009. – 137 с. Режим доступа: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/mirovooe-obrazovanie-kak-sistema.html>.

2. Курс социально-экономической статистики / под ред. М. Г. Назарова. – М.: Финстатинформ, ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 771 с.

3. Об утверждении Правил размещения в сети Интернет и обновления информации об образовательном учреждении: Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2012 г. № 343 г. // Российская Газета. – 2012. – № 5764. – 25 апреля.

4. Саитбаева Э. Р. и др. Мониторинговые исследования по актуальным вопросам состояния и развития системы образования Оренбургской области. Режим доступа: http://www.orenipk.ru/rmo_2007/RMO_ruk/7/5/stat1.doc.

УДК 330.567.2 (571.54)

Д. Б. Дугаржапова, Б. С. Васильев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ БАРГУЗИНСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА

Представлены результаты исследования состояния домашних хозяйств Баргузинского района Республики Бурятия.

Ключевые слова: домашние хозяйства, доходы домашних хозяйств, потребление домашних хозяйств, личные подсобные хозяйства.

D. B. DUGARZHAPOVA, B. S. VASIL'EV

SOME ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF HOUSEHOLDS IN THE BARGUZIN MUNICIPAL DISTRICT

The article presents the results of the study of households in Barguzin district of the Republic of Buryatia.

Key words: households, household income, household consumption, private farms.

ДУГАРЖАПОВА Долгорма Баторовна – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: orei.bnc@mail.ru.

ВАСИЛЬЕВ Баир Станиславович – программист отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: orei.bnc@mail.ru.

При сложившихся темпах и качестве экономического роста и уровне благосостояния населения Республики Бурятия становится крайне важным выявить и использовать дополнительные факторы роста. Именно поэтому домашнее хозяйство как субъект экономической деятельности все чаще обращает на себя внимание, поскольку через его мотивационную экономическую деятельность, как через призму, преломляется вся система экономических отношений общества [1]. Однако роль и значение домашних хозяйств в экономике регионов и жизни населения изучены и осознаны еще нечетко и требуют дополнительного углубленного исследования. Особенно это относится к сельским домохозяйствам (СДХ), которые располо-

жены на территориях муниципальных районов (МР). Так как значительная доля сельскохозяйственной продукции производится в личных подворьях в сельской местности, особенности их функционирования в муниципальных районах приобретают особый интерес. С этой целью был проведен социологический опрос в домашних хозяйствах 11 сел Баргузинского района. По результатам анкетирования выявлено, что основными видами экономической деятельности работающих членов домашних хозяйств в районе являются государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение, образование, здравоохранение, предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг (рис. 1).

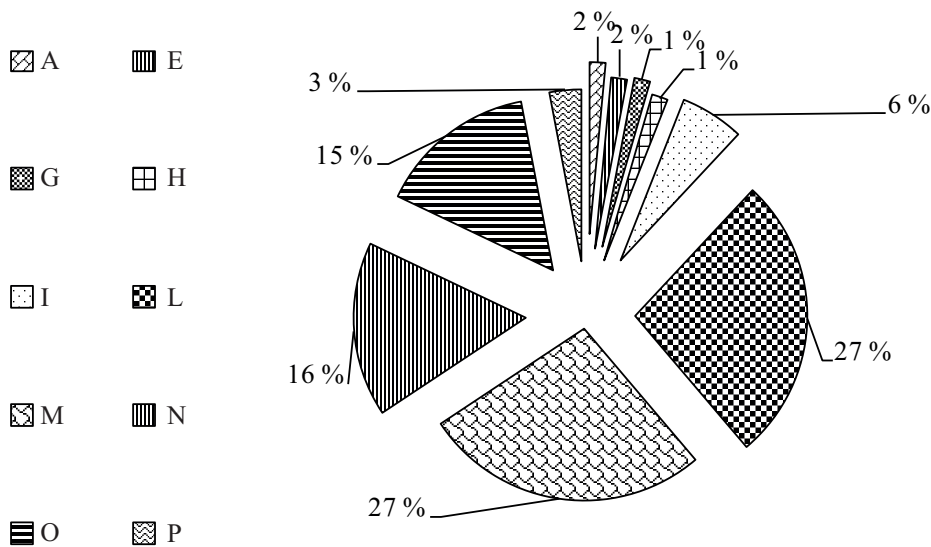

Рис. 1. Сфера основной трудовой деятельности членов домашних хозяйств Баргузинского района

A – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; E – производство и распределение электроэнергии, газа и воды; G – оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; H – гостиницы и рестораны; I – транспорт и связь; L – государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение; M – образование; N – здравоохранение и предоставление социальных услуг; O – предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; P – предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства

В условиях рыночной экономики основным фактором, определяющим уровень жизни населения, выступают денежные доходы населения. Опрос членов домашних хозяйств показал, что основными источниками их дохода являются заработная плата (31,6 %) и пенсия (36,4 %). Среднедушевой доход работающего населения низкий и составляет в среднем 10668 руб., а средний уровень пенсии – 11164 руб. Основным дополнительным доходом в домашних хозяйствах (из числа анкетированных) является выручка от реализации продукции, полученной в порядке натуральной оплаты труда, которая составляет 13,6 % всего дохода в среднем на душу населения.

Удовлетворенность населения уровнем дохода такова: из 350 опрошенных лиц 49 % «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены» доходами семьи, а 51 % «скорее не удовлетворены» и «не удовлетворены» доходами своей семьи (рис. 2).

Наибольший коэффициент удовлетворенности доходами своей семьи у жителей пос. Усть-Баргузин – 0,09, Баянгольского поселения – 0,06, Сувинского – 0,05 и Хилганайского – 0,06. Низкий уровень доходов населения территории приводит к снижению ее привлекательности для проживания и является од-

ной из основных причин миграционной убыли.

При нынешнем уровне цен и современных потребностях 10 % респондентов считают доход своей семьи недостаточным для удовлетворения насущных потребностей, у 9,4 % – хватает только на продукты питания, у 22,3 % – на продукты питания и одежду, а 52,9 % респондентов считают, что имеющегося дохода семьи достаточно в целом, но на покупку вещей длительного пользования приходится откладывать деньги или брать кредит.

С целью улучшения своего материального положения население Баргузинского района занимается продажей дикоросов, ловлей и продажей рыбы, прибегает к помощи родственников, берет кредиты и т. д. По результатам опроса можно сделать вывод, что основной доход домохозяйств традиционно приходится на помощь родственников и получение кредита. Значительное большинство россиян являются активными участниками родственно-дружеских взаимобмен (рис. 3).

Безусловно, невысокий уровень доходов понуждает домашние хозяйства брать долговые обязательства по кредитам. Ежемесячные платежи по кредитам имеют 70 % общего числа опрошенных

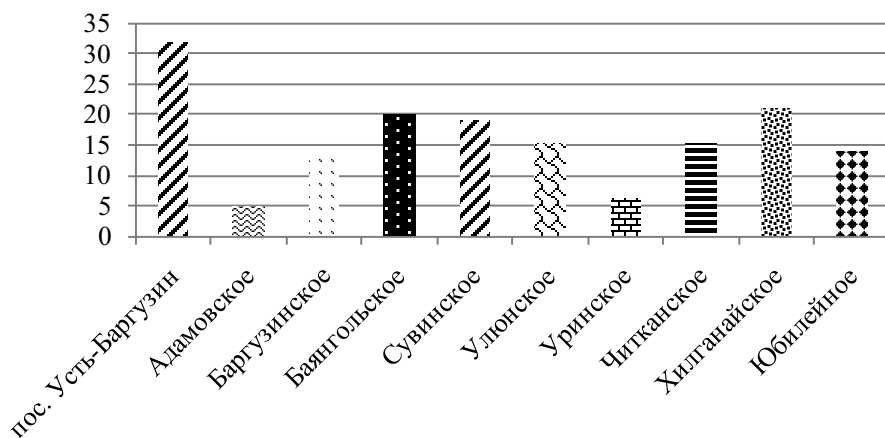

Рис. 2. Коэффициент удовлетворенности доходами своей семьи

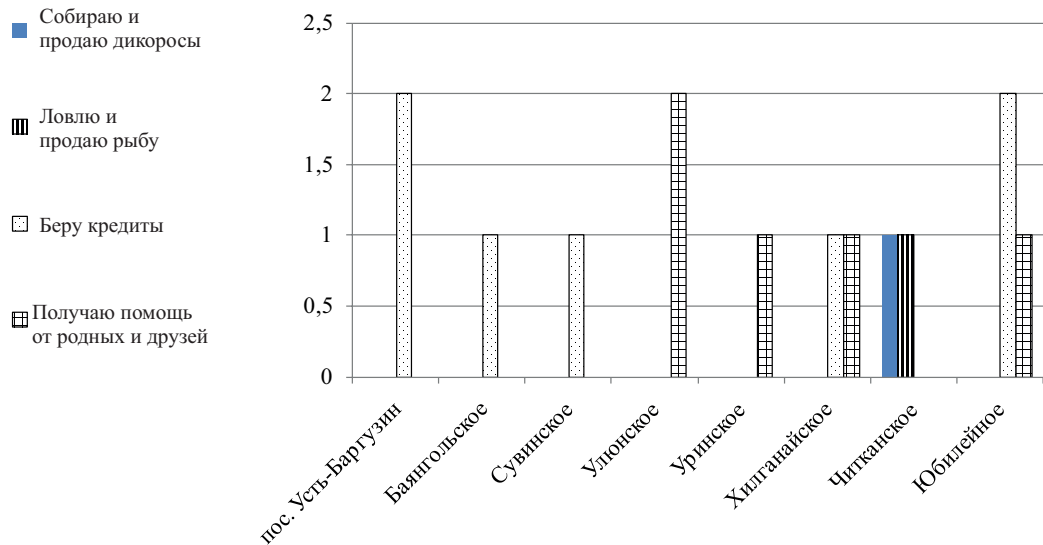

Рис. 3. Что Вы делаете для того, чтобы улучшить материальное положение?

домохозяйств, размер ежемесячного кредита в основном составляет 4000–5500 руб. (рис. 4).

Одним из способов социально-экономической адаптации, основанных на использовании потенциала семьи, является самообеспечение различными продуктами питания посредством личного подсобного хозяйства. Из числа опрошенных респондентов 78,6 % имеют личное подсобное хозяйство, из которых 19,1 % приходится на пос. Усть-Баргузин, 14,3 – на Баргузинское и 11,4 % – Хилганайское поселения (рис. 5).

Анализ результатов опроса показал, что основной целью использования домашними хозяйствами своих земельных участков является выращивание какой-либо продукции, предназначенной для личного потребления, а не для продажи (рис. 6). На вопрос «Какую долю в структуре питания вашей семьи составляют продукты ЛПХ?» 72,7 % респондентов ответили «основную» и «половину», 26,9 % – «треть» и «очень маленькую» и 0,3 % – «нет ответа».

Анализ таблицы показал, что относительно ответов населения поселений, где продукты ЛПХ составляют «очень

маленькую» и «треть» доли в структуре питания по сравнению с «основную» и «половину», можно выделить Баргузинское – 4,4 % и Юбилейное – 4,0 %.

Из числа лиц, имеющих личные подсобные хозяйства, полностью и с избытком обеспечивают свои потребности в картофеле 77,8 %, в овощах – 75,3, в молоке – 57,1, молоке и молочных продуктах – 54,6, мясе и мясных продуктах – 60 % (рис. 7). При этом наибольшая доля самообеспеченности населения представлена в поселениях Баянгольское, Сувинское и Улюнское.

Кроме того, в ходе анализа выявлено, что в поселениях Усть-Баргузин и Уринское преобладает обеспеченность картофелем и овощами (14,6 и 15,3 %, 8,4 и 8,0 % соответственно), а в Хилганайском поселении – продукция животноводства (молоко – 12 %, молоко и молочная продукция – 11,3, мясо и мясная продукция – 11,6 %). Следует отметить невысокую долю самообеспеченности населения такими продуктами, как яйца – 24,4 %, мед – 1,5, садовые ягоды и фрукты – 23,6 %.

На вопрос «Каким образом Вы используете излишки продукции своего

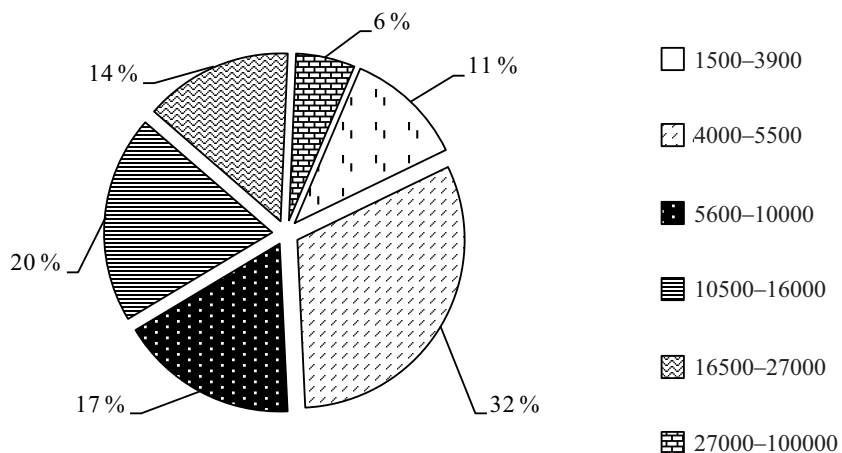

Рис. 4. Сумма ежемесячных платежей по кредиту домашних хозяйств

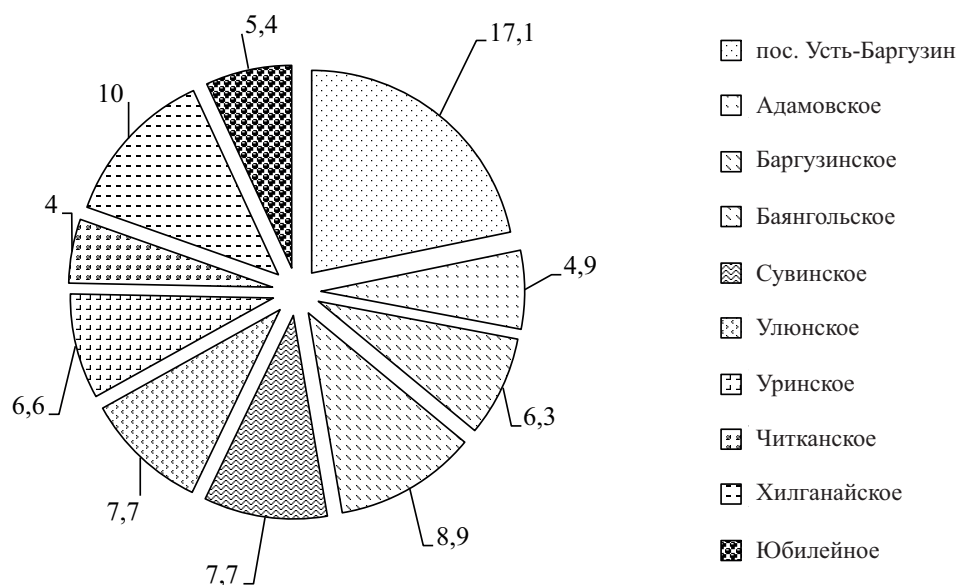

Рис. 5. У Вас есть ЛПХ?

ЛПХ?» 40 % респондентов ответили: «отдаем безвозмездно родственникам», 42,5 % ответили «нет излишков», 7,3 % – «продают потребителям в своем селе».

Таким образом, владельцы личных подсобных хозяйств не заинтересованы в увеличении производства продукции.

Отсутствие устойчивых каналов сбыта продукции приводит к натурализации сельского хозяйства, когда значительная часть сельхозпродуктов используется для собственных нужд, а не в целях продажи [2].

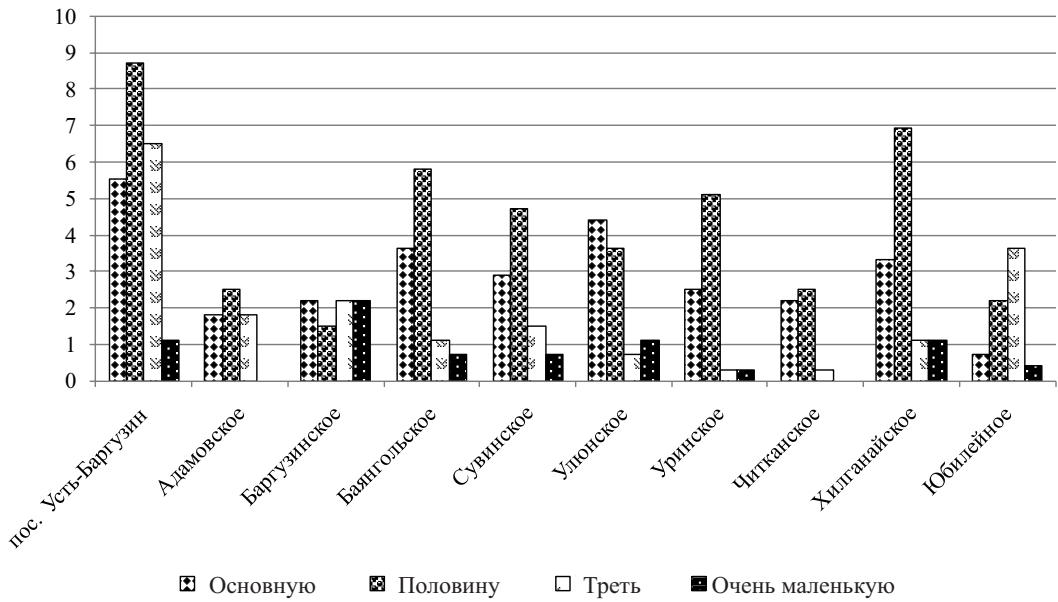

Рис. 6. Какую долю в структуре питания вашей семьи составляют продукты ЛПХ?

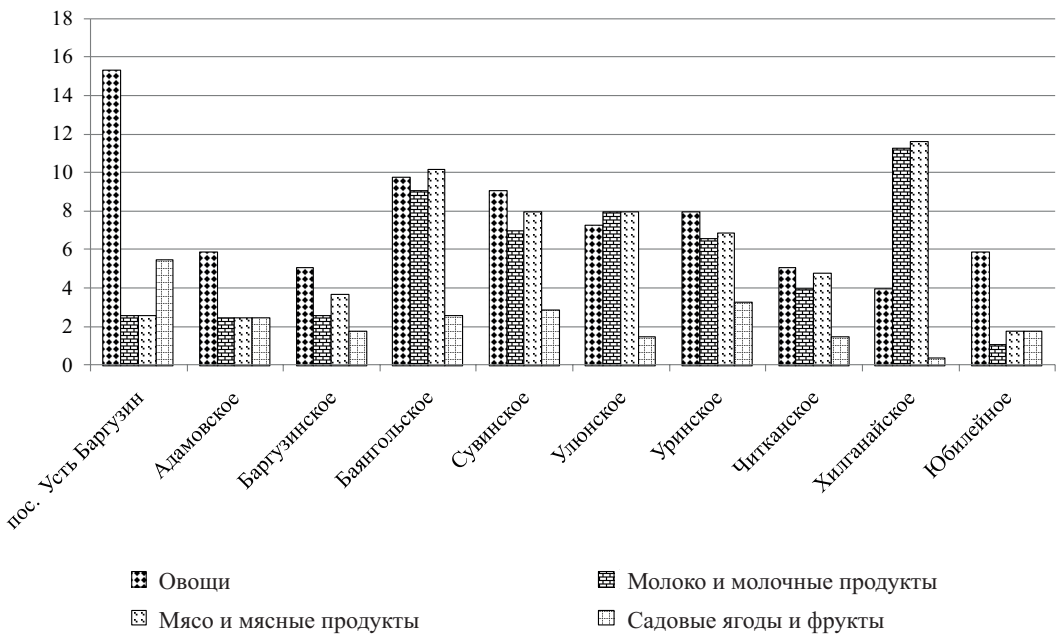

Рис. 7. В какой мере ЛПХ обеспечивает потребности вашей семьи в представленных продуктах?

В целом объем и структура реализуемой продукции показывают, что дополнительный доход домашнему хозяйству приносит в основном реализация картофеля – 39,7 % и говядины – 74 % (табл. 1).

Также следует отметить, что бедные семьи намного реже, чем более обеспеченные, пользовались практикой продажи продукции личного подсобного хозяйства в силу того, что не располагали необходимыми ресурсами (отсутствие земельного участка, транспортного средства и свободных финансовых средств, преклонный возраст, неважное здоровье и т. п.).

На вопрос «планируете ли Вы расширить свое ЛПХ?» 24,8 % ответили «да», 29,7 % ответили «хотел бы, но ...», 45,2 % – «нет» (табл. 2).

Ответы на вопрос о возможности расширить личное подсобное хозяйство распределились следующим образом: увеличить поголовье скота – 34 %, взять кредит в банке – 14,6, создать фермерское хозяйство – 13,2, расширить посевной участок – 12,5 % (табл. 3).

Основным показателем влияния доходов на уровень жизни является объем потребления населением основных видов продовольствия. В целом по Баргузинскому району основными видами

Таблица 1

Объем и структура реализуемой продукции, тыс. руб. в год

Поселение	Картофель	Говядина	Свинина, конина	Молоко и молочные продукты	Прочие	Итого
Баргузинское					16	16
Баянгольское	–	243		2,5		245,5
Сувинское	270,4	377,6	12,5	36,95	17,6	715,05
Уринское	40,22	29,7		3	0,4	73,32
Читканское	70	20	38,5			128,5
Хилганайское	–	27			0,3	27,3
Юбилейное	–	13,2		0,45		13,65
Итого	380,62	710,5	51	42,9	34,3	1219,32

Таблица 2

Планируете ли Вы расширить свое ЛПХ?

Варианты ответа	%
Да	24,8
Хотели бы, но не хватает земли	5,9
Хотели бы, но нет рынка сбыта	10,4
Хотели бы, но нет рабочей силы	1,5
Хотели бы, но не достает фин. ресурсов	7,8
Хотели бы, но здоровье не позволяет	4,1
Нет	45,2
Нет ответа	0,4
Всего	100

Таблица 3

Что Вы могли бы предпринять для расширения хозяйства?

Варианты ответа	%
Взять кредит в банке	14,6
Создать фермерское хозяйство	13,2
Переехать на жительство на заимку	4,9
Оформить ИП	3,5
Увеличить поголовье скота	34
Расширить посевной участок	12,5
Завести пасеку	1,4
Затрудняюсь ответить	9,7
Нет ответа	6,2
Всего	100

расходов домашних хозяйств являются потребление мяса и мясных продуктов, молочных продуктов, корма для животных, табак и дрова. Удельный вес этих расходов в общей структуре затрат представлен на рисунке 8.

Таким образом, проведенное исследование обозначило основные показате-

ли благосостояния домашних хозяйств региона и выявило, что:

– в структуре потребительских расходов доля расходов на питание составила практически одну треть (32,6 %);

– в расходах на питание наиболее затратными статьями были расходы на покупку мяса и мясoproductов;

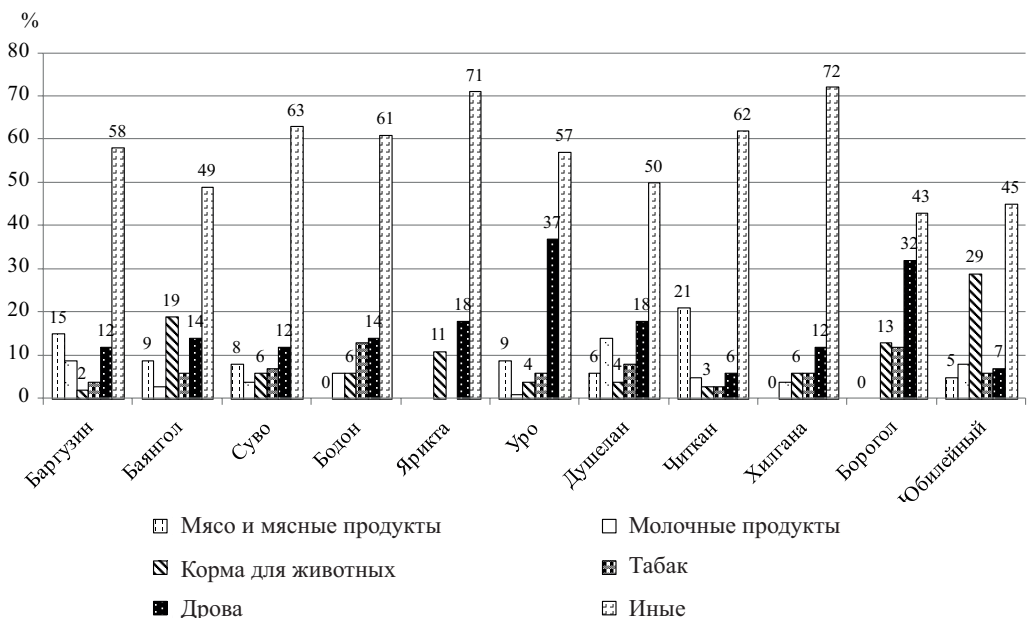

Рис. 8. Удельный вес среднемесячных расходов домашних хозяйств, руб. в месяц

– более половины домохозяйств (52,8 %) способны купить необходимые продукты питания и одежду, но не имеют возможности приобретать товары длительного пользования;

– никто из членов обследуемых домохозяйств не смог оценить свои финансовые возможности как достаточные для покупки всего, что считает нужным.

Полученные результаты опроса показывают субъективные оценки респон-

дентами своего материального положения и с учетом потенциальных возможностей преобладающих групп населения могут быть учтены при разработке комплекса регулирующих воздействий по повышению материального благосостояния и занятости населения в экономике района, включая самозанятость в личном подсобном хозяйстве.

Литература

1. Гирник В. Ю. Домашние хозяйства в современной экономической системе // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2011. – Вып. 12. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/domashnie-hozyaystva-v-sovremennoy-ekonomicheskoy-sisteme>.

2. Дондоков З. Б.-Д. Интеграция личных подсобных хозяйств Кяхтинского района Республики Бурятия: проблемы и перспективы // Никоновские чтения. – 2010. – № 15. – С. 307–308.

УДК 581.527.4 (571.54)

Б. Б. Намзалов, Т. Т. Тайсаев

ЭНДЕМИЗМ БИОТЫ БАЙКАЛЬСКОЙ ПРИРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ: ИСТОКИ, НОВЕЙШИЕ УЗЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Байкальский центр биоразнообразия является следствием не только сложных орографических дислокаций, вызвавших сопряженные изменения в геохимических процессах литогенной основы, но и климатических параметров. Последние обусловили явления адаптивного морфогенеза в биоте. Экосистема Байкальского региона – это сложная динамическая система с огромным числом случайных факторов и вероятностным характером многих природных процессов. Процессы самоорганизации в экосистеме обеспечивают согласованную (когерентную) связь основных компонентов системы: живых организмов, поверхностных и подземных вод, потоков углеводородов, илов, газогидратов, ледового покрова и горных пород.

Ландшафтно-геохимический анализ Байкальской рифтовой системы (БРС) свидетельствует о том, что пространственная дифференциация биоты и видообразование тесно связаны с разнообразием ландшафтов на геохимических сопряженных поясах рудных полей в областях горного оледенения и перигляциальной зоны, где естественный отбор и видообразование происходили на химической основе в разнообразных экологических нишах. Именно в горных долинах Саян и Прибайкалья выявлены очаги новейшего флорогенеза Байкальского фитогеографического узла. Из анализа четко вырисовывается принцип триады отношений, стимулирующих процессы видообразования на специфических местообитаниях в поясе БРС. Это центр рудогенеза – биогеохимические аномалии – адаптивный морфогенез организмов.

Ключевые слова: биоразнообразие, вид, экосистема, ландшафт, геохимические процессы, адаптация, видообразование, эндемизм.

B. B. Namzalov, T. T. Taisaev

ENDEMISM OF THE BAIKAL NATURAL TERRITORY BIOTA: SOURCES, NEWEST NODES AND PROSPECTS OF RESEARCH

The Baikal biodiversity center is a result of not only complex orographic dislocations causing conjugated changes in the geochemical processes of lithogenous foundation, but also climatic parameters. The latter conditioned the phenomena of adaptive morphogenesis in the biota. The ecosystem of the Baikal region is a complex dynamic system with a huge number of random factors and a probabilistic character of many natural processes. Self-organization processes in the ecosystem provide a coherent connection of the main system's components, such as live organisms, surface and ground waters, streams of hydrocarbons, silts, gas hydrates, ice cover and subsurface rocks.

The landscape-geochemical analysis of the Baikal rift system (BRS) testifies to the fact that the spatial differentiation of the biota and speciation are closely connected with the diversity of landscapes on the geochemically adjacent belts of ore fields in the areas of mountain glaciations and the periglacial zone where natural selection and speciation went on the chemical

НАМЗАЛОВ Бимба-Цырен Батомункоевич – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой ботаники Бурятского государственного университета. E-mail: namzaljv@rambler.ru.

ТАЙСАЕВ Трофим Табанович – доктор географических наук, профессор кафедры физической географии Бурятского государственного университета. E-mail: taisaev@bsu.ru.

basis in various ecological niches. It is here, in the mountain valleys of the Sayans and Cisbaikalia, that the focuses of the newest florogenesis of the Baikal phytogeographical node were exposed. The analysis clearly outlines the triad relationship principle that stimulated processes of speciation in specific habitats in the Baikal rift system belt. It goes as follows: center of ore genesis – biogeochemical anomalies – adaptive morphogenesis of organisms.

Key words: biodiversity, species, ecosystem, landscape, geochemical processes, adaptation, speciation, endemism.

Введение

Проблема возникновения и сохранения биоразнообразия природных экосистем и устойчивого использования биологических ресурсов весьма актуальна для Байкальского региона и в связи с тем, что Байкал включен в список природных территорий Всемирного наследия как уникальный участок Земли, подпадающий под международную опеку.

Живые организмы и природные комплексы региона характеризуются высокой степенью биологического многообразия, контрастностью своих проявлений и пока сохраняющейся местами природной первозданностью. Растительный мир региона сформировался в пределах Байкальской рифтовой системы (БРС) на стыке нескольких биогеографических провинций Северной и Центральной Азии и характеризуется разнообразием и контрастностью сочетания растительных сообществ разных типов – от горных тундр, альпийских лугов и мерзлотных ландшафтов тайги до сухих и опустыненных степей. Флора представлена таежными, болотными, неморальными, горными, высокогорными, арктоальпийскими, степными и пустынными видами; насчитывается около 2500 видов сосудистых растений, представляющих более 600 родов и 100 семейств.

Эндемизм флоры сравнительно высок и составляет примерно 10 % общего состава. «С точки зрения видового разнообразия, – пишет О. А. Тимошкин, – Байкал занимает первое место среди озер Земли; число видов и подвидов байкаль-

ских организмов практически в 2 раза превышает таковое у ближайшего «конкурента» – занимающей второе место Танганьики» [23, с. 26]. Природный феномен территории выражается в особом положении региона как климатического водораздела в трансконтинентальном переносе воздушных масс. Кроме того, Саяно-Байкальская горная страна составляет срединную позицию в громадном по протяженности трансзиатском горном поясе.

Результаты исследований

Горные системы являются центрами видообразования, богатства растениями, млекопитающими и птицами [3; 25]. По Л. И. Мальшеву, ландшафты высокогорий Южной Сибири и Монголии представляют мощный единый очаг альпийского видообразования растений. Флора высокогорных альпинотипных гольцов Восточного Саяна насчитывает около 600 видов высших растений. Среди широко распространенных криптофитов преобладают кальцефилы, где много эндемичных растений. Кальцефилы, сформировавшиеся в условиях холодного и сухого климата плейстоцена, играли большую роль в генезисе высокогорной флоры и фауны, процессов обмена между горными системами Азии в периоды межледниковий. Ранее [17] и позднее [4] в горах Сибири было выделено четыре главных центра видообразования. По нашему мнению, эти центры возникли на территориях металлогенических поясов и рудных провинций, нефтегазо- и угленосных бассейнов. Апогей эндемиков

приурочен к Горно-Алтайскому, Тувинскому, Ангарскому (Восточный Саян), Северо- и Южно-Бурятскому районам. Последние четыре расположены в пределах Байкальской рифтовой системы и прилегающих регионов [4; 10]. Эндемичные растения сохранились также в приледниковье Алтае-Саянской горной области [16].

Ландшафты Байкальского региона сформировались при рифтогенезе на геохимически специализированных, рудоносных, угленосных и нефтегазоносных породах [22]. В межгорных байкальских впадинах повышен тепловой и углеводородный потоки. Характерна разгрузка термальных и минерализованных вод, засоление разломных ландшафтов. В горных экотонных экосистемах резонансно проявившиеся геодинамические процессы (горообразование, вулканизм, ледниковая и речная эрозия, эоловые процессы, криогенез и т. д.) и климатические изменения усилили геохимическую дифференциацию ландшафтной оболочки в пределах рудных провинций и в рифтовых зонах. Энергетические, геохимические и геофизические поля ускорили мутагенез, активное развитие жизни и формирование новых видов. Именно в горных долинах Саян и Прибайкалья выявлены очаги новейшего видообразования – Байкальский фитогеографический узел (БФУ) [10]. Очаги видообразования, как известно, связаны с уровнями концентрации химических элементов в ландшафте [13].

Горные массивы Байкальского региона не составляют единого образования. В них выделяются как новейшие воздымания альпийского тектогенеза (хребты Баргузинский, Хамар-Дабан, Саян), так и более древние орографические сооружения, лишь частично возрожденные позднейшими поднятиями (хребты Селенгинского среднегорья, Витимское плато). Орографическая картина региона дополняется Окино-Прихубсугульско-Джидинским массивом, который зани-

мает в генезисе некое промежуточное положение. Он несколько древнее и относится к возрожденным горам начальных этапов альпийского тектогенеза, по сравнению с наиболее молодыми хребтами Байкальского рифтового пояса.

В соответствии с важнейшими этапами становления современного облика горного обрамления Прибайкалья происходили не менее важные параллельные процессы в мире живой природы, эволюционные процессы адаптивного морфогенеза, что в конце концов обусловило такое фундаментальное явление, как флорогенез [14; 15]. В качестве очагов активного флорогенеза как центров вторичного или новейшего видообразования БФУ выделяются три локуса. Это прежде всего древнейший раннетретичный (олигоцен-плиоценовый) эндемизм, выраженный ландшафтами горно-лесостепного пояса Селенгинского среднегорья. Наряду с реликтами во флоре Селенгинской Даурии имеются древнейшие эндемики Байкальской Сибири – это *Vicia tsydenii* [1] *Festuca dahurica*, *Caragana buriatica*, *Asparagus burjaticus*, *Astragalus chorinensis* и др.

Не менее богат палеогеографическими событиями четвертичный период с его гляциальными явлениями в плейстоцене и множеством контрастных фаз в голоцене. Данная эпоха оставила целую свиту остатков ледниковой эпохи в виде «перигляциального флористического комплекса» [2]. Активизация альпийского орогенеза, начавшаяся с конца палеогена, вызвала блоковые поднятия сравнительно стабилизировавшегося Ангарского пенеплена, как по линиям древних, так и молодых разломов. Новейший эндемизм, не выходящий за рамки подвидового ранга, характерен в горах Байкальского рифтового пояса (рис.), который и в настоящее время относится к зонам активного тектогенеза [6; 8]. Последний выражается в чрезвычайной сейсмической активности территории, где за год проявляется до 70 малых и средних

толчков земной коры. К эндемикам североприбайкальского новейшего центра видообразования относятся *Festuca ovina* ssp. *Vylzaniae*, *F. Rubra* ssp. *Baikalensis*, *Rhaponticum carthamoides* ssp. *Oriente*, *Carex pediformis* ssp. *Kirilovii*, *Draba hirta* ssp. *Bargusinensis* и др.

Своеобразный очаг достаточно древнего эндемизма выделяется во внутренних частях Саяно-Хангайского горного массива, его можно определить как Джидино-Саяно-Прихубсугульский, включая Окинское плато. Древность этого очага видообразования подтверждается проявлением эндемизма не только в родовых сериях бореального генезиса (*Carex*, *Salix*, *Stellaria*), но и в древнесредиземноморских (*Allium*, *Aconitum*, *Oxytropis*, *Artemisia*). К эндемикам Саяно-Прихубсугульского очага Внутренней Азии относятся *Festuca Komarovii*, *Stellaria bungeana*, *Carex tatjanae*, *Allium malyshevii*, *Aconitum tanguticum*, *Oxytropis kusnetzovii*, *Artemisia ruscnorhiza* и др. (см. рис.).

В целом очень четко можно проследить на примере рода Овсяница *Festuca* L. параллелизм и синхронность с неотектоническими явлениями в процессах видообразования в различные этапы кайнозоя. С плейстоцен-голоценовыми активациями связано формирование самых «юных» овсяниц Прибайкалья – *F. Rubra* ssp. *Baikalensis*, *F. Ovina* ssp. *Vylzaniae*. Они относятся к подвидам *Festuca ovina* и *F. Rubra*, имеющим обширный евразийский ареал [9]. С периодами активного этапа альпийского орогенеза связано развитие замечательных видов эндемиков Окино-Прихубсугульского сектора Саян – *Festuca komarovii* и *F. Hubsugulica*. И, наконец, представителем наиболее древней третичной эндемичной овсяницы региона является *F. Dahurica*, характерная на всем протяжении от Забайкалья до Даурии и Маньчжурии, т. е. той части древнего пенеплена Ангарида, которая была очень слабо затронута новейшими горообразовательными процессами. По сути это северо-восточный фланг вели-

чайшей суши континента – Монгольского плато. Оригинальность биоты Байкала наряду с эндемизмом и реликтовостью выражается также и в трансконтинентальной экотонности их распределения. Среди овсяниц выделяются рубежные виды как с западным (*F. Kryloviana*, *F. Tschujensis*), так и восточным (*F. Litvinovii*, *F. Jacutica*, *F. Dahurica*) характером распространения. Они отмечены на границах своих ареалов на территории Байкальской Сибири (см. рис.).

Особым разнообразием выделяются высокогорные экосистемы Саяно-Прибайкалья. Растения гольцов богаты микроэлементами, коэффициент биологического поглощения (A_x), рассчитанный на кларк литосферы (4.3.10–7%), больше единицы. Они умеренно накапливают золото ($Au > 1$). В рудных зонах содержание золота в них резко повышается. На примере золота можно увидеть, как отражается единство и взаимосвязь криогенного и биогенного циклов миграции элементов в горно-тундровых, альпийско-луговых ландшафтах. В ландшафтах золоторудных полей растения и животные, как биогеохимические барьеры, активно накапливают золото. Так, в организме суслика в этих гольцово-тундровых ландшафтах золота накапливается в 70–100 раз больше, чем на фоновых [18]. Кустистые лишайники интенсивно аккумулируют растворимые формы золота из криогенных аномалий золотосульфидных зон. В черных сланцах характерны парагенетические ассоциации Au, Ag, U, K, Ni, Co, Mo, V, Cu, которые в зоне криогенеза переходят в подвижные формы и накапливаются в растениях и продуктах их разложения (табл.).

На карбонатных фосфоритоносных породах формируются кальциевые и кальциево-кислые ландшафты с геохимической специализацией P, Sr, Ba, Zn, Pb, Cu, Ni, Cr, V, U, F. Выражено влияние горных пород на развитие растительности, особенно в горностепных и лесостепных ландшафтах [20]. Свое-

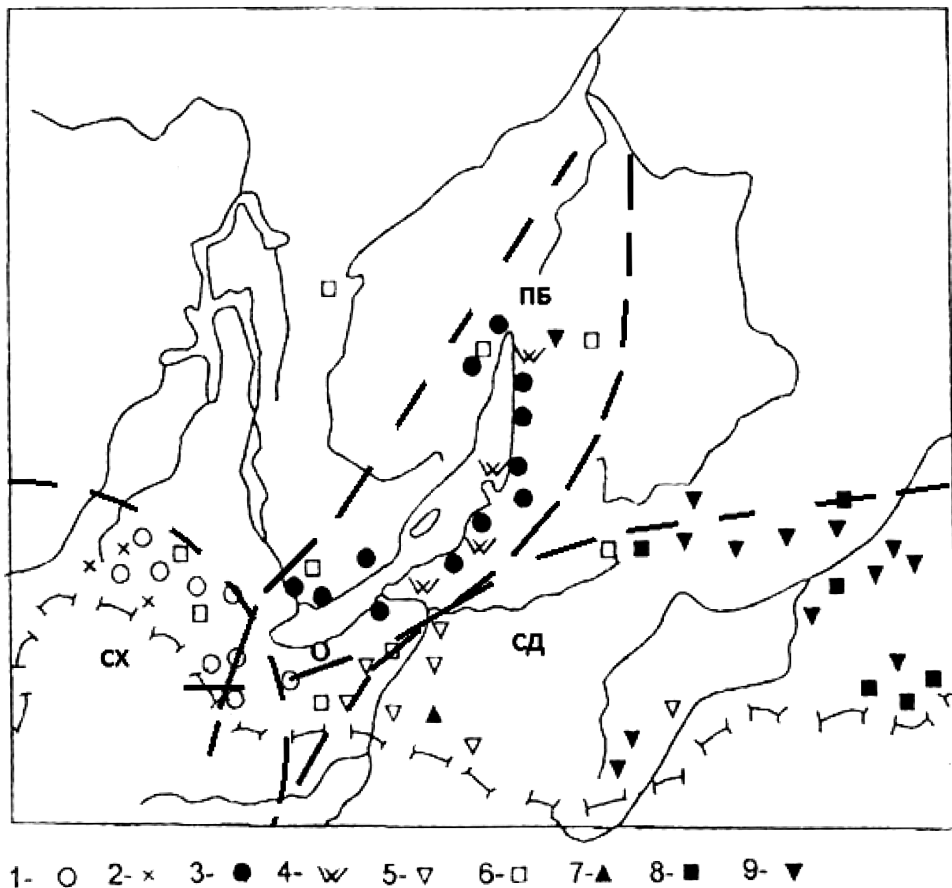

Рис. Распределение эндемичных и рубежных видов и подвидов овсяниц в Байкальской Сибири

Эндемики: хангае-саянские – 1. *Festuca komarovii* Krivot.; 2. *F. Hubsugulica* Krivot.; северо-прибайкальские – 3. *F. Rubra* ssp. *Baicalensis* (Griseb.) Tzvelev; 4. *F. Ovina* ssp. *Vylzaniae* E. Alexeev; виды овсяниц на восточной границе ареалов – 6. *F. Kryloviana* Reverd.; 7. *F. Tschujensis* Reverd.; виды овсяниц на западной границе ареалов – 8. *F. Litvinovii* (Tzvel.) E. Alexeev; 9 – *F. Jacutica* Drobotov; 5. *F. Dahurica* (St.-Yves) Krecz. Et Bobrov. Новейшие узлы флорогенеза: Саяно-Прихубсугульский СХ; Прибайкальский ПБ; Селенгинско-Даурский СД

образна растительность на карбонатных ландшафтах Западного и Южного Прихубсугулья. Типичным кальцефилом, произрастающим на известняках, является кустарник *Saragana jubata* – выходец восточноазиатских степей. Их заросли встречаются по долинам рек Иркут, Ока, Китой, Урик и др. Карагана встречается на плато Сангилен в Туве, в Прихубсугулье на территории Монголии, даже на

юге Якутии. По крутым южным склонам с выходами карбонатных пород вплоть до гольцового пояса поднимаются степи из *Festuca komarovii*, *Carex rupestris*. На участках с рудопроявлением фосфоритов развиваются лиственничные леса.

Из высокогорных облигатных кальцефилов в бассейне р. Забит на Окинском плато [22] встречаются *Kobresia simpliciuscula*, *Carex atrofusca*, *Salix*

Таблица

Ряды биологического поглощения (Ах) элементов
видами растений гольцов фоновых полей

Вид растений	Число проб	Ах		
		50-10	10-1	1-0,1
<u>Ерники</u> (<i>Betula rotundifolia</i> Spach, <i>B. Divaricata</i> Pall., <i>B. Humilis</i> Schrank)	18	Zn	Cu, Mn, Ag, Pb, Ba, Sr, Au	Ni, Cr, Be, V, Zr, Ti, Co
<u>Можжевельники</u> (<i>Juniperus pseudosabina</i> Fisch. Et Mey., <i>J. sibirica</i> Burgsd.)	12		Zn, Pb, Sr, Ag, Cu, Mn, Sn, Au, Be	Ni, Cr, Ba, Co, Zr, Ti
<u>Рододендроны</u> (<i>Rhododendron adamsii</i> Rehder, <i>R. Aureum</i> Georgi, <i>R. Parvifolium</i> Adam.)	15	Cu, Zn	Pb, Ba, Mn, Sr, Sn, Ag, Be, Au	Ni, Cr, V, Co, Ti, Zr
<u>Карагана гривастая</u> <i>Caragana jubata</i> (Pall.) Poiret.	18		Pb, Zn, Ba, Mn, Sr, Cu, Be, Ag, Au, Sn, Ni	Cr, Zr, Co, Ti, V
<u>Ягель – кустистые лишайники</u> <i>Cetraria cucullata</i> (Bellardi) Ach., <i>C. islandica</i> (L.) Ach., <i>Alectoria ochroleuca</i> (Hoffm.) Massal., <i>Cladina rangiferina</i> (L.) Harm.	60	Zn	Pb, Mn, Ba, Au, Ag, Cu, Sn, Be	Cr, Zr, Ni, Co, Ti, V

vestita, S. Recurvigemmis. Многие виды, являющиеся факультативными кальцефилами, доминируют в растительных сообществах: *Poa glauca*, *Helictotrichon hookeri*, *Carex ledebouriana*, *C. Tristis* subsp. *stenocarpa*, *C. Eleusinoides*, *Eriophorum scheuchzeri*. Из кустарников необходимо отметить *Salix rectijulis*, *S. Saxatilis*, *S. ttenua*, *Betula fruticosa* subsp. *ttenua*. На карбонатных субстратах произрастают реликты третичного периода: *Saussurea dorogostaiskii*, *Caragana jubata*. Из эндемиков встречаются *Bromopsis ttenua*, *Salix phylicifolia* subsp. *Divaricata*, *Bistorta elliptica*, *Delphinium malyshevii*, *Papaver pseudocanescens*, *Rhodiola pinnatifida*, *Potentilla chionea*, *Oxytropis baicalia*, *O. Jurtzevii*, *Lithoscadiadium multicaule*, *Eritrichium sajanense*, *Dragocephalum fragile*, *Pyrethrum lanuginosum*, *Saussurea baicalensis*, *S. Squarrosa*, *Taraxacum chamarensis*.

На карбонатных породах в высокогорье распространены кобрезиево-дриа-

довые тундры, где верхняя граница лиственничного леса поднимается выше, чем на алюмосиликатных породах. Кальциевые ландшафты благоприятствуют освоению лиственницей сибирской суровых высокогорий. Индикатором кислой геохимической среды подгольцовых и таежных ландшафтов Прибайкалья является кедровый стланик (*Pinus pumila*) – выходец из притихоокеанского побережья. Он растет на алюмосиликатных породах, избегая карбонатных. Заросли стланика на рудоносных черносланцевых комплексах обогащены рудными элементами – индикаторами золотого, уранового, редкометалльного и полиметаллического оруденения. Орехи кедрового стланика, богатые минеральными и биологически активными веществами, привлекают многочисленных грызунов – основную пищу знаменитого баргузинского соболя и медведя.

Особым своеобразием выделяются молодые экосистемы Баргузин-Чивыр-

куйского перешейка между п-вом Святой Нос и восточным побережьем Байкала. Эта коса с озерно-болотными, колочными лесотаежными массивами образовалась 7–10 тыс. лет назад на месте пролива и отличается высокой биопродуктивностью – обилием птиц и рыбы. Примечательно, что в процессе ускоренной эволюции экосистемы Чивыркуйского мелководного залива в рифтовой зоне с очагами разгрузки термальных источников и углеводов возникла чивыркуйская популяция байкальского омуля, сига и осетра. В такой же степени богата экосистема дельты р. Селенга в рифтовой впадине с популяциями омуля селенгинской и посольской рас.

Интересно отметить, что на высоте 1700–2000 м над ур. м. встречаются лапчатки: *Potentilla nivea* и *P. Sericea*, а также их гибрид *P. Chionea*. Все эти виды являются факультативными кальцефилами. На карбонатных породах южных склонов высоких гряд Окинского плато сформирована криофитная лесостепь, представленная криофитно-степными ленскотипчаковыми и кобрезиевыми сообществами, лугово-степными разнотравными и разнотравно-мятликовыми сообществами, травяными лиственничными и осиновыми лесами. Растительные сообщества криофитной лесостепи представляют собой высокопродуктивные отгонные пастбища. В их составе отмечены ценные кормовые растения: *Kobresia myosuroides*, *Carex bigelowii* subsp. *Ensifolia*, *Ptilagrostis mongholic*, *Bromopsis austrosibirica*, *Festuca ovina*, *F. Brachyphylla*, *Poa tenuate*, *P. Glauca*, *P. Sibirica*, *Helictotrichon mongolicum*, *Avenula hookeri*, *Vicia nervata*, *V. Multicaulis*, *Oxytropis strobilacea*, *O. Sajanensis*, *Hedysarum inundatum*, *Bistorta vivipara*, *B. Elliptica*, *Potentilla nivea*, *P. Gelida*, *Aegopodium alpestre* [12].

Своеобразны геохимические мерзлотные ландшафты и биоразнообразие высокогорий Окино-Хубсугульского фосфоритоносного бассейна венд-кембрий-

ского возраста. Здесь открыты крупные месторождения фосфоритов, ряд месторождений железо-марганцевых руд, бокситов. В Восточном Саяне большие площади занимают рудоносные черносланцевые породы и золоторудные зоны с крупными месторождениями золота. На карбонатных фосфоритоносных породах формируются кальциевые и кальциево-кислые ландшафты с геохимической специализацией P, Sr, Ba, Zn, Pb, Cu, Ni, Cr, V, U и F [11]. Выражено влияние горных пород на развитие растительности, особенно в горно-степном и горно-лесном поясах. В горных ландшафтах Прихубсугуля и Восточного Саяна формируются самобытные по составу и высокопродуктивные экосистемы. Наряду с Хангаем и Хэнтэем они относятся к самым богатым областям по составу высокогорной фауны (горный козел, горный баран, марал, северный олень, соболь, красный волк, снежный барс, тундряная куропатка, алтайский улар и др.). Отмечена высокая концентрация копытных животных на рудоносных площадях с выходами пластов фосфоритов, бокситов, сульфидных зон – природных солонцов. Обилие хариуса и ленка отмечается в реках и озерах Восточного Саяна, Прибайкалья, Забайкалья, на черносланцевых фосфоритоносных и бокситоносных породах в пределах ледниковых долин. В верховье Черного Иркутка с озерно-болотной системой (Ильчирская котловина) до недавнего времени обитали крупные особи черного байкальского хариуса, ленка и тайменя. В некоторых малопродуктивных озерах на гранитоидах, бедных биофилами, обитают карликовые хариусы. Изоляция, эколого-геохимические условия и характер питания вызывают морфологические изменения у хариусов. Хариус – чуткий индикатор геохимической среды и техногенного загрязнения.

Оригинальны каменистые степи Приольхонья и о-ва Ольхон на западном побережье оз. Байкал, занимающие экотонное положение между высоко под-

нятым Приморским хребтом (гольцы, горная тайга) и глубоководной частью оз. Байкал. Они сформировались в ветровой тени Приморского хребта под воздействием сильных северо-западных ветров (сармы), скатывающихся с этого хребта на Приольхонское плато (пенеплен) и о-в Ольхон. Наиболее сильным иссушающее влияние ветров с фенным эффектом было в ледниковый период, особенно последнего, сартанского, оледенения в перигляциальной обстановке, когда на пенеплене возникли криоаридные ландшафты – полупустыни и степи. Такая обстановка сохраняется и в настоящее время. На о-ве Ольхон известны очаги эоловых песков. Геохимия степей класса Са определена карбонатной корой выветривания на кристаллических сланцах, мраморах, габброидах, амфиболитах докембрия и древних корах выветривания с залежами бурожелезняковых, марганцевых и фосфоритовых руд. В котловинах выдувания накапливаются залежи мирабилита и лечебных грязей.

Экстремальные природные условия (сильные ветры, сухость) степей о-ва Ольхон в течение четвертичного периода и длительная географическая изоляция его от высоких гор Прибайкалья определили сохранность реликтов, эндемиков и процессов видообразования, которые изучили М. Г. Попов [15], Л. И. Малышев и Г. А. Пешкова [5], Г. В. Матященко [7]. Среди арктоальпийской флоры ледникового периода интересны реликтовые растения: *Dryas oxyodonta*, *Oxytropis tragacanthoides*, *O. triphylla*. На острове идет видообразование в родах *Elymus*, *Leymus*, *Oxytropis*, *Larix*.

Так, на мысе Рытый Л. Н. Тюлиной [24] отмечен эндемичный фитоценоз горной лесотундры. Примечательно, что в кустарниковом ярусе сообщества выделяется карагана гривастая (облигатный кальцефил), кедровый стланик и рододендрон Адамса. При характеристике указывается искривленность стволов лиственниц и флагообразность форм их

крон. Поверхность отшлифована ветровой эрозией. В напочвенном покрове наблюдается обилие зеленых мхов и лишайников. Это сообщество имеет локальное распространение, приурочено к выходу карбонатных пород платообразной поверхности подножия Байкальского хребта. В целом сопряженность растительности с почвообразующими породами, в особенности в горно-лесном и высокогорном поясах, проявляется на всем протяжении БРС. Например, в горном обрамлении Прихубсугулья на базальтах господствуют лиственничные леса с подлеском из *Rhododendron parvifolium*, *Betula humilis*, *B. Rotundifolia*, *Salix glauca*, *S. Kochiana*, *Lonicera coerulea*. В отличие от этого, на водоразделах с карбонатными породами (на высотах 2400–2600 м) формируются кобрезиево-дриадовые тундры. При этом, по данным исследователей [1], верхняя граница леса, образованная здесь *Larix sibirica*, проходит выше, чем на любых других породах. На участках с проявлениями фосфоритов развиваются лиственничники со слабо развитым подлеском, но при этом выделяется обилие злаков и бобовых в травяном ярусе (*Lathyrus humilis*, *Vicia megalotropis*, *Astragalus austrasibiricus*).

Заключение

1. Байкальский регион как самоорганизующая рифтовая экосистема отличается уникальным биоразнообразием и устойчивостью. Экосистема Байкала сформировалась в узкой рифтовой впадине. Как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система подчиняется законам синергетики. Экосистема озера тесно связана с рифтогенезом – системой современных разломов с сильными землетрясениями, повышенным тепловым полем и выходами углеводородов [19]. В течение плиоцен-плейстоцена глубокие изменения в экосистеме озера связаны с глобальными колебаниями климата. Многократные оледенения-межледни-

ковья и формирование мерзлотных ландшафтов предьявили высокие требования к развитию жизни. Прохождение экосистемы Байкальского региона через критические периоды является одним из важных и прогрессивных событий, связанных со взрывом видообразования.

2. Экосистема Байкальского региона – это сложная динамическая система с огромным числом случайных факторов и вероятностным характером многих природных процессов. Ведущий механизм, создающий единство и целостность экосистемы, – биологический круговорот атомов с участием круговорота воды. Процессы самоорганизации в экосистеме обеспечивают согласованную (когерентную) связь основных компонентов системы: живых организмов, поверхностных и подземных вод, потоков углеводородов, илов, газогидратов, ледового покрова и горных пород.

3. Изменчивость и мутагенез видов особенно четко проявляются в систематических рядах растений и животных в однотипных по генезису ландшафтных системах, они соответствуют параллелизму в процессах адаптогенеза организмов в соответствии с законом гомологических рядов Н. И. Вавилова

[26]. Ландшафтно-геохимический анализ Байкальской рифтовой системы свидетельствует о том, что пространственная дифференциация биоты и видообразование тесно связаны с разнообразием ландшафтов на геохимически сопряженных поясах рудных полей в областях горного оледенения и перигляциальной зоны, где естественный отбор и видообразование происходили на химической основе в разнообразных экологических нишах.

Таким образом, из анализа четко вырисовывается принцип триады отношений, стимулирующих процессы видообразования (флорогенеза) на специфических местообитаниях в поясе БРС. Это *центр рудогенеза – биогеохимические аномалии – адаптивный морфогенез организмов*. Данный подход помогает прогнозировать поиски новых экологических ниш, рефугий в горных экосистемах, где проявились активные неотектонические процессы, связанные с изменениями геохимических условий жизни. В целом выявление разнообразных связей центров биогенеза с геохимией ландшафтов является важной теоретической проблемой, требующей углубленного изучения.

Исследование поддержано грантом РФФИ № 08-05-98023.

Примечание

I. Латинские названия растений приведены по «Флоре Сибири» (1987–1997); фамилии авторов названий опускаются.

Литература

1. Батраева А. А., Жамсран Ц., Ивельская В. И., Фролова М. В. Растительность. Естественные кормовые угодья // Атлас озера Хубсугул. Монгольская Народная Республика. – М.: Главное управ. геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1989. – С. 44, 45, 47, 104.
2. Крашенинников И. М. Анализ реликтовой флоры Южного Урала в связи с историей растительности и палеогеографией плейстоцена // Сов. ботаника. – 1937. – № 4. – С. 3–22.
3. Мальшев Л. И. Высокогорная флора Восточного Саяна. – М., Л.: Наука, 1965. – 368 с.
4. Мальшев Л. И. Видообразование растений в горах Сибири // Сибирский экологический журнал. – 2002. – № 5. – С. 531–540.

5. Мальшев Л. И., Пешкова Г. А. Особенности и генезис флоры Сибири (Предбайкалье и Забайкалье). – Новосибирск: Наука, 1984. – 265 с.
6. Мальшев Л. И., Пешкова Г. А. Нуждаются в охране. Редкие и исчезающие растения Центральной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1979. – 172 с.
7. Матященко Г. В. Островные экосистемы оз. Байкал и их охрана // Байкал и естествознание за 100 лет. – Иркутск, 1993. – С. 166–173.
8. Намзалов Б. Б. Эндемизм и реликтовые явления во флоре и растительности степных экосистем Байкальской Сибири // Биоразнообразии Байкальской Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1999. – С. 184–192.
9. Намзалов Б. Б., Алымбаева Ж. Б., Холбоева С. А. Овсяницы Байкальской Сибири: эколого-географический анализ и некоторые аспекты филогении // Бюл. МОИП, отд. биол. – 2011. – Т. 116. – Вып. 5. – С. 47–54.
10. Намзалов Б. Б. Байкальский фитогеографический узел как новейший центр эндемизма Внутренней Азии // Сибирский экологический журнал. – 2009. – № 4. – С. 563–571.
11. Осокин П. В. Центрально-Азиатская фосфоритоносная провинция: науч. докл. дис. ... д-ра г.-м.н. – Улан-Удэ: ГИН СО РАН, 1999. – 118 с.
12. Ошорова Б. В. Некоторые аспекты традиционного природопользования в пределах Окинского района РБ // Опыт и традиции этнического природопользования. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2003. – С. 71–73.
13. Перельман А. И., Касимов Н. С. Геохимия ландшафта. – М.: Астрей-2000, 1999. – 768 с.
14. Пешкова Г. А. О сопряженности в развитии мезофильных и ксерофильных флор Байкальской Сибири в кайнозое // История растительного покрова Северной Азии. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. – С. 144–156.
15. Попов М. Г. Основы флорогенетики. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 133 с.
16. Ревякина Н. В. Эндемичные растения приледниковья Алтае-Саянской горной области // Тезисы докладов научно-практической конференции «Горы и человек: в поисках путей устойчивого развития». – Барнаул, 1996. – С. 48–50.
17. Сочава В. Б. Географические связи растительного покрова на территории СССР // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. – 1948. – Т. 73. – С. 3–51.
18. Тайсаев Т. Т. Биогенная концентрация золота в ландшафтах золоторудных полей гольцовой зоны // ДАН СССР. – 1988. – Т. 301. – № 4. – С. 972–976.
19. Тайсаев Т. Т. Ландшафтно-геохимический фактор биоразнообразия и особенности традиционного природопользования горных экосистем // Сибирский экологический журнал. – 2002. – № 5. – С. 617–624.
20. Тайсаев Т. Т. Явление криобиогенеза и геохимическая самоорганизация мерзлотных ландшафтов // Вестник РАЕН. – 2007. – Т. 7. – № 2. – С. 12–21.
21. Тайсаев Т. Т., Намзалов Б. Б. Эколого-геохимическая закономерность биоразнообразия и традиционного природопользования горных систем // Природные ресурсы Забайкалья и проблемы геосферных исследований: мат-лы науч. конф., посв. 25-летию Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН и памяти чл.-кор. АН СССР Ф. П. Кренделева (Чита, 12–15 сентября 2006 г.). – Чита, 2006. – С. 116–118.
22. Тайсаев Т. Т., Намзалов Б. Б., Ошорова Б. В. Ландшафтно-геохимический анализ видообразования и традиционного природопользования высокогорий Прихубсугулья и Восточного Саяна // Материалы международной конференции «Вопросы общей ботаники: традиции и перспективы». Т. 2. – Казань, 2006. – С. 262–264.
23. Тимошкин О. А. Биоразнообразие фаун Байкала: обзор современного состояния изученности и перспективы исследований // Атлас и определитель пелагиобионтов Байкала. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1995. – С. 25–52.

24. Тюлина Л. Н. Растительность Байкальского хребта в районе между мысами Рытый и Покойники // Геоботанические исследования на Байкале. – М.: Наука, 1967. – С. 11–26.
25. Шварц Е. А., Пушкарев С. В., Кревер В. Т., Островский М. А. География видового богатства млекопитающих Северной Азии // ДАН. – 1996. – Т. 346. – № 5. – С. 682–686.
26. Namzalov B. B. Baikal Phytogeographic Node as the Newest Center of Endemism of Inner Asia // Contemporary problems of ecology. – 2009. – Vol. 2. – № 4. – P. 340–346.

УДК 631.4 + 631.8 (571.54)

Л. Л. Убугунов, М. Г. Меркушева

ПОЧВЕННО-АГРОХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена 150-летию со дня рождения основоположника отечественной агрохимии академика, нашего земляка Д. Н. Прянишникова. Дается краткая хронология этапов развития почвенно-агрохимических исследований в Западном Забайкалье, а также характеристика современных результатов, полученных почвоведом и агрохимиками Бурятского научного центра при изучении почвенного покрова, свойств и режимов почв, их экологической устойчивости и разработке технологий управления продукционных процессов в системе почва – растение.

Ключевые слова: почвенно-агрохимические исследования, Западное Забайкалье.

L. L. Ubugunov, M. G. Merkusheva

SOIL-AGROCHEMICAL STUDIES IN WESTERN TRANSBAIKALIA: HISTORY AND MODERNITY

The article is devoted to the 150th anniversary of our countryman, academician, founder of national agrochemistry D. N. Pryanishnikov. The paper gives a brief chronology of the stages of development of soil-agrochemical research in West Transbaikalia, as well as a characteristic of modern results obtained by soil scientists and agrochemists of the Buryat Scientific Center during the study of soil cover, soil properties, modes of their environmental sustainability and the development of management technologies of production processes in the soil – plant system.

Key words: soil-agrochemical research, Western Transbaikalia.

В 2015 г. исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося ученого-агрохимика, биохимика и физиолога растений, академика АН СССР и ВАСХНИЛ, Героя Социалистического

Труда, педагога и организатора науки, нашего земляка, уроженца г. Кяхта Дмитрия Николаевича Прянишникова.

Основные исследования Д. Н. Прянишникова посвящены вопросам пита-

УБУГУНОВ Леонид Пазаревич – доктор биологических наук, директор Института общей и экспериментальной биологии СО РАН, заведующий лабораторией биогеохимии и экспериментальной агрохимии. E-mail: l-ze@mail.ru.

МЕРКУШЕВА Мария Григорьевна – доктор биологических наук, главный научный сотрудник лаборатории биогеохимии и экспериментальной агрохимии Института общей и экспериментальной биологии СО РАН. E-mail: merkusheva48@mail.ru.

ния растений и применения минеральных удобрений в земледелии. Особенно значимы его труды по теории азотного питания и обмена азотистых веществ в растительном организме. Им разработана общая схема превращений азотистых веществ в растениях, с выделением исключительной роли аммиака как исходного и конечного продукта этого процесса. Проведя аналогию между ролью аспарагина в растительном и мочевины в животном организмах, он вскрыл общие черты обмена азотистых веществ в растительном и животном мире, что имело большое значение для познания законов эволюции живых организмов. Эти исследования явились научным обоснованием для применения солей аммония в сельском хозяйстве и для их широкого производства. Под его руководством и при непосредственном участии разработаны и такие важные вопросы в области питания растений и применения удобрений, как оценка отечественных фосфоритов в качестве непосредственного источника фосфора для растений и в качестве сырья для промышленного производства суперфосфата. Им дана характеристика отечественных калийных солей, изучены различные виды азотных и фосфорных удобрений, вопросы известкования кислых почв, гипсования солонцов. Кроме того, Д. Н. Прянишников занимался проблемами зеленого удобрения (сидерация), применения торфа, навоза и других органических удобрений, дал обоснование способов подкормки растений и внесения различных видов удобрений, предложил новые методы изучения питания растений, в т. ч. анализа почв и растений. Д. Н. Прянишников является основоположником отечественной агрохимии как самостоятельной науки. В связи с его юбилеем в данной работе приводится краткая хронология развития почвенно-агрохимических исследований на территории Западного Забайкалья и оценка современных результатов, достигнутых в Институте общей и эксперименталь-

ной биологии СО РАН, а также другими сотрудниками Бурятского научного центра СО РАН.

Продуктивные почвы являются основой продовольственной безопасности России, ее ограниченным и дорогим ресурсом, который нужно беречь, экономно и эффективно использовать. Для этого необходимо всестороннее изучение эколого-географических закономерностей пространственной организации почвенного покрова, генетических особенностей основных типов почв различных природных зон, их физических, физико-химических и агрохимических свойств и плодородия в целом.

Начало почвенных исследований связано с первыми академическими экспедициями XVIII–XIX вв., изучавшими практически неизвестную в те годы природу азиатской части России, включая территорию Байкальского региона. Здесь следует отметить таких известных естествоиспытателей, как И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, П. А. Кропоткин и многих других, которые оценивали почвы в основном только с точки зрения их сельскохозяйственного освоения (песчаные, солончаковатые, каменистые и т. д.).

Далее начались уже целенаправленные исследования почв Бурятии, проводимые Переселенческим управлением в 1908–1914 гг. под научным руководством К. Д. Глинки. Основное участие в них принимали участие М. Ф. Короткий, Г. И. Поплавская, И. А. Фролов, Л. И. Прасолов, В. Н. Сукачев и др. Основной задачей проводимых работ было выявление территорий, пригодных для освоения под земледелие. Конечным итогом данных исследований явились «Почвенная карта азиатской части СССР», изданная под редакцией К. Д. Глинки, Л. И. Прасолова в 1926 г. [56], и монография Л. И. Прасолова «Южное Забайкалье» [58], в которой автором впервые была высказана мысль о выделении Забайкалья в особую почвенно-географическую провинцию. Комплексное обследо-

дование степных территорий бассейнов рек Селенга и Уда (1932 г.) провела почвенная экспедиция Ленинградского отделения Института удобрений под руководством С. В. Зонна. Была составлена почвенная карта и почвенно-ботанический очерк к ней [16].

В 40–50-х гг. XX столетия началось интенсивное экономическое освоение Восточной Сибири, что способствовало расширению почвенно-агрохимических исследований и в Бурятии. Наиболее крупные работы в этот период были осуществлены Почвенным институтом им. В. В. Докучаева совместно с СОПСом АН СССР и Иркутским университетом. Ими выполнены маршрутные исследования почв горно-таежных массивов, среднемасштабные почвенные съемки степных и лесостепных территорий, проводились полустационарные наблюдения, развернулись работы по составлению почвенных карт. По их результатам опубликовано много научных трудов, где высказывались новые, иногда весьма оригинальные подходы и взгляды на развитие, генезис и плодородие почв региона. Здесь следует особо выделить фундаментальную монографию Н. А. Ногиной «Почвы Забайкалья» [52], значимость которой трудно переоценить и в настоящее время. Очень ценный научный материал был представлен в книгах К. А. Уфимцевой [84; 85], в которых рассмотрены основные типы почв межгорных котловин региона, наиболее интенсивно осваиваемых в аграрном производстве. М. А. Корзуном с сотрудниками [24] проведено почвенное районирование Байкальской Сибири, где территория Бурятии выделена в самостоятельную почвенную провинцию, близкую к континентальной Сибири, но несущую на себе влияние Дальнего Востока – Восточно-Сибирскую провинцию степей, межгорных впадин и горных лесов. Следует отметить и монографии Н. В. Николаева «О генезисе засоленных почв Бурят-Монгольской Республики» [50],

В. П. Мартынова «Почвы горного Прибайкалья» [40], М. М. Михайленко «Почвы южной тайги Западного Забайкалья» [49] и др.

Наиболее полной сводной работой об агрохимических свойствах почв Забайкалья стала изданная в 1969 г. работа И. Г. Важенина и Е. А. Важениной «Агрохимическая характеристика почв Восточной Сибири – Забайкалья (Бурятия и Читинская область)» [7]. В ней авторы представили результаты собственных исследований и систематизированные данные сотрудников региональных учреждений. Эта работа была пионерной, в ней нашли отражение особенности агрохимических и агрофизических свойств почв, динамики их пищевого режима, установлен дефицит питательных элементов, особенно азота, представлены результаты применения минеральных и органических удобрений под различные сельскохозяйственные культуры и сенокосные угодья.

Детальное и углубленное изучение почвенного покрова было начато в связи с организацией отдела почвоведения в составе Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ), в 1966 г. преобразованного в Бурятский филиал СО АН СССР, в состав которого входил Бурятский институт естественных наук с отделом почвоведения. Директором БКНИИ, затем председателем БФ СО АН СССР и заведующим отделом почвоведения являлся д.г.-м.н., проф. О. В. Макеев. По его инициативе были организованы почвенно-агрофизический и агрохимический стационары в мерзлотной лесостепи (Еравнинская котловина) и почвенно-агрохимические – в сухостепной и степной зонах (Селенгинский и Бичурский районы Республики Бурятия). О. В. Макеевым, В. И. Дугаровым, А. И. Куликовым, Б. Р. Очировым, Ц. Х. Цыбжитовым, В. А. Вторушиным, Н. Е. Абашеевой, Г. Д. Чимитдоржиевой, Н. Н. Пигаревой, Ц. Д. Мангатаевым и др. было установлено, что под влиянием

криоаридных условий и процессов криогенеза при горном характере рельефа, развитии дефляции и эрозии в Забайкалье сформировались самобытные почвенные типы, не имеющие аналогов в других регионах России. Выявлены особенности агрофизических и агрохимических свойств почв в многолетней и сезонной динамике, специфический состав гумуса и его запасы в мерзлотных и длительно-сезонно-промерзающих почвах в природных и агроландшафтах Забайкалья, дана оценка плодородия и устойчивости почв к деградации и т. д.

О. В. Макеевым, Н. Е. Абашеевой, М. Г. Сеничкиной, Г. М. Ивановым и др. были проведены широкомасштабные исследования по биогеохимии микроэлементов, что позволило провести районирование с выделением зон и округов с недостаточным и избыточным содержанием микроэлементов в почвах, водах и растениях. Данные по профильному распределению микроэлементов в почвах, степени их подвижности послужили основой для разработки градаций обеспеченности почв агроландшафтов подвижными формами микроэлементов. Л. А. Ковалевским выявлены параметры барьерного и безбарьерного поглощения микроэлементов растениями, в т. ч. древесными, а также растения-накопители тяжелых металлов. Исследования физиологической роли йода и никеля, разработка рациональных способов их применения для повышения продуктивности растений выполнялись М. В. Ефимовым и В. К. Кашиным. Дана оценка эффективности применения микроудобрений в посевах зерновых, кормовых культур, картофеля. Э. Г. Гершевичем установлена перспективность применения вольфрам-молибденовых отходов Закаменского горно-обогатительного комбината в качестве нетрадиционного микроудобрения в посевах пшеницы и кукурузы.

Под руководством И. И. Коробцева была проведена серия опытов по применению удобрений на землях Бурятии.

В. А. Ревенский выявил оптимальные дозы азотных удобрений при выращивании пшеницы на каштановых, Н. Н. Пигарева – на лугово-черноземных мерзлотных почвах. Ц. Д. Мангатаев изучил фосфатный режим мерзлотных почв и влияние фосфорных удобрений на урожайность и качество растений.

Впервые в сухостепной зоне были проведены исследования по применению макро- и микроэлементов под разные культуры в условиях орошения: Л. Л. Убугуновым – под капусту, М. Г. Меркушевой – под сеяные травостой.

Конечными итогами этих изысканий явилась публикация множества научных статей и целого ряда фундаментальных монографий и почвенных карт [2; 9; 15; 17; 20; 25; 27; 28; 33; 36; 43; 53; 59; 60–62; 69; 86; 93]. Это свидетельствовало том, что в Бурятском научном центре СО РАН сформировался коллектив квалифицированных почвоведов-агрохимиков, плодотворно занимающихся географией, генезисом, классификацией почв, изучением их режимных процессов, агрохимических свойств, микроэлементного состава, эффективности применения удобрений под сельскохозяйственные культуры.

В этот же период проводились оригинальные работы по изучению почв и почвенного покрова Байкальского региона и другими отечественными исследователями [23; 29–31; 57; 63].

Начало 90-х гг. XX столетия ознаменовалось серьезными изменениями социально-экономического строя страны. В этот период общий экономический упадок негативно повлиял на развитие почвенно-агрохимической науки. Практически были свернуты крупные целевые почвенно-географические и картографические исследования, резко сократились стационарные режимные наблюдения и закладка агрохимических опытов, почти прекратилось обеспечение почвенных лабораторий современным приборным оборудованием, реактивами и пр. В соз-

давшейся ситуации почвоведы и агрохимики стали больше внимание уделять анализу накопленных ранее материалов, их переосмыслению и обобщению, разработке более практически ориентированных оценочных и агропроизводственных подходов в соответствии с новыми экономическими и эколого-нормативными требованиями особой природной территории Байкальского региона. Однако к концу 90-х гг. социально-экономическая обстановка в России стала улучшаться, что незамедлительно отразилось на научных исследованиях. За этот прошедший, относительно короткий 10–12-летний период появилось большое количество крупных обобщающих монографий по генезису, географии, агрохимическим свойствам, плодородию, охране и рациональному использованию сухостепных [75; 92], степных, лесостепных [88], таежно-лесных [87; 89], аллювиальных и болотных почв [80–83], агрофизическим и агрохимическим особенностям, экологии, теплоэнергетике и перспективам аграрного освоения мерзлотных почв [3; 10; 32], микробоценозам и биологической активности в основных типах почв и их изменению при внесении различных удобрений [51; 95], характеристике земельного фонда, плодородию, агропроизводственным свойствам почв и разработке приемов применения на них удобрений [1], агрохимическим основам оптимизации минерального питания растений [11; 72], в т. ч. и за счет применения нетрадиционных видов удобрений [71; 73], анализу земельного фонда Бурятии и совершенствованию территориальных систем землепользования [12].

В настоящее время в Институте общей и экспериментальной биологии СО РАН имеются три почвенно-агрохимические лаборатории: географии и экологии почв (зав. лабораторией – д.б.н. Н. Б. Бадмаев); биохимии почв (зав. лабораторией – д.с.-х.н., проф. Г. Д. Чимитдоржиева) и биогеохимии и экспериментальной агрохимии (зав. лабораторией – д.б.н., проф. Л. Л. Убугунов).

Основное направление исследований лаборатории географии и экологии почв – изучение закономерностей пространственной организации почв Байкальского региона, проблем количественной экологии и гидротермики почв в криоаридных котловинах Забайкалья. Эти исследования имеют чисто почвенное направление и опубликованы во многих научных работах [4; 5; 13; 14; 19; 26; 90], в которых можно детально ознакомиться с их результатами.

Лаборатория биохимии почв занимается исследованиями органического вещества, гумуса и биологической активности почв Забайкалья. Результаты исследований лаборатории представлены в опубликованных монографиях [37; 94; 96] и многочисленных статьях в центральной и зарубежной печати [8; 38; 48; 99], а также в трех патентах.

Основные эколого-биогеохимические и агрохимические исследования проводятся в лаборатории биогеохимии и экспериментальной агрохимии. Сотрудниками лаборатории изучено разнообразие, биогеохимические и агрохимические особенности почв сухостепной, степной, лесостепной зон и интразональных пойменных ландшафтов. Выявлены концентрации макро- и микроэлементов в почвах, проведено биогеохимическое картирование почв модельных котловин с использованием ГИС-технологий и создана геоинформационная база данных по их плодородию и биогеохимическим показателям. Установлены основные закономерности направленности изменений агрохимических свойств, режимов и продуктивности длительноорошаемых автоморфных (черноземы, каштановые) и аллювиальных почв криоаридных степных котловин. Получены экспериментальные данные по видовой толерантности и эффективности барьерных механизмов растений к избыточным концентрациям тяжелых металлов. Разрабатываются эколого-агрохимические основы оптимизации минерального питания растений в естественных и культурных фи-

тоценозах, в т. ч. за счет использования натрий- и серосодержащих компонентов, фосфатсодержащих агроруд, цеолитовых туфов, осадков сточных вод и других нетрадиционных удобрений и агро-мелиорантов из местного органического и минерального сырья. За последние годы опубликовано большое количество монографий [18; 34; 38; 44–47; 65; 68; 74; 76; 77; 98], статей в центральной печати [6; 21; 22; 39; 41; 42; 54; 55; 64; 66; 67; 70; 78; 79; 82] и получено 11 патентов на изобретения новых видов удобрений.

В настоящее время в лаборатории работают такие известные агрохимики, доктора биологических наук, как проф. Н. Е. Абашеева, В. К. Кашин, Н. Н. Пигарева, М. Г. Меркушева и проф. Л. Л. Убугунов. Ниже приведена краткая характеристика направлений их современных научных исследований и полученные результаты.

Надежда Ефимовна Абашеева – заслуженный деятель науки Республики Бурятия, автор более 160 публикаций, в т. ч. 14 монографий и 9 учебных пособий под грифом УМО вузов РФ. Ею изучено плодородие почв агроландшафтов Забайкалья в связи с условиями почвообразования в основных природно-климатических зонах, установлены особенности динамики агрохимических свойств почв и реакции растений на внесение удобрений. Н. Е. Абашеевой были получены новые данные по скорости разложения послеуборочных остатков и сидератов в почвах разных биоклиматических зон в зависимости от химического состава фитомассы. В настоящее время под ее руководством изучается эффективность применения микроэлементов и редкоземельных элементов (РЗЭ) на биологическую активность почв и азотный обмен в системе почва – растение. Установлено, что РЗЭ стимулируют микробиологическую активность почв, усиливают мобилизацию резервных форм азотсодержащих соединений почвы, повышают экологическую устойчивость аммони-

фикаторов и нитрификаторов к неблагоприятным факторам среды и продуктивность растений [97; 98].

Владимир Капсимович Кашин – заслуженный деятель науки РБ, специалист в области агрохимии, физиологии, биогеохимии микроэлементов, автор 150 публикаций, в т. ч. 3 монографий. Научным направлением исследований В. К. Кашина является изучение влияния природных и антропогенных факторов на содержание и распределение микроэлементов и тяжелых металлов в объектах окружающей среды Забайкалья и оценка почвенно-геохимических и, в целом, биогеохимических особенностей ее территории. Им получены и обобщены материалы по биогеохимии бора, марганца, меди, свинца, ванадия, хрома, стронция, бария в почвообразующих породах, почвах, природных водах и растениях степных, луговых и агроландшафтов. Определены фоновые (базовые) содержания этих элементов в объектах окружающей среды, необходимые, во-первых, для оценки обеспеченности их элементами минерального питания и, во-вторых, для оценки уровня их загрязнения при техногенном воздействии. Выявлены региональные и локальные особенности накопления и распределения микроэлементов в почвах и растениях.

Нина Николаевна Пигарева – специалист в области агрохимии почв криолитозоны в Забайкалье, имеет более 100 научных публикаций, в т. ч. 3 монографии и патент. Ею изучены гумусное состояние, азотный, фосфорный и калийный фонды почв криолитозоны Забайкалья, определена динамика подвижных форм основных элементов питания в зависимости от агротехнических и погодных условий, разработаны градации обеспеченности растений нитратным азотом и подвижным фосфором и их потребность в удобрениях. Показано влияние влажности и температуры почв на активность процессов аммонификации и нитрификации азотсодержащих органи-

ческих соединений. С использованием стабильного изотопа ^{15}N Н. Н. Пигарева определила особенности превращения азота удобрений при взаимодействии с почвой, рассчитала количественные параметры использования, закрепления и потерь азотных удобрений под посевами сельскохозяйственных культур на лугово-черноземных мерзлотных почвах, составляющих основной фонд криолитозоны Забайкалья. В настоящее время основным научным направлением исследований Н. Н. Пигаревой является оценка применения солей редкоземельных элементов и минеральных удобрений на систему почва – растение естественных травостоев на мерзлотных почвах.

Мария Григорьевна Меркушева – заслуженный деятель науки РБ, автор 285 публикаций, в т. ч. 20 монографий, 6 учебных пособий под грифом УМО вузов РФ и 10 патентов.

Основным научным направлением исследований М.Г. Меркушевой является биогеохимия и агрохимия травянистых экосистем, взаимосвязь почвенно-геохимической среды с фиторазнообразием, биопродуктивностью и химическим составом растительных сообществ через круговорот элементов; агрохимическая и агромелиоративная оптимизация продукционных процессов в системе почва – растение фито- и агроценозов криоаридных территорий. В последнее время ею изучается биологическая продуктивность и разнообразие галофитных экосистем, что связано с увеличением площадей засоленных почв в степной и сухостепной зонах Забайкалья. Достоверно установлено повышение концентрации легкорастворимых солей, в т. ч. токсичных, в профиле солончаков в связи с аридизацией климата, обусловившей трансформацию видового состава галофитов и снижение проективного покрытия. Разработана система агромелиоративного воздействия на галофитные луга, повышающая их продуктивность и улучшающая качество травяного кор-

ма. Прикладным направлением научных исследований М. Г. Меркушевой является создание и эколого-агрохимическая оценка удобрений нового поколения, полученных преимущественно с использованием био- и сорбционной технологий. Основа всех удобрений – местное агрохимическое минеральное и органическое сырье из месторождений Республики Бурятия, таких как цеолиты, фосфориты, апатиты, уголь, редкоземельные элементы, селен. В качестве стимулятора повышения биологических процессов используются фосфатмобилизующие микроорганизмы, выделенные из региональных почв и способные воздействовать как на органические соединения фосфора, так и на труднорастворимые минеральные фосфаты почв и фосфоритов, а также усиливающие процессы нитрификации. Результаты данных технологий экспонируются на отечественных и зарубежных выставках. Опубликован большой аналитический обзор характеристик мировых и российских месторождений и запасов минерального агрохимического сырья: фосфоритов, апатитов, калийных солей, серы и сульфидов, микроэлементов (Mn, Zn, Cu, Co, B, редкоземельные элементы и т. д.). Дана оценка современного состояния рынка минеральных удобрений в мире и России.

Леонид Лазаревич Убугунов – заслуженный деятель науки РФ и РБ, лауреат премии РАН им. Д. Н. Прянишникова, автор и соавтор 476 научных работ, в т. ч. 33 монографий, 8 учебных пособий и 11 патентов. Под его руководством и при непосредственном участии разработаны теоретические основы пойменно-долинного почвообразования во Внутренней Азии (на примере Монголии и Забайкалья), выявлены разнообразие, агрохимические свойства, экологическая устойчивость и плодородие зональных и аллювиальных почв, изучен биологический круговорот элементов и тип химизма в системе почва–растение в естественных и агроэкосистемах; уста-

новлены методы оптимизации содержания макро- и микроэлементов в почвах и регулирования продукционных процессов растений в криоаридных условиях; дана интегральная оценка степени нарушенности лугопастбищных угодий по критериям состояния почвы и растительности; впервые применена технология риск-анализа для определения опасностей опустынивания почв аграрного назначения; предложены агротехнологические, эколого-агрохимические приемы сохранения и расширенного воспроизводства почвенного плодородия, а также адаптивно-дифференцированные системы землепользования по природно-климатическим зонам (от горно-таежной до полупустынной).

В Институте общей и экспериментальной биологии СО РАН постоянное внимание уделяется подготовке научных кадров высшей квалификации. Создана

аспирантура и функционирует Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям «почвоведение» и «агрохимия». За период работы совета сотрудниками и аспирантами института защищено 39 кандидатских и 5 докторских диссертаций. Помимо этого ведущие сотрудники принимают активное участие в образовательном процессе по подготовке бакалавров и магистров по специальностям агрохимия и агропочвоведение на кафедре почвоведения и агрохимии БГСХА им. В. Р. Филиппова.

Таким образом, теоретические и практические разработки академика Д. Н. Прянишникова в полной степени реализовались и продолжают совершенствоваться агрохимиками и почвоведцами Бурятского научного центра СО РАН в соответствии с современным уровнем социально-экономического развития Республики Бурятия.

Литература

1. Абашеева Н. Е. Агрохимия почв Забайкалья / отв. ред. В. М. Корсунов. – Новосибирск: Наука, 1992. – 214 с.
2. Абашеева Н. Е., Дугаров В. И., Чимитдоржиева Г. Д. Плодородие почв Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. – 159 с.
3. Бадмаев Н. Б., Корсунов В. М., Куликов А. И. Теплолагообеспеченность склоновых земель. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. – 124 с.
4. Бадмаев Н. Б., Куликов А. И., Корсунов В. М. Разнообразие почв криолитозоны Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 165 с.
5. Балсанова Л. Д., Гынинова А. Б., Корсунов В. М. Диагностика лесных почв Селенгинского среднегорья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 146 с.
6. Болонева Л. Н., Убугунов Л. Л. Биопродуктивность и емкость круговорота химических элементов пойменных фитоценозов дельты р. Селенги // Проблемы агрохимии и экологии. – 2010. – № 1. – С. 3–6.
7. Важенин И. Г., Важенина Е. А. Агрохимическая характеристика почв СССР. Разд. Забайкалье. – М.: Наука, 1969. – С. 5–208.
8. Вишнякова О. В., Чимитдоржиева Г. Д. Гуминовые кислоты лугово-черноземных мерзлотных почв Забайкалья // Почвоведение. – 2008. – № 7. – С. 805–809.
9. Вторушин В. А. Автоморфные почвы горной тайги Южного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1982. – 174 с.
10. Вторушин В. А., Пигарева Н. Н. Криоморфные почвы: перспективы их эффективного использования. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. – 295 с.
11. Гамзиков Г. П., Мангатаев Ц. Д., Пигарева Н. Н. Плодородие лугово-черноземных мерзлотных почв. – Новосибирск: Наука, 1991. – 133 с.

12. *Гомбоев Б. О.* Территориальные системы землепользования Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. – 126 с.
13. *Гынинова А. Б., Турсина Т. В., Балсанова Л. Д., Гынинова Д. Б., Иноземцев С. А.* Почвы сосново-березовых лесов высоких плейстоценовых террас Селенгинского дельтового района в Восточном Прибайкалье // Почвоведение. – 2010. – № 6. – С. 673–680.
14. *Гынинова А. Б., Шоба С. А., Балсанова Л. Д., Гынинова Б. Д.* Почвы дельты реки Селенги (генезис, география, геохимия). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 344 с. + 28 с. цв. ил.
15. *Дугаров В. И., Куликов А. И.* Агрофизические свойства мерзлотных почв. – Новосибирск: Наука, 1990. – 251 с.
16. *Зонн С. В., Курский П. И.* Основные положения и выводы из почвенно-геоботанических исследований в бассейне реки Селенги // Отчет о работе Бурят-Монгольской экспедиции: рукопись. – М., 1935.
17. *Иванов Г. М.* Биогеохимия марганца и меди в ландшафтах Тункинского Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1978. – 142 с.
18. *Иванов Г. М.* Микроэлементы-биофилы в ландшафтах Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 239 с.
19. *Ильин Ю. М.* Экология осушаемых торфяных почв Прибайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2011. – 235 с.
20. *Кашин В. К.* Биогеохимия, физиология и агрохимия йода. – Л.: Наука, 1987. – 261 с.
21. *Кашин В. К.* Хром в основных компонентах ландшафтов Забайкалья // Геохимия. – 2008. – № 5. – С. 562–569.
22. *Кашин В. К., Убугунов Л. Л.* Особенности накопления микроэлементов в зерне пшеницы в Западном Забайкалье // Агрохимия. – 2012. – № 4. – С. 68–76.
23. *Копосов Г. Ф.* Генезис почв Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – 255 с.
24. *Корзун М. А., Макеев О. В., Ногина Н. А., Уфимцева К. А.* Почвенное районирование Байкальской Сибири. – Улан-Удэ, 1960. – 68 с.
25. *Коробцев И. И., Колмаков Г. П., Бекетов С. А.* Применение удобрений на землях Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 112 с.
26. *Корсунов В. М., Красеха Е. Н.* Педосфера Земли. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 472 с.
27. *Корсунов В. М., Цыбжитов Ц. Х.* Почвенный покров бассейна оз. Байкал // Почвенные ресурсы Забайкалья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – С. 4–12.
28. *Корсунов В. М., Красеха Е. Н.* Пространственная организация почвенного покрова. – Новосибирск: Наука, 1990. – 20 с.
29. *Краснощеков Ю. Н., Горбачев В. Н.* Лесные почвы бассейна оз. Байкал. – Новосибирск: Наука, 1987. – 145 с.
30. *Кузьмин В. А.* Почвы котловин байкальского типа. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. – 144 с.
31. *Кузьмин В. А.* Почвы Прибайкалья и Северного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 175 с.
32. *Куликов А. И., Дугаров В. И., Корсунов В. М.* Мерзлотные почвы: экология, теплоэнергетика и прогноз продуктивности. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 312 с.
33. *Куликов А. И., Панфилов В. П., Дугаров В. И.* Физические свойства и режимы лугово-черноземных мерзлотных почв Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 136 с.
34. *Лбов В. А., Убугунов Л. Л., Лбов А. В., Убугунова В. И.* Агрономическое сырье Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2007. – 268 с.

35. Меркушева М. Г., Убугунов Л. Л., Чимитдоржиева Г. Д. и др. Органическое вещество почв Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 296 с.
36. Макеев О. В. Микроэлементы в почвах Сибири и Дальнего Востока. – М.: Наука, 1973. – 151 с.
37. Макушкин Э. О., Сорокин Н. Д., Корсунов В. М. Состояние микробных сообществ почв в различных условиях поемности в дельте р. Селенги. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 159 с.
38. Малханова Е. В., Егорова Р. А., Чимитдоржиева Г. Д. Сезонная динамика эмиссии CO₂ мерзлотными почвами Забайкалья // *Агрохимия*. – 2008. – № 2. – С. 66–69.
39. Мангатаев Ц. Д., Пьянкова Н. А., Рузавин Ю. Н. Содержание фосфатов в целинных и пахотных почвах Западного Забайкалья // *Доклады РАСХН*. – 2008. – № 4. – С. 27–29.
40. Мартынов В. П. Почвы горного Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1965. – 165 с.
41. Меркушева М. Г. Биопродуктивность сеяных злаковых травостоев в зависимости от режимов их использования // *Кормопроизводство*. – 2009. – № 7. – С. 8–14.
42. Меркушева М. Г. Гумусовое состояние и структура микробоценозов в дефлированных каштановых почвах Баргузинской котловины (Западное Забайкалье) // *Аридные экосистемы*. – 2012. – Т. 18. – № 2. – С. 44–53.
43. Меркушева М. Г. Удобрение многолетних трав и их продуктивность в Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1989. – 116 с.
44. Меркушева М. Г., Бадмаева С. Э., Убугунов Л. Л. Орошаемые почвы степных территорий Восточной Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 572 с.
45. Меркушева М. Г., Убугунов Л. Л., Кожевникова Н. М. и др. Агрохимическое минеральное сырье: P, K, S и микроэлементы. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 592 с.
46. Меркушева М. Г., Убугунов Л. Л., Корсунов В. М. Биопродуктивность почв сенокосов и пастбищ сухостепной зоны Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 515 с.
47. Меркушева М. Г., Убугунов Л. Л., Убугунова В. И. и др. Продукционные процессы в пойменных фитоценозах бассейна р. Селенги. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 394 с.
48. Мильхеев Е. Ю., Чимитдоржиева Г. Д. Гуминовые кислоты почв дельты реки Селенга бассейна озера Байкал // *Агрохимия*. – 2008. – № 7. – С. 45–49.
49. Михайленко М. М. Почвы южной тайги Западного Забайкалья. – М.: Наука, 1967. – 157 с.
50. Николаев Н. В. О генезисе засоленных почв Бурят-Монгольской Республики. – Иркутск, 1949. – 58 с.
51. Нимаева С. Ш. Микробиология криоаридных почв. – Новосибирск: Наука, 1992. – 176 с.
52. Ногина Н. А. Почвы Забайкалья. – М.: Наука, 1964. – 312 с.
53. Петрович П. И. Низинные торфяные почвы Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 139 с.
54. Пигарева Н. Н. Особенности фосфатного фонда почв криолитозоны Забайкалья (северные районы Бурятии) // *Агрохимия*. – 2010. – № 6. – С. 3–12.
55. Пигарева Н. Н., Корсунова Т. М., Пьянкова Н. А. Особенности гумусного состояния почв Бурятии // *Почвоведение*. – 2008. – № 4. – С. 431–440.
56. Почвенная карта азиатской части СССР (1926). Карта. Почвенная карта азиатской части СССР. 1:4200000 / ред. К. Д. Глинка. – Л., 1926. – 1 л.
57. Почвы Баргузинской котловины. – Новосибирск: Наука, 1983. – 270 с.
58. Прасолов Л. И. Южное Забайкалье: почвенно-географический очерк. Вып. 12. – М.; Л.: Наука, 1927. – 420 с.

59. Программа почвенной карты СССР. 1: 2 500 000. – М.: Почв. ин-т им. В. В. Докучаева ВАСХНИЛ, 1972. – 58 с.
60. Программа почвенно-эрозионной карты СССР. 1:2500000. – М.: Почв. ин-т им. В. В. Докучаева ВАСХНИЛ, 1987. – 16 с.
61. *Ревенский В. А.* Эффективность азотных удобрений на каштановых почвах Бурятии. – Новосибирск, 1985. – 150 с.
62. *Сеничкина М. Н., Абашеева Н. Е.* Микроэлементы в почвах Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 176 с.
63. *Соколов И. А., Таргульян В. О.* Статистический подход к анализу почвенного покрова (на примере горно-таежного Забайкалья) // Закономерности пространственного варьирования свойств почв. – М: Наука, 1970. – С. 131–147.
64. *Сосорова С. Б., Меркушева М. Г., Кашин В. К. и др.* Микроэлементный состав кормовых растений лесной зоны Прибайкалья // Агрохимия. – 2012. – № 6. – С. 53–65.
65. *Сосорова С. Б., Кашин В. К.* Тяжелые металлы в почвах и растениях дельты реки Селенги. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 162 с.
66. *Сосорова С. Б., Кашин В. К., Ширеторова В. Г.* Микроэлементы (Mn, Cu, Zn) в почвах и растениях дельты реки Селенги // Агрохимия. – 2008. – № 6. – С. 52–61.
67. *Убугунов В. Л., Доржонова В. О., Убугунов Л. Л.* Оценка фитотоксичности свинца в каштановой почве и дерново-подбуре (Западное Забайкалье) // Проблемы агрохимии и экологии. – 2010. – № 3. – С. 19–24.
68. *Убугунов В. Л., Кашин В. К.* Тяжелые металлы в садово-огородных почвах и растениях г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 128 с.
69. *Убугунов Л. Л.* Оптимизация минерального питания капусты. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. – 128 с.
70. *Убугунов Л. Л., Андреева И. М., Меркушева М. Г.* Агрохимическая оценка хлорида натрия как удобрения естественных пойменных травостоев Западного Забайкалья // Агрохимия. – 2012. – № 3. – С. 32–40.
71. *Убугунов Л. Л., Болонева Л. Н., Меркушева М. Г., Абашеева Н. Е.* Эколого-агрохимические основы повышения плодородия аллювиальных луговых почв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 116 с.
72. *Убугунов Л. Л., Будаев Б. Х., Меркушева М. Г.* Оптимизация макроэлементного питания картофеля в условиях орошения. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 188 с.
73. *Убугунов Л. Л., Дорошкевич С. Г., Мангатаев Ц. Д.* Эколого-агрохимическая эффективность осадков городских сточных вод и цеолитсодержащих туфов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 140 с.
74. *Убугунов Л. Л., Куликов А. И., Убугунова В. И., Меркушева М. Г., Дорошкевич С. Г.* Плодородие почв агроландшафтов Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2009. – 177 с.
75. *Убугунов Л. Л., Лаврентьева И. Н., Убугунова В. И., Меркушева М. Г.* Разнообразие почв Иволгинской котловины: эколого-агрохимические аспекты. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2000. – 208 с.
76. *Убугунов Л. Л., Меркушева М. Г., Абашеева Н. Е., Лаврентьева И. Н., Бадмаев А. Б.* Удобрения из минерального и органического сырья и их агрохимическая эффективность. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2013. – 353 с.
77. *Убугунов Л. Л., Меркушева М. Г., Кожевникова Н. М.* Агрохимическое минеральное сырье: природные цеолиты. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 418 с.
78. *Убугунов Л. Л., Меркушева М. Г., Лаврентьева И. Н.* Эффективность микроудобрений при выращивании картофеля на орошении // Картофель и овощи. – 2009. – № 7. – С. 7–8.
79. *Убугунов Л. Л., Убугунова В. И.* Почвы поймы нижнего течения р. Ховд в котловине больших озер Монголии // Почвоведение. – 2011. – № 11. – С. 1295–1303.

80. Убугунов Л. Л., Убугунова В. И., Корсунов В. М. Почвы пойменных экосистем Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 217 с.
81. Убугунов Л. Л., Хутакова С. В., Убугунова В. И. Разнообразие и основы рационального использования гидроморфных почв Байкальского региона. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2013. – 146 с.
82. Убугунов Л. Л., Энхтуяа Б., Мангатаев Ц. Д. Содержание фосфатов в агроземе каштановом Северной Монголии // Проблемы агрохимии и экологии. – 2012. – № 4. – С. 18–21.
83. Убугунова В. И., Убугунов Л. Л., Корсунов В. М., Балабко П. Н. Аллювиальные почвы речных долин бассейна Селенги. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – 254 с.
84. Уфимцева К. А. Почвы межгорных котловин южной тайги Забайкалья. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. – 101 с.
85. Уфимцева К. А. Степные и лесостепные почвы Бурятской АССР и их агропроизводственная характеристика. – М., 1960. – 150 с.
86. Цыбжитов Ц. Х. Почвы лесостепи Селенгинского среднегорья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. – 107 с.
87. Цыбжитов Ц. Х., Убугунова В. И. Генезис и география таежных почв бассейна озера Байкал. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. – 240 с.
88. Цыбжитов Ц. Х., Цыбжитов А. Ц. Почвы бассейна озера Байкал. Т. 1: Генезис, география и классификация степных и лесостепных почв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 165 с.
89. Цыбжитов Ц. Х., Цыбжитов А. Ц. Почвы бассейна озера Байкал. Т. 2: Генезис, география и классификация таежных почв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 173 с.
90. Цыбжитов Ц. Х., Цыбикдоржиев Ц. Ц., Гончиков Б.-М. Н., Давыдова Т. В. Структура почвенного покрова Тугнуйской котловины Забайкалья // Почвоведение. – 2008. – № 8. – С. 1–9.
91. Цыбжитов Ц. Х., Цыбикдоржиев Ц. Ц., Цыбжитов А. Ц. Почвы бассейна озера Байкал. Т. 1: Генезис, география и классификация каштановых почв. – Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1999. – 128 с.
92. Цыдыпова С. Б., Абашеева Н. Е. Влияние самария на продуктивность и качество овощных культур // Агрохимия. – 2013. – № 3. – С. 60–64.
93. Чимитдоржиева Г. Д. Гумус холодных почв. – Новосибирск: Наука, 1990. – 145 с.
94. Чимитдоржиева Г. Д., Андреева Д. Б., Вишнякова О. В., Мильхеев Е. Ю. Гуминовые вещества в природных объектах. – Новосибирск, 2007. – 190 с.
95. Чимитдоржиева Г. Д., Егорова Р. А., Корсунова Ц. Д.-Ц. Биологическая активность каштановых почв бассейна озера Байкал при применении на них отходов различных производств. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 158 с.
96. Чимитдоржиева Г. Д., Егорова Р. А., Ревенский В. А. Гумус дефлированных почв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 150 с.
97. Чимитдоржиева И. Б., Маладаев А. А., Абашеева Н. Е., Убугунов Л. Л. Влияние лантана на микробиологическую активность и фракционный состав азота в каштановой почве в посевах кукурузы // Агрохимия. – 2007. – № 4. – С. 5–9.
98. Эрдэнэжав Г., Убугунов Л. Л., Убугунова В. И. и др. Пойменные луга Северной Монголии. – М.: Товарищество научных изданий, 2008. – 240 с.
99. Andreeva D. B., Leiber K., Glaser B., Hambach U., Erbajeva M., Chimitdorgieva G. D., Tashak V., Zech W. Genesis and properties of black soils in Buryatia, southeastern Siberia, Russia // Quaternary International. – 2011. – № 243. – P. 313–326.

УДК 615.03

А. Н. Плеханов, О. А. Шабатина

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕЛЯ КВОТЛАН В ЛЕЧЕНИИ ВЕНОЗНЫХ ТРОФИЧЕСКИХ ЯЗВ

Дана сравнительная оценка лекарственных препаратов в лечении трофических язв при хронической венозной недостаточности. В частности, раскрыты фармакотерапевтические эффекты геля квотлан. С помощью специальных методов исследования доказан антибактериальный, антиоксидантный, противовоспалительный эффекты геля квотлан в лечении данной патологии. Кроме того, гель обладает выраженным регенерирующим и ранозаживляющим свойством, по сравнению с другими препаратами. Отдаленные результаты показывают низкую частоту рецидива заболевания после проведенного курса комплексного лечения венозных трофических язв с использованием геля квотлан. Препараты актовегин и солкосерил также обладают указанными свойствами, но выраженными в меньшей степени.

Ключевые слова: трофические язвы, болезни вен, диагностика, лечение.

A. N. Plekhanov, O. A. Shabatina

EXPERIENCE OF APPLICATION OF “KVOTLAN” GEL IN THE THERAPY OF VENOUS TROPHIC ULCERS

This article provides the comparative estimation of medical products in the treatment of trophic ulcers during chronic venous insufficiency. In particular pharmacotherapeutic effects of “kvotlan” gel are exposed. With the help of special methods of research the antibacterial, anti-oxidant, antiinflammatory effects of gel “kvotlan” in the treatment of this pathology are proven. Besides, the gel possesses expressed regenerating and wound-healing properties in comparison with other medicines. The long-term results show a low frequency of relapse after the course of complex treatment of venous trophic ulcers with gel “kvotlan.” Medicines “actovegin” and “solcoseryl” also possess the specified properties, but they are less explicit.

Key words: trophic ulcers, illnesses of veins, diagnostics, treatment.

Введение

Трофические язвы венозной этиологии представляют собой дефект кожи и подлежащих тканей медиальной поверхности голени, возникающий вследствие нарушения венозного оттока. Проблема трофических язв, обусловленная хронической венозной недостаточностью, несмотря на многовековую историю, не только не утрати-

ла своего значения, но и, напротив, актуальность ее в современной медицине неуклонно возрастает. В настоящее время от 600 тыс. до 2 млн. людей в мире страдают хроническими трофическими язвами. Распространенность венозных трофических язв среди взрослого населения России составляет 1–3 %, при этом средний возраст пациента – около 65 лет [3]. В среднем, по данным различных источников, трофические язвы венозной

ПЛЕХАНОВ Александр Николаевич – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой факультетской хирургии медицинского института Бурятского государственного университета, ведущий научный сотрудник НЦ РВХ СО РАМН, главный врач негосударственного учреждения здравоохранения «Отделенческая клиника на ст. Улан-Удэ» ОАО «РЖД». E-mail: plehanov.a@mail.ru.

ШАБАТИНА Олеся Алексеевна – аспирант кафедры факультетской хирургии медицинского института Бурятского государственного университета. E-mail: olesya.shabatina@mail.ru.

этиологии составляют более 70 % от всех язв нижних конечностей [5]. Согласно монографии В. С. Савельева, 59 % всех трофических язв обусловлены заболеванием вен [2].

Венозные трофические язвы представляют собой большую медико-социальную проблему. Только 50 % всех трофических язв венозной этиологии заживают в течение ближайших 4 месяцев, 20 % остаются открытыми на протяжении 2 лет, а 8 % не заживают и при 5-летнем наблюдении. Кроме того, даже в случае закрытия трофических язв частота рецидивов остается на уровне 6–15 % [6]. Такие трофические язвы приводят к снижению качества жизни пациентов и являются причиной длительной утери трудоспособности и инвалидности [4].

Традиционные методы лечения трофических язв венозной этиологии направлены на основные звенья патогенеза хронической венозной недостаточности – венозной гипертензии, которая приводит к нарушениям микроциркуляции в тканях, ее гипоксии и нарушениям трофики. Наиболее сложным моментом в лечении больных с хронической венозной недостаточностью, осложненной трофическими язвами, является очищение язвы и стимулирование репаративных процессов в тканях. Такой язвенный процесс характеризуется торпидностью течения со склонностью к рецидивам.

Местное лечение венозных трофических язв с помощью различных лекарственных средств или раневых покрытий является основным ключевым этапом лечения. Подход к местному лечению не является строго определенным правилом, а, скорее, – эволюционирующей концепцией и постоянно претерпевает изменения с накоплением опыта и появлением новых раневых средств. Широкое распространение получил принцип TIME (tissue, infection, moisture, edge), предложенный International Wound Bed Preparation Advisory Board [7]. Эта схема

предоставляет каждому доктору универсальный «каркас лечения».

Особое внимание при лечении больных с венозными трофическими язвами следует уделять местному применению антибактериальных препаратов. Неконтролируемое их применение приводит к появлению резистентных штаммов микроорганизмов, удлинению воспалительного процесса, снижению иммунных сил организма, замедлению процесса регенерации и переходу в хроническое течение заболевания. Доказано, что длительное применение таких антисептиков, как мирамистин, перекись водорода, хлоргексидин и др., оказывает цитотоксическое действие на грануляционную ткань, угнетает пролиферацию, способствует развитию контактного дерматита.

Для удаления некротических тканей широкое распространение получили протеолитические ферменты. Первыми начали применять растительный фермент папаин, позже лекарственные препараты, синтезированные из продуктов жизнедеятельности стрептококка (рибонуклеаза, гиалуронидаза, нуклеотидаза). Весьма эффективными в конце прошлого столетия были трипсин и химотрипсин, однако кристаллическая форма протеолитических ферментов оказалась не столь эффективной в клинической практике.

Широкое распространение получила коллагеназа, которая своим действием не повреждает компоненты соединительнотканного матрикса, увеличивает пролиферацию кератоцитов. Мазь ируксол, в основе которой лежит коллагеназа, доказала свою эффективность в лечении трофических язв венозной этиологии.

У пациентов с выявленным патологическим венозным рефлюксом должен ставиться вопрос о его хирургическом устранении [1]. Для ускорения заживления трофических дефектов используются пневмокомпрессии, миостимуляции, кожные пластики, методы ультразвуковой кавитации и NO-терапии, ЛФК. Однако продолжается поиск новых ле-

карственных средств, стимулирующих регенерацию тканей, заживление трофических язв и не вызывающих побочных эффектов.

Уже доказана реальная эффективность и ускорение заживления венозных трофических язв при использовании современных раневых покрытий, создающих и поддерживающих в ране оптимальные условия для аутолиза и регенерации, близкие к физиологическим. В этой связи заслуживает внимания и пристального изучения возможность применения в практике гидрогелей, альгинатов, гидроколлоидов и т. д.

Выбор перевязочного материала требует обязательного учета фазы течения раневого процесса. В настоящее время в мировой клинической практике особое место занимает концепция заживления трофических язв во влажной среде, применяя аутолитическую очистку язвы и поглощение раневого экссудата, влажную среду для миграции клеток, пролиферации, дифференциации и образования новых сосудов, иммунную блокаду инфекции, безболезненное удаление повязки, низкую токсичность и аллергенность.

Несколько лет назад была предложена стратегия обработки раны, основной целью которой был перевод хронической язвы в острую и удаление некротических тканей, а также фенотипически измененных клеток края и основания язвы и продуцируемого ими экссудата.

Перспективным направлением в лечении длительно незаживающих трофических язв является применение различных факторов роста, избирательно воздействующих на определенный компонент соединительной ткани (фактор роста фибробластов (FGF), эпидермальный фактор роста (EGF), тромбоцит-синтезирующий фактор роста (PDGF) и др.).

Особое место в лечении венозных трофических язв занимает коррекция местного и общего гемостаза свободно-радикальных процессов при лечении ран

и профилактике нарушения их заживления. Поэтому поиск новых патогенетически обоснованных препаратов, обладающих антиоксидантным действием и обеспечивающих значительный противовоспалительный и регенераторный эффект, является актуальным.

Цель работы

Оценка фармакотерапевтической эффективности геля квотлан в лечении длительно незаживающих трофических язв венозной этиологии.

Материалы и методы

Основную группу больных составили 32 пациента с венозными язвами, находившиеся на амбулаторном лечении, которым в комплекс лечения включали препарат квотлан. Среди них было 12 (37,5 %) мужчин и 20 (62,5 %) женщин. Возраст больных варьировал от 32 до 69 лет.

Квотлан содержит следующие ингредиенты: глицерин, гликолан, триэтиленгликоль, этиларбитол, цетилпиридиний хлорид моногидрат, полиэтиленоксид. Препарат применяли в виде геля в сочетании с марлевой салфеткой один раз в сутки, нанося на язвенную раневую поверхность. Курс лечения составлял 21 день.

В контрольную группу сравнения (КГ 1) вошли 22 пациента, которым в комплексном лечении местно применяли мазь солкосерил (Solcoseryl ointment). Среди них было 8 (36,3 %) мужчин и 14 (63,6 %) женщин. Возраст больных варьировал от 39 до 73 лет.

Ключевым действующим веществом мази солкосерил является стандартизированный биологически и химически депротеинизированный диализат, получаемый из крови здоровых молочных телят, – 2,07 мг/г. Он, в свою очередь, содержит совокупность компонентов сыворотки крови и клеточной массы, кото-

рые стимулируют процессы регенерации в коже: цетиловый спирт, холестерол, белый вазелин, консерванты: метилпарагидроксибензоат (E218) и пропилпарагидроксибензоат (E216). Ранее было установлено, что солкосерил улучшает поглощение и транспорт кислорода и глюкозы при гипоксии (недостаточном снабжении ткани кислородом или нарушении его усвоения). Мазь солкосерил нормализует сниженный энергетический обмен веществ в клетках и поддерживает жизнеспособность тканей в условиях гипоксии и дефицита питания, ускоряет восстановление обратимо поврежденных тканей, транспорт и утилизацию глюкозы и кислорода, стимулирует ангиогенез (образование новых сосудов), способствует реваскуляризации (восстановлению кровотока) ишемизированных тканей, ускоряет реэпителизацию и закрытие раны. Мазь наносили на поврежденную поверхность 2 раза в день. Курс лечения составлял 21 день.

Контрольную группу 2 (КГ 2) составили 27 пациентов, которым в комплекс лечения включали местное применение геля актовегин. Среди них было 12 (44,4 %) мужчин и 15 (55,5 %) женщин. Возраст больных варьировал от 34 до 69 лет.

Основным компонентом препарата является депротеинизированный гемодериват из крови телят. Вспомогательные вещества: кармеллоза натрия, пропиленгликоль, кальция лактат, метилпарагидроксибензоат, пропилпарагидроксибензоат, вода очищенная. Актовегин вызывает увеличение клеточного энергетического метаболизма. Его активность подтверждается увеличением потребления и повышением утилизации глюкозы и кислорода клетками. Эти два эффекта сопряжены, они вызывают увеличение метаболизма АТФ и, следовательно, повышают энергетический обмен. Результатом этого является стимулирование и ускорение процесса заживления, характеризующегося повышенным потреблением энергии.

Для очищения язвенных поверхностей наносили толстый слой геля и закрывали компрессом из марлевой повязки, пропитанной мазью. Повязку меняли один раз в сутки. Курс лечения составлял 21 день.

Группы больных были репрезентативны по площади и глубине трофических язв, выраженности перифокального воспаления, показателям расстройств кровообращения в венах нижних конечностей. Площадь язвенного дефекта составляла от 5,8 до 20,45 см². Длительность язвенного анамнеза варьировала от 3 месяцев до 10 лет. У 41 (50,6 %) из 81 пациентов язва имела рецидивирующее течение. В 52 (64,1 %) наблюдениях язвы были осложнением варикозной болезни нижних конечностей, в остальных 29 (35,8 %) – следствием посттромбофлебитического синдрома.

Во всех случаях язвы располагались на медиальной поверхности нижней и средней трети голени. На момент начала лечения у всех пациентов язвенный дефект характеризовался наличием фибринозных и фибринозно-гнойных осложнений с явлениями перифокального воспаления с отсутствием грануляции и эпителизации.

При поступлении всем больным производилось комплексное обследование: помимо общеклинического мониторинга выполнялось ультразвуковое доплеровское сканирование (оценивалась компенсация венозного оттока, состояние микроциркуляции тканей), бактериоскопическое исследование (оценивалась бактериальная контаминация раневой поверхности, выраженность перифокального воспаления), исследовалась антиоксидантная активность крови (определялось содержание продуктов перекисного окисления липидов), а также оценивалась динамика площади заживления трофических язв. Динамику клинического заживления трофических язв производили один раз в 7 дней в течение 21 суток.

Критериями включения в исследование были пациенты обоего пола в возрасте от 18 до 75 лет, находившиеся на амбулаторном лечении и имевшие трофические язвы голени одной или обеих нижних конечностей диаметром от 5,0 до 21,0 см², давностью не менее 3 месяцев.

Критериями исключения служили общее тяжелое соматическое состояние у пациентов, которые не могли соблюдать рекомендации врача, а также наличие сахарного диабета, облитерирующих заболеваний нижних конечностей, онкологических и других социально значимых заболеваний.

В комплекс лечения включали также уже зарекомендованные методы лечения в виде местного воздействия на язву окисью азота, этапных некрэктоми, комплекса консервативных мероприятий (компрессионная терапия, лечебно-охранительный режим с преимущественным пребыванием в горизонтальном положении и с элементами постурального дренажа для пораженной конечности, антибактериальная терапия, поливитамины, детралекс в стандартной суточной дозировке (1000 мг), производные пентоксифиллина (суточная доза 1200 мг), нестероидные противовоспалительные препараты (вольтарен, диклофенак, бруфен, кетонал и др.), иммуномодулирующая терапия.

Результаты и обсуждение

Проведенное гистологическое исследование трофических язв при традиционном лечении показало, что заживление длительно незаживающих трофических язв характеризовалось образованием неполноценной грануляционной ткани с расстройствами микроциркуляции, отеком, хронической воспалительной инфильтрацией и гнойно-некротическими изменениями тканей, раневой инфекцией. Применение квотлана в виде раневого покрытия стимулировало макрофагальную реакцию, усиливало пролиферацию фибробластов и эпителия,

уменьшало степень бактериальной контаминации трофической язвы.

Очищение язв от наличия фибрина достигалось к 15,2 суток от начала лечения (в группе сравнения 1 – к 18,1, в группе сравнения 2 – к 19 суткам). Наряду с очищением трофических язв также было отмечено значительное снижение болевого синдрома (в среднем с 2,2 до 1,2 балла), уменьшение выраженности дискомфорта (в среднем с 7,7 до 3,0 см по 10-сантиметровой шкале). На фоне очищения отмечалась выраженная активация репаративных процессов в виде роста грануляционной ткани и появления краевой эпителизации, что привело к сокращению площади язвенного дефекта в среднем с 7,9 до 6,6 см² (табл. 1).

Результаты применения сравниваемых препаратов анализировали на основании следующих показателей: клинических (длительность болей, температурной реакции, зуда в области трофической язвы), клинического анализа крови, динамики течения раневого процесса, цитологического исследования, исследования продуктов ПОЛ (малонового диальдегида, каталазы). Результаты клинических проявлений в группах больных представлены в таблице 2.

Из таблицы 2 видно, что отмечались достоверные различия в длительности клинических проявлений между основной группой больных (получавших в комплексном лечении препарат квотлан), контрольной группой 1 (получавших в комплексном лечении препарат солкосерил) и контрольной группой 2 (получавших в комплексном лечении препарат актовегин).

При исследовании общего анализа крови нами не было отмечено достоверных различий в группах по показателям эритроцитов, лейкоцитов, лимфоцитов, СОЭ между группами пациентов на протяжении всего курса лечения.

Динамика репаративных процессов в ранах по данным цитологического исследования приведена в таблице 3.

Таблица 1
Результаты лечения венозных трофических язв в основной группе больных

Показатель	До лечения	После лечения
Раневая боль, баллов	2,2	1,2
Площадь язвенного дефекта средняя, см ³	7,9	6,6
Шкала дискомфорта средняя, см	7,7	3,0
Маллеолярный объем, см	22,4	20,2

Таблица 2
Клинические показатели в основной и контрольных группах больных

Показатель	Основная группа	Контрольная группа 1	Контрольная группа 2
Длительность боли, дней	6,65±1,4*	12,2±2,4*	13,4±2,2*
Длительность температуры, дней	9,9±1,7*	9,2±1,6	14,4±2,4*
Длительность зуда в области трофической язвы	7,4±1,4*	11,6±2,0*	12,2±2,2*

Примечание. * Достоверность различий между основной группой и группами клинического сравнения ($p \leq 0,05$).

Таблица 3
Результаты цитологического исследования у больных основной и контрольных групп

Показатель	Дни исследования	Основная группа	Контрольная группа 1	Контрольная группа 2
Нейтрофилы	Исходные данные	98±5,7	92,9±6,2	88,4±6,2
	7-е сутки	66±9,9	59,4±8,4	76,6±5,8
	14-е сутки	52,6±8,8*	60,2±5,8	72,4±5,0
	21-е сутки	32,2±4,8*	52,2±9,8*	44,4±6,2**
Макрофаги	Исходные данные	7,7±1,6	7,9±1,7	7,0±2,1
	7-е сутки	2,2±0,8*	5,7±1,1	7,2±1,4
	14-е сутки	2,6±1,2*	5,2±1,2	3,6±2,2
	21-е сутки	1,6±0,6*	3,5±1,8	3,6±1,8
Фибробласты	Исходные данные	3,4±1,2	3,8±2,6	3,4±1,4
	7-е сутки	5,5±2,1	4,2±2,2	3,2±1,8
	14-е сутки	7,7±1,8*	5,6±2,6	5,2±2,2
	21-е сутки	9,2±2,2*	6,4±1,8	7,8±2,9

Примечание. * Достоверность различий между основной группой и группами клинического сравнения ($p \leq 0,05$); ** достоверность различий между контрольными группами ($p \leq 0,05$).

Из приведенных в таблице 3 данных видно, что клеточный состав язвенно-раневой поверхности исходно существенно не отличался. В то же время к 21 суткам у больных основной группы отмечалось более значимое снижение числа нейтрофилов, макрофагов и возрастание количества фибробластов, по сравнению с контрольными группами. В контрольных группах больных отмечалась подобная тенденция. Полученные данные свидетельствуют о более выраженном регенераторно-воспалительном типе цитограмм у пациентов основной группы, получавших в комплексной терапии местно гель квотлан.

Таким образом, по данным цитологического исследования, у больных основной группы репаративные процессы в трофических язвах протекали более активно, чем у пациентов контрольных групп.

Эпителизация ткани появлялась к 10,2 суток в основной группе и к 12,5 и 11,8 суток соответственно в КГ 1 и КГ 2. Окончательное заживление трофических язв происходило к 21 суткам в основной группе больных, к 28 суткам в КГ 1 и к 26 суткам в КГ 2. При исследовании антиоксидантной активности было отмечено, что во всех трех группах больных концентрация малонового диальдегида и каталазы была выше нормальных показателей и составила в среднем $14,68 \pm 3,94$ мкмоль/л (табл. 4).

В основной группе больных отмечалось достоверное снижение концентрации содержания малонового диальдегида (МДА) с $15,26 \pm 2,66$ до $7,08 \pm 1,27$ мкмоль/л ($p < 0,001$). В 97 % случаев у больных хронической венозной недостаточностью, осложненной трофическими язвами, при терапии с применением квотлана выявлено снижение концентрации МДА в 2,1 раза к 21 суткам лечения. В контрольной группе 1 также отмечалось достоверное снижение концентрации МДА, но выраженное в меньшей степени – с $14,77 \pm 2,54$ до $11,12 \pm 1,4$ мкмоль/л ($p < 0,05$), т. е. снижение исходной концентрации МДА произошло в 1,3 раза к 21 суткам лечения. В контрольной группе 2 (пациентам, которые в комплексном лечении принимали местно актовегин) концентрация малонового диальдегида также уменьшалась с $15,06 \pm 2,04$ до $9,12 \pm 1,54$ мкмоль/л ($p < 0,05$). К 21 суткам отмечено уменьшение концентрации малонового диальдегида в 1,7 раза. Аналогичные результаты были получены при исследовании динамики уровня каталазы (табл. 5). Из полученных данных следует, что во всех группах больных на фоне комплексной терапии отмечено повышение активности системы антиоксидантной защиты и снижение интенсивности протекания свободнорадикальных реакций перекисного окисления липидов.

В целом имелись достоверные межгрупповые различия в оценке антиокси-

Таблица 4

Динамика показателей малонового диальдегида в процессе лечения

Группа больных	Исходные показатели, мкмоль/л	Показатели малонового диальдегида в различные периоды исследования		
		7 суток	14 суток	21 сутки
Основная	$15,26 \pm 2,266$	$10,91 \pm 1,82^*$	$6,65 \pm 1,35^*$	$7,08 \pm 1,27^*$
Контрольная 1	$14,77 \pm 2,54$	$15,34 \pm 3,36^{**}$	$10,21 \pm 1,9^{**}$	$11,12 \pm 1,4^{**}$
Контрольная 2	$15,06 \pm 3,11$	$12,22 \pm 1,82$	$13,22 \pm 1,92^{**}$	$9,12 \pm 1,97$

Примечание. * Достоверные различия с исходными показателями ($p \leq 0,05$); ** достоверные различия между группами сравнения ($p \leq 0,05$).

Таблица 5

Динамика показателей каталазы в процессе лечения

Группа больных	Исходные показатели, мкат/л	Показатели каталазы в различные периоды исследования		
		7 суток	14 суток	21 сутки
Основная	1,61±0,42	1,94±0,82**	2,86±1,02	6,08±2,2*
Контрольная 1	1,54±0,67	1,55±0,62**	1,96±1,8	4,44±2,8*
Контрольная 2	1,66±0,88	1,46±0,52**	2,02±1,8	3,35±1,9*

Примечание. * Достоверные различия с исходными показателями ($p \leq 0,05$); ** достоверные различия между группами сравнения ($p \leq 0,05$).

дантной активности указанных препаратов в комплексном лечении больных с хронической венозной недостаточностью. Наиболее значимые различия с высокой степенью достоверности отмечены между ОГ и КГ 1 и КГ 2. Это свидетельствует о том, что все три указанных препарата обладают выраженным антиоксидантным свойством, однако у препарата квотлан оно более значимо. Данные коррелируют с прямой зависимостью (+0,31) со сроками заживления трофических язв венозной этиологии.

При оценивании микробного пейзажа раневой поверхности у половины больных (49,3 %) при посевах высеян *Staphylococcus aureus*, у 25,9 % – *Proteus mirabilis*, у 8,1 % – *Pseudomonas aeruginosa*, у остальных – 16,3 % – разные ассоциации грамположительных и грамотрицательных микроорганизмов. В конце курса лечения у всех пациентов отмечена положительная динамика, выявлена непатогенная и условно патогенная микрофлора, не превышающая критический уровень обсемененности. Наряду с очищением раневой поверхности происходило значительное снижение болевого синдрома, а также уменьшение степени дискомфорта. Следует также отметить, что ни в одной из групп больных мы не отметили нежелательных реакций и побочных эффектов.

В качестве иллюстрации эффективности применения геля квотлан в ком-

плексной терапии венозных трофических язв приводим клиническое наблюдение. Больная М., 49 лет (и.б. № 1217), находилась на стационарном лечении с диагнозом: посттромбофлебитический синдром (бедренно-подколенный сегмент), отечно-варикозная форма, стадия декомпенсации с трофическими нарушениями. Поступила в удовлетворительном состоянии. Больная повышенного питания. Дыхание везикулярное, без хрипов. Тоны сердца ясные ритмичные, пульс 86 уд/мин., ритмичный. АД 140/90 мм рт.ст. Живот мягкий, безболезненный. Печень не увеличена. Диурез достаточный.

Локально: правая голень и стопа в объеме больше левой. В средней трети ее отмечается индурация и пигментация кожных покровов. На внутренней поверхности голени трофическая язва 3×6 см в диаметре, покрытая по краям фибрином. Грануляции отсутствуют.

Больной произведено комплексное обследование, назначено лечение. В комплекс лечения включали местное воздействие на язву окисью азота, компрессионную терапию, лечебно-охранительный режим, антибактериальную терапию, поливитамины, детралекс в стандартной суточной дозировке (1000 мг), производные пентоксифиллина (суточная доза 1200 мг), нестероидный противовоспалительный препарат вольтарен. Местно назначены перевязки с гелем квотлан 1 раз в сутки. Комплексная терапия про-

водилась в течение 21 суток. Раневой процесс протекал гладко. На 8-е сутки появилась грануляция язвенной поверхности, на 11-е сутки – краевая эпителизация. Трофическая язва полностью эпителизовалась к 19 суткам лечения.

В динамике оценивали показатели продуктов ПОЛ к 21 суткам терапии. Отмечено снижение малонового диальдегида с 15,10 до 6,95 мкмоль/л, а также увеличение уровня каталазы с 1,5 до 5,95 мкат/л. По данным цитологического исследования язвы, к 21 суткам отмечено снижение числа нейтрофилов с 75 до 15 %, а также увеличение числа фибробластов с 2 до 20 %, что свидетельствовало о регенераторном типе цитограммы.

Таким образом, местное применение геля квотлан в комплексной терапии способствовало стимуляции репаративных процессов в трофической язве и заживление ее в более короткие сроки. Отдаленные результаты лечения больных после проведенного комплексного лечения венозных трофических язв оценивали через 12 месяцев у 16 (50 %) пациентов

основной группы, у 12 (54,4 %) больных КГ 1 и у 12 (44,4 %) – КГ 2. При оценке результатов обращали внимание на данные клинического объективного осмотра пациента, локальный статус, данные инструментальных и лабораторных методов.

Рецидив трофической язвы у больных основной группы отмечен в трех (19 %) случаях. В контрольной группе 1 рецидив заболевания наблюдался у 8 (53 %) пациентов, а в контрольной группе 2 у 7 (58 %) больных (рис.).

Таким образом, большой процент выздоровления после одного курса лечения и низкий процент рецидивов позволяет рекомендовать применение геля квотлан в комплексной терапии трофических язв у больных с хронической венозной недостаточностью. Квотлан обладает выраженным антибактериальным и антиоксидантным эффектами. Препараты солкосерил и актовегин обладают достаточной ранозаживляющей и регенераторной активностью, но выраженной в меньшей степени.

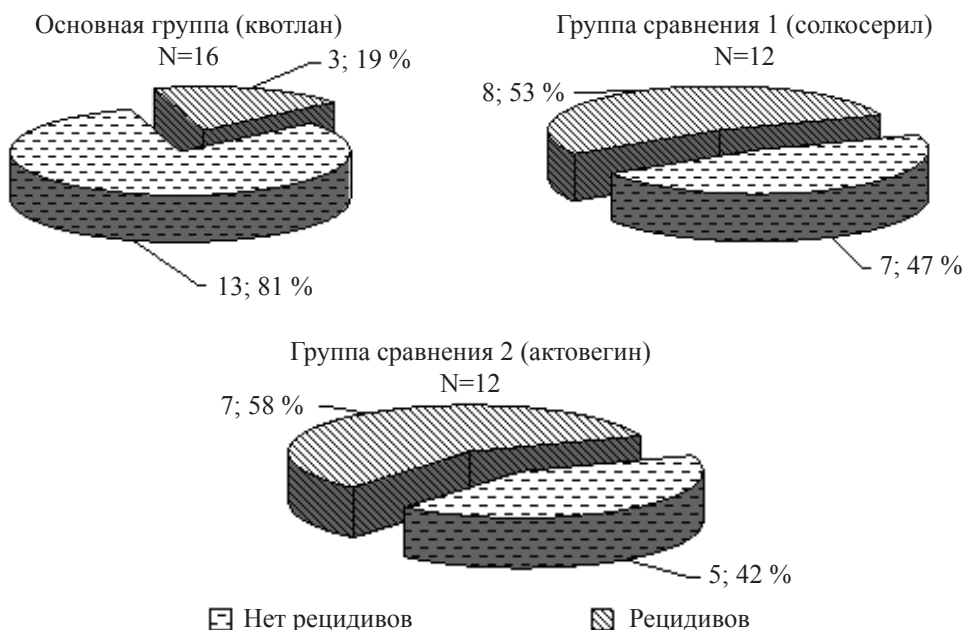

Рис. Частота рецидивов в группах больных

Литература

1. Кириенко А. И., Богачев В. Ю., Богданец Л. И. Лечение трофических язв венозной этиологии // *Consilium medicum*. – 2000. – Т. 2. – № 4. – С. 6–12.
2. Савельев В. С. Флебология. – М., 2001. – 565 с.
3. Учкин И. Г., Багдасарян А. Г. Современные подходы к лечению венозных трофических язв // *Российский медицинский журнал*. – 2012. – № 4. – С. 12–19.
4. *Baranoski S., Ayello E. Wound Care Essentials. Practice Principles // Lippincott Williams & Wilkins*. – 2008. – 342 p.
5. *Bouza C., Munoz A., Amate J. M. Efficacy of modern dressings in the treatment of leg ulcers: A systematic review. Wound Repair and Regeneration*. – 2005. – Vol. 13. – P. 218–229.
6. *Nicolaides A. N. Investigation of chronic venous insufficiency // A consensus statement*. – 2000. – 120 p.
7. *Vuerstaek J. D. D., Vainas T., Wuite J. State-of-the-art treatment of chronic leg ulcers: a randomized controlled trial comparing vacuum-assisted closure (V.A.C.) with modern wound dressings // J. Vasc. Surg.* – 2006. – Vol. 44. – P. 1029–1038.

УДК 615.03

Ц. Б. Цыденова

ИММУНОМОДУЛИРУЮЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ ПРЕПАРАТА БАЛИЗ-2 У БОЛЬНЫХ С БАКТЕРИАЛЬНЫМ ВАГИНОЗОМ

Рассматривается эффективность использования в клинической практике препарата бализ-2. Авторами установлена его фармакотерапевтическая ценность в лечении бактериальных вагинозов. Доказано, что помимо клинического эффекта препарата, отмечается его иммуномодулирующий эффект. Бализ-2 обладает антимикробным, противовоспалительным, иммуномодулирующим и иммунокорректирующим эффектом.

Ключевые слова: бактериальный вагиноз, фармакология, лечение, иммунология.

T. B. Tsydenova

PHARMACOTHERAPEUTIC EFFICACY OF THE PREPARATION BALIZ-2 IN THE TREATMENT OF BACTERIAL VAGINOSIS

This article considers the efficiency of the use of a preparation Baliz-2 in clinical practice. The authors prove its pharmacotherapeutic value in the treatment of bacterial vaginosis. It is proved, that besides clinical effect, its marked immunomodulatory effect is observed. The preparation Baliz-2 possesses antimicrobial, anti-inflammatory, and immunomodulatory effects.

Key words: bacterial vaginosis, pharmacology, therapy, immunology.

Введение

Известно, что среди воспалительных заболеваний женской половой сферы основной процент занимают воспалительные процессы влагалища и шейки матки [2; 4]. К числу достаточно частых гинекологических заболеваний относится бактериальный вагиноз (БВ), составляющий от 20 до 60 % всех вульвовагинальных инфекций [3]. При БВ происходит нарушение микробиоценоза влагалища и вырастает роль условно-патогенной микрофлоры, дающей клиническую симптоматику [1].

Высокая частота заболевания, частую хроническое рецидивирующее течение, возможность серьезных осложнений со стороны репродуктивной системы обуславливают актуальность и социальную значимость лечения данной патологии [1; 5]. Развитие рецидива связано с неадекватной местной терапией, со снижением иммунной реактивности организма женщины и изменениями микробной флоры влагалища в разные возрастные периоды жизни при недостаточности локального автономного иммунитета [2]. Помимо клинических и социальных аспектов проблема воспалительных заболеваний нижних отделов гениталий имеет и экономическое значение [3; 5].

При длительном применении традиционной дорогостоящей противовоспалительной терапии возникает проблема развития дисбактериоза и аллергических реакций. В связи с этим представляется актуальной разработка адекватных методов лечения воспалительных заболеваний нижних половых органов у женщин, в первую очередь комплексных лечебных мероприятий, направленных на восстановление нарушенного иммунного статуса. Этиотропными препаратами для лечения БВ являются метронидазол и клиндамицин, обладающие антианаэробным спектром действия. Однако при использовании этих препаратов у 8–16 % развивается кандидозный вульво-

вагинит, который необходимо дополнительно лечить антифунгинальными препаратами. Поэтому использование препаратов местного действия, обладающих противомикробными свойствами, имеет подчас свои преимущества. Целью исследования явилась оценка эффективности препарата бализ при лечении БВ у женщин репродуктивного возраста.

Исследование произведено у 48 женщин в возрасте от 18 до 56 лет с бактериальными вагинитами. При посевах из влагалища высеивался протей и золотистый стафилококк. Все больные были обследованы по единому стандарту. Диагностика вагинита включала: тщательный сбор анамнеза, осмотр, бактериоскопическое и бактериологическое исследование. Оценивались также следующие показатели: лейкоцитарная формула, количество Т- и В-лимфоцитов (CD_3 , CD_4 , CD_8 , CD_{22} , CD_{16}), иммунорегуляторный индекс (ИРИ) – CD_4/CD_8 , уровни сывороточных иммуноглобулинов (IgA, IgM, IgG), циркулирующих иммунных комплексов.

Нами оценен препарат бализ в виде суппозиторий, 0,8 % водного раствора и мази бализ-2. Препарат бализ-2 представляет собой сумму глюконовых кислот: глюконовую, 2,5-дикетоглюконовую, 5-кетоглюконовую, 2-кетоглюконовую и коеновую кислоты. Он обладает бактерицидным и стимулирующим действием. Разработаны и внедрены в практику новые формы бализ-2: суппозитории бализ для лечения геморроя и вагиноза. Препарат бализ имеет ряд преимуществ: в большинстве случаев он оказывает более выраженное действие на кандиды, одновременно обладает широким спектром бактериальной активности. Также его преимуществом является прекрасная переносимость и высокая эффективность, он подавляет лекарственно устойчивую микрофлору, способствуя быстрому очищению от инфекций влагалища, а также вызывает быстрое уменьшение экссудации, инфильтрации и способствует по-

явлению грануляций. В настоящее время бализ-2, бализ-В, суппозитории бализ и мазь бализ-М производится в ООО «Кубанская научно-производственная лаборатория физиологически активных веществ» (г. Краснодар). Проводилось детальное изучение раствора бализ-2 и суппозитория бализ, разрешенных к применению в широкой медицинской практике Минздравом РФ.

Схемы лечения были однозначны: свечи или мазь 2 раза в день в течение 5 дней или водный раствор в виде ванночек 1 раз в день – 7 дней. В контрольной группе 22 больные получали местное лечение в виде свечей бетадин в течение 10 дней. Гинекологический и соматический анамнезы, репродуктивная функция были практически одинаковыми.

Все больные были разделены нами на 3 группы: основную – 112 пациенток, которые в комплексном лечении получали противовоспалительный препарат бализ-2; группу клинического сравнения № 1 составили пациентки, получавшие курс комплексной терапии + тержинан (1 свеча на ночь); группа клинического сравнения № 2 – пациентки, получившие лечение полижинакс (1 свеча на ночь вагинально).

В комплекс лечения больных включали метронидазол. Терапия назначалась в соответствии с европейскими стандартами лечения БВ (2003): метронидазол по 500 мг два раза в день в течение 7 дней. Динамическое наблюдение за пациентами осуществляли на 3-й (1-й визит), 7-й (2-й визит) и 10-й дни (3-й визит).

Клиническая картина БВ была типичной в обеих группах: обильные бели с запахом, рН > 4,8 у 72,6 % в 1-й и 81,6 % во 2-й группах, дизурические явления у 28,6 % и 13 % соответственно, положительный КОН-тест у 96 и 100 % в обеих группах, при кольпоскопии – цилиндрический эпителий за пределами 1-й зоны, УБЭ в 1-й группе, во 2-й группе у 16,7 % больных нежная мозаика и пунктация по периферии ЦЭ.

Эффективность лечения оценивали на основании клиники, результатов микроскопии мазков и бактериологических исследований до и после лечения.

Полученные результаты

Больные, получавшие лечение тампонами с препаратом бализ-2 водным раствором 0,8 % по 20 мин., отметили улучшение: исчезли чувства жжения, дискомфорта, диспареуния. Микроскопия после лечения показала нормализацию или улучшение микробного пейзажа. Иммунный статус у женщин с острыми бактериальными вагинитами характеризовался снижением общего числа Т-лимфоцитов с первых дней ($CD_3=47\pm 13,45$ %, норма – $67,3\pm 1,21$). В наших исследованиях отмечалось резкое снижение CD_4 клеток ($30\pm 12,8$ %) (табл. 1).

Содержание CD_8 -клеток изменялось незначительно на протяжении всего заболевания и в среднем составляло $35,6\pm 11,85$. Дисбаланс хелперов и супрессоров в сторону повышения супрессорной активности ($CD_4/CD_8=0,93\pm 0,46$ при норме 1,2–2,5). Количество В-лимфоцитов имело тенденцию к повышению ($CD_{22}=28,4\pm 8,8$ % при норме $8,2\pm 0,88$). Изучение уровня иммуноглобулинов также позволило выявить определенные особенности их изменения. Обнаружено незначительное повышение уровня иммуноглобулинов IgA, IgM, IgG и его существенное увеличение при воспалительных осложнениях, что свидетельствует о выраженном нарушении гуморального иммунитета и отражает наличие острого воспалительного процесса (табл. 2).

Как видно из таблицы 2, после проведенного лечения у больных с воспалительными процессами нижних гениталий наблюдалось уменьшение дисфункции локальной противомикробной защиты, которое проявилось в увеличении содержания иммуноглобулина А в 2,5 раза, иммуноглобулинов классов М и G – в 3,8

Таблица 1

Показатели Т-клеточного звена иммунитета у пациенток
основной группы до и после лечения

Показатель	Норма	Исходное значение показателей	Визит 1	Визит 2	Визит 3
Лимфоциты, %	31,6±0,5	25,5±0,5	28,4±0,22**	30,3±0,4 **	31,3±0,5 **
CD3, % (Т-лимфоциты)	61,3±1,7	51,4±1,4	52,8±0,4**	67,7±2,1**	62,6±1,5**
CD4, % (Т-хелперы)	41,4±1,4	36,1±1,1	37,9±0,6**	44,1±1,1**	42,7±1,16**
CD8, % (Т-киллеры)	35,9±0,5	43,9±0,9	38,6±0,41*	37,2±0,4**	36,0±0,3**
CD4/CD8	1,21±0,04	0,95±0,03	0,91±0,01*	1,19±0,04**	1,12±0,3**

Примечание. * p<0,05; ** p<0,01 – по отношению к исходным величинам до начала лечения препаратом бализ-2.

Таблица 2

Показатели гуморального звена иммунитета у пациенток основной группы
с БВ до и после лечения

Показатель	Норма	Исходное значение показателей	Визит 1	Визит 2	Визит 3
CD19, % (В-клетки)	15,02±1,34	9,59±1,07	13,05±0,06**	17,05±1,42**	15,03±1,22**
Ig G, мг/мл	15,05±1,12	11,4±0,06	13,75±0,33**	16,14±0,35**	15,7±1,02**
Ig M, мг/мл	1,86±0,25	1,19±0,11	1,45±0,02*	1,96±0,05**	2,04±0,03**
Ig A, мг/мл	3,55±0,28	2,05±0,04	2,99±0,01**	3,32±0,02**	4,07±0,02**

Примечание. Усл. обозн. см. табл. 1.

и 2,2 раза, что служит критерием регрессирования воспалительного процесса.

Показатели IgA, IgG и IgM достигают условной нормы в группе пациенток, где проводилось лечение бализом. Тенденция к нормализации показателей местного иммунитета отмечена и в группах сравнения, но выражена в значительно меньшей степени (рис. 1–3).

Клинико-иммунологическое обследование женщин с бактериальным вагинозом выявило изменения показателей иммунной системы при данной патологии. Они выражались в достоверном снижении абсолютного количества Т- и В-лимфоцитов. В 82,5 % случаев выяв-

лено снижение абсолютного количества и в 92,6 % уменьшение функциональной активности субпопуляций Т-клеток, определяющих направление и силу иммунного ответа. Отмеченные изменения в совокупности образуют вторичное иммунодефицитное состояние, требующее соответствующей иммунокоррекции. Как показали исследования, препарат бализ-2 имеет иммуномодулирующее действие, оказывая влияние как на Т-, так и на В-клеточное звено иммунитета.

Клинико-иммунологическая эффективность препарата бализ-2 при включении его в комплексную терапию больных бактериальным вагинозом выражалась в

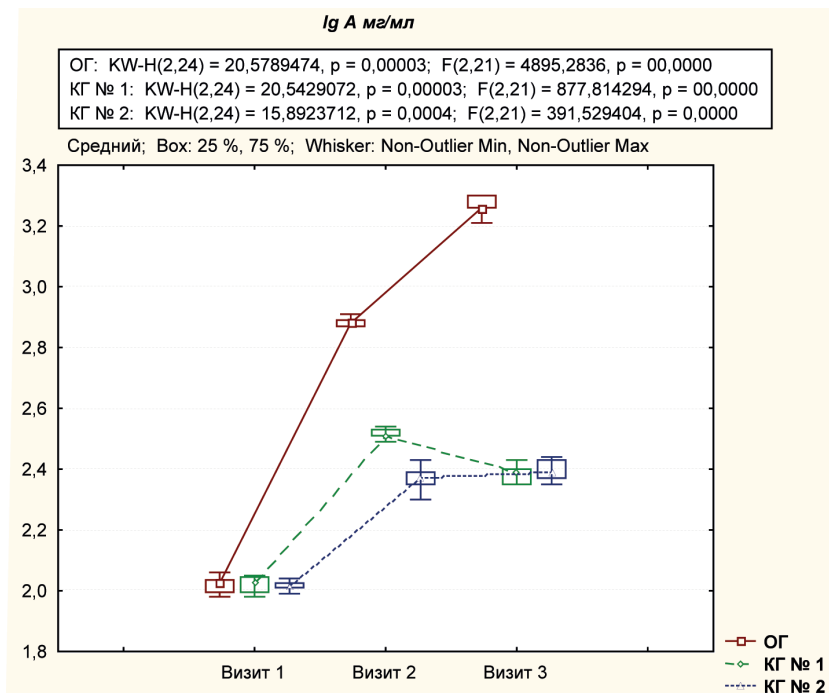

Рис. 1. Динамика Ig A в группах больных

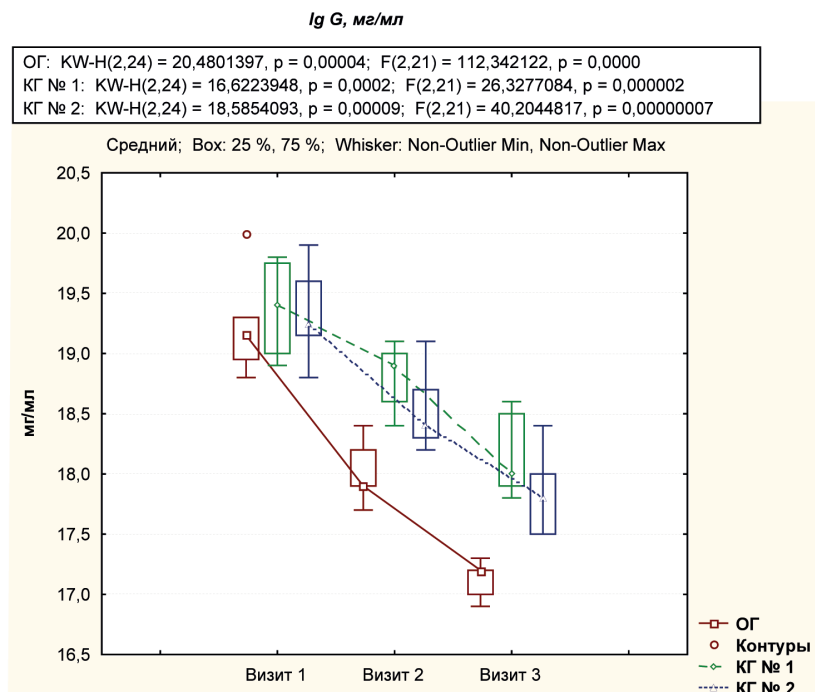

Рис. 2. Динамика Ig G в группах больных

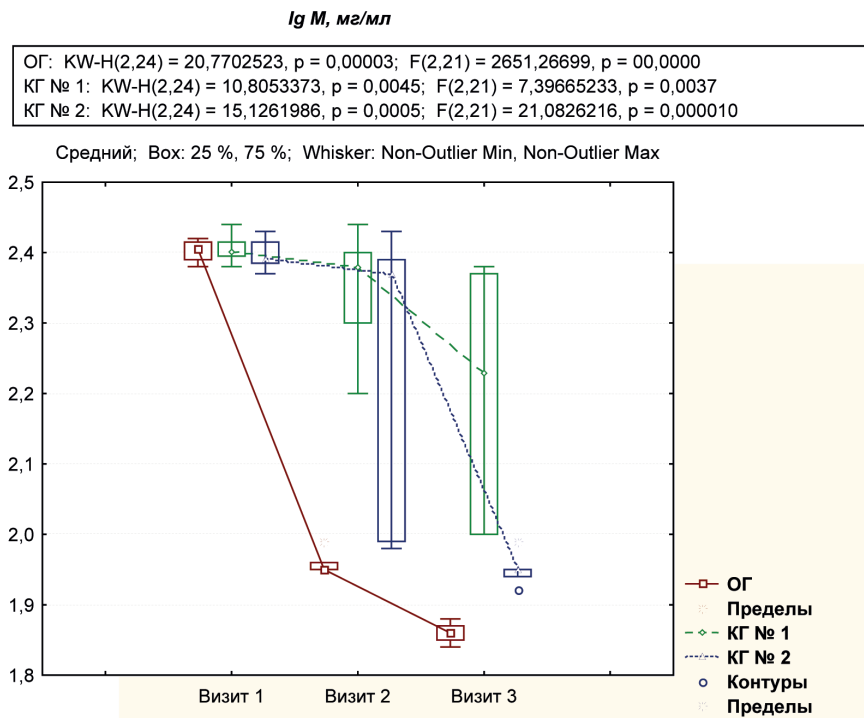

Рис. 3. Динамика Ig M в группах больных

восстановлении количественных и качественных показателей иммунитета в 94,7 % случаев. В группе сравнения 1 уровень показателей специфического иммунитета и неспецифической резистентности в результате лечения восстановился только у 32,8 % больных, в группе сравнения 2 – у 45 % больных.

Местное назначение бализа в виде орошений, аппликаций вызвало клиническое улучшение, а также улучшение в иммунограмме. После проведенного лечения достоверно увеличилось количество Т-лимфоцитов до $CD_3=58\pm 7,35\%$, а также CD_4 клеток до $43,2\pm 9,9\%$). Однако сохранялся дисбаланс хелперов и супрессоров в сторону повышения супрессорной активности. Количество В-лимфоцитов также повышалось ($CD_{22}=34,3\pm 10,1\%$).

Выводы

Таким образом, препарат бализ-2 всех форм (свечи, крем, водный раствор) обладает хорошей бактерицидной активностью в отношении анаэробной и факультативной микрофлоры влагалища и грибов и может использоваться в лечении БВ как острых, так и рецидивирующих форм. Успех в лечении достигается за 7 дней, но эффективность лечения рецидивирующих форм БВ значительно ниже, чем острых, что требовало повторных курсов лечения.

Препарат бализ-2 обладает антимикробным, противовоспалительным, иммуномодулирующим и иммунокорригирующим эффектом в лечении острых и рецидивирующих бактериальных вагинозов.

Литература

1. Мальшева С. В. Современные аспекты клинического течения и лечения бактериального вагиноза у подростков // Венеролог. – 2005. – № 6. – С. 76–78.
2. Муслимова С. З. Современные представления о бактериальном вагинозе // Российский вестник акушера-гинеколога. – 2008. – № 1. – С. 13–18.
3. Решетько О. В., Луцевич К. А. Бактериальный вагиноз при беременности: современное состояние проблемы и значение фармакотерапии // Клиническая микробиология и анти-микробная химиотерапия. – 2007. – Т. 9. – № 4. – С. 337–350.
4. Сидорова И. С., Макаров И. О. Бактериальный вагиноз // Российский вестник акушера-гинеколога. – 2006. – Т. 6. – № 6. – С. 50–54.
5. Amsel R., Totten P. A Nonspecific vaginitis. Diagnostic criteria and microbial and epidemiologic associations // Am. J. Med. – 2003. – Vol. 74. – № 1. – P. 14–22.

УДК 615.03

П. С. Маркевич, Л. Б. Маркевич

МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ ТЕРАПИЯ СИНДРОМА ДИАБЕТИЧЕСКОЙ СТОПЫ, ОСЛОЖНЕННОГО ТРОФИЧЕСКИМИ ЯЗВАМИ

Изложены результаты исследований использования способа многокомпонентной терапии у больных синдромом диабетической стопы, осложненным трофическими язвами. Особое место уделяется принципам лечения, а также интерпретации клинических и лабораторно-инструментальных показателей, в частности стимуляции репаративных процессов и сокращению средних сроков восстановления кожных покровов в области язвенных дефектов стоп I и II степени, снижению средних показателей гликемического профиля на этапах исследования, нормализации показателей перекисного окисления липидов, устранению дисбаланса прооксидантно-антиоксидантной системы сыворотки крови пациентов, улучшению клинико-инструментальных показателей кровотока.

Ключевые слова: цитофлавин, лечение, исследования.

P. S. Markevich, L. B. Markevich

MULTICOMPONENT THERAPY OF DIABETIC FOOT SYNDROME COMPLICATED BY TROPHIC ULCERS

This article describes the results of investigations of the use of the method of multicomponent therapy in patients with diabetic foot syndrome complicated by trophic ulcers. Particular attention is given to principles of treatment, and interpretation of clinical and laboratory-instrumental parameters, in particular the stimulation of reparative processes and the reduction of the average time of recovery of the skin in the area of ulcers stop I and II degree, the decrease in

МАРКЕВИЧ Павел Сергеевич – начальник хирургического отделения филиала № 3 ФГКУ «321 ВКГ» МО РФ, капитан медицинской службы. E-mail: mps.doc@mail.ru.

МАРКЕВИЧ Лариса Борисовна – заведующая отделением функциональной диагностики филиала № 3 ФГКУ «321 ВКГ» МО РФ. E-mail: mps.doc@mail.ru.

average blood glucose profiles on the stages of the study, normalization of lipid peroxidation, the imbalance of prooxidant-antioxidant system in the blood serum of patients, improving clinical and instrumental parameters of the blood flow.

Key words: A cytoflavin, treatment, researches.

Целью исследования явилась оценка эффективности препарата цитофлавин в составе многокомпонентной терапии синдрома диабетической стопы, осложненного трофическими язвами.

Задачи:

– изучить влияние цитофлавина на динамику изменения содержания продуктов перекисного окисления липидов и активности ферментов антиоксидантной защиты, а также динамику изменения уровня гликемического профиля у больных с СДС;

– исследовать влияние цитофлавина на динамику изменения показателей ультразвуковой доплерографии (УЗДГ) артерий нижних конечностей и лодыжечно-плечевого индекса у больных с СДС;

– определить эффективность воздействия цитофлавина на заживление трофических язв I и II степени при СДС.

В исследование были включены 136 пациентов с синдромом диабетической стопы, осложненным трофическими язвами I и II степени, не требующими хирургической коррекции согласно классификации Wagner (1981) в период с 2006 по 2012 г. Лица женского пола составляли 85 (62,5 %), мужского – 51 (37,5 %). Возрастной диапазон обследуемых больных – от 38 до 69 лет. Все больные были разделены на 2 группы: основная группа (ОГ) – 76 пациентов, которые в комплексном лечении получали комбинированный препарат цитофлавин, и группа клинического сравнения (ГКС) (60 человек), которую составили пациенты, получавшие курс стандартной терапии.

Комплекс стандартного лечения основывался на следующих принципах:

1) компенсация углеводного обмена достигалась путем соблюдения диеты № 9 и парентерального введения пролонгированного инсулина средней продолжительности (протофан НМ), короткого (актрапид НМ) и ультракороткого (хумалог) действия, а также пероральным применением сахароснижающих препаратов (метформин);

2) разгрузка конечности (задняя гипсовая лангета);

3) антибиотикотерапия (цефтриаксон) применялась с профилактической целью для недопущения гнойно-воспалительного процесса в очаге;

4) лечение дислипидемии достигалось соблюдением строгой диеты с ограничением животных жиров, применением статинов (симвастатин) под контролем активности ферментов АСТ и АЛТ, анионообменных смол (энтеросгель) с переходом в амбулаторном периоде к оптимизации режима труда и отдыха (ночной сон в течение 7–8 часов, незначительные физические нагрузки без образования высоких концентраций ПВК в скелетных мышцах (утренняя зарядка, прогулки на свежем воздухе в вечернее время, комплекс упражнений ЛФК);

5) при явлениях ишемии применялась стандартная методика лечения: при язвах I и II степени – реополиглюкин 5,3 мл/кг в сутки в комбинации с раствором трентала 2 % – 5,0 1,3 мг/кг в сутки;

6) физиотерапевтическое лечение – УВЧ на язвенный дефект (№ 5);

7) при местном лечении чередовалось наложение мазей куриозин и левомиколь.

Многокомпонентная терапия направлена на купирование ишемии и стимуляцию заживления язвенных дефектов

и применялась у больных основной группы, у которых к лечению добавляли препарат цитофлавин. Курс лечения составил 10 процедур. Многокомпонентная терапия при синдроме диабетической стопы включает: в качестве местной терапии – чередование мазей куриозин и левомиколь, а в качестве инфузионной терапии при язвах I степени в суточных дозах используются реополиглюкин – 5,3 мл/кг и трентал 2 % – 1,3 мг/кг, 0,9 % NaCl – 300 мл и цитофлавин – 10 мл; 0,9 % NaCl – 300 мл и витамин С – 9 мг/кг, а также осуществлялась магнитотерапия аппаратом «МАГНИТ-Мед ТеКо» с интенсивностью магнитной индукции 75 %, продолжительностью воздействия 16 минут, курсом 10 процедур; при язвах II степени дозы инфузионно вводимых препаратов, за исключением 0,9 % NaCl, удваивались, интенсивность магнитной индукции – 100 %, продолжительность воздействия – 32 минуты, курс – 10 процедур.

При оценке эффективности применения цитофлавина определяли показатели перекисного окисления липидов, гликемический профиль, данные УЗДГ артерий нижних конечностей и ЛПИ, средние сроки восстановления кожных покровов в области язвенных дефектов. Сравнительная оценка влияния цитофлавина на выраженность перекисного окисления [5; 6; 11; 14] у больных СДС показана в таблице 1.

Лабораторное обследование больных с синдромом диабетической стопы выявило количественное изменение про-

дуктов перекисного окисления липидов при данной патологии [7; 15; 21]. В основной группе оно выражалось в достоверном снижении абсолютного количества малонового диальдегида (МДА) с $14,46 \pm 2,84$ до $6,98 \pm 1,35$ мкмоль/л ($p < 0,01$). В 97 % случаев выявлено снижение абсолютного количества МДА в 2,07 раза. В группе клинического сравнения мы наблюдали также достоверное снижение уровня МДА с $14,75 \pm 2,58$ до $11,32 \pm 1,8$ мкмоль/л ($p < 0,01$), что составило от исходного снижение уровня абсолютного количества МДА в 1,3 раза.

При лабораторном исследовании у больных показателей активности каталазы с синдромом диабетической стопы в 94 % случаев после комплексного лечения цитофлавином отмечается повышение уровня активности каталазы в 1,9 раза (с $1,46 \pm 0,64$ до $2,77 \pm 0,71$ мкат/л – $p < 0,01$) в основной группе и в 1,4 раза в группе клинического сравнения (с $1,01 \pm 0,19$ до $1,41 \pm 0,3$ мкат/л – $p < 0,01$).

Средние показатели гликемического профиля [2; 4; 9; 19]

На рисунке 1 изображена динамика изменения гликемического профиля больных основной группы и группы клинического сравнения.

Разница среднего уровня гликемического профиля до лечения и после в основной группе составила 1,6–1,43–1,31–1,41 (6–8–10–12 час.), а в группе клинического сравнения – 1,46–1,34–1,2–0,95 (6–8–10–12 час.), что наглядно

Таблица 1
Средний уровень МДА и каталазы до и после лечения

Показатель		До лечения, мкмоль/л	После лечения, мкмоль/л
Основная группа	МДА	$14,46 \pm 2,84$	$6,98 \pm 1,35^*$
	каталаза	$1,46 \pm 0,64$	$2,77 \pm 0,71^*$
Группа клинического сравнения	МДА	$14,75 \pm 2,58$	$11,32 \pm 1,8^*$
	каталаза	$1,01 \pm 0,19$	$1,41 \pm 0,3^*$

Примечание. * Различия значимы по сравнению с данными до лечения ($p \leq 0,05$).

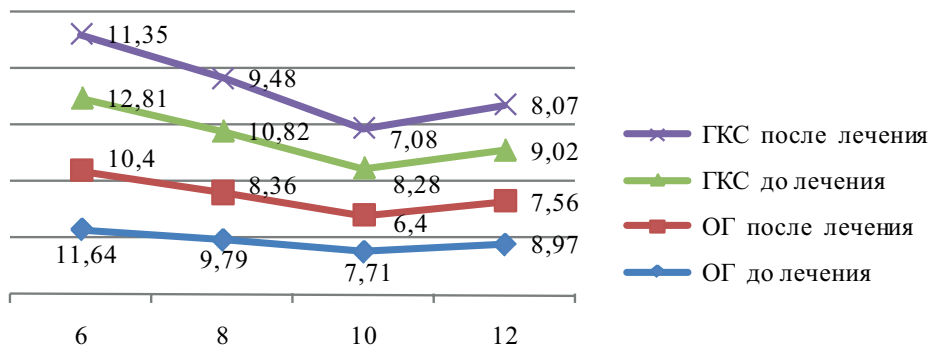

Рис. 1. Динамика гликемического профиля ОГ и ГКС

демонстрирует разницу в полученных результатах в 0,14–0,09–0,11–0,46 (6–8–10–12 час.) между основной группой и группой клинического сравнения. Достоверная разница при лечении в основной группе также достигалась снижением доз препаратов ультракороткого, короткого и длинного действия инсулина. Точкой приложения в патогенезе гипергликемии при изучении гликемического профиля в группах выступает гипогликемический эффект препарата цитофлавин.

Динамика показателей УЗДГ артерий нижних конечностей [12; 13; 20]

В таблице 2 представлена динамика средней линейной скорости кровотока (Vaver, см/с), индекса периферического сопротивления (Ri), систоло-диастоли-

ческого коэффициента (ISD) по данным УЗДГ артерий нижних конечностей больных исследуемых групп.

В основной группе после курсового лечения комбинированным препаратом цитофлавин Vaver выросла с $14,97 \pm 0,47$ до $18,93 \pm 0,47$ см/с, а в группе клинического сравнения мы получили возрастание Vaver с $14,81 \pm 0,56$ до $14,84 \pm 0,56$ см/с. Средний показатель Ri в основной группе снизился с $1,35 \pm 0,07$ до $1,01 \pm 0,07$ ($p < 0,01$), а в группе клинического сравнения – незначительное снижение Ri с $1,33 \pm 0,06$ до $1,31 \pm 0,06$ см/с. Значение среднего показателя Ri находится в реципрокной зависимости от Vaver и ISD, т. е. увеличение Vaver и ISD характеризуется снижением Ri и позволяет сделать «инструментальный» вывод об улучшении кровотока в исследуемых артериях.

Таблица 2

Показатели гемодинамики сосудистого русла по данным УЗДГ артерий нижних конечностей до и после лечения

	Vaver, см/с		Ri		ISD	
	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения
ОГ	$14,97 \pm 0,47$	$18,93 \pm 0,47^*$	$1,35 \pm 0,07$	$1,01 \pm 0,07^*$	$-4,89 \pm 0,35$	$-3,73 \pm 0,34^*$
ГКС	$14,81 \pm 0,56$	$14,84 \pm 0,56^*$	$1,33 \pm 0,06$	$1,31 \pm 0,06$	$-4,99 \pm 0,44$	$-4,96 \pm 0,44$

Примечание. * Различия значимы по сравнению с данными до лечения ($p \leq 0,05$).

Средний показатель ISD в основной группе вырос с $-4,89 \pm 0,35$ до $-3,73 \pm 0,34$ ($p < 0,01$), а в группе клинического сравнения наблюдалось возрастание ISD с $-4,99 \pm 0,44$ до $-4,96 \pm 0,44$ см/с.

После исследования показателей кровотока очевиден факт достоверно значимого нарастания V_{aver} и ISD и снижения R_i у больных основной группы ($p < 0,01$). Показатели группы клинического сравнения имеют ту же тенденцию к увеличению кровотока, хотя статистически значимой достоверности не достигнуто. Данный факт можно объяснить способностью цитофлавина [8; 16] опосредованно воздействовать на эластичность сосудов и оказывать системное вазодилатирующее действие, в нашем случае в бассейнах артерий нижних конечностей.

Из рисунка 2 видно, что между группами больных имелись достоверные различия по средним срокам заживления трофических язв I и II степени согласно классификации Wagner. В основной группе срок лечения в среднем составил $12,71 \pm 0,58$ суток у больных с трофическими язвами I степени и $14,94 \pm 0,6$ суток у больных с язвами II степени [8; 10; 17; 18]. В группе клинического сравнения срок лечения в среднем составил: $13,18 \pm 0,93$ суток у больных с трофическими язвами I степени и $15,59 \pm 0,5$ суток у больных с язвами II степени. Достоверное снижение показателей средних

сроков лечения в основной группе обусловлено разными точками приложения цитофлавина [1; 3; 20] в патогенезе синдрома диабетической стопы. В данном случае выражены гипогликемический и сосудорасширяющий эффекты.

Выводы

1. Применение цитофлавина при СДС, осложненном трофическими язвами, обуславливает нормализацию показателей прооксидантно-антиоксидантного равновесия, что выражается в снижении продуктов ПОЛ и повышении активности каталазы в сыворотке крови, а также способствует снижению уровня гликемического профиля.

2. Исследуемое средство способствует улучшению микроциркуляции, магистрального и коллатерального кровотока по артериям нижних конечностей у больных с СДС, осложненным трофическими язвами.

3. Цитофлавин в терапевтической дозе при синдроме диабетической стопы стимулирует процессы регенерации тканей за счет выраженного антиоксидантного, гипогликемического, вазодилатационного действия и ускоряет заживление трофических язв I и II степени.

Итак, применение препарата цитофлавин в составе базисной терапии трофических язв при синдроме диабетической стопы (согласно «Способу много-

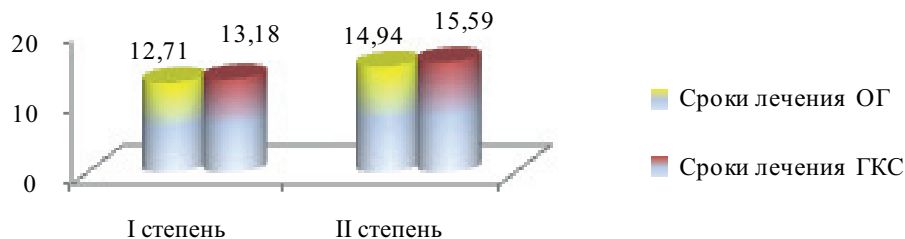

Рис. 2. Средние сроки заживления трофических язв в основной группе и группе клинического сравнения

компонентной терапии при синдроме диабетической стопы») является эффективным методом лечения данной патологии и проявляется как в улучшении клинического течения заболевания, так и в нормализации лабораторных и инструментальных данных.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что цитофлавин в терапевтической дозе отличается выраженной фармакотерапевтической эффективностью при СДС, осложненном трофическими язвами I и II степени. У 93 % больных основной группы отмечено сокращение сроков лечения за счет ускорения эпителизации язвенных дефектов, нормализации гликемии, стимуляции эндогенной антиокислительной

системы организма, улучшения микроциркуляции и кровотока в бассейне артерий нижних конечностей. Данный эффект объясняется наличием в составе препарата цитофлавин активных компонентов: янтарной кислоты, рибоксина, рибофлавина, никотинамида, действие которых на системном уровне проявляется антиоксидантным, гипогликемическим, вазодилатационным и, как следствие, эффектом повышенной регенерации в очаге повреждения тканей.

Большой процент эффективности лечения после одного курса терапии и низкий процент рецидивов позволяют рекомендовать применение в комплексной терапии препарата цитофлавин при СДС.

Литература

1. Афанасьев В. В. Цитофлавин в интенсивной терапии // Пособие для врачей. – СПб., 2005. – 36 с.
2. Бова Е. В., Пакус Е. Н. Использование инкретиномиметиков в лечении больных сахарным диабетом 2 типа // Фундаментальная медицина. – 2009. – № 10.
3. Бельских А. Н., Фуфаев Е. Е. Применение антиоксиданта цитофлавина в сочетании с экстракорпоральной гемокоррекцией у больных с острыми легочными нагноениями // Вестник инт. тер. – 2007. – № 2. – С. 79–81.
4. Бенсман В. М., Савченко Ю. П., Лищенко А. Н., Триандафилов К. Г., Стряпухин В. В. Сепсис при гнойно-ишемических осложнениях диабетической стопы и тактика его хирургического лечения // Материалы XI съезда хирургов Российской Федерации. – Волгоград, 2011.
5. Биличенко С. В., Саватеева-Любимова Т. Н., Саватеев А. В. Влияние цитофлавина на функциональную активность иммунокомпетентных клеток при экспериментальном диабете // II медицинская иммунология: материалы XIII Всероссийского научного форума с международным участием имени академика В. И. Иоффе. – СПб., 2009. – С. 303.
6. Батоцыренов Б. В., Румянцева С. А. Эффективность цитофлавина при состояниях, сопровождающихся нарушениями свободнорадикального гомеостаза // Вестник СПбГМА им. И. И. Мечникова. – 2004. – Т. 5. – № 2. – С. 151–153.
7. Бохан Н. Н., Иванова С. А., Теровский С. С. и др. Цитофлавин в терапии алкогольного абстинентного синдрома // Практика. – 2007.
8. Бреговский В. Б., Карпова И. А., Алексеева Е. С. Нарушения кожной микроциркуляции в нижних конечностях при сахарном диабете: патофизиологический феномен или объект для лечения? // Сахарный диабет. – 2011. – № 3. – С. 49–53.
9. Бузунова С. А., Архипов Г. С., Исаков В. А. Цитофлавин в комплексной терапии серозных и гнойных менингитов // Метод. пособие для врачей. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. – 15 с.

10. Волчегорский И. А., Рассохина Л. М., Мирошниченко И. Ю. Антиоксиданты при экспериментальном сахарном диабете // Проблемы эндокринологии. – 2008. – Т. 54. – № 5. – С. 43–49.

11. Галстян Г. Р. и др. Заболевания артерий нижних конечностей у пациентов с сахарным диабетом: состояние проблемы и перспективы лечения // Сахарный диабет. – 2011. – № 1. – С. 74–79.

12. Грачева Т. В., Галимзянов Ф. В., Мкртумян А. М. Оптимизация гликемического контроля в условиях хирургической инфекции у пациентов с СДС // Материалы 1-й научно-практической конференции эндокринологов Уральского федерального округа. – Екатеринбург, 2011. – С. 20–22.

13. Грекова Н. М., Бордуновский В. Н. Хирургия диабетической стопы. – М.: Медпрактика-М, 2009. – 188 с.

14. Гурвич М. М. Сахарный диабет: лечебное питание. – М.: Эскмо, 2010. – 301 с.

15. Дедов И. И., Галстян Г. Р., Удовиченко О. В. Диабетическая стопа. – М.: Практическая медицина, 2005. – 197 с.

16. Оболенский В. Н., Семенова Т. В., Леваль П. Ш., Плотников А. А. Синдром диабетической стопы в клинической практике // РМЖ. – 2010. – Т. 8. – № 2 (366). – С. 45–54.

17. Попова Ю. С. Сахарный диабет: самые эффективные методы лечения. – СПб.: Крылов, 2010. – 156 с.

18. Прошин А. В. Показатели микроциркуляции и регионарной гемодинамики у больных с осложненными формами синдрома диабетической стопы // Клиническая медицина. Вопросы клиники, диагностики, профилактики лечения: межвуз. сб. стран СНГ. Т. 20. – Великий Новгород; Алматы, 2012. – С. 151–159.

19. Румянцева С. А., Романцов М. Г. Эффективность цитофлавина в терапии острого нарушения мозгового кровообращения // Вестник СПбГМА им. И. Мечникова. – 2004. – № 5 (3). – С. 129–132.

20. Румянцева С. А., Романцов М. Г. Влияние цитофлавина на параметры свободнорадикального гомеостаза // Врач. – 2004. – № 11. – С. 59–61.

21. Ярошевич Н. А., Данилова Л. И. Диабетическая полинейропатия: современные подходы к диагностике и лечению // Медицинская панорама. – 2003. – № 3.

УДК 502.17 : 341

К. Г. Дремов

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УПРАВЛЕНИЯ РОСПРИРОДНАДЗОРА
ПО РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

K. G. Dryomov

ON THE MAIN FIELDS OF ACTIVITY
OF THE DIRECTORATE OF THE ROSPRIRODNADZOR
FOR THE REPUBLIC OF BURYATIA

2014-й год – юбилейный для нашей службы и управления. За короткий срок Росприроднадзор стал одним из главных административных компонентов государственного управления в области охраны окружающей среды и основным инструментом практической реализации государственной политики в области природопользования.

В настоящее время в структуру Росприроднадзора входят 8 департаментов по федеральным округам и 71 управление по субъектам Российской Федерации. Деятельность службы территориально охватывает всю Россию, включая моря, континентальный шельф и исключительную экономическую зону. Росприроднадзор в рамках своих полномочий выполняет 76 государственных услуг и функций. С момента создания количество задач, возложенных на организацию, возросло в 2 раза, и Управление Росприроднадзора по Республике Бурятия – не исключение. Оно занимает особое место в системе экологического надзора, так как на территории Бурятии находится около 60 % береговой линии оз. Байкал – объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Байкальская природная территория (БПТ), расположенная в границах трех субъектов Федерации: Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края, яв-

ляется объектом повышенного внимания всех природоохранных ведомств.

В настоящий момент управление осуществляет 42 государственные услуги и функции на территории Республики Бурятия. Объектами надзора (их 314) являются юридические лица и индивидуальные предприниматели в части деятельности, связанной с природопользованием и негативным воздействием на окружающую среду. В среднем в год управлением проводится около 220 мероприятий по надзору. Госинспекторы в своей деятельности применяют 66 статей Кодекса об административных правонарушениях.

В итоге надзорной деятельности управления в республике отмечается снижение на 9 % объема неочищенных и недостаточно очищенных вод, сбрасываемых в водные объекты. В 2012 г. этот показатель составил 34,2 млн. м³ при 37,7 млн. м³ в 2011 г.

Если говорить об объемах выбросов в атмосферный воздух от стационарных источников, то также отмечается некоторое их снижение: в 2010 г. – 100 тыс. т, 2012 г. – 99,7 тыс. т. Данный факт обусловлен выполнением выданных управлением предписаний по устранению выявленных нарушений в области природоохранного законодательства: только на реализацию водоохраных меропр-

ятий природопользователи направили 87 млн. руб. собственных средств, что на 6 млн. руб. больше, чем в 2012 г., а на устранение нарушений в области охраны атмосферного воздуха – около 60 млн. Сумма предъявленного управлением экологического ущерба составила 1,4 млн. руб., для сравнения – в 2012 г. она была чуть выше 480 тыс.

За 10-летний период деятельности службы и управления произошло переориентирование контрольно-надзорной деятельности от сложившейся с годами схемы «проверка – штраф» на предупреждение и устранение нарушений законодательства в области охраны окружающей среды. Наши инспекторы не только выявляют и пресекают допускаемые хозяйствующими субъектами правонарушения, но и обращают внимание руководства предприятий, региональных и местных органов власти на недопущение нарушений в будущем.

Количество выявляемых нарушений в сфере природопользования и охраны окружающей среды постоянно растет. Интенсивность деятельности управления характеризует увеличение числа выявленных нарушений с одновременным ростом количества устраненных нарушений со стороны природопользователей. Наблюдается ежегодное увеличение объемов взысканных штрафов по отношению к наложенным, а также рост общего объема штрафов, поступивших в бюджет. При этом сумма штрафов, предъявленных управлением к нарушителям природоохранного законодательства, составила без малого 10,5 млн. руб., что в 2 с лишним раза больше показателей 2012 г.

Сравнение объема средств федерального бюджета, предусмотренного на осуществление контрольно-надзорной деятельности, и совокупного экономического эффекта по ее результатам показывает прогрессивную экономическую эффективность деятельности управления. На сегодняшний день она составляет 19 руб. на каждый рубль затрат.

С 2010 г. управление, как и служба в целом, является администратором доходов бюджетной системы по всем видам негативного воздействия на окружающую среду: плата за выбросы, сбросы и размещение отходов. Только за 2013 г. в доход консолидированного бюджета РФ поступило почти 94 млн. руб. Из них в доход федерального бюджета – 19 млн., т. е. мы – второй после Управления федеральной налоговой службы России федеральный орган, администрирующий такое количество доходов.

Важным направлением деятельности управления является инвентаризация накопленного экологического ущерба и ликвидация несанкционированных свалок. Увеличение количества нарушений, связанных с несанкционированным размещением отходов, наблюдается с июня 2011 г., что обусловлено отменой лицензирования деятельности по сбору, транспортировке и использованию отходов I–IV классов опасности.

С момента начала проведения мероприятий на территории Республики Бурятия управлением выявлено 150 крупных мест несанкционированного размещения ТБО на суммарной площади более 214 га, из которых ликвидировано уже 80 %.

В 2013 г. объем средств, израсходованных на выполнение рекультивационных работ по предписаниям государственных инспекторов управления, превысил 21 млн. руб.

С 1 августа 2014 г. вступили в силу изменения, касающиеся ведения государственного кадастра отходов. Управлению предстоит огромная работа по актуализации государственного реестра объектов размещения отходов, паспортизации отходов и т. д. Это позволит упорядочить и систематизировать данные об учете движения отходов от их образователей до конечных объектов удаления, выявлять недобросовестных природопользователей.

За 10-летний период произошла глубокая перестройка работы органов государственного геологического над-

зора с учетом действующего законодательства в сфере недропользования и перераспределения функций между Ростехнадзором и Росприроднадзором. Геологическим надзором в настоящее время охвачены все этапы освоения недр, а именно: поиск и предварительная оценка запасов, проведение разведки и добыча полезных ископаемых. Разработана и внедрена система мониторинга лицензионных соглашений, и в этой области необходим более четкий механизм нормативно-правового регулирования. Это касается не только вопросов добычи нефрита, на который управление уже давно и неоднократно обращает внимание, тесно взаимодействует с органами прокуратуры и силовыми ведомствами. Так, по материалам дел, направленным из органов МВД РФ, государственными инспекторами управления рассмотрено свыше 70 административных дел в отношении физических лиц по фактам незаконной добычи нефрита, вынесено 43 постановления о наложении штрафов в общей сумме 162 тыс. руб. На сегодняшний день незаконная добыча нефрита осуществляется на тех участках, где нет законного недропользователя. Поэтому предоставление перспективных участков для добычи и разведки – это самый простой и действенный способ борьбы с «черными копателями».

Другим не менее актуальным вопросом для республики остается не введение в эксплуатацию месторождений полезных ископаемых, находящихся в уже распределенном фонде, например, Озерного полиметаллического, Назаровского свинцово-цинкового, Ермаковского бериллиевого, Жарчихинского молибденового, Ошурковского апатитового, Холтосонского и Инкурского вольфрамowego и др. Надзорные функции управления в отношении владельцев лицензий на эти месторождения могут быть эффективными только при постоянном контроле и надзоре за выполнением лицензионных условий.

С 2010 г. Росприроднадзор и наше управление выполняют полномочия в области государственной экологической экспертизы и экологического нормирования, которая является важнейшим гарантом соблюдения природоохранного законодательства намечаемой деятельности. В 2011 г. управлением предоставлены услуги по организации и проведению экологической экспертизы по 43 объектам. Более того, учитывая внесенные изменения в ряд действующих нормативно-правовых документов, в частности, в Федеральные законы от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» и от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал», предстоит существенное увеличение количества поступаемых на экологическую экспертизу проектов. Это позволит управлению координировать и регулировать предполагаемую хозяйственную деятельность на Байкальской природной территории.

Одним из направлений работы Управления Росприроднадзора по Республике Бурятия является разрешительная деятельность по объектам растительного и животного мира. В соответствии с положением управление осуществляет ведение Красной книги Республики Бурятия и несет ответственность за сохранение и воспроизводство «краснокнижных» видов, а также координирует деятельность Министерства природных ресурсов Республики Бурятия по охране и воспроизводству объектов животного мира.

В настоящий момент управление участвует в реализации действующих российско-монгольских соглашений: между Правительствами Российской Федерации и Монголии в области охраны окружающей среды от 1994 г., между Правительствами Российской Федерации и Монголии по охране и использованию трансграничных вод от 1995 г. При этом полномочия нашей службы и управления полностью совпадают с основными направлениями подписанного

российско-монгольского соглашения по охране окружающей среды. Налажено эффективное взаимодействие с институтами гражданского общества в рамках деятельности общественного совета при управлении, созданного в 2013 г., ориентированное на экологическое просвещение, повышение экологической грамотности населения, формирование экологической культуры.

Вместе с тем в повседневной деятельности управление сталкивается с рядом проблем – работой очистных сооружений, отсутствием полигонов для размещения опасных промышленных отходов и т. д. Их решение, направленное на повышение эффективности государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды, возможно в рамках приоритетного направления развития деятельности управления – развития межведомственного и межгосударственного взаимодействия в области охраны окружающей среды.

Для нас сегодня актуальным является характер мероприятий, направленных на развитие и укрепление межведомственного взаимодействия на всех уровнях исполнительной власти. За 10 лет установились прочные отношения с территориальными органами федеральных органов государственной власти, с органами исполнительной власти и местного самоуправления Республики Бурятия, научными и образовательными учреждениями и общественными организациями. Среди них особо хотелось бы отметить такие федеральные структуры на территории Республики Бурятия, как Управление Роспотребнадзора по Республике Бурятия, Ангаро-Байкальское территориальное управление Росрыболовства, Восточно-Байкальская межрайонная природоохранная прокуратура, Управление Россельхознадзора по Иркутской области и Республике Бурятия, Забайкальское управление Ростехнадзора, Бурятский филиал ТФГИ – Бурятский

ЦГМС – филиал Забайкальского УГМС, территориальный отдел водных ресурсов Енисейского БУУ по Республике Бурятия. Тесное взаимодействие по вопросам охраны окружающей среды установлено с Министерством природных ресурсов Республики Бурятия, Бурприроднадзором, Республиканским агентством лесного хозяйства.

Управление находит поддержку и понимание среди общественных организаций – это и проект ГЭФ/ПРООН «Комплексное управление природными ресурсами трансграничной экосистемы озера Байкал», и Фонд содействия сохранению озера Байкал, и Всероссийское общество охраны природы. Особо хотелось бы отметить складывающееся взаимодействие с Национальным водным комитетом Монголии и Министерством охраны природы и зеленого развития Монголии.

Учитывая важность поставленной проблемы, редколлегия журнала «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук» открывает постоянную рубрику «Природоохранные взаимодействия в Центральной Азии и на Дальнем Востоке», где наряду с учеными будут выступать практические работники. Так, в настоящем номере представлены статьи доктора политических наук, доцента, главного специалиста-эксперта информационно-аналитического отдела Управления федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Республике Бурятия Т. Б. Цыреновой; кандидата биологических наук, старшего научного сотрудника ФГБУ «Государственный заповедник “Даурский”», старшего научного сотрудника Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН О. К. Кирилюк; руководителя Управления федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Республике Тыва А. М. Адыгбая.

УДК 502.17 : 341

Т. Б. Цыренова

О ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Представлен экскурс в историю формирования и развития отношений в области охраны окружающей среды в контексте российско-монгольского межгосударственного взаимодействия, дан анализ внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов, способных оказать влияние на развитие двусторонних отношений в области охраны окружающей среды.

Ключевые слова: межгосударственное взаимодействие, национальные интересы, экологическая безопасность, охрана окружающей среды.

T. B. Tsyrenova

ABOUT THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

The paper presents the insight into the history of the formation and development of relations in the field of environmental protection in the context of Russian-Mongolian intergovernmental cooperation. The analysis of external and internal factors, which could impact on the development of bilateral relations in the field of environmental protection, is given in this article.

Key words: intergovernmental cooperation, national interests, environmental safety, protection of the environment.

Политические связи России и Монголии берут свое начало со времен ранних контактов царской России и цинского Китая, когда между двумя империями были заключены Нерчинский (1689 г.) и Буринский (1727 г.) договоры. Эти связи были обусловлены как экономическими интересами, так и обеспечением национальной безопасности обеих сторон. С тех пор равная заинтересованность России и Монголии в поддержании добрососедских отношений, мира и спокойствия в приграничных районах двух государств никогда не ослабевала. Также не подвергалась сомнению убежденность в том, что добрососедство и взаимовыгодное сотрудничество обеспечивают обеим странам благоприятные

внешние условия для их политического, экономического, культурного развития. Более того, такое сотрудничество оказывает влияние и на благоприятный климат в международных отношениях остальных стран в Центрально-Азиатском регионе.

Победа революции в Монголии в 1921 г. предопределила стратегию ее внешне- и внутривнутриполитического курса, ориентированного на самое тесное сотрудничество с Советским Союзом. Экономическая, военная, культурная сферы деятельности Монголии развивались при непосредственном влиянии СССР. В свою очередь Советский Союз рассматривал Монголию как важного стратегического партнера на Востоке не

ЦЫРЕНОВА Татьяна Батомункуевна – доктор политических наук, доцент, главный специалист-эксперт информационно-аналитического отдела Управления федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Республике Бурятия. E-mail: tstatiana75@inbox.ru.

только во внешнеполитическом ракурсе, но и во внутреннем культурном и экономическом аспектах. Отношения двух стран нашли свое отражение в Соглашении об установлении дружественных отношений между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Монгольской Республикой. Сотрудничество между СССР и Монголией стало гарантом стабильной обстановки на Дальнем Востоке. Эти гарантии получили свое подтверждение в событиях 1938 и 1939 гг. у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол. Поддержка Советского Союза в значительной степени содействовала как укреплению международного положения Монголии, так и ее экономическому развитию.

События конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого столетия привели к разрушению установившихся принципов политического, экономического, культурного и военного взаимодействия как между странами бывшего социалистического блока, так и между Россией и Монголией. Это было связано не только с резким спадом экономической помощи со стороны России и свертыванием торгово-экономической деятельности между обеими странами, но и с изменением отношения самой России к Монголии и другим бывшим союзникам по социалистическому лагерю.

Монголия также изменила свои внешнеполитические акценты. С начала 1990-х гг. она значительно расширила сферу своих международных связей – Соединенные Штаты Америки, страны Европейского Союза, Китай, Япония, Южная Корея и т. д. [13]. При этом активность американского влияния имела преимущественно политические и военные параметры, в то время как приоритетом европейского участия в Монголии являлась их большая активность в реализации конкретных проектов, основанных на использовании природно-ресурсного потенциала и возможностей топливно-энергетического комплекса страны.

В конце 1990-х гг. высокого уровня достигли отношения между Монголией и Китаем. Китай стал одним из основных внешних партнеров Монгольского государства.

Все это свидетельствовало о реализации Монголией многовекторной внешней политики, в основу которой были положены базовые принципы Концепции национальной безопасности и внешней политики Монголии [11; 12]. Именно последовательное ее осуществление повлекло за собой изменение отношения мирового сообщества и обеспечило ей достойное место в современном мире. Монголия перестала рассматриваться как буферное государство, полностью ориентирующееся на своего могущественного северного соседа.

Вместе с тем логика дальнейшего политического, экономического и культурного развития Монголии показала, что ее ослабление и даже разрыв отношений с Россией имеют негативные последствия для будущего развития. Восстановление добрососедских отношений с Монголией со второй половины 1990-х гг. для России также приобрело актуальный характер.

Новые межгосударственные отношения в постсоциалистический период были закреплены в Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г. [2], где подчеркивались традиции дружественных отношений, которые предполагали взаимное доверие и многогранность сотрудничества во многих областях жизнедеятельности. Важной в нем была декларация о равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией, что подчеркивало новые принципы взаимодействия двух государств. Они стали строиться на основе равноправных партнерских отношений в контексте общепризнанных норм и правил международных отношений.

Для развития основных положений данного договора в 1993 г. было при-

нято решение о создании Российско-Монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, затрагивающей в настоящее время вопросы активизации российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества, взаимоотношений в области топливно-энергетического комплекса, в области агропромышленного комплекса и транспорта, а также в области охраны окружающей среды.

Формированию межгосударственного взаимодействия на новых взаимовыгодных условиях также во многом способствовали кардинальные изменения внутри политических систем Российской Федерации и Монголии.

В условиях наметившихся уважительных и прагматических взаимосвязей России и Монголии приобрели особую актуальность вопросы упрочения политических и правовых основ их взаимодействия, которые бы соответствовали современным реалиям и тенденциям международной жизни, целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также национальным интересам двух государств. Такие принципы взаимоотношений между двумя странами способствовали сохранению и упрочению мира и безопасности народов, утверждению атмосферы взаимопонимания и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Партнерские принципы и направления межгосударственного взаимодействия были подтверждены в ходе официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Монголию 13–14 ноября 2000 г., по итогам которого президенты двух государств подписали Улан-Баторскую декларацию [9]. Она закрепила основополагающие принципы развития двусторонних российско-монгольских отношений, которые нашли свое отражение в принятой в 2000 г. Концепции внешней политики Российской Федерации. Национальные интере-

сы Российской Федерации по всему периметру ее границ обеспечиваются стабильным и безопасным международным окружением и продвигаются на уровне регионального сотрудничества.

Развитие и реализация основных внешнеполитических приоритетов России и Монголии получили свое подтверждение в принятой в 2006 г. Московской декларации [3]. Одной из ее особенностей стало понимание сторонами важности межгосударственного взаимодействия в области охраны окружающей среды: «Россия и Монголия будут развивать сотрудничество в области охраны окружающей среды для обеспечения взаимной экологической безопасности и совместного предотвращения загрязнений, затрагивающих территории обеих стран».

В 2009 г. по приглашению Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа состоялся государственный визит в Монголию Президента Российской Федерации Д. А. Медведева, имевший особое значение в связи с празднованием 70-летия совместной победы над японскими милитаристами на Халхин-Голе. В результате этого визита была подписана Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией, подтвердившая важность всех направлений российско-монгольского сотрудничества, намеченных в предыдущих договорах [1].

Вместе с тем, несмотря на двусторонние заявления об активизации стратегического партнерства в рамках Декларации о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией от 2009 г., необходимо отметить исключительно декларативный характер российско-монгольских отношений после 2009 г. и наличие определенной стагнации в реализации ранее достигнутых договоренностей. Так, не получил своего дальнейшего развития подписанный в 2009 г. проект по созданию совместной российско-монголь-

ской компании «Дорнод уран», предполагавший ведение разведки, добычу, переработку и использование урановых месторождений в Восточной Монголии. Осталось без российского участия освоение крупнейшего угольного месторождения Таван-Толгой, нерешенными остались также вопросы развития компании «Развитие инфраструктуры», созданной совместно с ОАО «РЖД» в целях модернизации Улан-Баторской железной дороги и строительства новых железных дорог для транспортировки угля с последующим выходом на Японию и Южную Корею. Более того, развитие торгово-экономических отношений заметно отличалось от динамично развивающихся отношений с другими странами, в частности с Китаем.

Приведем для сравнения следующие цифры. Так, китайская доля в общем внешнеторговом обороте Монголии в период с 2010 по 2013 г. превысила 50 %, прямые китайские инвестиции в монгольскую экономику составили почти 53 % всех прямых инвестиций. За последние 20 лет доля предприятий с участием китайского капитала, в основном в горнодобывающей промышленности, составляет половину всех предприятий с иностранным капиталом. В то же время в 2013 г., по данным российской статистики, российско-монгольский товарооборот составил 1,62 млрд. долл. США и уменьшился в сравнении с 2012 г. на 15,8 %, при этом российский экспорт составил 1,57 млрд. долл. США, что на 15,1 % меньше, чем в 2012 г., а на долю российского импорта пришлось 40,95 млрд. долл., что на 36,4 % меньше, чем в 2012 г. За 9 месяцев 2014 г., по данным российской статистики, российско-монгольский товарооборот составил 965,8 млн. долл. США, при этом на долю российского экспорта пришлось 944,0 млн. долл., что в сравнении с аналогичным периодом 2013 г. меньше на 9 %, а российский импорт составил всего 21,8 млн. долл., что на 23,9 % меньше, чем в за 9 месяцев 2013 г. [6].

Вместе с тем, несмотря на дисбаланс в российско-монгольском товарообороте и невыполнение ранее достигнутых договоренностей, национальные интересы России и Монголии во многом схожи, в первую очередь они направлены на обеспечение своей собственной национальной безопасности и обеспечение региональной безопасности в АТР, а также на развитие региональной и глобальной экономической интеграции. Об этом свидетельствует состоявшийся 3 сентября 2014 г. визит Президента России В. В. Путина в Монголию для участия в торжествах по случаю 75-летия победы советско-монгольских сил над японской армией на р. Халхин-Гол. По его итогам состоялось подписание ряда важных для экономического сотрудничества в условиях изменяющихся геополитических факторов двусторонних договоров. В первую очередь это касалось участия российских компаний в модернизации монгольских железных дорог и строительстве ТЭЦ, наращивания экспорта нефтепродуктов, развития сотрудничества российской госкорпорации «Ростех» и построенного в свое время при советской помощи горнорудного комбината «Эрдэнэт» по добыче полезных ископаемых. Подписание соглашения об отмене визового режима 11 ноября 2014 г. во многом будет способствовать расширению двусторонней торговли и сокращению имеющегося в ней дисбаланса.

Однако, несмотря на то, что в ходе состоявшихся переговоров акцент был сделан на экономике, не остались без внимания вопросы обеспечения экологической безопасности. Между Правительствами Российской Федерации и Монголии были подписаны соглашения об охране лесов от пожаров и о создании трансграничного резервата «Истоки Амура».

Как следует из подписанных главами двух государств политических документов, взаимодействие в области обеспечения экологической безопасности полностью отвечает национальным ин-

тересам обоих государств. Ведь в условиях трансграничья охрана окружающей среды, предотвращение экологических кризисов и ликвидация их последствий возможны только при совместных усилиях. И в новых геополитических условиях взаимодействие между двумя государствами в области охраны окружающей среды осуществляется на основе принятых политических норм и принципов межгосударственного взаимодействия в данной области в рамках системы ООН и других международных организаций.

Важность охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов в условиях трансграничья нашла свое понимание в заключении 15 февраля 1994 г. в г. Улан-Батор Соглашения между Правительствами Российской Федерации и Монголии о сотрудничестве в области охраны окружающей среды [7]. В его основу заложены базовые принципы и цели Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между двумя государствами, а его реализация обеспечивает экологическую безопасность двух государств, представляющую собой неотъемлемый компонент целостной системы национальной безопасности. При этом национальные интересы двух государств в ее обеспечении проявляются во всех сферах жизнедеятельности человека и общества, органично взаимосвязанных и взаимозависимых.

Стратегическим для России является осуществление устойчивого развития страны, сохранение окружающей природной среды и обеспечение ее защиты, ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата. Более того, реализация данного соглашения напрямую коррелирует со стратегическими целями и принципами государственной политики в области экологического развития в Российской Федерации, утвержденной Президентом России 30 апреля 2012 г. [4].

Для Монголии обеспечение экологической безопасности государства является конкретной задачей сохранения независимости, суверенитета, территориальной целостности собственного государства и его устойчивого развития. Важнейшие направления государственной политики Монголии на период с 2007 по 2021 г. в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, сформулированные в «Стратегии развития Монголии в новом тысячелетии» [11], находят свое отражение в данном соглашении. Это – проблема интенсификации опустынивания, изменения в уровне и распределении выпадения осадков и возросшей частоты засух и буранов в результате глобальных климатических сдвигов.

Данное соглашение предполагает решение социально-экономических задач в сочетании с осуществлением мер по защите и улучшению окружающей среды и охране здоровья населения. Его реализация подразумевает комплекс мероприятий, направленных на обеспечение экологического благополучия приграничных территорий России и Монголии. В первую очередь это мониторинг и оценка состояния окружающей среды, включающие в себя реализацию мероприятий по рациональному использованию и охране вод от трансграничного загрязнения; защите атмосферы от трансграничного загрязнения; охране геологической среды и рациональному использованию минеральных ресурсов и подземных вод; охране и изучению флоры и фауны. Проводимая в рамках соглашения оценка состояния природных экосистем позволяет разработать и реализовать долгосрочные программы охраны окружающей среды, направленные на улучшение ее состояния, а также применять соответствующие международные стандарты, нормы и требования, необходимые для ее охраны.

Немаловажным на сегодняшний момент направлением реализации данного соглашения является организация и управление особо охраняемыми при-

родными территориями [5]. В развитие данного направления в настоящий момент создан и действует российско-монгольский трансграничный резерват «Убсунурская котловина», объединивший уникальные природные комплексы бассейна оз. Убсу-Нур, включенные в Список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО территории государственного природного биосферного заповедника «Убсунурская котловина» (Российская Федерация) и государственного природного биосферного резервата «Увс-Нуур» (Монголия) [7].

Учитывая уникальность природных комплексов бассейнов истоков р. Амур и в целях сохранения природного ландшафта территорий Сохондинского государственного природного биосферного заповедника (Российская Федерация) и национального парка «Онон-Балдж» (Монголия), ведется работа, направленная на создание трансграничного резервата «Истоки Амура» и особо охраняемой природной территории, которая включает в себя национальные парки «Тункинский» (Российская Федерация) и «Хубсугул» (Монголия). Продолжается работа по номинации на статус трансграничного биосферного резервата ЮНЕСКО международного монголо-российско-китайского заповедника «Даурия» (трансграничный биосферный резерват «Даурия»).

Сохранение природных ландшафтов в их неизменном виде, обеспечение экологического равновесия, защита и приумножение природных ресурсов напрямую отвечают национальным интересам России и Монголии в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. По мере развития двустороннего межгосударственного сотрудничества в изменяющихся геополитических условиях проблема охраны окружающей среды приобретает все более детализированный характер, указывающий на конкретные направления в области охраны окружа-

ющей среды. Об этом свидетельствует подписанное в 1995 г. Правительствами Российской Федерации и Монголии соглашение в области охраны и использования трансграничных вод [8]. В его основе принципы межгосударственного взаимодействия – «справедливое и разумное использование трансграничных водных объектов», «обязанность обмена информацией, обязательство оповещать о планируемых мерах, способных оказать значительный ущерб», «обязанность мирного разрешения международных споров».

Подписание в 1995 г. данного соглашения было обусловлено рядом причин и в первую очередь – особенностями географического положения государств, спецификой природных условий и экономическим развитием. Так, протяженность границы между Российской Федерацией и Монголией составляет 3485 км, в т. ч. речной – 588,3 км, озерной – 18,1 км. Линию российско-монгольской границы в ту или иную сторону пересекают около 100 водных объектов. Вторая причина – это экономические интересы двух государств, поскольку на территории бассейна р. Селенги расположены крупные месторождения стратегически полезных ископаемых, промышленные объекты России и Монголии, железнодорожные и автомобильные магистрали с выходом на Азиатско-Тихоокеанский регион.

В свою очередь экологически обоснованное управление в области охраны и использования трансграничных водных объектов требует комплексного подхода к изучению, оценке и прогнозированию состояния ресурсов трансграничных водных объектов, позволяющего сторонам предотвратить наводнения и их негативные последствия для населения и объектов экономики двух государств.

Межгосударственное регулирование вопросов охраны и использования трансграничных водотоков на принципах справедливого и разумного использова-

ния трансграничных водотоков осуществляется посредством института уполномоченных Правительств Российской Федерации и Монголии, представляющего собой действующую политическую организацию, использующую административные методы руководства. В его решениях получил весьма характерное отражение интенсивный процесс наработки форм и методов сотрудничества между двумя странами в области охраны и использования трансграничных вод, который вполне соответствует международным положениям о водных отношениях, способствующим эффективной и действенной охране оз. Байкал – объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Для России как гаранта безопасности объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО – оз. Байкал подобное взаимодействие представляет важнейшую задачу. Для Монголии это также актуально, ведь в условиях дефицита водных ресурсов проблема распределения и совместного использования трансграничных водных объектов затрагивает многие стороны жизнедеятельности общества. С одной стороны, взаимодействие с Россией в вопросах использования и охраны водных ресурсов позволяет использовать позитивный российский опыт в области охраны и использования водных ресурсов, с другой – оно выступает гарантом обеспечения национальных интересов Монголии в плане сохранения ее суверенитета в условиях осуществления многовекторной внешней политики, в которой одним из главных акторов является соседний Китай.

При этом российско-монгольское взаимодействие в области охраны Байкала базируется на принятых международных политических нормах и принципах охраны и использования трансграничных водных объектов и обеспечивает национальные интересы России и Монголии.

Это нашло свое подтверждение на прошедшем 13–15 октября 2014 г. в г. Улан-Баторе 18-м заседании Россий-

ско-Монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству [6]. В ходе заседания был высоко оценен уровень развития сотрудничества в природоохранной сфере и отмечена важность взаимодействия России и Монголии в области охраны и рационального использования водных ресурсов. В первую очередь это касается решения монгольской стороны приостановить работы по китайскому инвестиционному проекту «ГЭС Шурен» на основном притоке р. Селенги. Для Российской Федерации реализация данного проекта могла негативно повлиять на водный баланс уникального оз. Байкал.

В повышении уровня природоохранного сотрудничества между Россией и Монголией заметную роль играют влиятельные политические движения, среди которых особое место занимает альянс партии зеленых и партии «Гражданская воля», основанной в 2000 г. нынешним министром окружающей среды и зеленого развития Монголии С. Оюун, а также экологические движения, объединенные в коалицию гражданских движений в защиту экологии Монголии. Их основными задачами являются сохранение природных ресурсов и осуществление контроля, в т. ч. общественного, за разработкой месторождений полезных ископаемых, в особенности инвестиционных проектов в области горнодобывающей промышленности, реализуемых Китаем в Монголии.

И современный курс Монгольского правительства на активизацию и повышение эффективности двусторонних российско-монгольских отношений, в т. ч. в области охраны окружающей среды, полностью совпадает с реализацией основных аспектов внешнеполитического курса Монголии. Более того, развитие межгосударственных отношений и переход их в разряд стратегического партнерства позволяет не допускать ослабления позиций России в условиях геополитиче-

ских трансформаций как на мировой арене, так и в АТР.

В этой связи существует острая необходимость последовательной и корректной реализации намеченного курса на развитие стратегического партнерства между двумя государствами на принципах взаимоуважения, равенства и взаимной выгоды на основе добрых традиций с более полным учетом интересов и предложений с монгольской стороны и имеющегося потенциала приграничных с Монголией российских территорий.

Таким образом, проведенный анализ принятых политических документов в области межгосударственного взаимодействия России и Монголии позволяет сделать вывод, что наряду с особым интересом двух государств к осуществлению взаимовыгодного сотрудничества в политической и экономической сферах объектом постоянного внимания сторон продолжает оставаться экологическая сфера.

Источники и литература

1. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией от 25 августа 2009 г. (г. Улан-Батор).
2. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г.
3. Московская декларация, подписанная Президентом России В. В. Путиным и Президентом Монголии Н. Энхбаяром от 8 декабря 2006 г.
4. Основы государственной политики в области экологического развития в Российской Федерации, утвержденные Президентом России 30 апреля 2012 г.
5. Протокол 3-го заседания смешанной комиссии по вопросам охраны окружающей среды, созданной в соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 15 февраля 1994 г. и от 28 октября 2013 г. (г. Москва).
6. Протокол 18-го заседания Российско-Монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству от 15 октября 2014 г. (г. Улан-Батор).
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 15 февраля 1994 г.
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии в области охраны и использования трансграничных вод от 15 февраля 1995 г.
9. Улан-Баторская декларация (Улан-Батор, 14 ноября 2000 г.) // Дипломатический вестник. – 2000. – № 1.
10. Монгол Улсын гадаадбод логынузэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) / Монгол Улсын Их Хурлын Тогтоол, дугаар 10, 2011 оны 02сарын 10өдөр. Төрийнордон, Улаан-баатар хот.
11. Монгол Улсын мянганы хөгжлийн зорилгод суурилсан индэсний хөгжлийн нгоцболдо го (Стратегия развития Монголии в новом тысячелетии) / Монгол Улсын Их Хурлын Тогтоол, дугаар 12, 2008 оны 01 сарын 31 өдөр. Төрийнордон, Улаан-баатар хот.
12. Монгол Улсын индэсний Аюулгүй байдлын зэлбаримжал (Концепция национальной безопасности Монголии) // Дорно – Орно (Восток – Запад). – 1995. – № 1–2.
13. Цыренова Т. Б. Государственное управление в области охраны и использования водных ресурсов в условиях трансграничья (на примере Российской Федерации и Монголии). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – С. 174–179.

УДК 502.17 : 371

О. К. Кириллюк

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ДАУРСКОГО СТЕПНОГО ЭКОРЕГИОНА КАК МОДЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИРОДООХРАННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Рассматриваются экологические характеристики, история создания сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и современное состояние экологического сотрудничества в северо-восточной части Даурского степного экорегиона. Анализируются некоторые проблемы влияния изменения климата и экономического развития на состояние экосистем в регионе. Также рассматривается деятельность международного китайско-монгольско-российского заповедника «Даурия».

Ключевые слова: Даурский степной экорегион, особо охраняемые природные территории, китайско-монгольско-российский заповедник «Даурия», изменения климата, экологическое сотрудничество.

О. К. Kirilyuk

THE NORTHEASTERN PART OF THE DAURIAN STEPPE ECOREGION AS A MODEL REGION OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL COOPERATION

The article considered environmental characteristics, history of PA network creation and contemporary state of environmental cooperation in North-East Part of Daurian Steppe ecoregion. Some problems of influence of climate changes and economic development on the state of ecosystems in the region are discussed. The activity of Chinese-Mongolian-Russian Dauria International Protected area (CMR DIPA) in the mirror of this problems are discussed in the article too.

Key words: Dauria steppe ecoregion, protected areas, CMR DIPA, climate changes, environmental cooperation.

Даурия как экорегион

Даурский степной экорегион выделен в качестве одного из наиболее важных для сохранения биоразнообразия на Земле в рамках инициативы Global 200 Всемирного фонда дикой природы [33]. Занимая обширнейшую территорию на восточном стыке границ России, Монголии и Китая (рис. 1), он включает различные степные и лесостепные экосистемы, играющие чрезвычайно роль для сохранения десятков гло-

бально редких видов позвоночных, прежде всего птиц. В настоящей статье мы рассматриваем северо-восточную часть экорегиона, расположенную в пределах бассейна Амура и примыкающих бессточных котловин и ограниченную Большим Хинганом на востоке и Хэнтеем на западе, Борщевочным хребтом на севере и плато Дарь Ганга на юге, что обусловлено функциональным единством обозначенной территории.

Характерной чертой рельефа северо-востока Даурии являются низкогорья

КИРИЛЮК Ольга Кузьминична – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ФГБУ «Государственный заповедник Даурский», старший научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН. E-mail: kiriliuko@bk.ru.

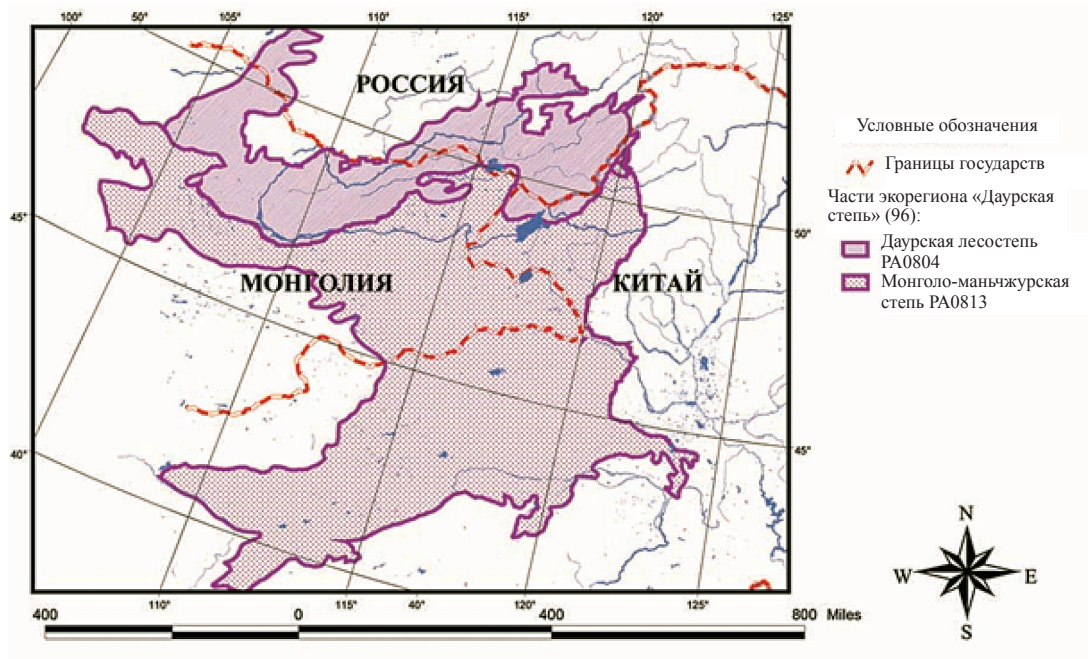

Рис. 1. Положение экорегиона Даурская степь на стыке границ России, Монголии и Китая (по: www.panda.org)

и расположенные среди них увалистые возвышенные равнины (межгорные депрессии). Крупнейшая и центральная среди них – Ульдза-Хайларская высокая равнина, расположенная на смежных территориях России, Монголии и Китая, представляет собой межгорное понижение гобийского типа. Равнинные участки находятся на высоте 600–700 м над ур. м., местами осложняясь холмами, грядами, возвышенностями с относительными превышениями от десятков до 300–400 м [1]. Наиболее высокие вершины окаймляющих хребтов достигают 2650 м над ур. м. (вершины Хэнтэя). Понижения приурочены к озерным котловинам, долинам крупных рек. Низшие точки расположены на высоте 539 м (оз. Далайнор), 537 м над ур. м. (долина р. Аргунь).

На равнинах и в многочисленных небольших котловинах имеется множество малых и средних (диаметром от нескольких десятков до сотен метров) соленых

и солоноватых озер, крупнейшие из которых – Далайнор, Торейские и Буйр-Нур – представляют собой остатки некогда общего водоема, существовавшего здесь в период от протерозоя до позднего триаса [26].

Торейские озера обводняют реки Ульдза и Ималка, имеющие широкие, заросшие травянистой растительностью поймы и покрытые плавнями устья. Основные притоки Далайнора – реки Керулен и Оршон-Гол. Последняя вытекает из оз. Буйр-Нур и связывает 2 озера в единую систему. Буйр-Нур обводняется р. Халхин-Гол. Торейские озера не имеют стока и вместе с впадающими в них реками образуют Торейский бессточный бассейн. Далайнор через канал Хайлар-Далайнор и протоку Мутная, действующую в многоводный период, связан с р. Аргунь и входит, таким образом, вместе с реками Керулен и Оршон-Гол в бассейн Амура.

Большинство крупнейших рек региона (кроме Ингоды и Шилки) являются трансграничными, истоки Онона, Керулена, Ульдзы, Оршон-Гола находятся в Монголии, рек Аргунь и Халхин-Гол – в Китае. Трансграничное положение имеют также озера Барун-Горей и Буйр-Нур.

Расположение горных хребтов способствует тому, что регион подвержен гораздо большему влиянию восточных муссонных и сухих южных воздушных масс, чем воздушных потоков Атлантики и Арктики, что оказывает свое влияние на формирование климата рассматриваемой территории. Он резкоконтинентальный, характеризуется отрицательными среднегодовыми температурами (0 – -2 °С), большой годовой разницей температур (более 90 °С), а также небольшим среднегодовым количеством осадков (250–400 мм в год), коротким безморозным периодом (90–110 дней) и высокой продолжительностью солнечного сияния (от 2600 до 3000 ч./год).

Проявления континентальности климата на рассматриваемой территории увеличиваются от периферии к центру (Далайнор-Торейская котловина) и югу. Так, гидротермический коэффициент изменяется от 1,5 на западной, северной и восточной периферии до 0,5 в центре и 0,4 на юге экорегиона [16; 27]. С этим связано изменение характера экосистем региона. В том же направлении проходит градиент смены природных зон от лесостепей до засушливых степей.

Для Даурии характерно наличие циклических изменений увлажнения. Общая продолжительность наиболее заметных внутривековых циклов составляет 25–35 лет [18]. Цикличность проявляется на всей территории в изменении годовых сумм и сумм осадков теплого периода. На фоне этих циклов достаточно четко проявляются более короткие 5–6-летние циклы на западе региона и 6–10-летние – на востоке. 25–35-летние циклы, в свою очередь, имеют место на фоне более долгосрочных сверхвековых. Значимость

тех или иных циклов меняется со временем [19].

С циклами увлажненности связан уровень водности водоемов и рек региона. В засушливые периоды циклов мелкие и средние реки и озера могут полностью пересыхать, уровень крупных рек и озер значительно снижается. Даже большие по площади, но мелководные водоемы (в частности, Торейские озера, имеющие глубину около 6 м) могут полностью пересыхать.

Сложный рельеф территории и разнообразие климатических условий способствуют формированию множества микробиотопов, что обеспечивает существование на этой территории разнообразных сообществ и видов с разными экологическими требованиями [15]. Отметим, что постоянные климатические изменения оказывали решающее влияние на процесс эволюции экосистем региона. И сейчас важнейшей чертой Даурии является то, что среднесрочные, 30-летние, климатические циклы вызывают коренную перестройку природных сообществ, проявляющуюся в заметных изменениях растительного покрова и животного населения [31].

С циклическими изменениями климата в значительной мере сопряжено также изменение нагрузок на экосистемы, связанное с хозяйственной деятельностью человека. Здесь заметим, что традиционными направлениями экономики в Даурии были и остаются сельское хозяйство (преимущественно животноводство) и добыча полезных ископаемых. В засушливые периоды наблюдаются повышенная нагрузка и ускоренная деградация водных и околоводных экосистем, связанные со скученным содержанием скота у оставшихся водоемов, повышением концентрации загрязняющих веществ и т. п.

Как уже отмечалось, регион имеет особое значение для сохранения мирового биоразнообразия. С одной стороны, это связано с уникальным расположе-

нием северо-востока Даурии на стыке биогеографических выделов, что обуславливает уникальную композицию природных сообществ и наличие в них видов, живущих на периферии ареалов; с другой – с физико-географическими характеристиками территории, обеспечивающими максимально благоприятные условия для миграции миллионов птиц [11]. Благодаря тому, что на северо-востоке Даурии богатые мелкими солеными озерами степи заходят глубоко в таежную зону, именно здесь происходит сужение глобальных трансконтинентальных миграционных путей птиц [5; 17]. Авифауна региона насчитывает около 330 видов, из которых 2/3 составляют транзитные мигранты. Около 20 их видов включены в Красный список МСОП (категории 1–3). Не менее 10 видов гнездятся в Даурии, а для пяти глобально редких видов: реликтовой чайки (*Larus relictus*), даурского (*Grus vipio*) и черного (*Grus monacha*) журавлей, стерха (*Grus leucogeranus*), восточного подвида дрофы (*Otis tarda Dybowskii*), сухоноса (*Anser cygnoides*) – эта территория имеет ключевое значение.

Ключевое значение имеет северо-восток Даурии для сохранения монгольского дзерена (здесь сосредоточено до 90 % мировой популяции вида), существенное значение – для сохранения манула, монгольского сурка, даурского ежа, маньчжурского и даурского цокоров и др. Часть из этих видов являются эндемиками Даурии. Доля обитающих в Даурии видов позвоночных составляет значительную часть видов, включенных в национальные Красные книги России, Монголии и Китая [11].

Таким образом, разделенные государственными границами экосистемы Даурии обладают чертами, позволяющими отнести их к числу интереснейших экорегионов мира, сохранивших во многом свой первозданный облик и естественный характер динамики экосистем, что, в свою очередь, подчеркивает их природоохранное и научное значение.

С другой стороны, остается актуальной проблема возможной глубокой трансформации природных комплексов Даурии в результате интенсификации хозяйственной деятельности человека [3; 4; 14; 23; 25]. Экономический спад, наблюдавшийся в последнее десятилетие XX в. и в первое десятилетие XXI в. (преимущественно на территории российской и монгольской частей региона), сменяется в настоящее время ростом сельскохозяйственного и горнодобывающего производства. Причем в сферу этой активности включаются новые объекты и территории, в т. ч. имеющие важное значение для сохранения редких и уязвимых видов [10; 11]. В таких условиях эффективное трансграничное сотрудничество России, Монголии и Китая в области охраны окружающей среды становится практически необходимым для выживания ценнейших экосистем Даурии. Здесь одинаково важно как создание единой сети охраняемых природных территорий, так и согласование вопросов хозяйственного использования природных ресурсов, прежде всего трансграничных водных объектов, основанное на всесторонних знаниях об особенностях функционирования экосистем региона.

Развитие системы ООПТ в регионе

Особый вклад в комплексные исследования Даурии внесли труды советско-монгольской (позже российско-монгольской) экспедиции национальных академий наук, одним из результатов деятельности которой стала разработка стратегии охраны экосистем Центральной Азии [7; 22]. Однако практически до 90-х гг. XX в. вопрос о необходимости защиты природных комплексов северо-востока Даурии через создание сети ООПТ обсуждался преимущественно только в российской части экорегиона. Это объясняется, прежде всего, гораздо меньшей освоенностью монгольской и китайской частей Даурии, а также большей изучен-

ностью российской территории. Первая достоверно известная официальная ООПТ в регионе – российский заказник «Цасучейский» был создан в 1964 г., позже его территория вошла в состав другой ООПТ, более высокого статуса [2]. Первые ООПТ в китайской и монгольской частях экорегиона были образованы в 1985 и 1992 гг. соответственно.

Несмотря на то, что в России сеть ООПТ стала формироваться раньше, к настоящему времени формально более развитой является сеть охраняемых территорий в китайской части Даурии, где их совокупная площадь превышает 2800 тыс. га (примерно 28 % от рассматриваемой части региона в стране). Преимущественно (более 65 % земель) – это охраняемые природные территории регионального и местного статуса, имеющие весьма условный режим ограничений и защиты. В монгольской части региона площадь ООПТ составляет почти 2200 тыс. га, или около 12 % рассматриваемой части региона в стране, причем охраняемые природные территории национального статуса занимают 60 % земель, имеющих природоохранный статус. Общая площадь ООПТ в российской части региона немного превышает 705 тыс. га (примерно 7 % рассматриваемой части региона в стране), около 70 % земель, имеющих природоохранный статус, находятся в составе ООПТ федерального значения [12]. В настоящее время в российской части региона ведутся работы по организации еще нескольких ООПТ преимущественно регионального статуса [20], расширение сети ООПТ предполагается и в монгольской части региона [21].

Особенностью сети ООПТ Даурии является наличие здесь единственной в Азии трехсторонней охраняемой природной территории – российско-монгольско-китайского заповедника «Даурия» (Chinese-Mongolian-Russian Dauria International Protected Area (CMR DIPA) в английском варианте), в состав которо-

го входят Государственный природный биосферный заповедник «Даурский» и подведомственные ему территории (Россия), строго охраняемая природная территория «Монгол Дагуур» (Монголия) и национальный заповедник «Далайнор» (Китай) (рис. 2).

Международный заповедник был создан в марте 1994 г. с целью «содействия сотрудничеству между сторонами в области охраны окружающей среды, в частности, в вопросах охраны природы и рационального использования природных ресурсов, мониторинга и научных исследований экосистем» (Соглашение о создании CMR DIPA, ст. II).

Для координации деятельности международного заповедника была создана смешанная комиссия, возглавляемая руководителями соответствующих структур национальных органов власти, в чьем ведении находятся входящие в состав DIPA охраняемые территории; оперативное взаимодействие и координацию работ осуществляет рабочая группа международного заповедника, возглавляемая директорами национальных частей DIPA [17].

За 20 лет сотрудничества в рамках международного заповедника его роль в изучении и сохранении трансграничных природных комплексов значительно возросла. Все 3 заповедника, входящие в состав DIPA, имеют статус водно-болотных угодий международного значения в соответствии с Рамсарской конвенцией, включены в сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО в соответствии с программой «Человек и биосфера»; российско-монгольская часть международного заповедника номинируется на включение в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО [32]. Наличие столь высокого статуса и международного признания значимости охраняемых DIPA природных комплексов – результат успешного научного и делового сотрудничества сторон.

Важнейшим шагом в развитии трансграничной сети ООПТ региона

Рис. 2. Расположение международного российско-монгольско-китайского заповедника «Даурия»

стало обоснование создания российско-монгольской охраняемой природной территории «Истоки Амура», в состав которой включены биосферный заповедник «Сохондинский» с российской стороны и национальный парк «Онон-Бальдж» с монгольской. Создание новой трансграничной ООПТ (ТООПТ) позволяет взять под охрану ценнейшие лесостепные и таежные природные комплексы, включая истоки одной из крупнейших трансграничных рек региона – р. Онон.

Перспективно создание в регионе еще нескольких новых ТООПТ или участков уже существующих, в т. ч. как российско-монгольских, так и российско-китайских, монгольско-китайских или трехсторонних [13; 30].

Современное состояние и перспективы развития природоохранного сотрудничества в регионе

Как уже отмечалось, международное природоохранное сотрудничество является необходимым условием сохранения высокой экологической ценности экорегиона Даурская степь. В настоящее время деятельность международного заповедника «Даурия» представляет собой наиболее эффективный пример взаимодействия трех стран в этой области.

Основными направлениями деятельности в рамках DIPA остаются научные исследования и мониторинг, а также совместная эколого-просветительская активность. Первоначальные совместные работы по инвентаризации флоры и

фауны входящих в международный заповедник территорий за несколько лет переросли в многоплановые исследования состояния экосистем Даурии, выявление основных особенностей их функционирования. Научные работы проводились на территории гораздо шире границ DIPА и охватили практически все пространство северо-востока Даурии [6; 17; 24]. Важно, что заповедник сыграл консолидирующую роль, привлекая или побуждая к исследованиям самые различные организации и структуры: научно-исследовательские, образовательные, службы мониторинга и др. Благодаря этим работам было показано наличие и экологическая значимость внутривековых климатических циклов в Даурии, выявлены критические периоды существования экосистем и отдельных видов. Результаты исследований опубликованы в нескольких десятках научных и научно-популярных работ, часть из которых подготовлена интернациональными авторскими коллективами [29]. Значительное количество публикаций изданы на английском языке, в т. ч. 3 монографии. Наиболее содержательные публикации размещены в библиотеке на сайте Даурского заповедника – www.daurzapoved.com.

Полученные всесторонние знания об экологии ряда редких видов позволили разработать и реализовать программы по их сохранению, в частности программу по восстановлению в России монгольского дзерена. В результате ее реализации численность постоянно обитающих в приграничных районах Забайкальского края дзеренов возросла от нескольких особей до более чем 4 тыс. голов [9].

Следующим этапом сотрудничества в рамках DIPА стала разработка и начало реализации программы научно-исследовательских и природоохранных работ «Влияние климатических изменений на экосистемы Даурского экорегиона и природоохранные адаптации к ним», одобренной на V заседании смешанной комиссии DIPА [24]. Программа пред-

полагает проведение систематических мониторинговых и научно-исследовательских работ, позволяющих получить объективные данные об изменении экосистем, необходимые для организации неистощительного природопользования и устойчивого развития в регионе. Как и полученные ранее совместные результаты научных исследований в рамках программы предполагается публиковать в доступном для управленческих и хозяйствующих субъектов виде. Первым опытом такой публикации стало издание в 2012 г. на трех языках (русском, английском и китайском) книги «Проблемы адаптации к изменениям климата в бассейнах рек Даурии: экологические и водохозяйственные проблемы».

Здесь важно отметить, что сотрудники международного заповедника входят в состав различных международных рабочих групп и комиссий в области охраны окружающей среды, что позволяет использовать полученные в рамках DIPА результаты на разных уровнях управления и планирования природоохранных работ. Деятельность таких комиссий и рабочих групп призвана систематизировать и обеспечить эффективность международного сотрудничества в области охраны окружающей среды.

На сегодняшний день большинство двусторонних (российско-монгольских, российско-китайских) соглашений в области охраны окружающей среды, реализуемых на территории северо-востока Даурского экорегиона, касаются трансграничных водных объектов, что понятно, учитывая вододефицитный характер региона и преобладание водоемких направлений хозяйства. Так, в рамках подкомиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая действуют 3 рабочие группы:

– рабочая группа по мониторингу качества вод трансграничных водных объектов и их охране;

– рабочая группа по вопросам трансграничных особо охраняемых природных территорий и сохранения биологического разнообразия;

– рабочая группа по предотвращению загрязнения окружающей среды и взаимосвязям при чрезвычайных ситуациях экологического характера, а также экспертная группа по экстренному реагированию при чрезвычайных ситуациях экологического характера.

Кроме того, создана связанная группа по вопросам сотрудничества в области водного хозяйства пограничных участков рек Амур и Аргунь по разработке Схемы комплексного использования водных ресурсов пограничных участков рек Аргунь и Амур, обмена гидрологической информацией и сотрудничеству в области защиты от паводков и борьбы со стихийными бедствиями.

С 2007 г. начались работы в рамках Меморандума о взаимопонимании между Министерством природных ресурсов России и Государственной администрацией по охране окружающей среды (ГАОСС) Китая по вопросам совместного мониторинга качества вод трансграничных водных объектов. Совместный мониторинг осуществляется в соответствии с утверждаемым на заседаниях Совместной координационной комиссии ежегодным Планом совместного мониторинга качества воды трансграничных водных объектов в определенных пунктах [28].

Подобные двусторонние рабочие органы, в работе которых находят отражение проблемы природоохранного сотрудничества на северо-востоке Даурии, созданы также Россией и Монголией, в частности – подкомиссия по сотрудничеству в области охраны окружающей среды Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Монголии и совместная российско-монгольская рабочая группа по выполнению Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством

Монголии по охране и использованию трансграничных вод.

Более предметному рассмотрению актуальных региональных вопросов природоохранного сотрудничества могли бы способствовать рабочие группы и договоренности о взаимодействии, принятые на региональном уровне. Однако на сегодняшний день нет ни одного действующего подобного соглашения. Существенно, на наш взгляд, отсутствие трехсторонних совещательных органов, позволяющих рассматривать и решать общие для России, Монголии и Китая или взаимосвязанные природоохранные проблемы.

Несмотря на обилие различных согласительных органов, многие из проблем, связанные с негативным влиянием хозяйственной деятельности человека в регионе, остаются актуальными и даже усиливаются. Прежде всего это связано с тем, что по-прежнему приоритетными и пока безальтернативными (для России и Монголии) направлениями экономики в регионе остаются «экологически недружелюбные» горнопромышленное производство и экстенсивное сельское хозяйство. Сравнимая существующие проекты освоения природных ресурсов, касающиеся рассматриваемой территории, можно выделить такие, которые способны существенным образом негативно влиять на состояние природных комплексов стран-соседей. В частности, китайский канал Хайлар-Далайнор оказывает негативное воздействие на экосистемы пограничной российско-китайской р. Аргунь; в свою очередь, реализация проектов переброски вод р. Керулен в Монголии окажет влияние на состояние китайского оз. Далайнор, входящего в состав биосферного резервата «Далайнор». Планируемая переброска вод р. Онон в Монголии существенно скажется не только на экосистемах национального парка Онон-Бальдж, но и на природных комплексах российской части Даурии, как сказывается в Монго-

лии сброс с территории России загрязненных в результате добычи россыпного золота вод российских трансграничных притоков р. Онон [8].

На наш взгляд, отсутствие механизмов согласования и совместной оценки экологической опасности (целесообразности) хозяйственных проектов при интенсификации особо опасных направлений экономики является одной из основных природоохранных проблем в регионе.

При этом в мире существует опыт организации взаимодействия, позволяющего решать подобные проблемы. В частности, в рамках реализации программы «Человек и биосфера», предусматривающей совмещение интересов социально-экономического развития и необходимости сохранения особо цен-

ных природных экосистем, разделенных государственными границами, через создание трансграничных биосферных резерватов [13]. Существуют и другие механизмы трансграничного взаимодействия, предусматривающие сбалансированное развитие приграничных районов разных стран с учетом их особого биосферного значения, предлагаемые в т. ч. Рамсарской конвенцией. Примером реализации таких подходов может быть международное взаимодействие по сохранению экосистем Дуная.

На северо-востоке Даурского степного экорегиона имеются условия и предпосылки для создания подобной модельной территории устойчивого развития. Основой к ее созданию может служить международный заповедник «Даурия».

Работа выполнена при поддержке проекта IX.88.1.6 Программы ФНИ государственных академий наук на 2013–2020 гг. и проекта РФФИ 13-06-000-34.

Литература

1. Биосферный заповедник Даурский / О. К. Кирилюк, В. Е. Кирилюк, О. А. Горошко, Л. И. Сараева, С. М. Сеница, Т. И. Бородин, Т. Е. Ткаченко, В. А. Бриних. – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – 104 с.
2. Болотов В. В., Руденко Ю. Т. Особо охраняемые природные территории, прекратившие существование // Малая энциклопедия Забайкалья: природное наследие / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 408–410.
3. Глазырина И. П. Минерально-сырьевой комплекс Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. – 2011. – № 1. – С. 19–35.
4. Глазырина И. П. Экологически неравноценный обмен в экономическом развитии регионов России // Управление социально-экономическими системами: мат-лы 12-й междунар. науч.-практ. конф. РОЭЭ. – Иркутск, 2013. – С. 22–24.
5. Горошко О. А. Миграции птиц // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. В 4-х т. Т. 3: И-Р. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 256.
6. Горошко О. А., Кирилюк О. К., Ткачук Т. Е., Кирилюк В. Е. Международное сотрудничество заповедника «Даурский» // Природоохранное сотрудничество в трансграничных экологических регионах: Россия – Китай – Монголия. Вып. 3. Ч. 1. – Чита: Поиск, 2012. – С. 117–125.
7. Гунин П. Д., Востокова Е. А., Матюшкин Е. Н. Охрана экосистем Внутренней Азии. – М.: Наука, 1998. – 219 с.
8. Золотые реки. Вып. 1: Амурский бассейн / под ред. Е. А. Симонова. – Владивосток; Пекин; Улан-Батор, 2012. – 118 с.

9. Кириллюк В. Е. Первые итоги и перспективы восстановления монгольского дзерена (*Procapra gutturosa*) в России. – Чита: Экспресс-издательство, 2007. – 36 с.

10. Кириллюк В. Е., Кириллюк О. К., Фалейчик Л. М., Бородина Е. А. Анализ пространственно-временной структуры популяции монгольского дзерена в Северо-Восточной Монголии // Приграничное сотрудничество: Россия, Китай, Монголия: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., 22–25 октября 2008 г. – Чита, 2008.

11. Кириллюк О. К. Экологические основы формирования сети особо охраняемых природных территорий северо-восточной части экорегиона «Даурская степь»: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Хабаровск, 2011. – 24 с.

12. Кириллюк О. К. Перспективы совершенствования системы особо охраняемых природных территорий в Даурском экорегионе // Современные проблемы экологической безопасности трансграничных регионов. – Новосибирск: Наука, 2013. – С. 249–259.

13. Кириллюк О. К., Кириллюк В. Е., Каримова Т. Ю., Луцкекина А. А., Неронов В. М., Оюунгэрэл Б. Результаты и перспективы трансграничного сотрудничества в экорегионе «Степи Даурии» // Оценка современного состояния экосистем российско-монгольских трансграничных территорий: сб. науч. тр. – М.: ИПЭЭ РАН, 2013. – С. 80–92.

14. Кириллюк О. К., Фалейчик Л. М. Экологические риски нового экономического освоения Юго-Восточного Забайкалья / Экономическое развитие и окружающая среда: стратегии, модели, инструменты управления: мат-лы 8-й междунар. конф. Российского общества экологической экономики. – М.: НИА-Природа, 2007. – С. 110–113.

15. Кириллюк О. К., Ткачук Т. Е. Даурия как экологический регион // Проблемы адаптации к изменению климата в бассейнах рек Даурии: экологические и водохозяйственные аспекты: сб. науч. тр. Государственного природного биосферного заповедника «Даурский» / под ред. О. К. Кириллюк, Е. А. Симонова. Вып. 5. – Чита: Экспресс-издательство, 2012. – С. 7–13.

16. Национальный атлас Монголии. – М.; Улан-Батор: картографическая фабрика Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1990. – 144 с.

17. Международный заповедник «Даурия»: 10 лет сотрудничества: мат-лы к отчету о деятельности заповедника / О. К. Кириллюк, О. А. Горошко, В. Е. Кириллюк. – Чита: Экспресс-издательство, 2006. – 60 с.

18. Обязов В. А. Закономерности увлажнения степной зоны Забайкалья и их проявления в режиме озер (на примере Торейских озер): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – СПб., 1996. – 21 с.

19. Обязов В. А. Изменение климата и гидрологического режима рек и озер в Даурском экорегионе // Проблемы адаптации к изменению климата в бассейнах рек Даурии: экологические и водохозяйственные аспекты: сб. науч. трудов Государственного природного биосферного заповедника «Даурский» / под ред. О. К. Кириллюк, Е. А. Симонова. Вып. 5. – Чита: Экспресс-издательство, 2012. – С. 24–45.

20. Об утверждении Схемы развития и размещения особо охраняемых природных территорий в Забайкальском крае на период до 2021 г.: Постановление Правительства Забайкальского края № 275 от 27 июля 2011 г. Режим доступа: http://минприр.зabaykalskiykray.rf/u/images/documents/shema_razvitiya_i_razmeshcheniya_osobo_ohranyaemyh_prirodnih_territoriy_v_zabaykalskom_krae_na_period_do_2021_goda.pdf.

21. Оюунгэрэл Б. Система особо охраняемых природных территорий Монголии и перспективы ее развития // Аридные экосистемы. – 2010. – Т. 16. – № 3 (43). – С. 57–66.

22. Переладова О. Б. Создание экологической сети (Эконет) в Центральной Азии // Saiga news. – 2005. – № 2. – С. 7.

23. Помазкова Н. В., Фалейчик Л. М., Кириллюк О. К. Геоэкологическая оценка воздействия разработок минерального сырья на экосистемы юго-востока Забайкалья // Устойчивое развитие горных территорий. – 2012. – № 1–2 (11–12). – С. 54–60.

24. Проблемы адаптации к изменению климата в бассейнах рек Даурии: экологические и водохозяйственные аспекты: сб. науч. тр. Государственного природного биосферного заповедника «Даурский» / под ред. О. К. Кирилук, Е. А. Симонова. Вып. 5. – Чита: Экспресс-издательство, 2012. – 180 с.

25. *Симонов Е. А., Егидарев Е. Г.* Водохозяйственные проблемы и пути адаптации в Даурии // Проблемы адаптации к изменению климата в бассейнах рек Даурии: экологические и водохозяйственные аспекты: сб. науч. тр. Государственного природного биосферного заповедника «Даурский» / под ред. О. К. Кирилук, Е. А. Симонова. Вып. 5. – Чита: Экспресс-издательство, 2012. – С. 88–154.

26. *Синица С. М., Кирилук О. К., Ткаченко Е. Э.* Физико-географические характеристики // Биосферный заповедник Даурский. – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – С. 15–26.

27. Степи Центральной Азии / И. М. Гаджиев, А. Ю. Королюк, А. А. Титлянова и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – 299 с.

28. *Харченко Н. А., Кирилук О. К.* Природоохранное сотрудничество // Малая энциклопедия Забайкалья: международные связи. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 508–509.

29. *Goroshko O. A., Kirilyuk V. E., Tkachuk T. E., Kirilyuk O. K., Simonov E. A.* International cooperation of the Daurian Nature Reserve. In the Proceeding of International Conference to the 20-th Anniversary of CMR DIPA. Mongolia, 25–28 June 2014.

30. *Kirilyuk O. K.* To the question about the prospective of the development of protected areas network on the north-east of Dauria ecoregion. In the Proceeding of International Conference to the 20-th Anniversary of CMR DIPA. Mongolia, 25–28 June 2014.

31. *Kirilyuk V. E., Obyazov V. A., Tkachuk T. E., Kirilyuk O. K.* Influence of Climate Change on Vegetation and Wildlife in the Daurian Eco-region // Eurasian Steppes. Ecological Problems and Livelihoods in a Changing World. Springer Dordrecht Heidelberg. – New York; London, 2012. – P. 397–424.

32. Landscapes of Dauria. Potential Serial Transnational World Heritage Property (The Russian Federation and Mongolia) / O. Kirilyuk, V. Kirilyuk, N. Maksakovsky et al. – M.: ANNIE, 2013. – 60 p.

33. *Olson D. M.* The Global 200: priority ecoregions for global conservation / David M. Olson, Eric Dinershtein // Annals of the Missouri Botanical Garden. – 2002. – Vol. 89. – № 2. – P. 199–224.

УДК 913 : 2 (571.54)

Ф. В. Шитиков

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ**

Автор акцентирует внимание на ряде методологических проблем, возникающих при исследованиях религиозной ситуации в рамках современных подходов к этой тематике в географии и, в частности, пытается расширить трактовку понятия «религиозная инфраструктура». Также приведены результаты исследования территориальных особенностей современной конфессиональной ситуации на основании размещения религиозных общественных организаций и религиозно-культурной инфраструктуры на территории Бурятии.

Ключевые слова: религиозно-культурная инфраструктура, религиозная ситуация, религиозные общественные организации, религиозный дискурс.

F. V. Shitikov

**GEOGRAPHIC SPECIFICS OF CONFESSIONAL SITUATION
IN THE REPUBLIC OF BURYATIA**

The author considers methodological problems of studies religious situation in a territory and attempts to reconsider notion “religious-cultural infrastructure”. In addition, the results of studies of the current religious situation in the republic of Buryatia are presented on the basis of territorial spread registered religious communities and organizations, religious-cultural infrastructure.

Key words: semiotic resource of confessional community, religious-cultural infrastructure, religious situation, registered religious community, religious discourse.

Интерес к социальным процессам, связанным с религией, в отечественной географии обусловлен, с одной стороны, активизацией религиозной жизни в постсоветский период, с другой – тенденцией гуманизации, смещения интереса к культурной и социальной географии внутри географической науки.

В работах ряда российских географов последних лет, посвященных этой проблеме, были осуществлены попытки концептуализации объекта географии религии. Выделяя свойство целостности, взаимозависимости всех компонентов религиозной жизни, исследователи пытались, прежде всего, указать на «системность» объекта географии религий, что отражается в самих категориях

«религиозная геосистема» [6], «территориально-конфессиональная система» [2], «религиозные территориальные системы» [9]. К. В. Горина [5] использует понятие «конфессиональное пространство», которое, тем не менее, в ее собственном определении состоит из компонентов религиозно-территориальной системы. Слагающими, образующими все эти «системы», выступают религиозные учреждения и организации, представители клира, объекты (религиозные здания и сооружения), сами верующие и прочие явления, связанные с религиозной жизнью.

Сравнивая содержание представленных выше понятий, призванных определить объект географии религий, можно

отметить, что он представлен двумя сферами: самим социумом (т. е. последователями определенной религии и различными социальными институтами, которые они создают – это общины, воскресные школы, руководящие религиозные организации и т. д.), и тем, что представляет собой овеществленные в пространстве объекты, относящиеся к какой-либо конфессии. Выше были перечислены различные объекты, такие как религиозные здания и сооружения: церкви, дацаны и т. п. культовые объекты (например, ступы, обоо и др.). Все это в целом исследователи обозначают как религиозную (религиозно-культурную) инфраструктуру. Однако А. А. Мурзалев, к примеру, относит к религиозной инфраструктуре и религиозные организации, общины и даже служителей культа [6].

По нашему мнению, более уместным было бы не включать в понятие религиозно-культурной инфраструктуры различные социальные образования и отдельных представителей социума. В контексте данной работы понятие религиозно-культурной инфраструктуры можно определить как весь комплекс явлений, воплощенный в физическом пространстве, связанный с социальным институтом религии: как то, что выполняет функции материального обеспечения конфессии, так и любую вещь, предмет, здание, которое попадает в поле определенного знакового, религиозного дискурса [4], т. е. все, что является знаком-артефактом, любой вещественный предмет, связанный с конфессией. Само собой, в рамках географического исследования интерес представляют объекты, имеющие определенную территориальную приуроченность: религиозные сооружения, объекты культа и т. д.

Выделение социального и физического в религиозной сфере с позиции географического исследования далеко не ново. Так, классик европейской географии религий М. Бюттнер помимо идеологического уровня религии выделял социальный и ландшафтный [8, с. 19].

Религиозно-культурная инфраструктура не просто обеспечивает потребности социальной группы, а является также и способом репрезентации в окружающем пространстве. Выделение, обозначение, «своего» пространства социальной группой непосредственно относится к процессу идентификации и определению своего места в пространстве социальных отношений, которое связано с физическим пространством. Утверждение той или иной позиции в сфере социальных взаимодействий проявляется в присвоенном пространстве, выражаясь словами известного французского социолога Пьера Бурдьё, «в самой хитроумной своей форме – как символическое или незамечаемое насилие» [4, с. 52]. Иными словами, религиозно-культурная инфраструктура как предмет географического исследования может рассматриваться с двух позиций: как «инфраструктура» в общепринятом понимании этого термина (т. е. некоторый комплекс сооружений, предметов, обслуживающий религиозные социальные институты), так и как способ ведения символической борьбы в пространстве, осуществляемой социальной группой. В этом случае, православный храм, например, может, с одной стороны, быть рассмотрен чисто функционально, как место сбора верующих, проведения обрядов и т. п., с другой – как знаковый ресурс, являющийся своего рода самопрезентацией конфессиональной группы в пространстве.

Как отмечалось, понятия «конфессиональное пространство», «религиозная геосистема», «территориально-конфессиональная система» призваны рассматривать проявления религиозной жизни в целостности, совокупности, акцентируя внимание на наиболее «географичных», поддающихся географическому исследованию, территориально приуроченных компонентах. Эта проблема является наиболее актуальной наряду с проблемой определения части социума, относящей себя к определенному религиозному направлению на территории. Так,

например, И. Ю. Филимоновой [10] был использован коэффициент уровня религиозности (КУР), который указывает на долю представителей определенной конфессии от всего населения территории.

Однако для многих конфессий достаточно точное определение этого коэффициента – тяжело реализуемая задача из-за отсутствия достоверных и пригодных для сравнения статистических данных по количеству членов всех конфессий на исследуемой территории. Даже если достаточно подробные данные и существуют, то они, вероятнее всего, основаны на информации, которую предоставляют сами конфессии, и даже если подсчет осуществлен корректно, отобразят лишь группу «активно» верующих, которые посещают церкви, молитвенные дома и т. п. Применение социологического опроса в географическом исследовании подразумевает достаточную дробность покрытия всей рассматриваемой территории, что довольно трудно осуществить на практике.

Наиболее точные и полные данные можно было бы получить при наличии вопроса о религиозной принадлежности в списке вопросов Всероссийской переписи населения. Однако этот вопрос задавался только в переписях 1897 и 1937 гг.

Особой, наиболее разработанной частью географии религий, которая позволяет отразить конфессиональный «окрас» той или иной территории, является география религиозных общин. Тем не менее по показателям религиозных объединений на территории трудно делать однозначные выводы относительно религиозной ситуации – все существующие объединения людей на религиозной основе вряд ли могут быть зафиксированы в реестре того или иного ведомства. Кроме того, судя по всему, разные религиозные направления в силу собственных внутренних особенностей по-разному склонны к институализации. Например, шаманизм в Бурятии как ре-

лигиозная практика местного населения, живущая в привычках, традициях, стереотипах, широко распространен на территории всей республики. Тем не менее официально зарегистрировано только 7 организаций, связанных с этим направлением, – столько же, сколько, к примеру, организаций пресвитерианской церкви.

Говоря о шаманизме, можно отметить, что трудности при изучении этого направления с помощью сложившихся подходов географии религий тесно связаны с вопросом о том, можно ли вообще считать шаманизм религией. Так, французская исследовательница Р. Амайон задается вопросом: «...возможно ли считать религией этот комплекс практик без догматов, без храмов, без клерикального класса, без установленной формы богослужения, когда каждый шаман как будто работает в своем стиле или меняет стиль от обряда к обряду?» [7]. В контексте данного исследования важен не сам вопрос, поставленный Р. Амайон, а то, что, говоря о шаманизме, она указала на отсутствие именно тех признаков, которые она считает определяющими для религии, на основании которых географы исследуют религиозную ситуацию на территории.

Тем не менее любопытным фактом являются происходящие в последнее время на территории Бурятии, казалось бы несвойственные для шаманизма, процессы. Это направление приобретает характерные организационные формы, свойственные «развитым» религиозным течениям, появляются специальные организационные структуры и даже планируется постройка храмового комплекса.

Вообще, если говорить об институализации остальных религиозных направлений, помимо шаманизма, в смысле кооперирования, создания организаций различного порядка, законодательного оформления статуса, создания организационной инфраструктуры, то, судя по всему, существует тенденция, к которой склонны нетрадиционные для террито-

рии религиозные течения. Обладающие небольшой поддержкой среди населения коллективы, представляющие нетрадиционные религиозные направления, вынуждены спланировать и вести активную деятельность для привлечения новых членов.

Несмотря на все перечисленные недостатки, учет религиозных общин и других религиозных организаций является распространенной практикой, которая позволяет получить массу полезной информации для исследования религиозной ситуации.

На 2013 г. в Республике Бурятия официально зарегистрировано 208 религиозных общественных объединений (рис. 1, 2). Для сравнения, в 2009 г. их было зарегистрировано 178, в 2003 г. – 173, а в 1998 г. – 113.

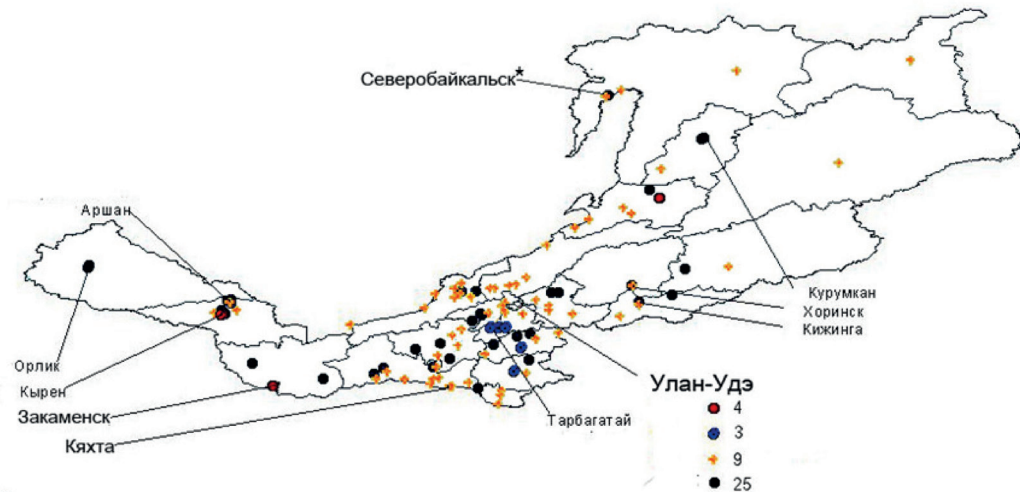
В столице республики сосредоточено 67 общественных религиозных объединений, большинство из которых буддийские – 25. 11 организаций представляют церковь веры евангельской (пятидесятники) и 9 – русскую православную церковь. Почти половина всех буддийских объединений сосредоточена в г. Улан-Удэ.

Интересно, что количество организаций одного из направлений протестантизма в Улан-Удэ – пятидесятничества превышает количество православных организаций. Конечно, этот показатель не отражает реальные религиозные предпочтения жителей столицы республики. Тем не менее и количество пятидесятнических религиозных объединений Улан-Удэ, да и в целом активность протестантского направления на территории

Условные обозначения:

Религиозные общественные объединения:

- шаманистские
- старообрядческие
- ★ русской православной церкви
- буддийские

* подписаны населенные пункты, где располагаются два или больше религиозных общественных объединений

Рис. 1. Общественные объединения традиционных религиозных направлений в Республике Бурятия

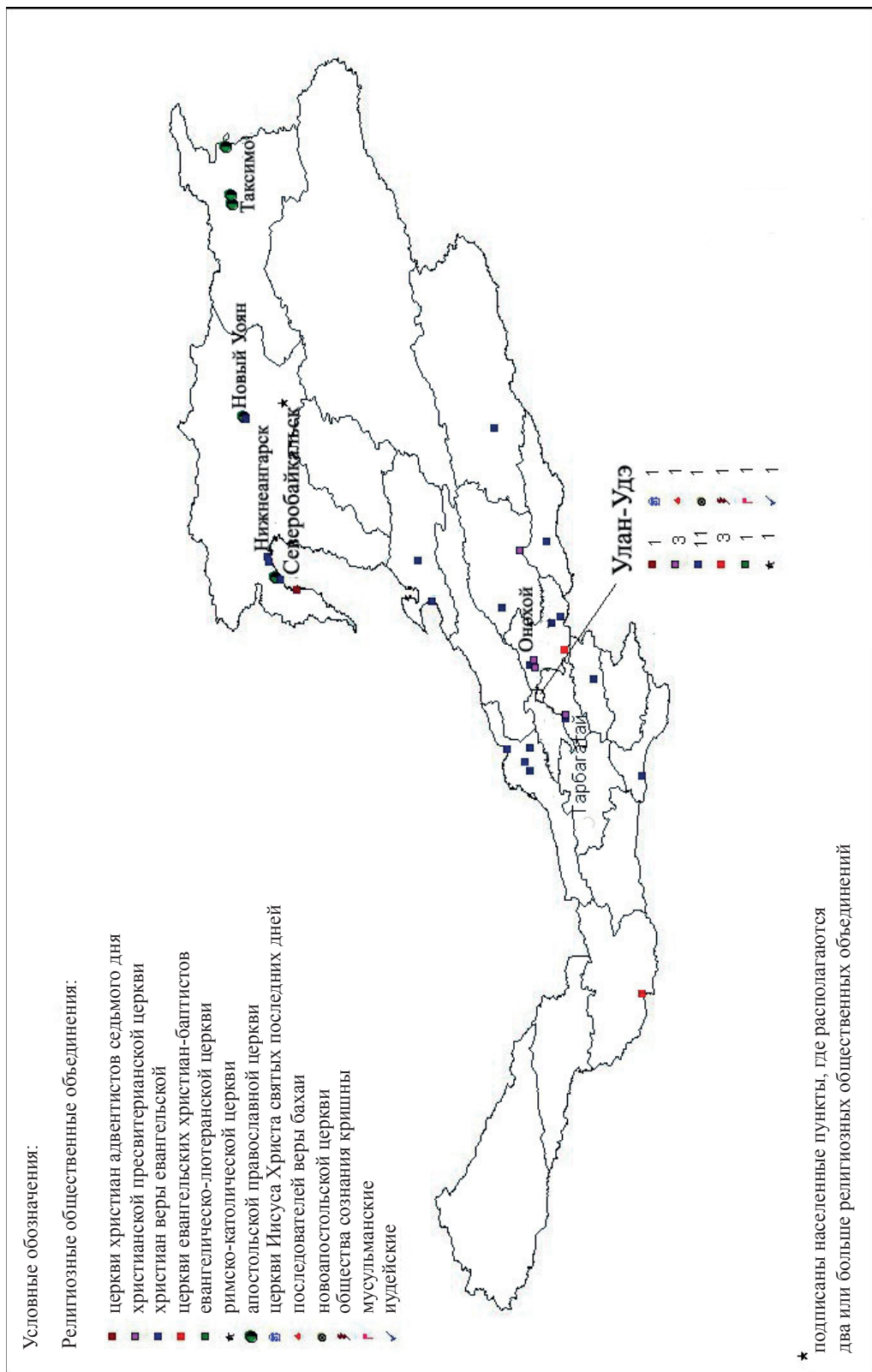

Рис. 2. Общественные объединения нетрадиционных религиозных направлений в Республике Бурятия

Бурятия позволяют говорить даже о «бурятском протестантизме», представляющем «особую религиозную культуру» [1, с. 111].

Очевидно, и это нетрудно отметить на представленных картах, что география общин традиционных конфессий связана с территориальными особенностями этнического состава территории. Объединения РПЦ представлены во всех районах, кроме Окинского, Тарбагатайского и Прибайкальского. Муйский район не имеет буддийских объединений на своей территории.

При исследовании религиозно-культурной инфраструктуры как показателя религиозной ситуации на территории республики в данной работе были рассмотрены монастыри и дацаны как отдельные комплексы, являющиеся центрами религиозной жизни, а также храмы, соборы, церкви, мечети и др. объекты.

Исследование территориальных особенностей всех объектов, которые служат помещением для совместных сборов, обрядов, молений и другой обрядово-религиозной деятельности, во многом повторяло бы работу, связанную с исследованием географии общественных объединений, потому как большинство общественных объединений зарегистрированы в местах, где, собственно, и происходит подобная деятельность. Во многих случаях места, где зарегистрированы религиозные организации, изначально были предназначены для других целей (религиозные общины используют бывшие и действующие дома культуры, детские сады и т. д.) и внешне вряд ли могли быть идентифицированы как храмовые сооружения.

Желание внести некоторый качественный компонент в исследование религиозно-культурной инфраструктуры, как и сделать попытку обратить внимание именно на те объекты, которые указывают на полноценное символическое присутствие конфессий в пространстве тех или иных поселений, стало основанием для введения следующего крите-

рия, который в нашем случае учитывал только те объекты, которые внешне, визуально можно однозначно связать с определенной конфессией и которые изначально строились как религиозные сооружения.

Как видно на карте (рис. 3), большинство религиозных объектов относится к православию и буддизму. Кроме г. Улан-Удэ, пространство которого представлено религиозными объектами различных конфессий, на остальной территории республики, за исключением старообрядческого храма в Тарбагатайском районе, нет храмовых сооружений других конфессий.

Наиболее важные объекты РПЦ – православные монастыри расположены в Кабанском (Посольский монастырь) и Прибайкальском районе (Сретенский женский и Свято-Троицкий монастыри). Кроме этого, на территории этих муниципальных образований расположены крупные церковные комплексы, такие как, например, Спасская церковь в с. Турунтаево, церковь Святого Богоявления в с. Ильинка. Учитывая количество зарегистрированных общественных объединений на этих территориях, можно определенно говорить, что Кабанский и Прибайкальский районы являются важнейшими территориями для православия в республике.

Отдельно стоит отметить показатели буддийского направления – количество буддийских объединений в Бурятии лишь немногим уступает количеству православных (72 организации РПЦ, 60 буддийских). Символично и то, что почти половина всех буддийских объединений сосредоточена в столице республики. Учитывая при этом количество и значимость объектов, расположенных непосредственно в городской черте, важнейший для региона Иволгинский дацан, находящийся в непосредственной близости от Улан-Удэ, – все это не без основания позволяет характеризовать город как «буддийскую столицу».

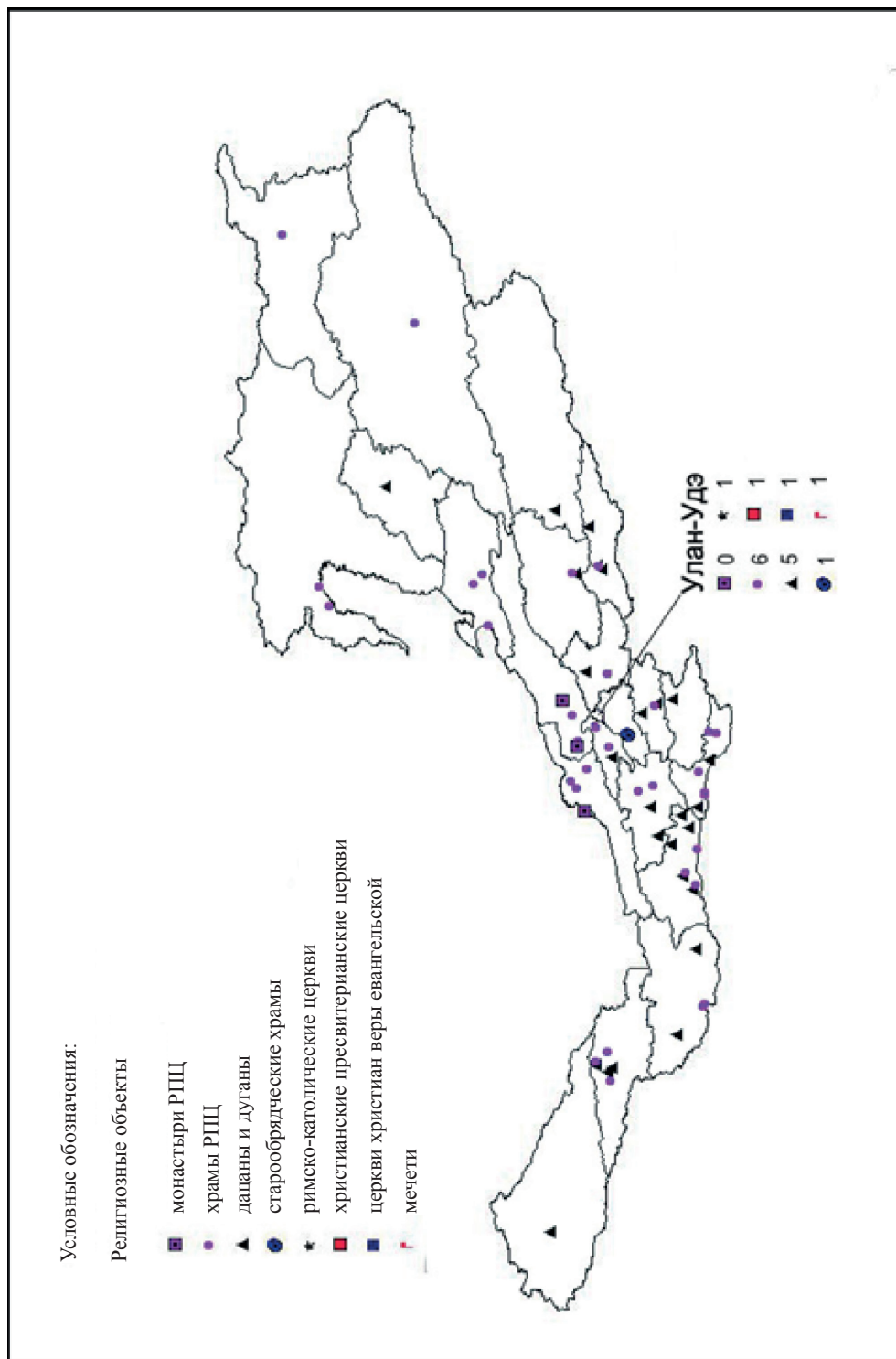

Рис. 3. Религиозно-культурная инфраструктура Республики Бурятия

Литература

1. *Ахмадулина С. З.* История развития нетрадиционных религиозных объединений в Бурятии в 1990-е – начале 2000-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2010. – 205 с.
2. *Балабейкина О. А.* Санкт-Петербургская епархия: историческая география православия: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – СПб., 2005. – 19 с.
3. *Бобырева Е. В.* Институт религии. Знаковое пространство религиозного дискурса // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 149–152.
4. *Бурдые П.* Социология социального пространства. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2007. – 288 с.
5. *Горина К. В.* Географическая специфика формирования конфессионального пространства Забайкальского края: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Улан-Удэ, 2011. – 23 с.
6. *Музалев А. А.* К вопросу о географии религий и о понятии «религиозная геосистема» в географическом исследовании // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Географические науки. – 2007. – № 1. Режим доступа: http://vestnik.adygnet.ru/files/2007.1/436/muzalev2_2007_1.pdf.
7. *Нам Е. В.* Особенности мифологического сознания и его роль в шаманском мировоззрении (некоторые аспекты изучения) // Вестник Том. гос. ун-та. История. – 2011. – № 3. – С. 172–180.
8. *Сафронов М. В.* Географические аспекты изучения религиозной сферы России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 1998. – 200 с.
9. *Сафронов С. Г.* Географические аспекты изучения религиозной сферы: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 1998. – 21 с.
10. *Филимонова И. Ю.* Структура и развитие конфессионального пространства Оренбургской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Оренбург, 2006. – 17 с.

УДК 615.89 : 615.24

Т. А. Асеева, Н. А. Кузнецова, Л. В. Михневич

**БОЛЕЗНИ ОРГАНОВ ПИЩЕВАРЕНИЯ
В ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЕ:
СИМПТОМАТИКА И ЛЕЧЕНИЕ [I]**

Рассмотрены представления тибетских врачей об органах системы пищеварения, болезнях, средствах, методах лечения желудка и дан анализ этой информации с позиций современной науки.

Ключевые слова: органы системы пищеварения, желудок, несварение, классификация болезней, идентификация тибетских названий болезней.

Т. А. Aseeva, N. A. Kuznetsova, L. V. Mikhnevich

**DISEASES OF THE DIGESTIVE SYSTEM
IN TIBETAN MEDICINE: SEMIOLOGY AND TREATMENT**

The article considers ideas of Tibetan physicians about digestive system organs, their disorders, means and methods of stomach treatment. The analysis of this information from the standpoint of modern medical science is provided.

Key words: digestive system organs, stomach, indigestion, classification of diseases, identification of Tibetan names of diseases.

Сведения о болезнях органов пищеварения и их лечении приведены в нескольких разделах и главах тибетских сочинений «Чжуд-ши» (XI в.), «Лхан-тхабс» [26], в современном учебнике тибетской медицины «Новый рассвет, или Краткая суть медицины» [II; 25] и посвящены таким темам, как «Лечение ма жу (несварения), являющегося корнем всех внутренних болезней» [III], «Болезни желудка» [IV], «Болезни тонкой кишки», «Болезни толстой кишки», «Потеря аппетита», «Лечение рвоты», «Лечение поноса», «Лечение запора», «Лечение «гланг-тхабс» и др.

В указанных разделах и главах рассматриваются причины, симптомы, возможные осложнения болезни, излагается

стратегия, способы и методы лечения (диета, режим, процедуры) и приведена рецептура назначаемых лекарств.

Мы поставили задачу рассмотреть представления тибетских врачей того времени о нарушениях функции органов пищеварения, в частности такие темы, как «Лечение ма жу (несварения), являющегося корнем всех внутренних болезней» и «Болезни желудка», попытаться идентифицировать описанные в источниках нозологические формы и проанализировать информацию о средствах и методах их лечения.

1. Анатомические представления

В «Чжуд-ши» об органах пищеварения сказано:

АСЕЕВА Тамара Анатольевна – доктор фармацевтических наук, профессор, заведующая лабораторией медико-биологических исследований ФГБУН «Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН». E-mail: ta-aseeva@mail.ru.

КУЗНЕЦОВА Наталья Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории экспериментальной фармакологии ФГБУН «Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН». E-mail: n.kuznetsova@pres.bscnet.ru.

МИХНЕВИЧ Лидия Васильевна – врач высшей категории отделенческой больницы на ст. Улан-Удэ. E-mail: oksana_mishakova@mail.ru.

«Желудок – котел для приготовления пищи.

Кишка толстая и тонкая – служанки цариц [V].

Желчный пузырь – мешочек с приправами» [32, с. 37].

В «Голубом берилле» эта краткая информация разъясняется так: «... Для тех, кто не может представить, на что похоже это зачатое тело, расскажу о строении частей его скандх [VII], используя разные примеры» [27, т. 2, гл. 3; VI].

«...В нижнем дворе печень и селезенка, похожи на послушных и покорных цариц, старшую и младшую... Желудок – котел для варки пищи. Кишки тонкая и толстая похожи на служанок цариц старшей и младшей. Желчный пузырь висит как мешочек с приправами» [27, т. 2, гл. 3].

В тибетской медицине внутренние органы человека разделены на полые и плотные. Плотные органы (сердце, легкие, печень, селезенка, почки) формируются у зародыша на двенадцатой неделе. Полые (желудок, желчный пузырь, «самсеу» [VIII], мочевого пузырь, толстая и тонкая кишка) формируются на тринадцатой неделе. На двадцать четвертой неделе плотные и полые органы полностью созревают [32, с. 35].

О роли печени в организме можно судить по сравнению, которое приводится во всех медицинских сочинениях: печень – «старшая царица», кишки толстая и тонкая – служанки цариц [Там же, с. 37; 26]. В главе 5 «Существенные признаки тела» сказано, что «...прозрачный сок пищи под действием тепла каждой силы тела доходит до зрелости и по девяти сосудам желудка направляется в печень, где превращается в кровь». Далее нигде эти девять сосудов не упоминаются [IX]. В «Чжуд-ши» в главе «Лечение ран туловища» более подробно рассматривается местоположение внутренних органов. В частности, «о местах, занимаемых органами» сказано:

«Печень вздымается вверх, как крутая скала.

Желудок – посуда для пищи, похож на редьку с четырьмя «складками».

Желчный пузырь висит у печени, как мешок с золотом.

Три колена толстой кишки напоминают золотую змею, подстегнутую кнутом.

Тонкая кишка, верхняя и нижняя, – как каналы с водой.

Сигмовидная кишка – как приспособленное в складки

и загнутое продолжение толстой.

Прямая кишка – как вытянувшаяся «железная змея»» [32, с. 431; X].

Сравнивая сведения по анатомии, изложенные в «Чжуд-ши» (XI в.) и «Голубом берилле» [27], мы пришли к заключению, что за столь длительный период они практически не претерпели изменений. Следует отметить, что множественные сравнения, подобные приведенным выше, мы находим в древних источниках у других народов. Такая подача знаний в сравнениях с известными объектами (ассоциативное познание) относится к наиболее древним и связана с особой формой восприятия и переработки информации на ранних этапах эволюции познавательной функции человека [20, с. 66, 67].

2. Знания о функциях органов и причинах болезней

В «Чжуд-ши» сказано, что

«Огненное тепло это основа пищеварения...

Поэтому образом жизни и пищей с «теплым» свойством надо

поддерживать огненное тепло, тогда в теле будут и сила и долголетие».

Угасание «огненной теплоты желудка» влечет за собой «слабое пищеварение, пища уходит, не успев перевариться» [32, с. 41].

Согласно «Чжуд-ши» [Там же], в процессе пищеварения, начиная от приема пищи, тибетские врачи древности раз-

личали несколько этапов: сначала пища и питье перемещаются в желудок при участии ветра «Держателя дыхания». Ветер «Равный огню» раздувает желчь «Переваривающую», которой отводится в этом процессе главная роль. Затем слизь «Разлагающая» разлагает пищу и, наконец, ветер «Равный огню» отделяет прозрачный сок пищи.

Далее прозрачный сок пищи претерпевает следующие изменения:

Прозрачный сок в печени превращается в кровь,

Прозрачный сок крови превращается в мясо,

Прозрачный сок мяса превращается в жир,

Прозрачный сок жира превращается в кости,

Прозрачный сок от костей превращается в костный мозг,

Прозрачный сок костного мозга превращается в семя.

Некоторые уточнения к этой информации даны в комментариях: «первичный прозрачный сок пищи из желудка по девяти сосудам, забирающим этот сок, поступает в печень, затем из печени, опять же по просветам сосудов, доставляется в самсеу». Этот прозрачный сок превращается в печени исключительно в кровь [27, т. 2, гл. 5]. На этом пути последовательно «выпадает осадок» в виде желудочной слизи, желчи в полых органах, грязи и смазки – в отверстиях. Далее печень упоминается в связи с тем, что желчь «цвет изменяющая» находится в печени» [32, с. 43]. Ее функции: изменяет цвет поступающего в печень прозрачного сока пищи – эту самую первую из пяти сил тела, а также цвет крови и мяса – в красный [27, т. 2, гл. 5].

Эта последовательность нарушается при несварении (тиб. *ма жу*). Среди причин, способствующих несварению, перечислены такие: утомление, «ослабление огня» желудка, пребывание в сырости, чрезмерное употребление в пищу мучных продуктов, мяса, зелени, вина, чая и

воды; кисломолочных продуктов; масел и жиров, растительного масла, чрезмерное употребление гашеного кальцита; от лекарств и др. [32, с. 157–160].

Симптомы, возникающие при несварении пищи таковы: отрыжка, понос или запор, чувство переполнения и тяжести в желудке, рвота, отечность, боль в сердце и подреберье, тугоподвижность конечностей. При длительном течении несварение дает «плоды» и переходит в одну из затяжных болезней.

Эта информация тибетских медицинских сочинений свидетельствует о том, что тибетские врачи имели достаточно ясное представление об органах пищеварения и сложности пищеварительного процесса, о том, что здоровый образ жизни – залог здоровья. Нарушение диеты, неправильный образ жизни (переутомление, пребывание в сырости и т. д.) отражаются, в первую очередь, на функции органов пищеварения и провоцируют нарушение перевариваемости пищи. Если вовремя не излечить несварение, то возникают различные «трудно-излечимые болезни», т. е. речь, очевидно, идет о хронизации процесса и различных осложнениях. Таким образом, сведения по анатомии и функции органов пищеварения, изложенные в «Чжуд-ши» (XI в.) и «Голубом берилле» (XVII в.), свидетельствуют о том, что тибетские врачи дали описание сложности процесса пищеварения, указали на роль основных регулирующих систем т. н. доша (рлунг – Ветра, мкхрис – Желчи и бадкан – Слизь), нарушение равновесия которых ведет к различным заболеваниям, в т. ч. и к нарушению функций всех основных органов и систем.

3. Описание патологических состояний и их идентификация

Проблема понимания и адекватной передачи содержания тибетских медицинских сочинений, в частности, описаний «болезней», рассматривалась в целом ряде научных работ [9; 10; 22; 23; 33 и др.]. По мнению некоторых авторов,

проблема идентификации тибетских названий «болезней» разрешима с позиций лингвистики и заключается в исследовании семантического диапазона ряда тибетских медицинских терминов, выделении различных уровней вкладываемого в них содержания, раскрытии буквально-го, словесного и истинного смысла [22; 23]. Современные врачи и исследователи тибетских текстов, признавая трудности расшифровки тибетской нозологии, тем не менее, предприняли ряд удачных попыток в идентификации тибетских названий «болезней» [6; 7; 9–11].

В рассматриваемых нами разделах сочинений «Чжуд-ши» (XI в.), «Лхан-тхабс» [26] речь идет о конкретных симптомах, сопровождающих нарушение функции органов пищеварения. За последние 10 тысяч лет значительных анатомо-морфологических изменений организм человека не претерпел, и биологическая эволюция *Homo sapiens* протекала, в основном, в области совершенствования его когнитивных способностей [20]. Поэтому можно считать, что протекающие в организме современного человека процессы имели место и 10 веков назад. Изменялось лишь восприятие этих процессов [XI]. Наше восприятие основано на современных данных естественных и гуманитарных наук (физики, химии, биологии, физиологии, генетики, психологии, социологии и т. п.). Аналогично этому и тибетские врачи до XI в. также объясняли процессы, протекающие в организме, причины возникновения болезней с позиций имеющихся к тому времени знаний о своем организме и окружающем мире.

Таким образом, если рассматривать содержание медицинских источников в контексте культурной модели того времени, можно как бы «очертить поле» отдельных терминов и понятий, используя «ключевые слова» из характеристик «болезней», имеющихся в трактатах.

Мы предприняли попытку идентификации тибетских названий «болезней»

по имеющейся в нашем распоряжении информации из тибетских сочинений. Результаты этой попытки и опубликованные ранее данные других авторов приведены в таблице 1.

Очевидно, что набор признаков, характеризующих «болезни» и причины их возникновения, отражает медицинские познания врачей того времени, их анатомические представления, знания о функциях тех или иных органов и систем. В частности, фраза «свежий ма жу – несварение, состарившись, превращается в одну из затяжных болезней на основе ма жу и характеризуется как “корень всех внутренних болезней”» [32, с. 157–159] может быть интерпретирована так: нарушение переваривающей функции желудка влечет за собой нарушения функций всех органов системы пищеварения, нарушение обмена веществ и развитие патологического процесса в различных органах и системах организма.

Таким образом, можно утверждать, что в изученных текстах описана динамика течения патологических процессов, пусковым механизмом которых явилось нарушение переваривающей функции желудка и различные сопутствующие факторы. Рассмотрим симптоматику и попытаемся провести идентификацию тибетских названий «болезней» желудка.

Следует отметить, что нарушения функции желудка, кроме рассмотренной выше главы о несварении (*ма жу*), изложены и в отдельной главе раздела «Чжуд-ши» о «Лечении болезней плотных и полых органов» [Там же; XIII].

При сравнении этих глав оказалось, что причины болезней желудка те же, что и при несварении (*ма жу*): утомление, пребывание в сырости, переизбыток, неподходящая и несовместимая пища. По тибетской классификации различали 16 болезней желудка, в т. ч. 7 болезней жара и 9 – холода (табл. 2).

Обратим внимание на то, что среди «холодных» болезней желудка пере-

Таблица 1

Идентификация патологических состояний, возникающих при ма жу (несварении)

Название «болезни», причины возникновения, симптомы и симптомокомплексы	Современная интерпретация	Источник
1	2	3
Лхен (лхен скран) Из-за увеличения в желудке ма жу и слизи пища не перевариваясь постоянно выходит в виде рвоты. Ощущение того, что пища, скагивается в желудке, боли ниже мечевидного отростка. Ухудшение состояния при употреблении холодной или сырой пищи. Пульс медленный и слабый	Гастрит с пониженной кислотностью Воспаление нижней части пищевода, эзофагит [XII]	Чжуд-ши, т. 3, гл. 4, с. 138–145; Самтен, гл. 83, с. 66
Лчагс-дрегс (бад ган лчагс-дрегс) От несварения слизь оседает на складках желудка как окалина, из-за чего слабеет его огонь, возникает чувство распирания или стягивания желудка, пропадает аппетит, желание двигаться, начинается отрыжка, рвота и понос в меру съеденной пищи	Гастрит с нулевой кислотностью, анацидный гастрит	Чжуд-ши, т. 3, гл. 4, с. 139
Ме-найамс (бад ган ме-найамс) От избытка холода, ветра, трудно перевариваемой пищи, всего прохладного, из-за легких одежд, охлаждения, купания, от слишком прохладных порошков, очистителей и кровопускания в конце болезней жара понижается сила желчи «Переваривающей» и ветра «Равного огню». Из-за этого пища не переваривается, живот увеличен, урчит и «стягивает»; отрыжка, слабость, понос, сохнет мясо, возникают дму-чху и скраны	Нарушение функции поджелудочной железы и поступления ферментов в 12-перстную кишку. Дисбактериоз, явления колита	Чжуд-ши, т. 3, гл. 4, с. 139

Продолжение табл. 1

1	2	3
<p>Дуг-гчонг Задержка дыхания от кала, мочи и газов, истощение «маслянистости» сил тела, начиная с «прозрачного сока». Неподходящая пища и питье возбуждают доша, гасят огонь желудка. «Прозрачный сок», не созревая, уходит в нечистоты, что приводит к истощению сил тела. Признаки: частые простуды, кашель, чихание, потеря вкуса, слабость, тошнота, отеки голеней, ступней, одышка. С развитием болезни – боли в плечах, голове, сиплый голос, рвота, понос или запор, колет в груди, суставах</p>	Туберкулез легких, костей	Чжуд-ши, т. 3, гл. 11, с. 183–185
<p>Бад ган смуг Постоянные, но несильные боли и покальвание в желудке, вздутие и распирание во внутренностях, отрыжка, ухудшение состояния после принятия алкоголя, рвота «гнилой» кровью или массами, похожими на разведенную сажу, кал сухой, черный, катышками, моча красновато-желтая, прозрачная</p>	Язвенная болезнь желудка и 12-перстной кишки	Чжуд-ши, т. 3, гл. 5, с. 145–156; Самтен, гл. 25, с. 28, 29
<p>Скраны Из-за несварения прозрачного сока в любом органе (печени, желудке и т. п., любой ткани) возникает опухоль, в области формирования которой ощущается давящее и сжимающее воздействие на здоровую ткань, убывают силы больного, истощается кровь</p>	Опухоль	Чжуд-ши, т. 3, гл. 7, с. 162–170; Самтен, гл. 14, с. 62, 63
<p>Ский-рбаб Из-за болезни сердца, печени, почек не происходит созревание «прозрачного сока» на своем месте, увеличивается плохая кровь и чху сер, которые под действием рлунг разбрасываются по всему телу, что приводит к появлению отеков</p>	Отеки при нарушении сердечно-сосудистой деятельности, функции почек, сердечной астме	Чжуд-ши, т. 3, гл. 8, с. 170–172; Самтен, гл. 88, с. 68

Окончание табл. 1

1	2	3
Дму (дму рзинг) Тело отекает в результате сердечной дистрофии, внедрении жара в перикард, увеличении или уплотнении печени, брас печени, своевременно неизлеченной болезни ский рбаб	Асцит	Чжуд-ши, т. 3, гл. 10, с. 174–183; Самтен, гл. 89, с. 69
Ор – пространство между кожей и мясом заполняется чху сэр (букв. желтой водой), из-за чего появляются трясущиеся отеки	Отеки при сердечно-сосудистой недостаточности, сердечной астме, при нарушении функции почек	Чжуд-ши, т. 3, гл. 9, с. 172–174; Самтен, гл. 90, с. 68
Гло гчонг – затяжная болезнь легких. Похудание, слабость, потливость, потеря аппетита, кашель, мокрота с примесью крови и гноя	Туберкулез легких	Чжуд-ши, т. 3, гл. 4, с. 183–185; Самтен, гл. 49, с. 43
Снийонг бу Боли, «уходящие в сознание», – временами больной забывает о боли, а если ничто от них не отвлекает, то боли ощущаются постоянно	Синдром прободной язвы желудка Синдром обострения хронической язвы желудка	Б. Б. Батуев, рукопись б-ки отдела БАВ ИОЭБ, инв. № 76
Пхо лог Вздымающееся вздутие и сильные колики, которые то усиливаются, то стихают	Синдром обострения язвенной болезни желудка	Б. Б. Батуев, рукопись б-ки отдела БАВ ИОЭБ, инв. № 76
Ргуд па Вновь и вновь появляется отрыжка, даже сочная пища не переваривается, пенная рвота, слабость, облегчение ощущается после выпитого вина	Синдром ахилии и атонии желудка	Б. Б. Батуев, рукопись б-ки отдела БАВ ИОЭБ, инв. № 76

числены уже знакомые нам лхен, лчагс-дрегс, ме-нйамс, скраны, ский-рбаб, дму, т. е. те болезни, причиной которых является ма жу (см. табл. 1). То есть, причиной всех холодных болезней желудка является ма жу, в то же время среди холодных болезней желудка ма жу рассматривается как «болезнь» наряду с другими (см. табл. 2).

В учебнике тибетской медицины «Новый рассвет...» также сказано, что «ма-жу-ба – болезнь при которой из-за неспособности желудка переварить

пищу возникает рвота и понос, или когда при неспособности организма [произвести очищение посредством] поноса и рвоты появляются боли в желудке, а также вздутие и распирание» [XVI].

Сравнительное изучение этой информации дает основание предполагать, что материалы глав «Лечение ма жу...» и «Лечение болезней желудка» имеют в основе своей разные по времени самостоятельные источники. Возможно, что согласно древнейшим представлениям, когда анатомические познания были

Таблица 2

Тибетская классификация «болезней желудка»

Болезни желудка	
Тиб. названия «болезней жара»	Тиб. названия «болезней холода»
Попадание в желудок жара грамс [XIV]	Рлунг (букв. ветер желудка)
Попадание в желудок жара кхругс [XV]	Ма жу (букв. несварение)
Дуг тхабс	Лчагс дрег
Гйан гланг	Лхен
Сурья желудка	Ме-ньямс
Заброс в желудок желчи	Каменный скран
Заброс в желудок печеночной крови, образующей скраны	Дму-рзинг
Заброс в желудок печеночной крови, не образующей скраны	
	«Черви»
	Брас

ограничены, несварение, являясь причиной разных тяжелых болезней, естественно, рассматривается в разделе «Лечение внутренних болезней», причиной которых оно является [XVII]. Болезни же желудка, как самостоятельную патологию, возможно, стали рассматривать гораздо позднее, с формированием анатомических представлений и знаний о функциях отдельных органов. По этим же причинам в разных разделах [XVIII] рассматриваются и материалы о нарушении функции других органов системы пищеварения: глава о лечении «болезней» толстой и тонкой кишки и сведения о лечении поноса и запора, рвоте и потере аппетита.

В главе «Лечение болезней желудка» [32, с. 303, 304] упомянуто 16 болезней: 9 «болезней холода» и 7 «болезней жара» (см. табл. 2), но подробно рассматривается лишь 8. Это болезни, вызванные доша [XIX] (рлунг – Ветер, мкхрис – Желчь и бадкан – Слизь), кровью и болезни дуг тхабс [XX], пхо-лог, сийонг-бу (синдром обострения хронической язвенной болезни желудка) и ргуд-па (синдром ахилии и атонии желудка) [XXI].

В примечании к главе «Лечение болезней желудка» сказано, что жар желудка грамс и кхругс описаны в главах, посвященных лечению этих видов жара, гйан-гланг – в главе «Лечение гланг-тхабс», сурья желудка, заброс желчи и печеночной крови в желудок и свертывание ее там в скраны – в соответствующих главах «Тантры наставлений» [XXII].

Такой порядок размещения сведений о «болезнях органов пищеварения» объясняется, прежде всего, принципами «классифицирования болезней» в тибетской медицине. Их несколько: по симптомам, этиологии и локализации [9]. Не исключено, что имеющиеся в нашем распоряжении тексты – результат разновременного накопления представлений о строении и функциях организма, существовавших на разных этапах развития медицинских знаний не только у тибетцев, но в медицинских системах «донорах» с древних времен и до средневековья. Кроме этого, такое размещение сведений о «болезнях» органов системы пищеварения в тибетских сочинениях можно объяснить и особенностью подхода к сохранению медицинских знаний, как в устной, так и письменной форме,

при котором в более поздних сочинениях ранние представления о болезнях и их классификации сохранены в неизменном виде. Необходимость сохранения знаний, изложенных якобы самим буддой Шакьямуни, вернее его «медицинской» ипостасью Бхайшаджья-гуру, не допускала никаких изменений. Все разъяснения и дополнения к древним текстам оформлялись в виде комментариев [13; 32, с. 9]. Эти обстоятельства учтены нами при анализе имеющейся в тибетских сочинениях информации о симптомах «болезней» желудка, на осно-

ве которой мы предприняли попытку их идентификации (табл. 3).

Таким образом, сравнительный анализ материалов, касающихся «болезней» желудка, изложенных в тибетских медицинских сочинениях, дает возможность проследить логику мысли древних врачей при описании причин возникновения функциональных нарушений в организме и их достаточно отдаленные последствия, получить информацию о симптомах, синдромах и симптомокомплексах, стратегии лечения разных патологических состояний. Мы пришли к

Таблица 3

Идентификация патологических состояний органов системы пищеварения

Тибетское название «болезней» Современная интерпретация	Признаки «болезней» по материалам тибетских источников	Источник
Жар желудка, вызванный кровью и мкхрис (Желчью [XXIII]). Гастрит с повышенной секрецией	Понос и рвота, изжога, сердцебиение, головокружение	Чжуд-ши, Ланг-гхабс [XXIV] (гл. 63, с. 82)
Холод желудка. Гастрит с пониженной секрецией	Ощущение переполнения желудка, отрыжка, боли после еды; «пища», не созревая, выходит в виде поноса, каловые массы напоминают замбу [XXV], больной не переносит холода, на ладонях и ступнях формируется «налет»	Чжуд-ши, Ланг-гхабс (гл. 63, с. 83)
Рлунг желудка. Гастрит и панкреатит	Вздутие и «пустое» распирающее, вызывающие отрыжку, схваткообразные боли и тошнота или урчание или понос	Чжуд-ши, Ланг-гхабс (гл. 63, с. 83)
Дуг-гхабс желудка. Цирроз печени	Пища не переваривается, нет аппетита, боли и жжение в пищеводе, рвота теплой водой, из-за похудения на животе видна сеть сосудов. Сразу же после еды возникает рвота	Чжуд-ши, Ланг-гхабс (гл. 63, с. 83)
Ргуд па желудка. Панкреатит	Вновь и вновь появляется отрыжка, даже «сочная» пища не переваривается, пенная рвота, слабость. Облегчение ощущается после того, как больной выпьет вина	Чжуд-ши, Ланг-гхабс (гл. 63, с. 83)

заключению, что симптоматика описанных в тибетских источниках «болезней» желудка может быть положена в основу их идентификации, и наряду с гастритом в этой главе описаны патологические состояния, которые могут быть идентифицированы как панкреатит, цирроз и случаи сочетанной патологии.

4. Средства и методы лечения

Согласно тибетским сочинениям, «краеугольным камнем» в учении о возникновении болезней являются, как известно, представления о семи соках [32, с. 40, 41]:

«Силы тела – это прозрачный сок пищи, кровь, мясо, жир,

кости, костный мозг и семя, итого их семь.

...Огненное тепло – это основа пищеварения.

Главной здесь считается желчь «Переваривающая»».

Согласно этому, стратегия лечения ма жу заключается в «усилении огня желудка», растворении и «изгнании» «непереваренного» при помощи рвотных или слабительных лекарств и клизмы.

В начале заболевания назначают голодание, ограничение питья, запрет на трудноперевариваемую и холодную пищу. При тяжелом течении болезни сначала дают рвотные.

Для «усиления огня желудка» дают отвары «морской соли-4», или теплый отвар морской, красной соли и «трех горячих» (имбирь, перец длинный, перец черный). Если это не помогает – назначают порошок понгамии или в малых дозах порошок гранатника, «пяти горячих» (имбирь, перец длинный, перец черный, ломонос, перец красный) и «трех разных солей» (каменная, красная соль, нашатырь) с сахаром, запивают кипятком.

Наряду с лечением лекарствами проводят процедуру прогревания в области живота и подошв ног [XXVI].

При болезнях желудка «с участием крови и мкхрис» (гастрит с повышенной секрецией) рекомендуют кровопускание из сосудов ру тхунг (ргйаб-рца и друг-

дус).

При рлунг желудка (гастрит и панкреатит) – «уравновешивающий» компресс из дрожжей и прижигание на передней поверхности тела «тайной» точки желудка и на задней – 12-го позвонка [32, т. 3, гл. 39; 26, с. 82, 83].

Для уничтожения «корня ма жу» рекомендуется использовать прижигания и иглоукалывание и после лечения «строго соблюдать диету и режим, поскольку болезнь может вернуться назад».

Рассмотрим целесообразность этих рекомендаций с позиций современной науки. Не вызывает сомнений необходимость соблюдения диеты и голодания, назначения клизмы и рвотных средств. Очевидно, полезны также и особые предписания в режиме жизни: необходимо избегать сырости, холода, ветра, дневного сна; жить в сухости, работать «до пота»; при «свежем ма жу» рекомендованы пешие прогулки.

Что касается кровопускания, то в настоящее время изучена биологическая активность щелочных полипептидов, выделенных из органов и плазмы животных, перенесших острую кровопотерю. Показано, что при кровопускании в позитивном лечебном эффекте участвуют механизмы, реализуемые цитомединами. В настоящее время в клинической практике используется дозированное кровопускание, эффективность этих методов при разных патологических состояниях детально рассмотрена В. А. Тарнуевым и Г. Т. Намсараевой [29], В. А. Тарнуевым, И. Н. Есауловой, Д. Д. Доржаевой [28].

Стратегия лечения органов пищеварительной системы в тибетской медицине имеет некоторое сходство с таковой в арабской медицине [1, с. 600, 611]. В зависимости от причины и степени нарушения переваривания пищи назначались разные лекарственные средства. Как указано выше, при несварении средней силы и «несварении от гущи» назначали отвар каменной соли, отвары с морской солью, лекарства из растений с «горячими» свойствами (понгамия или гранатник,

имбирь, перец длинный, перец черный; ломонос и перец красный), способствующие усилению пищеварения. К этим основным составам из перечисленных растений и минеральных компонентов, в зависимости от продуктов, вызвавших несварение, добавляли разные лекарственные средства:

при несварении от мучных продуктов – закваску и соду;

от мясных – желудок волка или зубы, глотку дикого гуся или грифа;

от зелени – крапиву и ломонос;

от вина – закваску или кипяченое вино.

Далее есть указание, что все это можно заменить отваром междоузлий ячменя [XXVII].

При несварении от чая и воды – собственная моча с солью;

при несварении от кисломолочных продуктов – сыворотка от сыра;

при несварении от масел и жиров добавляется жженный кальцит;

при несварении от злоупотребления хужиром [XXVIII] – железный купорос и селитра;

при несварении от лекарств – аконит Фишера с семикратным добавлением миробалана или аконит Фишера с двойным количеством имбиря и гашеного кальцита [32, с. 160].

Изменение состава лекарственных композиций, очевидно, было направлено на корректировку реакции среды желудочного содержимого, повышение функциональной активности желудка, печени и поджелудочной железы. Рассмотрим целесообразность использования тех или иных компонентов с позиций современных знаний.

Известно, что хлористый натрий стимулирует секрецию соляной кислоты. Белки способствуют повышению растворения солей кальция, увеличению растворимости мочевой кислоты и ее солей, холестерина. Соли кальция способствуют более активному расщеплению белков. В современной медицине карбонат кальция назначают с гидроокисью алю-

миния, гидроокисью магния, глицином как средство, нейтрализующее секретрируемую желудком соляную кислоту при язве желудка и 12-перстной кишки, рефлюкс-эзофагите.

В практике тибетской медицины при лечении ма жу считались действенными средствами желудок [XXIX] и зубы волка, глотка грифа. Это, очевидно, связано с представлениями о том, что эти хищники поедают и переваривают любую пищу.

Крапива и ломонос считаются в тибетской медицине растениями со «жгучими» свойствами и поэтому их рекомендуют «для усиления образования тепла, возбуждения ветра и слизи» [32, с. 71, 77, 86]. В составе многокомпонентных композиций, назначавшихся в тибетской медицине для лечения органов системы пищеварения, мы насчитали 25 видов растений, применяющихся в современной медицине при лечении органов системы пищеварения. Среди них такие широко известные виды растений, как аир болотный, подорожник большой, разные виды полыней, тысячелистник обыкновенный, фенхель обыкновенный и мн. др. (табл. 4) [XXX].

Следует учесть, что в тибетской медицине, как правило, использовались многокомпонентные лекарства, поэтому в таблице 4 представлены данные, которые лишь демонстрируют целесообразность использования этих растений в практике тибетской медицины при нарушении функции органов пищеварения.

При назначении лекарств тибетские врачи давали указания о том, в какое время нужно принять лекарство и чем его запить. Например, рвотное из рандии, аира, перца длинного и имбиря при «несварении от гущи» нужно было запить козьим молоком. При «слизистом» несварении – кипятком, а при «рассеявшемся ма жу» – молоком с солью и т. п. Использование молока, воды, вина или кисломолочного продукта шо связано, очевидно, с их специфическим действием на состояние слизистой желудка и

Таблица 4

Фармакотерапевтическая активность растений, применяемых
в современной медицине при лечении органов системы пищеварения

Название растения	Фармакотерапевтическая активность
Аир болотный <i>Acorus calamus</i> L. тиб. шу даг	Как горечь для возбуждения аппетита, при желудочно-кишечных заболеваниях, особенно при гастритах с пониженной кислотностью, гепатитах, холециститах. Мочегонное, при нервных заболеваниях, судорогах, хронических заболеваниях спинного мозга с потерей чувствительности при сердечной биении
Подорожник большой <i>Plantago major</i> L. тиб. тха рам	Препараты подорожника способствуют регенерации поврежденных тканей, усиливают секреторную функцию желудка, обладают успокаивающим, даже снотворным свойством, снижают артериальное давление, благотворно влияют на течение острых и хронических колитов. Назначают при язвенной болезни желудка и 12-перстной кишки
Полынь горькая <i>Artemisia absinthium</i> L.	Раздражающее, усиливающее секреторную функцию ЖКТ, улучшающее перистальтику средство. Повышает аппетит, увеличивает число обкладочных клеток в слизистой желудка. Применяется при гастритах, заболеваниях печени и желчного пузыря
Тысячелистник обыкновенный <i>Achillea millefolium</i> L. тиб. бам бо	Для возбуждения аппетита, при колитах, язвенной болезни, гипоацидных гастритах, диарее, как противовоспалительное, желчегонное. Оказывает сокогонное действие на ЖКТ, желчные пути и поджелудочную железу. Гепато- и гастропротектор, противоаллергическое
Фенхель обыкновенный <i>Foeniculum vulgare</i> Mill. тиб. го ньод	Эфирное масло плодов оказывает спазмолитическое и ветрогонное действие, усиливает секреторную деятельность желудка и кишечника, проявляет спазмолитические, антисептические и фунгицидные свойства
Шиповник майский (ш. коричный) <i>Rosa majalis</i> Herrm. (syn. <i>R. cinnamomea</i> L.) тиб. се прод	При острых и хронических заболеваниях печени, желчных путей, язвенной болезни, как поливитаминное, желчегонное, противовоспалительное, капилляроукрепляющее, кровоостанавливающее, гипохолестеринемическое
Щавель конский <i>Rumex confertus</i> Willd.	При колитах, энтероколитах, дизентерии, геморрое, трещинах заднего прохода, для улучшения желчевыделительной функции и желчеобразования, при холангитах, гепатохолециститах и холециститах

основных регулирующих систем организма (табл. 5). Интересны современные представления о свойствах этих видов «питья» в сравнении с информацией из тибетских сочинений.

При лечении «несварения, похожего на яд» назначали такие многокомпонентные композиции, как «гранат-4», «гранат-5» [17, № 572, 573], «камфора-25» [Там же, № 290, 291] и масляное лекар-

Таблица 5

Действие различных жидкостей на основные регулирующие системы организма
(по материалам «Чжуд-ши», т. 2, гл. 16 и современным источникам)

Используемые жидкости	Действие доша		Современные представления
	подавляет	возбуждает	
Молоко	Ветер (рлунг)	Слизь (бадкан)	Слабый возбудитель желудочной секреции, оказывает щадящее воздействие на слизистую оболочку желудка. Рекомендуется при язвенной болезни, гастрите с повышенной кислотностью, хронических заболеваниях печени и желчного пузыря, отеках [14]
Вода	Желчь (мкхрис)	Ветер (рлунг)	Способствует растворению поступающих в организм веществ. Обеспечивает нормальную жизнедеятельность клеток организма
Вино	Слизь (бадкан)	Желчь (мкхрис)	Способствует повышению функциональной активности поджелудочной железы [8]

ство «ба-сам» [32, с. 161]. Судя по показаниям из тибетских сочинений, составы с гранатом относятся к лекарствам, «подавляющим болезни холода», и их назначали при снижении функциональной активности желудка.

В эксперименте установлено, что композиция «гранат-4» в сочетании с «тремя врагами слизи» (девясил, облепиха и кориандр) оказывает благоприятное влияние на ЦНС и параметры состава периферической крови. В другой серии опытов на фоне введения данной композиции отмечено значительное уменьшение лейкопении, вызванной циклофосфаном, сохранение уровня тромбоцитов и эритроцитов, увеличение объема мочи, без существенного изменения ее состава. При морфологическом исследовании выявлено благоприятное воздействие на слизистую желудка и отсутствие патологических изменений во внутренних органах животных, благотворное влияние на тимус и селезенку. Данная композиция проявляет радиопротекторную активность, оказывает более выраженное защитное действие, как по выживаемости, так и по длительности жизни мышей, в сравнении с эталонным радиопротектором батиол [5].

Для лекарственной композиции «три врага слизи» (корни и корневища девясила высокого, плоды облепихи и кориандра) была изучена антиульцерогенная активность [4, с. 134–166]. Показано, что механизм антиульцерогенного действия данного средства связан с антиоксидантной, мембраностабилизирующей и антигистаминной активностью. Эта композиция оказывает более выраженные, чем витамин U, язвозаживляющий, спазмолитический и мембраностабилизирующий эффекты. Курсовое применение этих растений в виде сбора ведет к более эффективной, чем у препаратов сравнения (витамин U и кверцетин) коррекции синдромов отраженной патологии. Вероятно, в основе этой коррекции кроме антиоксидантного эффекта лежит способность оказывать непосредственное влияние на ход метаболических процессов внутренних органов.

Составы с камфорой назначали при болезнях «с жаром» [XXXI]. При экспериментальном изучении тибетской композиции «камфора-25» установлено ее гиполипидемическое, желчегонное и противовоспалительное действие [2].

Многочисленными экспериментальными исследованиями показано, что

лекарственные композиции, составленные с соблюдением тибетских принципов, обнаруживают полипотентное действие [4; 18, с. 22; 21, с. 90; 24, с. 65; 31, с. 95]. Базовым механизмом действия этих композиций является мембраностабилизирующий эффект [3, с. 3–14]. Действительно, в тибетских сочинениях при изложении схем лечения приводятся, как правило, прописи многокомпонентных лекарств. Так, например, состав из смеси масел «трех плодов» и «пяти корней», называемый масляное лекарство «ба-сам», как сказано в «Чжуд-ши» [32, гл. 7, с. 586], назначается не только при ма жу. Он полезен и при болезнях верхней и нижней частей тела и при лечении «мутного жара» [XXXII], болезней ушей, почек, белых сосудов и сурья [32, с. 161, 229, 283, 302, 303, 341, 354], т. е. является лекарством с широким спектром действия.

Таким образом, при описании ма жу (несварения), являющегося корнем всех внутренних «болезней» и «болезней желудка», в тибетских сочинениях речь идет о патологических состояниях, связанных с нарушением функциональной активности желудка и других орга-

нов системы пищеварения. В частности, это разные стадии развития гастрита, которые при длительном течении, ослаблении организма дают серьезные осложнения (язва различной локализации, злокачественная опухоль и др.), приводят к нарушению функций сердечно-сосудистой системы, почек, развитию при определенных условиях туберкулеза, панкреатита и т. п.

Схемы лечения этих нарушений, изложенные в тибетских медицинских сочинениях, не изучены с позиций современной науки. Экспериментальное исследование отдельных лекарственных композиций показало их достаточно высокую фармакологическую активность. В связи с этим можно утверждать, что информация тибетских медицинских сочинений рассмотренных разделов достоверна. Поэтому очевидно, что для современной практической медицины представляет интерес изучение всего комплекса информации о ма жу и «болезнях желудка», средствах и методах лечения, которые использовались древними врачами для повышения функциональной активности желудка.

Исследования проведены при поддержке РГНФ, проект № 12-06-12026(в) «Создание АБД «Тибетская медицина» (информационно-аналитической структуры) как инструмента для комплексного изучения наследия тибетской медицины».

Примечания

I. Эта статья открывает серию публикаций, посвященных анализу тибетских текстов о «болезнях» органов системы пищеварения, и посвящена ма жу – несварению и «болезням» желудка. Авторы благодарны врачу-терапевту Галине Сергеевне Пивторан за консультации при работе над этой статьей.

II. Здесь указаны тибетские сочинения, переведенные на русский язык. «Чжуд-ши» (2001) – перевод, примечания и указатели Д. Б. Дашиева. «Новый рассвет, или Краткая суть медицины» – популярное учебное пособие одного из ведущих врачей Лхасы – Самтэна, выдержавшее 2 издания (1977 и 1997). Перевод на русский язык осуществлен А. Кособуровым в 2006 г.

III. «Чжуд-ши», т. 3, разд. 2, гл. 2. Лечение ма жу (несварение пищи), с. 157–160; т. 3, разд. 5, гл. 39 (Болезни желудка [1, с. 303–305]); гл. 40 (Болезни тонкой кишки, с. 305); гл.

41 (Болезни толстой кишки, с. 306); разд. 7, гл. 45 (Потеря аппетита); гл. 51 (Лечение рвоты, с. 321); гл. 52 (Лечение поноса, с. 322); гл. 53 (Лечение запора, с. 324); гл. 49 (Лечение «гланг-тхабс») (пер. с тиб. Д. Б. Дашиева, 2001).

IV. Особое внимание функции желудка уделяют также при болезнях слизи в «Чжуд-ши» (т. 3, гл. 4 «Лечение смуг по») и в гл. 63 сочинения «Лхан-тхабс» (пер. с тиб. А. Кособурова, 2000).

V. Царицы старшая и младшая – печень и селезенка.

VI. Здесь и далее перевод с тибетского языка сочинения «Голубой берилл» выполнен Д. Б. Дашиевым, рукопись.

VII. Адекватный перевод этого термина на русский язык нам не известен. В «Голубом берилле» (т. 1) сказано: «Плод совершенного покоя иллюстрирован рисунком, на котором показано, как чистое сознание в виде тела света освобождается [от скандх тела] и покидает цветок долголетия». Судя по этой фразе, под этим термином имеются в виду отдельные органы физического тела.

VIII. Самсеу – орган, находящийся ниже 13 позвонка на уровне левой почки, у мужчин продуцирует белую семенную жидкость, у женщин – красную зародышевую жидкость [Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века. Альбом / кол. авт. – М.: Галарт, 1994. – С. 82].

IX. Возможно, здесь речь идет о лимфатических и кровеносных сосудах желудка.

X. Далее указывается расстояние в тибетских мерах (сор, цон) от центральной точки желудка до других органов (желчного пузыря, отделов толстой кишки и т. п.).

XI. Здесь мы имеем в виду только возможности восприятия базовых реакций организма. Мы понимаем, что в связи с изменениями окружающей среды, уровня жизни людей, методов диагностики заболеваний появились и могут быть диагностированы т. н. болезни цивилизации и мн. др. Но эта проблема – для специальных исследований.

XII. Нами выделена предлагаемая идентификация тибетских названий болезней.

XIII. Особое внимание желудку уделяют также при болезнях Слизь (32, т. 3, гл. 4 «Лечение смуг по»).

XIV. Букв. жар от увечий.

XV. Кхругс – жар, сжигающий силы тела, причина его – Желчь.

XVI. Автор перевода (А. А. Кособуров) дает здесь сноску, что «при этой болезни может не быть истощения “огненной теплоты” желудка, но имеется разрегуляция процессов пищеварения, произошедшая в силу описанных ниже причин». Среди этих причин указаны такие, как «резкое насыщение или выпивание большого [количества жидкости после голодания и т. п.], неумеренное потребление сырой, невареной ... и других, тяжело перевариваемых видов пищи ... малоподвижный образ жизни... [все это] провоцирует [возникновение ма-жу-ба] [25, с. 26]. Такое толкование *ма жу*, как нарушение функции желудка, не обязательно связанное с ослаблением «огненной теплоты», противоречит тексту «Чжуд-ши». Мы не усматриваем в тексте «Нового рассвета» [Там же] никаких противоречий с древними текстами, поскольку все перечисленные, по мнению переводчика, причины есть не что иное, как нарушение диеты, образа жизни, которые и провоцируют несварение, являющееся причиной ослабления «огненной теплоты» желудка, и, как следствие, – «неспособность организма [произвести очищение посредством] поноса и рвоты, появление боли в желудке, а также вздутие и расpiration» [Там же].

XVII. Следует отметить, что арабы в X–XI вв. имели достаточно полное представление по анатомии и о болезнях органов системы пищеварения [1, т. 1, кн. III, с. 573–695].

XVIII. Глава о лечении болезней толстой и тонкой кишки находится в разделе 5 «Лечение болезней полых и плотных органов» [32, т. 3, разд. 5, гл. 40, 41], а сведения о лече-

нии поноса, запора и рвоты помещены в разделе «Лечение разрозненных болезней» [32, т. 3, разд. 7, гл. 51–53].

XIX. Доша – рлунг – Ветер, мкхрис – Желчь и бадкан – Слизь,

XX. Жар передних долей легких [32, с. 680].

XXI. Идентификации сийонг бу с прободной язвой желудка и груд па как синдром ахилии и атонии желудка предложены заслуженным врачом Республики Бурятия Б. Б. Батуевым [Рукопись б-ки отдела БАВ ИОЭБ, инв. № 76]. Мы считаем более вероятной расшифровку сийонг бу как синдром обострения хронической язвенной болезни желудка, а груд па – панкреатит.

XXII. Гл. 21 «Лечение жара грамс»; гл. 22 «Лечение жара кхругс»; гл. 49 «Лечение гланг-тхабс»; гл. 66 «Лечение сур-йа»; гл. 3 «Лечение болезней желчи»; гл. 5 «Лечение смуг-бо»; гл. 2 «Лечение болезней ветра».

XXIII. Здесь, как и ранее, под Желчью подразумевается не физиологическая субстанция, а гепатобилиарная система в целом.

XXIV. Так как автор сочинений «Ланг-тхабс» и «Голубой берилл» – Санчжай-Чжамсо, здесь ссылка дана по названию сочинения [26].

XXV. Замба – кашлица из муки зерен злаков.

XXVI. В арабской медицине при лечении холодной природы желудка использовали лекарственные повязки на область желудка, согревающие масла для втирания. При холодности и сухости природы желудка рекомендовали согревание теплом тела ребенка или жирного щенка, котенка или другого животного [1, т. 1, кн. III, с. 607].

XXVII. В арабской медицине при лечении сухого расстройства природы желудка рекомендовали ячменную воду [Там же, с. 605].

XXVIII. Хужир – природная соль из мелководных, часто пересыхающих соленых озер.

XXIX. В современной практике известен препарат пепсин из слизистой оболочки желудка свиней, улучшающий пищеварение [19].

XXX. Сведения о лечебных свойствах всех этих растений в книге «Лекарственные растения в гастроэнтерологии» [16].

XXXI. В тибетских письменных источниках описано 13 видов жара (тиб. *цхад*), среди которых – травматическая, инфекционная лихорадки, стрессовые состояния. То есть тибетское понятие «жар» не означает только повышение температуры тела и в каждом отдельном случае требует интерпретации по совокупности указанных в источниках признаков.

XXXII. «Мутный жар» – патологические состояния, возникающие в результате неправильного лечения болезней «жара»: жар может «рассыпаться по коже, распространяться в мясе, разбегаться по сосудам, вонзаться в кости, падать на плотные органы, проваливаться в полые...» В этом случае в схемах лечения кроме «ба-сам» встречается и «гранат-5», и «камфора-25» [32, с. 228, 229].

Литература

1. Абу али ибн Сина. Канон врачебной науки. Т. 1, кн. III. – Ташкент: ФАН, 1979. – С. 573–695.

2. Ажунова Т. А., Банзаракиев В. Г. Гиполипидемическое действие многокомпонентного растительного средства «камфора-25» // Сб. ст. 4-й междунар. конф. молодых ученых и студентов «Актуальные проблемы современной науки». Естественные науки. Ч. 2: Фармация. – Самара, 2003. – С. 6–9.

3. Ажунова Т. А., Николаев С. М. Теоретическое и экспериментальное обоснование применения экстракта шлемника байкальского при токсическом гепатите // Моделирование и фармакотерапия заболеваний органов пищеварения. – Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1990. – С. 3–14.

4. Асеева Т. А., Дашиев Д. Б., Кудрин А. Н., Толмачева Е. Л., Федотовских Н. Н., Хапкин И. С. Лекарствоведение в тибетской медицине. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 192 с.

5. Асеева Т. А., Дашиев Д. Б., Лесиовская Е. Е., Пастушенков Л. В., Федотовских Н. Н., Хапкин И. С. Фармакологическая активность тибетских лекарственных композиций «гранат-4» и «три врага слизи» // Актуальные проблемы фармакологии и поиска новых лекарственных препаратов. Т. 9. – Томск, 1997. – С. 9–10.

6. Асеева Т. А., Дашиев Д. Б., Суркова Н. А. Тибетская медицина как часть традиционной культуры и некоторые проблемы ее изучения // Традиционная медицина. Восток и Запад. – 2004. – № 1 (2). – С. 12–20.

7. Асеева Т. А., Михневич Л. В., Мишакова О. Э., Суркова Н. А. Лечение болезней глаз в тибетской медицине // Традиционная медицина. Восток и Запад. – 2005. – № 4. – С. 21–31.

8. Афонский С. И. Биохимия животных. – М.: Высшая школа, 1969. – С. 294–296.

9. Бадараев Б. Д., Базарон Э. Г., Дашиев М. Д., Асеева Т. А., Баторова С. М. Лангтхабы и их корригирование (острые заболевания органов брюшной полости). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 141 с.

10. Базарон Э. Г. Очерки тибетской медицины. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 176 с.

11. Базарон Э. Г., Назаров-Рыгдылон В. Э. Некоторые сведения о сахарном диабете в трактатах индо-тибетской медицины // Этнографические аспекты изучения народной медицины. – Л.: Наука, 1975. – С. 48–50.

12. Батуев Б. Б. Рукопись библиотеки Отдела БАВ ИОЭБ СО РАН. – Инв. № 76.

13. Гаммерман А. Ф., Семичов Б. В. Словарь тибетско-латино-русских названий лекарственного растительного сырья, применяемого в тибетской медицине. – Улан-Удэ: БКНИИ АН СССР, 1963. – 162 с.

14. Гурвич М. М. Диетолог отвечает на вопросы. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Медицина, 1988. – 128 с.

15. Данзин Пунцог. Шел пхренг («Ожерелье чистого стекла»): Подробное описание классификаций лекарственных нектаров и их сущностей) / ксилограф на тибетском языке: издание Агинского дацана, XVIII в. Формат листа 10 x 54 см. – 232 л.

16. Зинченко Т. В., Стахов И. В., Мякушко Т. Я., Калошина Н. А., Никонов Г. К. Лекарственные растения в гастроэнтерологии. – Киев: Наукова думка, 1990. – 240 с.

17. Кунпан-дудзи (Полезный для всех экстракт амриты): большой рецептурный справочник Агинского дацана // Сумати Праджня / пер с тиб., предисл., примеч., указ. Д. Б. Дашиева. – М.: Вост. лит-ра, 2008. – 214 с.

18. Лоншакова К. С., Убашев И. О. Морфологическая оценка влияния растительных препаратов на течение экспериментального холецистита // Моделирование и фармакотерапия заболеваний органов пищеварения. – Улан-Удэ, 1990. – С. 22–23.

19. Машковский М. Д. Лекарственные средства. 15-е изд., перераб., испр. и доп. – М.: Новая волна, 2008. – 1206 с.

20. Меркулов И. П. Когнитивная эволюция. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 310 с.

21. Николаев С. М. Растительные лекарственные препараты при повреждениях гепатобилиарной системы. – Новосибирск: Наука, 1992. – 155 с.

22. Пупышев В. Н. Основы тибетской медицины. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. – 128 с.

23. Пупышева Н. В. Система великих элементов в буддийской культуре. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 224 с.

24. Ракшаин М. Ц., Леднева И. П. Антимикробные свойства гепатозащитного препарата // Моделирование и фармакотерапия заболеваний органов пищеварения. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1990. – С. 65–72.

25. Самтэн. Учебник тибетской медицины. Новый рассвет, или Краткая суть медицины / пер. с тиб. А. Кособурова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 144 с.
26. *Санчжай Чжамцо*. Тибетский медицинский трактат Лхан-тхабс / пер. с тиб. А. Кособурова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 193 с.
27. *Санчжей Чжамцо*. Вайдурья-онбо (Голубой берилл) / ксилограф на тибетском языке: издание Агинского дацана, 1687–1688. Формат листа 10 x 54 см. – 1284 л. (пер. на рус. яз. Д. Б. Дашиева, рукопись).
28. *Тарнуев В. А., Есаулова И. Н., Доржаева Д. Д.* Современное представление о кровопускании в традиционной медицине. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2009. – 168 с.
29. *Тарнуев В. А., Намсараева Г. Т.* Кровопускание в традиционной восточной медицине. – Улан-Удэ, 1995. – 119 с.
30. *Тарнуев В. А., Намсараева Г. Т.* Рефлексотерапия в тибетской медицине: традиционные и современные аспекты. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. – 248 с.
31. *Убеева И. П.* Влияние комплексных препаратов на течение экспериментального гепатита у кроликов // Моделирование и фармакотерапия заболеваний органов пищеварения. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1990. – С. 95–100.
32. «Чжуд-ши»: Канон тибетской медицины / пер. с тиб., предисл., примеч., указатели Д. Б. Дашиева. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 766 с.
33. *Finckh E.* Foundation of Tibetan Medicine / According to the Book rGyud bzhi. Vol. I. Watkins. – London; Dulverton, 1978. – 104 p.

УДК 615.89 : 615.24

Е. К. Синицына

**МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ «ТИБЕТСКАЯ МЕДИЦИНА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ» КАК ПРИМЕР ИЗУЧЕНИЯ
И ОТРАЖЕНИЯ ДОСТИЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
В БНЦ СО РАН**

Рассматривается конкретная музейная экспозиция как средство подачи и отображения достижений ученых Бурятии в комплексном изучении наследия тибетской медицины, освещается история медико-биологических исследований в Бурятии и их основные результаты.

Ключевые слова: музей, музейный предмет, естественнонаучная экспозиция, научное наследие, раздел экспозиции, витрина, лекарственное сырье.

E. K. Sinitsyna

**THE MUSEUM EXPOSITION “TIBETAN MEDICINE:
HISTORY AND MODERNITY” A CASE STUDY AND REFLECTION
OF THE ACHIEVEMENTS OF MODERN SCIENCE
IN BSC SB RAS**

The article discusses a specific Museum exhibition as a means of filing and display the achievements of scientists of the Republic of Buryatia in the comprehensive study of the heri-

tage of Tibetan medicine, highlights the history of biomedical research in Buryatia and their main results.

Key words: museum, museum subject, natural science-exposition, organization of exhibitions, section of the exhibition, showcases, scientific heritage, medical raw materials.

Наследие тибетской медицины является объектом научных исследований с первой половины XIX в. Изучение ведется специалистами в самых разных областях: востоковедами, филологами, историками, фармацевтами, биологами, врачами-клиницистами.

На основании изучения тибетских текстов, санскритских источников и практического опыта тибетских врачей и лам Забайкалья и Монголии воссоздана картина формирования теоретической базы тибетской медицины и арсенала ее лекарственных средств.

В 1968 г. ГКНТ СМ СССР утвердил темы-задания для Бурятского филиала СО АН СССР по комплексному изучению наследия тибетской медицины. Была создана источниковедческая группа во главе с ученым-востоковедом П. Б. Балданжаповым, которая занималась сбором, систематизацией, переводом и научной оценкой литературных источников тибетской медицины.

В 1975 г. на базе и по результатам источниковедческих исследований по распоряжению Президиума Бурятского филиала СО АН СССР (ныне Бурятского научного центра СО РАН) создан отдел биологически активных веществ, где было начато комплексное источниковедческое и экспериментальное изучение опыта тибетских врачей-лечебников.

За годы существования отдела был выполнен ряд фундаментальных работ: разработаны принципы перевода и адаптации древних медицинских письменных источников, выявлен системно-структурный принцип построения основ тибетской медицины, разработаны подходы при идентификации лекарственного сырья, препаратов и болезней, установлены общие закономерности в составлении многокомпонентных ле-

карств. Созданы и внедрены в практику здравоохранения новые лекарственные и оздоровительные средства, в т. ч. фитосборы – ТАНы.

Разработанные бурятскими учеными методики расшифровки, идентификация тибетских названий лекарственного сырья, а также установление его лечебной направленности стали базовыми и открыли большое поле деятельности для исследователей из разных регионов России и многих стран мира.

Современные комплексные исследования ученых Института общей и экспериментальной биологии Бурятского научного центра СО РАН связаны с решением задач по интеграции полезного опыта традиционной медицины с достижениями современного здравоохранения, а также с изучением и рациональным использованием природных лекарственных ресурсов Сибири, разработкой и внедрением новых методов и эффективных средств профилактики и лечения социально значимых болезней.

Стационарная экспозиция «Тибетская медицина: история и современность» Музея Бурятского научного центра СО РАН освещает историю медико-биологических исследований в Бурятии и их основные результаты. Экспозиция с данной тематикой – единственная среди музеев РАН.

В витринах представлено 175 предметов основного фонда. При компоновке разделов данной экспозиции использованы научный, тематический, хронологический принципы. Без их соблюдения невозможно четко выразить логическую связь между разделами при подаче и совмещении столь различного биологического и историко-архивного материала.

Основной принцип составления тибетских лекарственных препаратов –

многокомпонентность, в них входит от 3 до 125 составляющих. В Бурятии традиционное тибетское сырье обогатилось местными лекарственными средствами природного происхождения. Были созданы собственные рецептурные сборники, рукописные копии которых передавались из поколения в поколение и служили практическим руководством наряду с базовыми тибетскими медицинскими трактатами.

Наиболее полные сведения о лечебных свойствах, а также о показаниях к применению сырья представлены в трактатах «Чжуд-ши», «Вайдурья-онбо», «Шелпхрэнг», «Дзейчхар Мигчжан» и др. Сырье описывается в отдельных «статьях» различного объема. Изображения многих видов помещены прямо в тексте между «статьями», рисунки сопровождаются подписями на тибетском языке с указанием худших и лучших сортов.

Список наименований видов лекарственного сырья, используемого вообще в тибетской медицине, весьма значителен. Раздел «Лекарственное сырье» занимает 5 вертикальных напольных витрин, в которых согласно тибетским канонам размещено лекарственное сырье различного происхождения: растительное, животное, минеральное. В музейной экспозиции этикетаж с названиями дан на тибетском (в русской транскрипции), латинском и русском (современное название) языках.

В клинической практике лекарственные средства растительного происхождения подразделяются на 2 большие группы: применяемые при воспалительных заболеваниях и заболеваниях без воспаления и лихорадки.

У древесных лекарств используются плоды, цветки, листья, бутоны, кора, корни, черешки и смола деревьев. У лекарственных трав используются корни, стебли, листья, цветки и плоды.

В препараты, предназначенные для лечения органов пищеварения, входят растения, имеющие раздражающее и

возбуждающее действие. К ним относят имбирь, гранат, чер. перец, кардамон и другие экзотические пряности. Для нормализации крови в тибетской медицине издавна использовались лотос орехоносный, горечавка, мироболан хебула, гранат, облепиха, имбирь.

Из растений флоры Бурятии широко известны бадан толстолистный, софора желтоватая, карагана гривастая, шлемник байкальский, разные виды лишайников, горечавок и астрагалов.

В Юго-Восточной и Центральной Азии лекарственные средства животного происхождения ценились очень высоко. Если лекарственные растения в основном применялись в комбинациях, то средства животного происхождения часто использовались в чистом виде. В тибетских медицинских трактатах описано свыше 100 различных средств животного происхождения. Применяются беспозвоночные животные: насекомые, пиявки, моллюски. Широко используются органы пресмыкающихся (ящериц, змей), органы животных и птиц, начиная с рогов, головного мозга, желез внутренней секреции и кончая сухожилиями, перьями, копытами и т. д.

Целебные свойства чистого животного сырья широко известны и изучены специалистами, сыворотки, вакцины, гормональные препараты, кровезаменители, пчелиные и змеиные яды и целый ряд других средств прочно вошли в практику современного здравоохранения.

В практике тибетской медицины минеральные вещества используются почти при всех патологических состояниях. Они входят в рецептурные прописи наряду с растительным и животным сырьем при лечении заболеваний сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, легких, почек, печени и других органов.

Согласно основному тибетскому медицинскому трактату «Чжуд-ши», из 8 сортов лекарств первые 3 принадлежат к минеральным веществам: 1) лекар-

ства из драгоценностей; 2) лекарства из земли; 3) лекарства из камней. Также в тибетской медицине применялись еще «зольные лекарства», получаемые при сжигании в смеси с минеральным сырьем растительного или животного происхождения.

К драгоценностям относятся: золото, серебро, свинец, медь, железо, олово, ртуть, изумруд, малахит, лазурит, бирюза, охра железистая. Они чаще всего встречаются в трактатах. Лекарства из драгоценностей обладают свойствами удлинять жизнь, излечивать ревматические процессы, высушивать и заживлять некрозы тканей, уменьшать отеки; хорошо помогают при различных отравлениях.

Лекарствами из «элементов земли» считаются: селитра, хлорид аммония, сульфат натрия, сера, медный купорос, квасцы белые, глауберова соль, сода. Они излечивают болезни почек, язвы плотных органов, полезны при ожогах, мочекаменной болезни, сушат гной, обладают согревающим действием.

Очень подробно даны сведения о лекарствах из камней: гипс лечит «жар костей», гранит врачует сухожилия, магнит лечит болезни головного мозга и сосудов, сердолик и флюорит заживляют раны, сталактит и асбест лечат сухожилия и связки, свинцовый блеск полезен для глаз, а каменный уголь и тальк очищают и связывают сосуды.

Каждый из видов сырья, растительный, минеральный или животный, особым способом обрабатывается. Приготовление цельного препарата также имеет свою специфическую технологию. Способы приготовления многих лекарственных средств детально описаны в «Чжуд-ши», «Дзейчхар Мигчжан», «Шелпхрэнг».

Раздел экспозиции «Предметы медицинской практики эмчи-лам» занимает специальную напольную витрину, в которой размещены традиционные лекарственные формы и атрибуты эмчи: кожаные

мешочки для лекарств, диагностические зеркала, сосуд для сжигания сырья, чугунная ступка, дозаторы и мелкие медицинские инструменты. Представлены также лекарственные формы: порошки, сборы, пилюли.

«Эмчи» в переводе с тибетского означает «лекарь», «исцеляющий». Эмчи-ламы способны диагностировать заболевание по пульсу, применяют иглотерапию, сами составляют лекарственные сборы из трав, минералов, животного сырья. Обратиться за помощью к эмчи-ламе может человек любого вероисповедания. Веротерпимость – одна из многовековых традиций буддизма.

В витрине также можно увидеть 2 диагностических зеркала из подъемных археологических сборов: китайское из белой бронзы с анималистическим изображением на тыльной стороне и круглое гладкое медное. По отпечатку кожи больного и по дыханию эмчи-лама мог поставить точный диагноз. Зеркала также имели культовое предназначение. Они смягчали влияние злых сил болезни и способствовали укреплению сил здоровья.

Кожаные мешочки использовались для хранения измельченного сырья. В экспозиции представлены мешочки различной степени сохранности, завязанные особым способом, чтобы ничего не рассыпалось, каждый снабжен деревянной бирочкой на старомонгольском языке. Один мешочек покрыт сильно потертым зеленым шелком, 2 других – бурый и красный без покрытия. Они отлично сохраняют запахи сырья, не дают ему ни отсыреть, ни высохнуть. Раньше лекари привязывали такие более крупные мешки к седлу и ездили верхом, навещая больных.

Дозаторы – специальные ложечки для составления многокомпонентных лекарств были нескольких типов: двусторонние (разделение дозировки для взрослого и ребенка) и с зеркальцем (диагностика). Они обычно изготавливались из

ДРЕВО ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Народная медицина бурят

Тибетская медицина - уникальный феномен традиционной культуры центральноазиатских народов. Вызывает постоянное возрастующий интерес во всем мире. В ее арсенале огромный набор действенных методов, средств, приемов диагностики и лечения различных заболеваний, коррекция психофизического состояния человека и подготовка оптимального режима его жизнедеятельности. Вместе с тем, она является продуктом исторического развития дуговой культуры народов Центральной Азии (монголов, тибетцев, бурят и др.), в которой сформировались философские и психологические воззрения, верования и мифологические представления.

Народная медицина монголов

В Тибете, Монголии и Бурятии врачам тибетской медицины в качестве дара отменили ламы-лечи, полученное образование в медицинских школах мабиданов. Лечи не имеют права использовать для лечения населения верховской медицины.

Народная медицина тибетцев

В начале XX века советскими школами тибетской медицины считались мабиданлы при Гунзобдорго, Цолмоломе, Аягдорго и Чогуурдорго дацанах. В 1930-е годы в Чогуурдорго была основана первая государственная школа тибетской медицины. За работу всех этих подразделений отвечал управленческий (санитарный)

Тибетская медицина ("бурятская ветвь") -XVI-XI вв.)

Народная медицина бурят

Тибетская медицина ("монгольская ветвь") -XIII-XIX вв.)

Тибетская медицина (поздний вариант - VIII-XII вв.)

Тибетская медицина (ранний вариант- VII в.)

Китайская медицина

Индийская медицина

Персидская медицина

Из истории отдела биологически активных веществ Бурятского института общей и экспериментальной биологии БНЦ СО РАН. В 1969г. ГИИГ СО СССР, Утилитарный товарищество для бурятского филиала СО АН СССР по коллекционному изучению лекарственных растений тибетской медицины. Была создана историко-научная группа во главе с ученым-востоковедом П.С. Баладенковым, которая занималась сбором, систематизацией, переводом и научной оценкой литературных источников тибетской медицины. В 1975 г. на базе и по результатам историко-научных исследований был создан Отдел биологически активных веществ, где было начато комплексное историко-научное и экспериментальное изучение сырья тибетских лекарств.

Древо тибетской медицины

Витрина «Трактаты тибетской медицины»

Витрина «Инструменты эмчи»

Фрагмент витрины «Животное сырье»

Фрагмент витрины «Минеральное сырье»

Фрагмент витрины «Растительное сырье»

латуни, серебра, мельхиора, золота. Подлинных хирургических и манипуляционных инструментов эмчи также почти не сохранилось, поэтому ланцет для кровопусканий и неполая игла для сосудов являются точными копиями по «Атласу тибетской медицины».

Степень измельчения тибетского препарата имеет очень большое значение. Порошки (ши-ма) и сборы (тан) различаются именно по этому признаку. Чугунные ступки для ручного измельчения до сих пор считаются самыми лучшими, и современные специалисты также отдают им предпочтение.

Одним из самых необычных экспонатов является чугунный сосуд – кувшин для сжигания сырья без доступа воздуха. В него помещали сырье, смешанное с тлеющими углями, закрывали горлышко пластиной из глины и навоза, а затем закапывали в землю. В результате получались чистые зольные препараты, содержащие микроэлементы, легко переходящие в отвары и полностью усваиваемые организмом. Эту утраченную прежде методику заново восстановили ученые Бурятского научного центра СО РАН.

В августе 2013 г. в Улан-Удэ прошла VI международная научная конференция «Традиционная медицина: пути интеграции с современным здравоохранением». Специально к открытию конференции в выставочном модуле БНЦ СО РАН была открыта временная стационарная выставка «Тибетская медицина в свете современных научных исследований».

Основные задачи выставки заключались в следующих этапах:

1. Используя архивные документы и музейные предметы, имеющие историко-культурную ценность, показать основные этапы и особенности становления тибетской медицины в Бурятии,

отразить достижения современной науки по изучению биологии и экологии человека, раскрыть вклад ученых БНЦ СО РАН в развитие тибетской медицины.

2. Продемонстрировать методологические принципы источниковедческих исследований, современную научную оценку тибетской медицины, ее исторического развития, процесса накопления и обобщения медицинских знаний с целью дальнейшего изучения и осмысления.

3. Раскрыть основные проблемы комплексного изучения наследия тибетской медицины, которые решают научные коллективы Бурятии, показать результаты этих исследований, пути интеграции их в практику современной медицины, особенно выделить рекомендации древних источников по здоровому образу жизни.

Новейшая информация о современных научных исследованиях была интересна для гостей БНЦ СО РАН, в т. ч. и иностранных, а также для всех сотрудников, деятельность которых связана с изучением и становлением данного научного направления. После закрытия выставки плоскостной материал и плакаты использовались еще на нескольких научно-практических конференциях в 2013–2014 гг. Было предложено издать иллюстрированный буклет по ее материалам и использовать на других конференциях по данной тематике.

Сборы дополнительного фондового материала по теме «Тибетская медицина» ведутся в музее постоянно и в нескольких направлениях. Материалы уже достаточно обширны и в дальнейшем будут использованы как для дополнения стационарной экспозиции, так и для создания временных выставок, посвященных различным аспектам научной деятельности ученых БНЦ СО РАН.

УДК 165.9 (517)

Сухбат Соёлмаа

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МОНГОЛОВ

Рассматривается проблема классификации монгольских мифов, а также выявляется специфика мифологического мышления монголов.

Ключевые слова: монголы, мифологическое исследование, классификация монгольских мифов, мифологическое мышление, мотив.

S. Soyolmaa

PROBLEMS OF MONGOLIAN MYTHOLOGICAL
THINKING RESEARCH

The article raises a methodological problem of classification of Mongolian myths. It also considers peculiarities of mythological thinking of the Mongols.

Key words: Mongols, mythology research, classification of the Mongolian myths, mythological thinking, motive.

Мифологическое мышление играет большую роль в формировании самосознания народа и человека, поэтому важно изучать то, каким образом оно отражается в культурных памятниках и какую роль играет миф в историко-культурном развитии этноса. При этом необходимо относиться к мифу с точки зрения современных философских концепций. Анализ мифа в структурно-семиотической традиции позволил нам выявить такие его особенности, как прерывность, инвариантность, способность медиатора преодолеть противоречие, скрытая возможность реальности, сверхъестественность главного героя и т. д. [20, с. 113].

В данной работе мы хотели бы остановиться на таких проблемах изучения мифологического мышления монголов, как типология и классификация монгольских мифов, а также специфика мифологического мышления монголов. Сегодня вопросами типологии и классификации монгольских мифов интересуются не только фольклористы, но и философы,

поскольку миф есть очаг духовной жизни народа. Специфика мифологического мышления монголов исследуется философами, фольклористами, антропологами, археологами и историками. Философов интересует генеалогия философии и мифа, а также вопрос о том, было ли у монголов самостоятельное мифологическое и философское мировоззрение, которое влияло бы на социально-культурные традиции и общественное сознание. Фольклористами изучается специфика мифологического мышления в фольклорных текстах монгольских народов, выявляются культурно-исторические связи разных народов по устным и письменным источникам.

Типология и классификация мифов тесно связаны с методологией изучения мифа и зависят от теоретико-концептуальных позиций. Большинство монгольских и зарубежных фольклористов выражают идею о том, что миф есть первобытная форма мышления монголов. Так, Ш. Гаадамба и Х. Сампилдэндэв пишут, что «хотя миф есть отражение прогрес-

сивного стремления к логическому мышлению, объясняющему причину вещей, реализовался он через «бессознательное фантазирование» в силу условий того времени. Поэтому сегодня для нас миф того времени как современное искусство...» [10, с. 66]. Эти идеи о мифе отражают в некотором смысле идею раннего Шеллинга о том, что мифология есть необходимое условие и первичный материал для всякого искусства [9, с. 105–106]. Придерживаясь данной концепции, Ш. Гаадамба и Х. Сампилдэндэв выделили космогонические, теогонические и генеалогические мифы. Д. Цэрэнсодном, отмечая, что «миф выражает картину сознания человечества, стремившегося объяснить сущность явления и вещей через первобытный младенческий ум», рассматривает космогонические мифы, мифы о животных и растениях, человеке, обществе и культуре [21, с. 363]. Следует отметить, что в исследованиях вышеуказанных авторов прослеживается недостаточно четкое разделение понятий «миф», «легенда», «сказание» и «предание». Так, слово *домо́г* «миф» в их понимании означает и легенду, и миф, и предание.

С. Дулам подразделяет мифы на земные, небесные, солнечно-лунные, звездно-планетарные, космогонические, человеческо-родовые, животного-растительные, культурно-инструментальные [14, с. 57–270], при этом под словом *домо́г* он однозначно понимает мифологию. «Мифы, связанные с тотемизмом монголов, зафиксированы в таких историко-литературных памятниках, как «Тайная история монголов», «Алтан тобчи» и т. д. Мифы о возникновении мира, человека, первых властителей встречаются в других памятниках: «Цагаан түүх», «Шар тууж», «Эрдэнийн тобчи» и др. Но большинство позднейших мифов связано с античными индийскими ведами, эпосом и буддийской мифологической традицией. Мудрецам приходилось использовать античные мифологические сюжеты, чтобы создать «Зохист аялгуу-

ны толь», «Илт өгүүлэх нэрийн тайлбар» и объяснять индо-тибетские учения. Так, Агваандандар, Түвдэнравжамба, Жамъянгарав, сочиняя интерпретацию «Зохист аялгууны толь», использовали ведийские эпические мифы (о реке Ганг, Сарасвати, Раме) с тем, чтобы найти значение *chimgiin ukhaan*. Лувсанчүлтэм, Агваандампил, Б. Ринчен приспособили индо-тибетскую мифологию к образу жизни и картине мира монголов при интерпретации памятников «Эрдэнийн сан субашид», «Ардыг тэжээх рашааны дусал» [Там же, с. 20–21].

Как видно, основная проблема классификации мифов заключается в переводе слов «миф», «легенда», «предание» и употреблении этих понятий. Миф (от др.-греч. *μῦθος* – сказание, предание) – повествование, передающее представления людей о мире, месте человека в нем, о происхождении всего сущего, о богах и героях [wikipedia.org]. Миф отличается от легенды тем, что он имеет мировоззренческий характер. Легенда (от лат. *legenda* – то, что должно быть прочитано) означает, во-первых, жизнеописание святого; предание, необыкновенную и недостоверную историю, обычно связанную с каким-либо местом; а также вымысел, выдумку, нечто невероятное [7, с. 274, 317].

Монгольские ученые переводят и употребляют понятие «миф» по-разному. Так, филологи Ш. Гаадамба, Х. Сампилдэндэв, Д. Цэрэнсодном используют для передачи понятия «миф» парное слово *домо́г үлгэр* [10, с. 66; 21, с. 363], где *үлгэр* – ‘сказка’. Некоторые современные монгольские философы (Ц. Гомбосүрэн, Ж. Отгонбаяр) употребляют словосочетание как *шидэт домо́г* [11, с. 11; 17, с. 189]. В данном случае они используют определение *шидэт* ‘волшебный’, чтобы внести различия между понятиями «миф» и «легенда». Д. Цэрэнсодном под легендой понимает *домо́г* и *домо́г яриа* и определяет ее как короткое повествование о реальных дей-

ствиях, которые происходили или могли происходить в то или иное время [21, с. 441]. С. Дулам пишет, что английские слова *myth, mythology* (франц. *mythe, mythologie*, рус. *миф, мифология*) переводятся на монгольский как *домо́г, домо́г зүй*, и, ссылаясь на лексикографические источники, подчеркивает, что слова *дом* ‘заговор от болезни, знахарский прием, снадобье, знахарство’ и *домо́г* восходят к одному корню [14, с. 2].

Выявление специфики мифологического мышления монголов связано с фундаментальными философско-культурологическими вопросами. Например, был ли на самом деле прогресс в мышлении? Или этот прогресс происходил не в мышлении как таковом, а в том мире, в котором жило человечество и в котором оно в процессе долгой истории сталкивалось со все новыми явлениями? Неужели, как говорил французский антрополог, философ, структуралист К. Леви-Стросс, мифологическое коллективно-бессознательное адекватно отражает «анатомию ума»? Неужели только в мифе разум не испытывает на себе влияния внешних факторов? Если так, то какие именно мифы отражают анатомию ума того или иного народа? Есть ли надежда найти какие-то особенности мифологического мышления монголов? Каким образом передаются те или иные культурные ценности?

Согласно теории структурализма, получившей распространение в XX в., в мифах разных народов невозможно выделить какие-либо структурные особенности, поскольку миф обладает универсальной структурой, некоторые модусы которой можно найти у различных народов. Особенности можно обнаружить лишь во внешних культурных факторах, таких как брачные нормы, система родства и т. д.

Мифологическое мышление в отличие от остальных форм мышления обладает динамичной, относительно устойчивой структурой, которая особо

важна для структурализма. Как отмечает Г. Лодой, «понятие “структура” означает систему отношений, которая устойчиво сохраняется при всякой трансформации. Структура есть не только устойчивая связка, “скелет” элементов объекта, но и комплекс принципов и норм создающейся модели одного объекта из модели другого объекта. Поэтому для определения закономерностей структуры множества явлений и вещей важна не абстракция, рассмотрение разных инвариантов как видоизменений одной устойчивой структуры» [15, с. 44–45]. Ученый, размышляя о специфике мифологическо-тотемического мышления монголов, констатирует, что «в устных и письменных материалах по мифологии монголов почти отсутствует тема космологической и теологической генеалогии, в большинстве случаев мифы повествуют об отношениях между человеком и природой, о возникновении земли и человека» [18, с. 50].

Идеи Г. Лодоя об особенностях мифологических мотивов у монголов в некотором смысле противоположны идее С. Ю. Неклюдова, согласно которой в монгольских мифических текстах отсутствует такой главный компонент мифов, как герой, который и осуществляет всю эту космизирующую деятельность. Далее Г. Лодой пишет: «Возможно, в основе принципов монгольской философской мысли, так называемой *арга билиг*, заложено мифологическое мышление монголов. Тогда монголы представляли возникновение космоса как результат единения мужского небесного и женского земного начал. Из мифологического мышления возникла традиция мышления с негативным и позитивным отношением к реальным вещам и явлениям. С другой стороны, можно считать, что мифологическое мышление, представляющее природные явления как невечные, изменчивые существа, возникло в связи с тем, что образ жизни и форма хозяйства кочевников тесно связаны с природой.

Миф, повествующий о возникновении и сущности вещей, абстрагирует небо, и представление богов в виде живых людей является общим для всех народов мира. Структура же и форма композиции, моделирования и именования мифологических сюжетов могут быть различными. Поэтому не следует искать в мифологическом мышлении монголов специфические черты, которые являются общими для всех народов. Необходимо выяснить, каким образом мифологический общий мотив проявляется в мышлении монголов в соответствии с языковой и культурной средами» [18, с. 71–72].

Г. Лувсанцэрэн утверждает, что «мышление античных монголов, с одной стороны, есть эмпирическое знание и реальное представление, которые рассматривают природу и вещь как самость и используют их в жизни. С другой стороны, оно есть мифологическое, религиозное представление, размышляющее обо всех как о живых» [16, с. 174]. Д. Дашпурэв, не говоря конкретно о «мифологическом мышлении», высказывает идеи об иррациональных знаниях монголов: «Как и у первобытных людей, у предков монголов была своя особая вера, и поэтому они имели целую систему иррациональных знаний с интуитивным мотивом, например, ритуальные знания, связанные с похоронами, идея о духе, представления о жизни после смерти, о молитве, чтобы душа отделилась от тела и ушла в небо, понятие о духе гор и рек и т. д.» [12, с. 28].

Ц. Гомбосүрэн делит эпоху античных монголов на два периода: 1) с античных времен до III в. н.э., 2) III–XII вв. н.э. Под названием «первобытные монголы» он понимает народ государства Хунну, в формировании которого активно участвовали монгольские племена, и монгольские племена до эпохи Монгольской империи Чингисхана XII в. Исследователь справедливо отмечает, что важными источниками изучения духовной культуры первобытных монголов являются археологические находки, особен-

но вещи из курганов и гробниц, каменные памятники с изображениями оленей и наскальными рисунками: «Памятники с изображениями оленя, обладая философским значением, демонстрируют картину мира “небо – земля – вода”» [11, с. 31].

На наш взгляд, с позиции структурализма оленные камни (рис.) могли выступать как один из способов преодоления противоречия между жизнью и смертью у монголов. Противоречие между жизнью и смертью монголы заменяли такими эквивалентами, как небо и земля, которые, в свою очередь, заменялись более конкретными явлениями, как солнце и гора. Последние выступали в виде более близких человеку существ – птицы

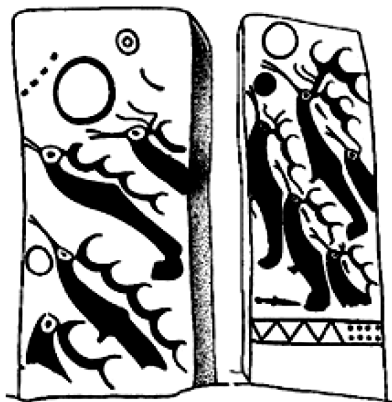

Рис. Оленные камни

и рыбы, противоречие между которыми решается с помощью медиатора – оленя.

Олень – животное не небесное и не подземное, это существо, находящееся между двумя мирами, земное. Поэтому олень оказывается медиатором в деле разрешения противоречия между жизнью и смертью. В данном контексте уместно высказывание С. Дулама о том, что важнейшей особенностью мифологического мышления монголов является то, что здесь абстрактные вещи символизируют реальные явления, передающие

веру в счастье и светлое будущее. Она отчетливо прослеживается в фольклоре (сказка, пожелание, восхваление и т. д.) [14, с. 115].

В последнее время ученые Внутренней Монголии уделяют большое внимание мифологическому мышлению первобытных монголов. Так, Т. Улзий выделяет такие его особенности, как первобытные, религиозные, психические, художественные, генеалогические, эмпирико-рефлексивные, философские и собственно мифологические. Он считает, что мифологическое мышление обладает религиозными, художественно-эстетическими, научно-теоретическими, эмпирическими, философскими и мифологическими характерными чертами [19, с. 11]. На наш взгляд, миф в понимании автора излишне синкретичен, что не позволяет в полной мере выявить особенности мифологического мышления.

Российские ученые на рубеже XIX–XX вв. и в начале XX в. внесли значительный вклад в разработку теории монгольского мифа. Российский ученый, исследователь Центральной Азии Г. Н. Потанин собрал и изучил богатый материал по мифологии монгольских и тюркских народов [6]. Д. Банзаров также одним из первых исследовал древние мифы монголов, генеалогию и развитие шаманизма как вероисповедования монголов с древних времен. Им были рассмотрены важнейшие понятия шаманизма и мифологии монголов, как то: представления древних монголов о мире, звездах, природных явлениях, об общественных отношениях, особенно точно им было воспроизведена небесная иерархия. Важно выявление Д. Банзаровым специфики образа жизни и мышления кочевников на фольклорном материале [1].

А. П. Бенигсенем собрано несколько мифов, часть которых отражают больше народное воображение, нежели буддийское мировоззрение [2]. Г. И. Михайлов, доказывая, что древняя мифология и поэтика монголов являются источником письменной литературы монголов,

рассматривал возникновение нескольких мифических образов и мифологические представления монголов о мироустройстве [4]. Следует отметить труды Н. О. Шаракшиновой по бурятской мифологии [8], Н. Л. Жуковской о взаимовлиянии буддийских и бурятских мифов [3], С. Ю. Неклюдова по теории монгольской и тюркской мифологии [5].

С. Ю. Неклюдов, рассматривая миф в чисто космогоническом смысле, детально изучил мифологические мотивы в героическом эпосе и фольклоре. Он первым из российских и монгольских ученых начал рассматривать монгольскую мифологию с точки зрения неклассической философии, поскольку пытался выявить некий универсальный мифологический мотив. Как отмечает исследователь, «мифологический мотив в монгольском фольклорном тексте не является специально *мифологическим*... Мифологическая (если говорить конкретнее, космогоническая) тема в эпосе монгольских народов бывает в зачине эпического текста. В этих зачинах эпического текста обнаруживается синтез архаической космогонии шаманского типа и космогонии буддийской, вообще характерный для монгольского фольклора» [Там же, с. 117].

Рассмотрение космогонии в монгольских и тюркских эпических текстах позволило С. Ю. Неклюдову произвести следующую реконструкцию «исходного» мифа: «Сначала наша Вселенная была совсем маленькой. Солнце было не больше звезды, солнце и луна еще только всходили, появился лишь самый краешек огня. Великое море было не больше лужицы, а великая река еще была ручьем. Огромная гора была лишь камнем (холмиком, малым перевалом, утесом); толстое дерево – побегом (кустиком), а листья и цветы еще едва распускались. Могучая изюбриха только отелилась, изюбрь с темными полосами был детенышем, великий скакун – жеребенком, а огромная рыба – мальком. Владыка небесных богов едва вступил в трехлет-

ний возраст; земные цари были малыми детьми, а старший из ханов еще лежал в колыбели...» [5, с. 119]. По мнению С. Ю. Неклюдова, «приведенная реконструкция не соответствует никакой исторической реальности. Подобный текст никем никогда не фиксировался, по всей видимости, никогда не существовал, да и не мог существовать. Прежде всего потому, что в нем отсутствует главный компонент такого рода мифов, а именно герой, который и осуществляет всю эту космоизирующую деятельность. На роль героев не могут претендовать ни упомянутые небесные боги, ни земные цари, ни те, ни другие вообще не являются действующими лицами, они суть «первоперсоны» спонтанно возникающей Вселенной, равноправные с «первообъ-

ектами» (горой, рекой, деревом) и «первосуществами» (рыбой, зверем, птицей) [Там же].

На наш взгляд, то, что главный герой не играет роли в творении мира, является главной особенностью мифологического мышления монголов, что обусловлено религиозными, шаманскими и буддийскими представлениями монголов. Кроме того, нами было выявлено, что противоречивые отношения между жизнью и смертью, творением и разрушением и т. д. не играют такой важной роли, как в мифах зуньи и об Эдипе, структуру которых анализировал К. Леви-Стросс. В монгольских мифических текстах, в частности в эпосе «Гэсэр», доминируют взаимодополняющие отношения между элементами [20, с. 113].

Литература

1. Банзаров Д. Черная вера, или Шаманство у монголов. Сочинения. – М., 1955.
2. Бенигсен А. П. Легенды и сказки Центральной Азии. – СПб., 1912.
3. Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. – М.: Наука, 1977.
4. Михайлов Г. И. Литературное наследство монголов. – М.: Наука, 1969.
5. Неклюдов С. Ю. Мифологическая семантика в зачинах монгольского эпоса // Opera altaistica professori Stanislawo Kaluzynski octogenario dicata. Rocznik Orientalistyczny. T. LVIII. Zeszyt 1. – Warszawa, 2005. – P. 117–132.
6. Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. II, IV. – СПб., 1881, 1883.
7. Потанин Г. Н. Монгольские сказки и предания. – Семипалатинск, 1919.
8. Шаракишинова Н. О. Мифы бурят. – Иркутск, 1980.
9. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. – М.: Мысль, 1966.
10. Гаадамба Ш., Сампилдэндэв Х. Монгол аман зохиол. – Улаанбаатар, 2006.
11. Гомбосүрэн Ц. Философи. Сурах бичиг. – Улаанбаатар, 2011.
12. Дашипүрэв Д. Монголын философийн товч түүх. – Улаанбаатар, 2013.
13. Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй. I боть. – Улаанбаатар, 2007.
14. Дулам С. Монгол домог зүйн дүр. – Улаанбаатар, 2009.
15. Лодой Г. Шинжлэх ухааны судалгааны логик-арга зүйн асуудлууд. – Улаанбаатар, 2012.
16. Лувсанцэрэн Г. Буддын гүн ухааны онол, түүхийн асуудлаас. – Улаанбаатар, 2008.
17. Леви-Стросс К. Бүтцийн антропологи / Орч. Ж. Отгонбаяр. – Улаанбаатар: Монсудар, 2013.
18. Монголын философийн түүх. I дэвтэр. – Улаанбаатар, 1997.
19. Өлзий Ту. Эртний Монголчуудын сэтгэлгээний хэв шинж, онцлог. – Улаанбаатар, 2013.
20. Соёлмаа С. Домгийг бүтэц-гэмдэг зүйн үүднээс шинжлэх нь (Монгол аман зохиолын жишээн дээр): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Улаанбаатар, 2014.
21. Цэрэнсодном Д. Монгол аман зохиолын тайлбарт дээж бичиг. – Улаанбаатар, 2011.

УДК 94 (517)

Э. В. Батунаев

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ
В МОНГОЛИИ (1920–1921 гг.)

Рассматриваются роль и значение политических сил в Монголии, а также анализируется степень их влияния на внутривнутриполитическое и геополитическое положение в 1920–1921 гг.

Ключевые слова: Монгольская народная партия, Советская Россия, Китай, Япония, Коминтерн, национально-освободительное движение.

E. V. Batunaev

THE ALIGNMENT OF POLITICAL FORCES
IN MONGOLIA (1920–1921)

The article discusses the role and importance of political forces in Mongolia and analyzes their impact on the domestic political and geopolitical situation in 1920–1921.

Key words: Mongolian People's Party, Soviet Russia, China, Japan, the Comintern, national liberation movement.

Для Монголии 20-е гг. XX в. стали ключевыми в истории страны, когда в результате революции происходило формирование нового Монгольского государства. Стержнем исторических событий этого периода была борьба за национальную независимость и суверенитет. Процесс становления и формирования независимого Монгольского государства был крайне трудным. Начало национально-освободительной борьбы монголов положили события Синьхайской революции 1911 г., когда монголы во главе с богдо-гэгэном Джебцзун-Дамба-хутухтой провозгласили независимость Монгольского государства. Монголы стремились объединить Внутреннюю и Внешнюю Монголию, Баргу и Урянхайский край в единое государство. Россия, в свою очередь, взяла курс на создание на базе Северной и Западной Монголии буферного государства, в котором бы не было китайских войск, стремившихся осуществить колонизацию монгольских земель. Пророческими ока-

зались слова российского востоковеда В. Л. Котвича, который заметил, что Монголии вряд ли удастся отстоять свою независимость «в полной мере» [9, с. 242]. По Кяхтинскому тройственному соглашению 1915 г. Монголия получила статус автономии в составе Китая, но, тем не менее, не оставляла попыток создания независимого государства. Решительное наступление сил Красной армии в Сибири и утверждение большевиков в границивших с Монголией регионах стимулировали революционный рост двух тайных кружков в Урге. Первый революционный кружок, который назывался ургинским, зародился в центре города. В него вошли представители аратства, гражданские и военные служащие С. Данзан, Д. Догсом, М. Дугаржав, Д. Сухэ-Батор и др. Несколько позже сложился и начал свою работу второй революционный кружок, который назывался консульским, т. к. он возник в консульском поселке Урги. В его состав входили Д. Бодо, Д. Лосол, Д. Чагдаржав, Х. Чойболсан и др. Бла-

годаря их деятельности в столице и некоторых других районах страны стало зарождаться движение за освобождение страны от китайцев. В это же время состоялось совместное собрание монгольских кружков, на котором они объединились в одну организацию под названием Монгольская народная партия (далее – МНП). МНП была призвана руководить массами в восстановлении автономии Монголии на базе объединения всех патриотических сил страны при получении помощи извне [14, с. 29].

Определяя национально-освободительную направленность предстоящей борьбы, в программе МНП подчеркивалось: «... Монголия ни в коем случае не должна быть поработанной и угнетенной чужеземными насильниками и империалистами страной. Поэтому партия, ставя своей целью объединение в дальнейшем всех монгольских племен в одно государственное целое, в настоящее время стремится к освобождению Монголии из-под реакционной власти китайцев и восстановлению уничтоженного государственного бытия автономной Внешней Монголии» [8, с. 76]. Тем самым в решениях съезда МНП была сформулирована национальная идея – добиться полной независимости не только Внешней, но и всей этнической Монголии. При этом прямой политической ориентации на Советскую Россию монгольское правительство на тот момент не выдвигало, речь шла только о стремлении монгольского народа к независимости. На этом же собрании было принято решение направить в Советскую Россию монгольскую делегацию для переговоров о помощи. Свою практическую работу монгольские революционеры начали с выпуска прокламаций и воззваний, установления связей с национальными лидерами, прогрессивно настроенными князьями и ламами, рассчитывая получить поддержку и материальную помощь.

К 1921 г. внутривнутриполитическое положение в Монголии обострилось до пре-

дела. Ужесточился китайский оккупационный режим, усилились поборы, произвол, преследование патриотических сил, нарастало массовое недовольство и протесты в среде аратства, шло брожение в стане феодалов и чиновничества. Вместе с тем стоит отметить, что ликвидация автономии заставила монгольских лидеров искать поддержки и помощи у других государств в обеспечении национального единства страны. По вопросу получения помощи зарубежных государств в политических кругах Монголии не было единого мнения. Так, попытки националистически настроенных князей и лам из правящих кругов заручиться помощью Японии и Америки не увенчались успехом. К тому же для Монголии, имеющей только двух соседей, не было иного пути, кроме как обратиться за помощью к России. В это время у мировых держав, за исключением Японии, почти полностью отсутствовал интерес к монгольским делам [15, с. 152]. По мере развития событий Япония все более убеждалась в несвоевременности проявления интереса к Монголии, о чем свидетельствовала безрезультатная попытка монголов установить связь с ней.

В условиях изменения общей политической ситуации становилось понятным, что единственным государством, способным оказать помощь монгольского народу, могла быть лишь Советская Россия. Нужно отметить, что Москва рассматривала Монголию и Китай как зону будущих революций, которые должны были стать частью мировой революции. В 1918 г. Советская Россия назначила официального представителя в Монголию и в 1920 г., благодаря посредничеству бурятской передовой интеллигенции, начала предпринимать активные шаги в деле советизации Монголии. В дальнейшем реальная политика Советской России в Монголии велась в рамках нелегальной деятельности секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) и ее монголо-тибетского отдела, созданных в

июле 1920 г. в Иркутске. Современные исследователи монгольской революции 1921 г. высоко оценивают заслуги бурят и калмыков в ее осуществлении: особенно важна роль бурят в развитии самосознания, культуры и образования монголов; калмыки оказали военную помощь в изгнании белогвардейских отрядов [10, с. 237]. В целом нужно отметить, что монголо-тибетский отдел был проводником политики Советской России в Монголии. Сама секция восточных народов была структурным подразделением Коминтерна и основным центром развития революции в странах Дальнего Востока. В задачи секции входили: подготовка и организация коммунистических групп и партий в Китае, Монголии, Японии и Корее, военная помощь оппозиционным силам в этих странах, подготовка профессиональных революционеров из числа национальных кадров, идеологическая работа, т. е. все то, что можно было назвать «экспортом революции» на восток [11, с. 72].

В результате 16 августа 1920 г. в Иркутск из оккупированной китайскими войсками столицы Внешней Монголии нелегально прибывает делегация монгольских революционеров в следующем составе: С. Данзан, Д. Догсом, Д. Лосол, Д. Бодо, Д. Чагдаржа, Х. Чойболсан и Д. Сухэ-Батор. Делегация просила, чтобы Советское правительство оказало помощь монгольским революционерам оружием, деньгами и военными инструкторами [Там же, с. 327]. Привезенная делегатами грамота монгольских князей и лам, заверенная печатью Богдо-гэгэна, была призвана подчеркнуть официальный статус их миссии. Но в условиях начавшегося советско-китайского сближения этот документ показался большевикам неуместным. Делегация не имела шансов быть принятой в Иркутске в соответствии с международным протоколом, т. к. у иркутян не было на это никаких полномочий. Москва также не была готова иметь с Монголией официальные

контакты. В результате в Иркутске получилась встреча не дипломатов, а революционеров. Вместе с тем первые встречи выявили разные позиции сторон. Каждая сторона в своих устремлениях была радикальна по-своему, но они сошлись в крайностях. Российские большевики рассматривали территорию Монголии как возможный плацдарм для развития революционного движения в Китае. Так, уже на первой встрече 17 августа 1920 г. заместитель уполномоченного по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке, заведующий секцией восточных народов Сиббюро РКП(б) Ф. И. Гапон заявил: «Монгольскому трудовому люду по пути с трудящимся населением Китая, по пути с рабочими и крестьянами всех стран. Я глубоко уверен, что монгольский народ скоро ясно увидит, что его враг не китайский рабочий люд, одинаково с ним страдающий, а эксплуатирующие, играющие на его темноте верхи. Поняв это, монгольские трудящиеся протянут руку таким же слоям Китая и общим взмахом сбросят раз и навсегда царящий над ним гнет» [6, с. 49].

Такой подход не устраивал посланцев Монголии. Во-первых, им нужны были оружие, деньги и дипломатическая поддержка в борьбе за автономию, а в идеале – за полное отделение Монголии от Китая. Во-вторых, они исходили из первых обращений Советского правительства и полагали, что именно коммунистическая Россия, порвавшая со старыми договорами, может дать им все это. Однако отказ Советской России от Кяхтинского соглашения 1915 г. означал уже не признание монгольской независимости, а просто аннулирование российского протектората, что автоматически вело к передаче Монголии под полный сюзеренитет Китая. Это давало большевикам бесконфликтный союз с революционными силами Китая – на их взгляд, наиболее важного в сравнении с Монголией плацдарма мировой революции [Там же, с. 49].

Вместе с тем при разработке кружковцами своей революционной линии проявлялись и внутренние противоречия, обусловленные их принадлежностью к различным слоям общества. Интересна, на наш взгляд, оценка этого противостояния А. С. Железниковым: «В этих условиях монгольская делегация оказалась перед выбором: вернуться ли на родину ни с чем или попытаться разобраться в логике большевистского видения будущего Монголии. В спорах и столкновениях как внутри делегации, так и с советскими партнерами по переговорам у отдельных “кружковцев” зрело убеждение в целесообразности сделать ставку на то, чтобы заинтересовать большевиков возможностью создания в Монголии своеобразной степной коммуны» [4, с. 49, 50]. В данном случае под проектом степной коммуны автор понимал большевистские идеи, адаптированные к основам жизни монгольского общества: синкретизм идей кочевой империи, Великого курултая, буддизма с догматами марксизма. Как видим, данная оценка убеждает нас в особом взгляде монголов на свое будущее, довольно отдаленно напоминающее советскую модель социально-политического, экономического и культурного развития общества.

Только такой ультрарадикальный подход мог в корне изменить позицию Советской России к монгольскому вопросу и побудить ее к активным действиям в регионе, независимо от перспектив китайской революции. Подчеркивая свой радикализм, монгольская миссия объективно получала возможность влиять на общую схему формирования новых международных отношений на Дальнем Востоке и характер будущих соглашений Советской России с Китаем.

Нужно сказать, что постановка вопроса о советизации Монголии не входила в первоначальные планы российских большевиков и Коминтерна. В Коминтерне до самого последнего момента сомневались в целесообразности про-

ведения в Монголии изолированной от общекитайских событий революции, справедливо опасаясь, что это нанесет непоправимый ущерб делу коммунизма. Привлекательность и в высшей степени прагматичность разработанной в Иркутске идеи подтолкнула, тем не менее, советское и коминтерновское руководство к активным действиям: перед российскими большевиками открывался путь к шестую мировую революцию за пределы страны Советов.

По оценке Л. Б. Жабаевой, «в деятельности Коминтерна в Монголии прослеживаются два основных направления. Во внешнеполитическом плане ... большевистские руководители рассматривали Монголию как вполне конкретный плацдарм продвижения революции вглубь Азии, как перевалочную базу снабжения китайских революционеров. Во внутреннем плане проводилась линия на упрочнение позиций ВКП(б) Коминтерна и Советов, на преодоление упорного противодействия и даже сопротивления со стороны правительства МНР, выступавших за самобытный путь развития республики ...» [3, с. 272, 273].

К работе с монголами привлекались в основном представители бурятской интеллигенции, которые были хорошо подготовлены, прекрасно владели монгольским языком, имели тесные связи с Монголией, знали страну и искренне желали возрождения Монгольского государства [14, с. 30].

Прежде всего, «новые» идеи и взгляды проявлялись в деятельности бурятских национальных демократов, представителей Коминтерна в Монголии, работавших в первой половине 20-х гг. – Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, М. Богданова и др. Вместе с тем авторы истории МНР с подачи советской идеологии дают не совсем правильную оценку в освещении деятельности бурятских демократов, называя их буржуазными националистами [7, с. 299]. Представители национального движения не были буржу-

азными националистами, сепаратистами, контрреволюционерами, в чем их тогда обвиняли большевики, а являлись в сущности национальными революционными демократами [2, с. 158]. Как справедливо отмечает Б. В. Базаров, «политическая деятельность бурятских демократов на протяжении длительного периода являлась предметом острых научных дискуссий. Многие из поставленных вопросов не получили исчерпывающих ответов. До настоящего времени не изучен весь объем деятельности бурятских национальных лидеров в период становления монгольского государства в первой трети XX в.» [1, с. 8].

Нужно отметить, что важную роль в переговорах сыграл Э.-Д. Ринчино – видный общественный деятель Бурятии, идеолог панмонголизма, бывший член правительства «Великой Монголии», автор многих работ о международном и внутреннем положении Бурятии и Монголии. Э.-Д. Ринчино поднимал вопрос о «восстановлении прежнего монгольского государства в его национальных рамках ...» [12, с. 70], что находило продолжение в идеях Ц. Жамцарано, который ратовал «за настоящую независимость Монголии»; за превращение Халха-Монголии в притягательный центр всех монгольских народов, проживающих в других регионах (южных монголов, бурят-монголов, калмыков, монголов Тувы и Синьцзяна)» [3, с. 272, 273].

Выступая на одном из заседаний ЦК МНРП, Э.-Д. Ринчино подчеркнул: «...в наших руках общемонгольская национальная идея, опасное и острое рево-

люционное оружие» [Там же, с. 104]. Основная цель, которую преследовало Монгольское правительство, заключалась в поддержке национально-освободительного движения во Внутренней Монголии. Одним из сопутствующих факторов, способствовавших успеху большевиков, на наш взгляд, стала деятельность барона Р. Унгерна фон Штернберга, русского генерала, начальника конной Азиатской дивизии. В ходе гражданской войны под ударами наступающей Красной армии Р. Унгерн осенью 1920 г. перешел территорию соседней Монголии. За короткое время он, благодаря своему лозунгу восстановления автономии Монголии, получил поддержку определенной части монголов, развернул успешные военные действия против китайских войск, освободив столицу монголов Ургу и Богдо-гэгэна.

Таким образом, в 20-е гг. XX в. в Монголии появляются новые политические силы, которые отчетливо осознавали, что без мощной поддержки извне получение суверенитета неосуществимо, и сделали ставку на помощь Советской России. Национально-демократическая революция 1921 г. стала поворотным событием в истории монголов, фактическим продолжением начатой в 1911 г. борьбы за национальную независимость. Советская Россия, Коминтерн внесли решающий вклад в становление суверенитета Монголии, развитие ее государственности. Именно тогда было сформировано новое представление о независимости монголов, которая виделась лишь в условиях социалистического будущего.

Литература

1. Базаров Б. В. Историческое место национальных демократов в формировании национальной государственности монгольских народов // Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в XX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.
2. Гурбадам Ц., Баточир Л. Размышления об идее панмонголизма // Монголоведные исследования. – 2003. – № 4.

3. *Жабаева Л. Б.* Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001.
4. *Железняков А. С.* Рождение монгольского коммунизма: 1920 год // Вестник Московского ун-та. Сер. 13: Востоковедение. – 2000. – № 1.
5. История. Философия. Социология. Искусство: мат-лы междунар. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
6. История Монголии XX век. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007.
7. История Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1983.
8. *Калинников А.* Национально-революционное движение в Монголии. – М.; Л.: Московский рабочий, 1926.
9. *Курас Л. В., Цыбенов Б. Д.* К 100-летию победы монгольского национально-освободительного движения в 1911 г. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2012. – № 1 (5). – С. 241–248.
10. *Курас Л. В., Цыбенов Б. Д.* 90 лет монгольской революции 1921 г. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – № 4. – С. 235–239.
11. *Лузянин С. Г.* Монголия: между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 2.
12. *Ринчино Э.* К вопросу о национальном самоопределении Монголии в связи с задачами китайской революции // Революционный Восток. – 1927. – № 2.
13. *Роцин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999.
14. *Хишигт Н.* Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – № 3.
15. *Хишигт Н.* К вопросу о монголо-российских отношениях периода монгольской революции 1921 года // мат-лы междунар. конф. Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. IV: История. Философия. Социология. Искусство. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.

УДК 328 (517.3)

Уртнасангийн Батцэрэн

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В РАБОТЕ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ХУРАЛА МОНГОЛИИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА

Затрагиваются некоторые теоретические и практические аспекты репрезентативной демократии, в частности участие монгольских женщин в работе Великого Государственного Хурала и формирование их политического имиджа. Женщины являются одной из уважаемых и почитаемых социально-демографических групп населения в Монголии. В последнее время в центре особого внимания общественности находится вопрос об участии женщин в политике, причем формы и тенденции участия различаются: в нашей стране участие женщин в политике, в особенности их представительство в парламенте,

БАТЦЭРЭН УРТНАСАНГИЙН – докторант Монгольского государственного университета, научный сотрудник сектора политологии Института философии, социологии и права Академии наук Монголии. E-mail: battseren_u@yahoo.com.

относительно мало исследовано и представление о дальнейших тенденциях крайне расплывчато.

Ключевые слова: демократия, представительная демократия, Великий Государственный Хурал, женщины-депутаты Великого Государственного Хурала, женское представительство, гендер, выборы, избирательная квота, политический имидж, формирование имиджа.

Urtnasangiin Battseren

PARTICIPATION OF WOMEN IN THE WORK OF THE GREAT STATE HURAL OF MONGOLIA AND SOME QUESTIONS OF FORMATION OF POLITICAL IMAGE

In this article some theoretical and practical aspects of representative democracy, in particular, participation of the Mongolian women in the activity of the Great State Hural (Parliament) and the questions connected with formation of their political image are addressed. Women are one of the respected and esteemed social and demographic groups of population in Mongolia. Recently in the center of special public attention there was a question of participation of women in politics. Depending on the country, forms and tendencies of participation of women in policy differ. Concerning our country the question of participation of the Mongolian women in policy, in particular, their representation in parliament is studied poorly and idea of their further tendencies is extremely indistinct.

Key words: democracy, representative democracy, Great State Hural, female deputies of the Great State Hural, women's representation, gender, elections, selective quota, political image, image formation.

Проблема представительной демократии была всесторонне разработана как в классическом, так и в современном контекстах, хотя существуют различные подходы и интерпретации данного понятия. Основываясь на существующих концепциях, мы попытались подойти к данному вопросу с позиций теории формирования политического имиджа как политического образа, сложившегося в общественном сознании. Именно политический имидж соответствует требованиям и чаяниям, существующим в данном обществе, а также представлениям населения о личности и роли политика.

Монголия с 1990 г. развивается по демократическому пути, в русле представительной демократии как политического режима, когда народ делегирует управление государством представительным органам, члены которых избираются гражданами для участия в

законодательном процессе и принятия политических решений. В этом аспекте создание политического имиджа играет большую роль при формировании представительных органов. Это обусловлено тем, что люди идентифицируют исполнение политических прав и обязанностей в представительных органах власти прежде всего с политическим имиджем конкретного политика, политической партией или коалицией. Согласно общемировой практике, главным (основным) представительным органом является парламент, имеющий законотворческие функции. В зависимости от специфических социальных, этнических и культурных особенностей стран парламент имеет различные названия. Например, в Монголии парламент образован в 1992 г. под названием Великий Государственный Хурал (ВГХ) [1]. Более 20 лет прошло после утверждения новой Конституции 1992 г., и с того времени уже 6 раз

– в 1992, 1996, 2000, 2008 и 2012 гг. избирался Великий Государственный Хурал, который состоит из 76 членов.

Представительство женщин-депутатов в ВГХ (с 1992 г.)

В последнее время в центре жарких дискуссий политиков, политических партий и общественности стоит вопрос о представительстве женщин в высшем законодательном органе страны, ставший объектом пристального внимания не только в Монголии, но и на международном уровне. Участие женщин в политическом процессе и в особенности увеличение их представительства в парламенте имеет крайне важное значение для дальнейшего развития представительной демократии.

На международной арене прилагается немало усилий для увеличения представительства женщин в парламенте, однако результаты не везде одинаковы. На это влияет множество факторов: уровень социально-экономического развития, культура, обычаи страны. В некоторых странах женщины активно борются за свои политические права, объединяясь для достижения равноправного представительства в парламенте, тогда как в других странах ситуация диаметрально противоположная. В Монголии вплоть до 2011 г. этому вопросу не уделялось должного внимания, что было подвергнуто острой критике со стороны общественности. Вопросы представительства женщин в парламенте были поставлены на повестку дня, в результате чего произошли определенные положительные сдвиги. Так, в ст. 6.27.2 закона «О выборах в Великий Государственный Хурал» указано: «Согласно статье 27.1 данного закона, не меньше 20 процентов кандидатов от партий и коалиций должны представлять женщины» [1, с. 96]. Партии и коалиции, участвовавшие в выборах 2012 г. в Великий Государственный Хурал, согласно этому закону, включили в общий список кандидатов до 20 %

женщин. Однако из-за особенностей избирательной системы женщины имеют относительно малую вероятность быть избранными в парламент. В настоящее время мы в большей степени обращаем внимание на имидж кандидата-мужчины, нежели женщины. Это связано с традициями кочевой цивилизации, для которой характерно доминирование патриархального образа жизни, когда женщины не допускались к ведению государственных дел. Согласно обычаям, основной обязанностью женщины было уважение к супругу, воспитание детей и поддержание порядка в доме.

Сегодня 52 % всего населения страны и 51,5 % всего трудоспособного населения составляют женщины. Однако их представительство в законодательной и исполнительной ветвях власти оставляет желать лучшего, что, в свою очередь, оказывает отрицательное влияние на экономическое и социально-политическое развитие страны. Консолидация подлинно демократического общества в значительной степени зависит от равноправия в гендерном аспекте.

Согласно социологическому исследованию в 181 стране, проведенному Межпарламентским союзом (IPU) и Отделением повышения женского благосостояния социально-экономического отдела ООН, «...в 94 % стран имеется женское представительство и в среднем участие женщин в политике составляет около 15 %. В 17 странах из 181 доля женского представительства в парламенте составляет свыше 30 %. Лидируют среди стран по представительству женщин в парламенте Руанда, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Куба (36 %), Испания и Австрия (33,9 %), Аргентина (33,7%), Южная Африка (32,8 %) и Исландия (30,2%)» [5 с. 12]. Монголия имеет крайне низкий показатель по сравнению с этими странами (рис.).

Из рисунка следует, что на выборах 2012 г. в ВГХ было избрано наибольшее количество женщин. Это, с одной сторо-

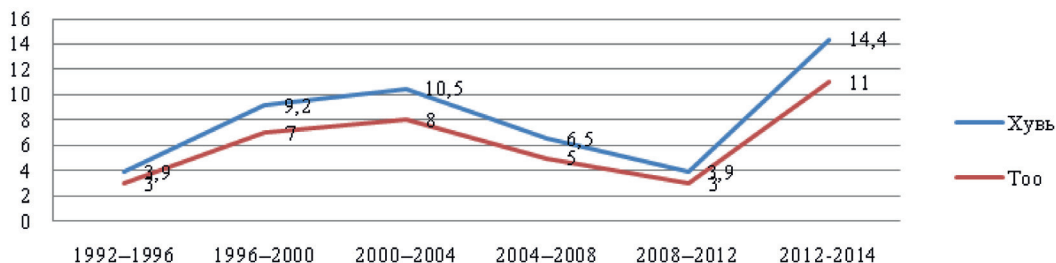

Рис. Женщины-депутаты Великого Государственного Хурала (1992–2014 гг.) [7]

ны, связано с 20 %-ной квотой в законе о выборах в парламент и новой смешанной избирательной формулой на выборах в ВГХ [II] – с другой. Иными словами, пропорциональная формула выгодна женщинам-кандидатам, как показали результаты этих выборов (табл. 1).

Из таблицы 1 следует, что на выборах в парламент 2012 г. 5 женщин было избрано в ВГХ по партийным спискам: за Демократическую партию было отдано 399 194 бюллетеней (35,32 %), за Монгольскую народную партию – 353 839 (31,31 %), за коалицию МНРП – МНДП «Справедливость» – 252 077 (22,31 %) и за партию «Гражданская воля – Зеленые» – 62 310 (5,51 %). По представительству в избирательных округах только депутат ВГХ Д. Оюунхорол была избрана от избирательного округа Завхан, остальные 10 депутатов были избраны от избирательных округов г. Улан-Батор. На это в значительной степени повлиял их личный политический имидж и имидж политической партии.

Таким образом, политический имидж женщин, созданный в период предвыборной кампании, в большей степени соответствовал сознанию городских избирателей, тогда как среди сельских жителей имидж женщины-политика не нашел должного отклика. Это связано с преобладанием у сельских жителей традиционных стереотипов мышления.

За период 1992–2012 гг. в Великий Государственный Хурал было избрано 26 женщин. В общей сложности они

39 раз получили мандат доверия от избирателей. В таблице 2 приведены данные о годах избрания, партийной принадлежности и количестве переизбрания в ВГХ женщин-депутатов.

Из таблицы 2 следует, что депутат ВГХ Д. Арвин была избрана в парламент на повторных выборах 2012 г., поскольку первичная явка избирателей составила 28 % допустимого порога. А депутат ВГХ С. Оюун и экс-депутат Д. Туяа были избраны на перевыборах. Когда депутат ВГХ С. Оюун была вице-спикером парламента, депутаты Д. Мөнхөө, Т. Ганди, Х. Хулан, Ч. Отгонбаяр, Р. Нарангэрэл, Б. Мөнхтуяа, Д. Оюунхорол, З. Баянсэлэнгэ и Р. Бурмаа занимали посты председателей и вице-председателей постоянных комитетов ВГХ по социальной, внешней, правовой политике, безопасности. Также Т. Ганди и Д. Туяа были министрами здравоохранения, С. Оюун – министром иностранных дел, Н. Болормаа – министром образования, культуры и науки, Б. Долгор – руководителем канцелярии правительства. До недавнего времени депутат С. Оюун занимала пост министра окружающей среды и экологии, а Ц. Оюунгэрэл – министра культуры, спорта и туризма.

Одна из причин малого участия женщин в политическом процессе заключается в преобладании мужчин на руководящих позициях. К тому же в общественном сознании отрицается роль женщины в политике, она ассоциируется в основном с домохозяйкой, что позволяет

Таблица 1

Женщины-депутаты в ВГХ (результаты выборов 2012 г., мандат, партия, коалиция) [6]

№	Кандидат	Партийная принадлежность	Избирательная система	
			мажоритарная	пропорциональная
1	Д. Арвин	Демократическая партия	Была выдвинута от МНП на участке 22 и на дополнительных перевыборах получила мандат. После принесения присяги ВГХ отказалась от членства в МНП и вступила в ДП. Это был первый случай, когда женщина-депутат парламента сменила партийную принадлежность	
2	М. Батчимэг	Демократическая партия		Записана в партийных списках под номером 10
3	Р. Бурмаа	Демократическая партия		Записана в партийных списках под номером 7
4	С. Одонтуяа	Демократическая партия	Получила 38,45 % голосов избирателей на участке 24	
5	Ц. Оюунгэрэл	Демократическая партия	Получила 40,69 % голосов избирателей на участке 21	
6	Л. Эрдэнэчимэг	Демократическая партия	Получила 31,22 % голосов избирателей на участке 25	
7	Д. Оюунхорол	Монгольская народная партия	Получила 44,86 % голосов избирателей на участке 9	
8	Д. Сарангэрэл	Монгольская народная партия		Стала депутатом парламента после сложения полномочий У. Хүрэлсүхом как следующий кандидат, записанный под порядковым номером 10
9	З. Баянсэлэнгэ	Коалиция МНРП – МНДП «Справедливость»		Записана в партийных списках под номером 4
10	Г. Уянга	Коалиция МНРП – МНДП «Справедливость»	Получила 31,61 % голосов избирателей на участке 26	
11	С. Оюун	Партия «Гражданская воля – Зеленые»		Под порядковым номером 1 в партийных списках

прийти к выводу, что в обществе все еще преобладает дискриминация женщин в гендерном отношении. В обществе следует формировать положительный образ (имидж) женского участия в политиче-

ской жизни Монголии и степени их значимости в парламенте.

Рост числа женщин в органах законодательной и исполнительной власти имеет важное значение, особенно в

Таблица 2

Количество женщин, избранных в ВГХ за 1992–2012 гг. [7]

№	Фамилия, имя	Год избрания	Партийная принадлежность	Сколько раз была избрана
1	Т. Ганди	1992–1996 1996–2000 2000–2004 2004–2008	Монгольская народная партия	4
2	Ж. Бямбажав	1992–1996	–	1
3	Д. Мөнхөө	1992–1996	Монгольская народная партия	1
4	Б. Дэлгэрмаа	1996–2000	Демократическая партия	1
5	Р. Нарангэрэл	1996–2000	Демократическая партия	1
6	Р. Наранцэцэг	1996–2000	–	1
7	Ч. Отгонбаяр	1996–2000	–	1
8	Х. Хулан	1996–2000	Демократическая партия	1
9	О. Энхтуяа	1996–2000	–	1
10	Д. Туяа	2000–2004 2004–2008	Монгольская народная партия	2
11	Д. Алтай	2000–2004	Монгольская народная партия	1
12	Н. Болормаа	2000–2004	Монгольская народная партия	1
13	Н. Гэрэлсүрэн	2000–2004	Монгольская народная партия	1
14	Б. Долгор	2000–2004	Монгольская народная партия	1
15	Б. Мөнхтуяа	2004–2008	Демократическая партия	1
16	С. Оюун	1998–2000 2000–2004 2004–2008 2008–2012 2012	Партия «Гражданская воля – Зеленые»	5
17	Д. Арвин	2000–2004 2004–2008 2008–2012 2012	Демократическая партия	4
18	Д. Оюунхорол	2000–2004 2008–2012 2012	Монгольская народная партия	3
19	М. Батчимэг	2012	Демократическая партия	1
20	З. Баянсэлэнгэ	2012	Монгольская народно-революционная партия	1
21	Р. Бурмаа	2012	Демократическая партия	1
22	С. Одонтуяа	2012	Демократическая партия	1
23	Ц. Оюунгэрэл	2012	Демократическая партия	1
24	Д. Сарангэрэл	2012	Монгольская народная партия	1
25	Г. Уянга	2012	Монгольская национально-демократическая партия	1
26	Л. Эрдэнэчимэг	2012	Демократическая партия	1

моменты принятия жизненно важных для страны решений, когда необходим благоразумный и толерантный подход. Женщины, по сравнению с мужчинами, обладают в большей степени личностными качествами и способностями найти наиболее приемлемое решение, что приносит обществу многостороннюю пользу. Умение женщин принимать политические решения с учетом интересов всех социальных слоев населения, бороться за интересы малозащищенных групп, смягчать противоречия и приходить к согласию в любых острых вопросах в основном способствует их позитивному участию в политической жизни. Все эти качества, востребованные народом и избирателями, создают благоприятные предпосылки для роста политического имиджа женщин-политиков.

Политический имидж женщин-депутатов в ВГХ

С 1992 г. на 6 выборах в Государственный Хурал было избрано в общей сложности 456 членов парламента, из них 38 женщин, т. е. всего лишь 8,55 % от общего числа, и этого вполне достаточно, чтобы получить общую картину преобладания мужского участия в принятии решений в течение 20 с лишним лет. В центре особого внимания политиков и избирателей в последнее время стоит вопрос политического имиджа женщин-политиков и его формирования. В предвыборных кампаниях необходимо показать, насколько политический имидж кандидата отличается в положительную сторону от конкурентов и каким должен быть способ его подачи избирателям, чтобы он стал узнаваемым. Именно в этом случае избиратели отдадут свои голоса политику, чей политический имидж будет наиболее привлекательным.

Политический имидж женщин в Государственном Хурале определяется их личностными характеристиками и отличиями. На выборах 2012 г. в Государ-

ственный Хурал было избрано беспрецедентно большое число женщин. Это, с одной стороны, является показателем привлекательности политического имиджа женщин-кандидатов в глазах избирателей, а с другой – свидетельствует о росте заинтересованности избирателей в участии женщин в работе законодательного органа. Так, в социологическом исследовании, проведенном Институтом прессы в 2010 г. по заказу Правительства Монголии и Национального комитета по гендерному равноправию при финансовой и методологической поддержке Программы развития ООН «Рост политического участия и представительства женщин посредством избирательной системы», был задан вопрос: «Если Вы считаете, что женщины должны участвовать в работе государственных органов и в политике, то в какой области их участие было бы важным?» и «20,1 % респондентов ответили, что в Великом Государственном Хурале, 9,4 % – в органах исполнительной власти, 5,4 % – в органах местного самоуправления, однако остальные 65,1 % респондентов ответили, что их участие наиболее важно в сфере здравоохранения, образования и социального страхования» [4].

Но более важное и принципиальное значение, чем количественное участие женщин в работе парламента, имеет вопрос об их способности влиять на процесс принятия решений. Поэтому особый интерес вызывают ответы на вопрос: «Какой образ женщины-политика привлекает общественность?», когда большинство респондентов ответили, что в женщинах-политиках их привлекает гуманность, человечность, трудолюбие и честность, т. е. эти качества выражают представления в обществе о положительных сторонах человеческого бытия, иными словами, выражают положительный имидж. Поэтому общественность привлекают в женщинах-политиках, женщинах-парламентариях положительные стороны их имиджа, т. е. люди больше всего заинте-

ресованы в создании имиджа женщин в политике на эмоциональном и чувственном уровнях.

Таким образом, политический имидж женщины-политика формируется двумя существенными категориями: «визуальной» и «вербальной». В последнее время стало заметно, что женщины-политики успешно работают над созданием своего визуального имиджа. Внешний вид, манеры и поведение создают общее представление о человеке. Прическа украшает его и имеет решающее значение для формирования персонального имиджа. Считается, что женщинам-политикам наиболее подходит короткая стрижка, поскольку она подчеркивает их деловые качества и принципиальность. С точки зрения имиджологии, длинные распущенные волосы свидетельствуют о склонности к авантюрным выходкам. Женщины с собранными в узел волосами уверены в себе и сдержанны, тогда как женщины с волосами «ежиком» в основном уделяют значительное внимание своему внешнему облику и стремятся подчеркнуть собственную самобытность в любой ситуации. В нашем парламенте женщины отдают предпочтение короткой прическе.

Другой составляющей визуального имиджа является моторика, или язык тела. Телодвижения могут сказать многое о человеке, т. к. зачастую не подчиняются речи. Женщинам особенно присуще выражать свои эмоции посредством жестов, поэтому для поддержания и роста собственного имиджа им важно уделить внимание сдержанности жестов и движений. В социологическом исследовании «Печать и гендерная равноправность», проведенном по заказу Национального комитета по гендерному равноправию, 15 % респондентов ответили, что в СМИ женщина на государственной службе позиционируется как наделенная правами принимать решения.

Вербальный имидж выражается также через речь, интонацию и тембр, что

предоставляет определенные преимущества женщинам перед мужчинами, кроме случаев затянувшихся обсуждений и встреч. Поэтому для поддержания положительного имиджа женщинам необходимо развивать умение выражать мысли в сжатой и лаконичной форме, говорить понятно, вразумительно, логично и образно.

Сегодня в Государственном Хурале 11 женщин-депутатов, и их политический имидж находится в центре внимания общественности, хотя еще в 1992 г. об имидже женщин в Государственном Хурале имелось мало представлений. Женщины в основном носили деловые костюмы и строгие платья, не уделяя особого внимания внешнему облику. Современная женщина-политик стала по-новому относиться к формированию собственного имиджа, привлекая внимание общественности косметикой, яркими нарядами и «борцовским» поведением. Избиратели признают имидж женственности в женщинах-политиках и отдают им свои голоса.

Помимо основных технологий формирования политического имиджа вполне эффективно использование методов, подчеркивающих специфику женской психологии. Монголы в основном оценивают женщин-политиков по их образованию и знаниям, опыту работы, честности, принципиальности, патриотизму, происхождению и чистой репутации, тогда как в западных странах в большей степени привлекателен романтический, нежный и обаятельный образ женщины-политика.

Формирование политического образа для женщин-кандидатов в Государственном Хурале – задача не из простых. Поэтому хотелось бы дать некоторые рекомендации женщинам-кандидатам по созданию нового имиджа или дальнейшему формированию уже сложившегося образа для разработки успешной стратегии предвыборной кампании.

• Познай сам себя: что на самом деле Вы представляете?

• Я сам: крайне важно формировать собственный имидж, основываясь на собственном внешнем облике, речи и особенностях физической конституции.

• Нужно преодолевать свои слабые стороны, формировать имидж сильного и решительного политика.

• Постоянно быть готовым к решению каждодневных вопросов.

• Бюджет и финансы: для пополнения бюджета предвыборной кампании правильно искать источники финансовой поддержки от избирателей. Необходимо отчитываться перед избирателями в расходовании бюджета, чтобы приобрести их доверие.

• Проведение исследований: необходимо собирать информацию об общественных настроениях относительно участия женщин в политике для того, чтобы определить социальные группы

поддержки по возрастным, образовательным, социальным, профессиональным и другим категориям.

• Обсуждение предвыборной программы: необходимо иметь собственную предвыборную программу, предназначенную для женщин и детей, семьи, занятых и социально не защищенных групп населения.

• Команда: необходимо ее формировать из хорошо знающих и поддерживающих Вас профессионалов. Важно окружить себя имиджмейкерами, программистами, журналистами, художниками, юристами и экономистами.

В заключение следует особо отметить, что для монгольской политики необходимо широкое участие женщин в политическом процессе, где они могут продемонстрировать характерные для них честность, политическое чутье, дальновидность, принципиальность и высокую нравственность.

Примечания

I. С 1990-х гг., когда Монголия избрала демократический путь развития, в стране фактически действовал переходный двухпалатный парламент: Великий Народный Хурал (ВНХ) и Государственный Малый Хурал (ГМХ).

II. На выборах 2012 г., согласно закону о выборах, была применена смешанная избирательная формула: 48 человек избиралось по мажоритарной системе, а 28 – по пропорциональной формуле на основе партийных списков.

Литература

1. Батцэрэн У. Выборы в ВГХ-2012: пособие. – Улаанбаатар, 2012.
2. Батцэрэн У. Формирование политического имиджа и манипуляция. – Улаанбаатар, 2006.
3. Большой толковый словарь монгольского языка. Институт языковедения Академии наук Монголии. Т. II. – Улаанбаатар, 2008.
4. Институт прессы Монголии. Реформа закона о выборах и политическое участие женщин на управленческом уровне: исследовательский отчет. – Улаанбаатар, 2010.
5. Политическое участие женщин в странах мира. ООН и Межпарламентский союз (IPU): социолог. исследование. – Улаанбаатар, 2006
6. <http://www.parliament.mn/>
7. <http://www.gec.gov.mn/>

УДК 327 (519.5)

Э. Б. Дашибалов

**ОБРАЗ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ
(по материалам СМИ Республики Корея)**

Рассматриваются современные образы России в Республике Корея по материалам южнокорейских СМИ.

Ключевые слова: образ России, Республика Корея, СМИ, российско-южнокорейские отношения.

E. B. Dashibalov

**THE IMAGE OF POST-SOVIET RUSSIA
IN THE REPUBLIC OF KOREA
(Based on Mass Media of the Republic of Korea)**

The article deals with the modern image of Russia in the Republic of Korea based on the South Korean mass media materials.

Key words: image of Russia, Republic of Korea, mass media, Russian-Korea relationship.

Восприятие любого государства населением и элитами других государств является важным направлением международных отношений. В этой связи исследование восприятия России другими странами, их элитами и обществом является важной задачей научных изысканий. Современными исследователями признается необходимость системного подхода к формированию национального образа. Именно сугубо позитивная подача образа страны используется сегодня государством как инструмент «мягкой силы». В этой области целенаправленно работают представители национальной политической элиты и СМИ, а образ страны в широком общественном мнении отождествляется с представлениями о роли государства в мире.

Исследование образа России в Республике Корея актуально с точки зрения особенностей ее внешнеполитического восприятия, в процессе развития отношений России и стратегически важного для нее региона – Северо-Восточной Азии.

В результате распада СССР и произошедших затем реформ в нашей стране сложилась новая политическая, экономическая, социальная и культурная реальность, а также весьма существенно изменился образ жизни и менталитет многих россиян. В это время в отношениях между Россией и Республикой Корея произошли существенные положительные изменения, наметившиеся в предшествующий период. В связи с этим значительно активизировались контакты между населением двух стран. Распад СССР и образование Российской Федерации как правопреемницы Советского Союза, процесс реформирования и значительные перемены в нашей стране вызвали в эти годы всплеск интереса как со стороны руководства, так и рядовых граждан Южной Кореи.

До середины 1980-х гг. в Южной Корее господствовали антисоветские настроения. Во многом это было связано с тем, что на СССР и советских людей практически полностью распространя-

лось то негативное представление о коммунистах и жителях социалистических стран, которое преобладало у населения РК по отношению к Северной Корее [1].

Нормализация отношений двух государств открыла возможности обеим странам преодолеть запутанное и искаженное представление друг о друге, вызванное разделом Корейского полуострова и корейской войной, и помогла воспринимать партнера более объективно.

На сегодняшний день большую роль в формировании образа России в Южной Корее играют средства массовой информации. Публикации южнокорейских СМИ о России можно разделить на три основные группы: 1) политика; 2) экономика; 3) культура и спорт.

Основными политическими темами, в связи с которыми упоминается Россия, являются события на Украине, расширение НАТО на восток и его возможные последствия, дискуссии по поводу размещения элементов противоракетной обороны в Восточной Европе [2]. Также большое внимание южнокорейские СМИ уделяют российско-корейским отношениям.

Более подробно следует остановиться на том, как корейская пресса интерпретирует украинские события 2013–2014 гг. В целом можно отметить, что их освещение происходит в достаточно нейтральном тоне. Описывая референдум по поводу статуса Крыма, корейские издания подчеркнули, что решение о вступлении Крыма в состав России поддерживается большинством населения [3]. С другой стороны, южнокорейские СМИ, освещая события на Украине, нередко ограничиваются пересказом западных изданий, что придает тональности высказываний негативный окрас. Тем не менее можно сделать вывод, что нейтральное в целом освещение событий на Украине является отражением официальной позиции Республики Корея по украинскому вопросу, которая выразилась в непризнании к экономическим санкциям Запада против России. Данную позицию

можно объяснить тем, что Южная Корея высоко оценивает развивающееся по различным направлениям сотрудничество с Москвой и не собирается присоединяться к создаваемому «антироссийскому фронту санкций». В СМИ подчеркивается, что конфликт на Украине не имеет отношения к Республике Корея и поэтому, несмотря на союзнические отношения с США, Сеулу необходимо расширять свое присутствие на российском рынке. Южнокорейские эксперты отмечают, что в данной ситуации важно учитывать собственные интересы, а не следовать политике США.

Достаточно часто в корейских медийных изданиях Россия упоминается в контексте отношений с КНДР, и оценка действий России зависит от их политической ориентации. Консервативная пресса (газеты «Чосон Ильбо», «Тонъя Ильбо») отзываться о России в контексте российско-северокорейских отношений в негативном или нейтральном тоне [7; 9]. Либеральные издания («Хангёре» и др.) отзываються о России положительно, отмечая, что расширение международных связей является для Северной Кореи положительным фактором, способствующим экономическому развитию [8]. Англоязычное корейское издание «Korea Times» подчеркивает, что Сеул заинтересован в помощи России в деле денуклеаризации Корейского полуострова [6]. Подчеркивается, что Республике Корея необходимо использовать «российский фактор» для достижения прогресса в межкорейских отношениях, а также решения ряда сложных проблем и конфликтов, которые сейчас наблюдаются в Восточной Азии. «The Korea Times» подчеркивает, что успехи российской дипломатии по сирийскому вопросу, а также положительная роль Москвы на иранском направлении заставили многих в Сеуле вспомнить об РФ, которую теперь многие уже в самой Южной Корее призывают выступать с более активных позиций на Корейском полуострове. При этом даже во внешнеполитическом

ведомстве Кореи стали говорить, что им отнюдь не обязательно полностью следовать в фарватере политики Вашингтона. В последние месяцы в Южной Корее увеличилось количество публикаций в прессе, посвященных активизации российско-северокорейского сотрудничества. По мнению большинства изданий, КНДР обеспокоена избыточным влиянием КНР на Северную Корею и рассматривает Россию в качестве противовеса китайскому влиянию. Пристальное внимание в южнокорейской прессе вызвал недавний визит спецпосланника КНДР Чхве Рён Хэ в Москву [5; 6; 9].

Значительно выросло число публикаций о России в связи с официальным визитом В.В. Путина в Республику Корея в ноябре 2013 г., по итогам которого было подписано соглашение о введении безвизового режима между двумя странами, вступившее в силу с 1 января 2014 г. Также одним из главных итогов встречи стало решение Южной Кореи инвестировать в реализуемый Россией в КНДР проект использования железной дороги по маршруту Рачжин (КНДР) – Хасан (РФ) и создания инфраструктуры в порту Рачжина. Накануне визита Президент Южной Кореи Пак Кын Хе заявила о реализации евроазиатской инициативы, которая предусматривает движение в сторону создания единого экономического и инфраструктурного пространства Европы и Азии при активнейшем участии, в первую очередь, России, Республики Корея и КНДР. Президент Пак Кын Хе считает, что для стабильного экономического роста Южной Кореи необходимо развитие сотрудничества с государствами Евразии, которые становятся все более значимыми и влиятельными в мире. Центральным государством, с кем запланировано развитие сотрудничества в рамках евроазиатской инициативы, является Россия. Кроме того, на протяжении 2014 г. Пак Кын Хе неоднократно отзывалась о России в положительном ключе. По мнению корейских СМИ, такие реверансы корейского президента в сторону РФ отража-

ют рост важности и значения Москвы в расстановке сил в Северо-Восточной Азии. В конце прошлого года в одной из влиятельных газет Кореи появилась развернутая статья, в которой со ссылкой на источник в МИД Южной Кореи подчеркивалась необходимость более активного сотрудничества Сеула с Москвой по самым различным проблемам, включая ситуацию в КНДР [4, 8 янв.].

Большую роль в улучшении имиджа России в Корее сыграло издание «Russia Focus» (<http://russiafocus.co.kr/>), созданное по инициативе «Российской газеты» и являющееся приложением к центральной южнокорейской газете «Чжунан Ильбо». «Russia Focus» публикует большое количество статей, связанных с историей, культурой, экономикой России. По итогам 2014 г. издание было названо брендом года в Республике Корея. Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Республике Корея Константин Внуков отметил, что издание «Russia Focus» способствует созданию в южнокорейском обществе положительного имиджа России, а также получению гражданами Республики Корея более объективной информации о роли РФ на международной арене [6, 27 нояб.].

Отдельно стоит выделить упоминания о России в южнокорейской прессе, связанные с проблемой национализма. Поводом для таких высказываний становятся случаи избиения корейцев скинхедами в российских городах. Естественно, что тональность таких высказываний крайне негативная [7].

В статьях на экономические темы Россия фигурирует как перспективный рынок для инвестиций, но при этом авторы отмечают ряд проблем (коррупция, бюрократия и др.), с которыми могут столкнуться потенциальные инвесторы. Широко освещается тема использования Россией своих ведущих позиций в сфере энергетики для защиты и укрепления внешнеполитического положения. Также большое внимание уделяется трех-

сторонним экономическим проектам с участием России, Республики Корея и КНДР. В качестве приоритетных направлений рассматриваются планы по строительству газо- и нефтепроводов для импорта энергоресурсов из России в РК через территорию КНДР, а также проект по соединению Транссиба и Транско-рейской железной дороги. Южная Корея считает выгодным для себя осуществление трехстороннего сотрудничества с Россией и КНДР для решения вопросов экономического развития Северной Кореи и развития коммуникаций, логистики в Северо-Восточной Азии [8]. Сеул рассматривает данные программы как хорошую возможность улучшить межкорейские отношения и ускорить объединение Корейского полуострова. С другой стороны, в СМИ отмечается, что практическая реализация трехсторонних проектов во многом зависит от политической стабильности на Корейском полуострове [7]. В настоящий момент российское ОАО «РЖД» совместно с КНДР реализует проект «Хасан – Раджин», который предусматривает модернизацию железнодорожного полотна между станциями Хасан (РФ) и Раджин (КНДР), а также строительство и дальнейшую эксплуатацию грузового терминала в порту Раджин. В конце ноября 2014 г. была произведена первая в рамках проекта доставка угля в Южную Корею. Покупателем этой партии угля выступил южнокорейский сталелитейный гигант «POSCO», который заплатил за груз и доставку около 4 млн. долл. [4, 1 дек.]

В южнокорейской прессе подчеркивается, что, несмотря на значительную активизацию двусторонних отношений между РК и РФ, по-прежнему имеется значительный потенциал для дальнейшего расширения связей. Немаловажную роль в двустороннем сотрудничестве южнокорейские СМИ отводят российским регионам Сибири и Дальнего Востока [5], называя в качестве наиболее перспективных сфер туризм, автомобилестроение, развитие инфраструктуры,

высокие технологии и др. Для активизации экономического взаимодействия с российскими регионами Сибири и Дальнего Востока в 2014 г. Институт России сеульского университета Халлим выпустил двухтомный «Экономический атлас Сибири России». В этом издании представлена подробная ситуация о регионах Сибири (т. 1) и Дальнего Востока (т. 2). Подчеркивается, что Южная Корея заинтересована в развитии торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с Россией, обращая особое внимание на Дальний Восток и Сибирь. Также южнокорейская пресса отмечает, что российские компании также должны активизировать свою деятельность на корейском рынке, что позволит открыть новые направления для сотрудничества.

Достаточно часто Россия упоминается в южнокорейской прессе в связи с этническими корейцами, проживающими на территории РФ. В таких публикациях подчеркивается, что российские корейцы являются, прежде всего, представителями корейской нации, а не другого государства.

Публикации на тему российской культуры и спорта формируют преимущественно благоприятный образ России в Южной Корее. СМИ описывают Россию как страну, обладающую богатым культурным и историческим наследием. Среди российских писателей наиболее часто встречаются имена Толстого, Чехова, Достоевского [3]. Также говорится о высоком уровне музыкального и театрального искусства, литературы, живописи в России. Среди спортивных персоналий наибольшим интересом пользуются теннисистка Мария Шарапова и чемпион мира по боям без правил Федор Емельяненко. Большое внимание уделялось России в связи с борьбой российского Сочи и корейского Пхёнчана за право принять зимние Олимпийские игры 2014 г. Собственно, и сама Олимпиада-2014 послужила информационным поводом для всплеска интереса к России. Южнокорейские СМИ раскри-

тиковали правительство своей страны за то, что официальную делегацию РК на Играх представлял лишь министр спорта, в то время как Китай и Япония отправили на церемонию открытия лидеров своих стран. В прессе утверждалось, что Президент РК Пак Кын Хе упустила хороший шанс добиться дальнейшего прогресса в межгосударственных отношениях. По мнению прессы, Пак Кын Хе необходимо было лично посетить Сочи для укрепления дружественных связей с Москвой [4, 8 февр.].

Спортивные события на Олимпиаде также стали объектом пристального внимания в южнокорейской печати, особенно несправедливые, по мнению корейских СМИ, результаты соревнований в женском одиночном фигурном катании, по итогам которых южнокорейка Ким Ю На уступила золотую медаль россиянке Аделине Сотниковой.

Анализируя материалы южнокорейской прессы о России, следует отметить сочетание позитивных и негативных образов. Также можно проследить положительную динамику увеличения количе-

ства материалов о России, по сравнению с 1990-ми гг., и констатировать большую объективность высказываний о России, по сравнению с советским периодом. Значительная часть публикаций, связанных с Россией, посвящена активизации российско-южнокорейских отношений. Большинство изданий положительно оценивают динамику развития межгосударственных взаимоотношений и подчеркивают важность роли России в Северо-Восточной Азии. С другой стороны, большое значение для формирования образа России играют западные СМИ, материалы которых часто перепечатываются в корейских изданиях. Тон таких статей в целом критически-негативный. Также следует отметить, что СМИ Республики Корея зачастую освещают события в России, находясь под влиянием сложившихся еще в эпоху «холодной войны» стереотипов. В связи с этим корейские специалисты по России отмечают необходимость системного подхода к изучению России и широкому освещению российских событий в корейской прессе.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-03-00439 «Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока) в странах Северо-Восточной Азии».

Литература

1. Ким Ен Ун. Эволюция имиджа России в Республике Корея после установления дипломатических отношений // Доклад на 22-й ежегодной конференции ИДВ РАН – Центр АТР Ханьянского университета. – Сеул, 2010. – С. 275–294.
2. Кирьянов О. Наблюдая за корейцами. – М., 2010.
3. Ланьков А. Почему Южная Корея не ввела санкций против России. Режим доступа: http://slon.ru/world/koreya_i_sanktsii-1153950.xhtml.
4. Российская газета. – 2014.
5. Дэйли НК. Режим доступа: <http://www.dailynk.com/english/index.php>.
6. Корея Таймз. Режим доступа: <http://www.koreatimes.co.kr>.
7. Тонья Ильбо. Режим доступа: <http://www.donga.com>.
8. Хангере. Режим доступа: <http://www.hani.co.kr>.
9. Чосон Ильбо. Режим доступа: <http://www.chosun.com>.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

PUBLICATION OF DOCUMENTS

В новой публикации документов Государственного архива Республики Бурятия, посвященных истории Первой мировой войны, читателям предлагаются документы о деятельности Петроградского бурятского лазарета. Как отмечалось в предыдущей публикации [2], на съезде, проходившем 2–3 марта 1915 г. в г. Верхнеудинске, было создано Общебурятское общество (забайкальских и иркутских бурят) по сбору пожертвований на нужды войны [1, ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 154, 186, 188, 194–196об.]. Собранные пожертвования распределялись на разные цели: Красному Кресту, на устройство бурятских коек на Кавказе, на пособия семьям участников войны, а значительная часть была выделена на устройство и содержание бурятского лазарета в Петрограде.

С самого начала Первой мировой войны бурятские общества Забайкалья под руководством Пандито Хамбо-ламы Даши-Доржи Итигэлова ставили вопрос о создании лазарета в Петрограде от имени бурятского народа, тем самым желая отметить свои усилия по поддержке Отечества в столь трудное время. О том, как проходила подготовительная работа по организации лазарета в Петрограде, свидетельствуют воспоминания Ю. Д. Талько-Гринцевича: «В ноябре 1914 г. ко мне направилась бурятская делегация с предложением, чтобы я занялся организацией их госпиталя и в дальнейшем принял главное руководство над ним. Госпиталь должен был быть организован и содержаться на средства забайкальских бурят, которые, как известно, были присоединены к России с условием, что не будут подлежать военной службе, будут получать определенные привилегии самоуправления и платить незначительные налоги. После начала войны буряты, опасаясь утраты гарантированных им прав, решили по силе возможности прийти на помощь государству, создавая два полевых госпиталя: один на Западном фронте, другой – на Восточном, на Кавказе, а в столице так называемый Городской бурятский лазарет, зарегистрированный под № 245. Устроенный первоначально на 50 коек, предназначенный для выздоравливающих, он располагался напротив острова Елагина на петербургской стороне, недалеко от устья Невы, в отдельном здании, принадлежащем недавно построенной буддийской святыне ламаистского обряда. Много трудов и расходов понесли буряты, прежде чем получили разрешение на постройку святыни. Вначале власти опасались вредного влияния святыни для православия, в дальнейшем – что расположена слишком близко к церкви Благовещения и что она выше церкви. Все эти препятствия удалось ликвидировать взятками в Департаменте других исповеданий, кроме запрета внешних стилистических орнаментов и размещения маленьких колокольчиков вокруг покато́й крыши, которые, приходя в движение от малейшего дуновения ветра, издают мелодичные звуки» [3].

Об открытии Петроградского бурятского лазарета свидетельствует письмо Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова от 1 февраля 1915 г., адресованное Ц. Бадмажапову: «На пожертвования бурятского населения области учреждается в Петрограде лазарет бурятского имени на 30 кроватей» [1, ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 151].

Первоначально собранных пожертвований хватило на содержание лазарета в течение 6 месяцев. Важное значение для дальнейшего функционирования лазарета имело решение общебурятского съезда от 2–3 марта 1915 г. о необходимости содержания Петроградского бурятского лазарета до конца войны «за счет предполагаемых остатков от прошлогодних и нынешних пожертвований, образовав из них запасный капитал со специальным назначением» [Там же, д. 478, л. 194–196об.].

Бурятский Петроградский лазарет на 30 коек находился в ведении и на содержании Общебурятского общества и лично Д.-Д. Итигэлова. За 1915 г. на содержание лазарета из собранных бурятами пожертвований было выделено около 60000 руб. [Там же, л. 369]. За период с ноября 1915 по июль 1916 г. в лазарете на лечении находились 113 воинов [1, ф. 32, оп. 1, д. 395, л. 75].

Уже с осени 1916 г. основным контингентом Петроградского бурятского лазарета становятся реквизируемые буряты. А в начале 1917 г., благодаря усилиям Пандито Хамбо-ламы

Д.-Д. Итигэлова, Лхаромба Цанит Хамбо-ламы А. Доржиева, уполномоченного Н. Ханхасаева и др., Петроградский городской бурятский лазарет был предоставлен исключительно для больных реквизированных бурят. Распоряжением санитарной части главнокомандующего Северным фронтом больные буряты из Архангельской области стали поступать в бурятский лазарет в Петрограде. Только за период с января по июль 1917 г. через лазарет прошли 218 бурят [1, ф. 32, оп. 1, д. 395, л. 78].

Надо отметить, что в организации и работе бурятского лазарета активное участие принимали выдающиеся российские ученые – профессора Ф. И. Щербатской, В. В. Радлов, А. Д. Руднев и В. Л. Котвич.

Бурятский Петроградский лазарет был закрыт 15 января 1918 г. по решению Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам [Там же, ф. 84, оп. 1, д. 478, л. 129].

Документы публикуются по правилам современной орфографии с сохранением их стилистических особенностей. Если документ публикуется в извлечении, то заголовок начинается словом «Из», а в тексте документа пропуск обозначается отточием.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии Б. Ц. Жалсановой и Л. Ш. Чимитдоржиевой.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
2. *Жалсанова Б. Ц. Чимитдоржиева Л. Ш.* «... Мы предполагали создать на первое время хоть временный орган объединения разрозненных частей бурятского народа ...» (документы о создании Общобурятского комитета по сбору пожертвований в годы Первой мировой войны) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2014. – № 4 (16). – С. 293–300.
3. *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Воспоминания из последних лет (1908–1931). – Варшава, 1932. – 193 с.

УДК 94 (571.54)

Б. Ц. Жалсанова, Л. Ш. Чимитдоржиева

**«НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ОБЛАСТИ УЧРЕЖДАЕТСЯ В ПЕТРОГРАДЕ ЛАЗАРЕТ
БУРЯТСКОГО ИМЕНИ НА 30 КРОВАТЕЙ...»
(документы о деятельности Петроградского
бурятского лазарета)**

B. Ts. Zhalsanova, L. Sh. Chimitdorzhieva

**“THE 30-BED INFIRMARY OF BURYAT NAME
IS ESTABLISHED IN PETROGRAD ON THE DONATIONS
OF THE BURYAT POPULATION...”
(Documents on the Activity
of the Buryat Infirmary in Petrograd)**

ЖАЛСАНОВА Бутит Цыдыпмункуевна – доктор исторических наук, директор Государственного архива Республики Бурятия. E-mail: butit62mail.ru.

ЧИМИТДОРЖИЕВА Лариса Шираповна – кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела использования и публикации документов. E-mail: butit62mail.ru.

№ 1

Письмо Пандито-Хамбо ламы Даши-Доржи Итигэлова крестьянскому и инородческому начальнику Верхнеудинского уезда об оказании содействия в сборе пожертвований с бурятских обществ

15 февраля 1915 г.

№ 17-27, Гусиноозерский дацан

Всемирная, небывало кровопролитная война продолжается. Долг каждого верного подданного перед Богом и родной, напрягая все свои силы и средства, оказывать помощь доблестным воинам для облегчения великих страданий, когда они, жертвуя свою жизнь для блага отечества, получают поражения, увечья и болезни на поле брани. Утвержденный г[осподином] военным губернатором Забайкальской области от 11 декабря 1914 года за № 529, бурятский комитет под моим председательством на совещании, состоявшемся явочным порядком с ведома начальника области 23–24 января сего года, постановил в нынешнем году собрать к 1-му марта добровольные пожертвования среди бурятского населения области не менее 50 коп. с наличной души мужского пола на организацию от имени бурят на позициях Западного театра войны передового врачебно-питательного отряда при участии Всероссийского союза городов [1] до конца войны, для чего потребуется 40000 руб., остальные 60000 руб. будут приняты Союзом.

Собранные деньги должны быть направляемы непосредственно в мое распоряжение или в Верхнеудинское отделение Русско-Азиатского банка на мой текущий счет за № 1328 для отсылки по назначению. Могущий остаться излишек будет распределен для продолжения содержания Петроградского бурятского лазарета на 30 кроватей после истечения шестимесячного срока. Об этом и начальник области уже обращается ныне с возванием к населению области.

Разослав своевременно всем обязательным членам Бурятского комитета – инородческим волостным старшинам

и ширетуям копии протокола № 2 для исполнения, обращаюсь к Вашему высокоородию с покорной просьбой не отказать содействием сделать распоряжение подлежащим волостным старшинам о немедленном приступлении к сбору пожертвований согласно постановлению комитета, если возможно, без созыва схода, дабы не откладывая дорогого времени осуществить намеченное святое дело помощи раненым воинам до конца войны.

Кроме того, благоволите разрешить инородческим волостным старшинам прибыть на 1-е марта с.г. в г. Верхнеудинск для участия на совещании комитета для успешного проведения в жизнь намеченной цели.

Председатель комитета Бандида Хамбо Итигэлов.

Секретарь комитета.

*ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 158–158об.
Машинопись. Подлинник.*

№ 2

Письмо Пандито Хамбо-ламы Даши-Доржи Итигэлова на запрос военного губернатора Забайкальской области о законности сбора пожертвований на нужды войны с бурятского населения

15 февраля 1915 г.

№ 70, Гусиноозерский Дацан

Содержание газетного сообщения «Восточной Сибири», перепечатанной из «Утра России», мне неизвестно. Видимо, в нем, как в большинстве случаев, совершенно искажены факты. Никакого смущения бурят по поводу якобы применения административных мер взыскания отчислений на Воздушный флот и Красный Крест иметь место не могло и никаких операций с домашним скотом не было, разве лишь были случаи пожертвования скотом.

Единовременное в 1914 г. самообложение бурятского населения около 2 руб. с души должно дать свыше 100000 руб., но отнюдь не ежемесячно. Самообложение инородцев состоя-

лось по приговорам волостных сходов и в порядке 7 п[ункта]ст[атьи] 66 Общ[его] пол[ожения] о кр[естьянах] [2], распределены по назначениям: по 10 % для Красного Креста и на Воздушный флот, на пособие семьям призванных 40 % и для бурятского лазарета в Петрограде и на кровати для Кавказского театра 40 %. За неполучением затребованных мной подробных сведений от волостей пока не представляется возможным точно установить, сколько всего должно поступить пожертвований и сколько осталось еще невнесенными. По получении от волостей подробных сведений своевременно имею представить Вашему превосходительству подробный отчет о денежных поступлениях и о деятельности комитета.

Указание в сообщении о назначении на Петроградский бурятский лазарет в месяц по 40000 руб., а равно для семей также неправильно, ибо на 30 кроватей для Петроградского бурятского лазарета на шесть месяцев назначено 24000 руб.

Через мои руки переведены для Кавказского театра на 9 кроватей 8100 руб., по моему приказу еще добавлены 2 кровати от Оронгойской и Цугольской волостей на 1800 руб., как о том меня известили эти волости. Через меня учреждены на Кавказском театре 11 кроватей.

Не было ни одного случая нежелания отдельных инородцев подчиниться приговорам сходов о добровольном самообложении и на этот предмет с каждой души по 2 руб., каких бы ни было принудительных мер к взысканию применяемо не было. Все расходы мной производятся по оправдательным документам и согласно назначению.

В совещании комитета в Верхнеудинске от 23–24 января, между прочим, комитет постановил об изыскании средств на оборудование в нынешнем 1915 году до конца войны на западном театре передового врачебно-питательного отряда бурятского имени при участии Всероссийского союза городов, для чего потребуется до 40 тыс. руб., а остальные 60 тыс. руб. и все заботы по организации

отряда принимает на себя Союз. На 1-е марта сего года в Верхнеудинске назначено совещание Комитета с целью скорейшего осуществления организации отряда и разрешения вопроса в случае надобности о дальнейшем содержании Петроградского лазарета.

О принятии участия в деле оказания помощи раненым воинам я обращаюсь к северобайкальским бурятам, вследствие выраженного с их стороны желания совместной с нами работы, предварительно известив о том подлежащих местных властей.

Председатель Бурятского комитета
Бандида Хамбо.

Секретарь комитета.

ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 166, 167.

Машинопись. Копия.

№ 3

Из Отчета о деятельности Петроградского бурятского лазарета № 245 для раненых и больных воинов с 17 ноября 1915 г. по 1 июля 1916 г.

Не ранее 1 июля 1916 г.

г. Петроград

Петроградский бурятский лазарет на 30 кроватей за отчетное время помещался в Старой Деревне [3] в доме буддийского храма [4] и в тех именно квартирах, которые были подробно описаны в предыдущем отчете о деятельности лазарета. Всего с 17 ноября мин[увшего] года по 1-е июля с.г. пользовалось в лазарете 113 воинов, менее по сравнению с первым отчетом на 22 человека. Это объясняется тем, что за время с 1-го февраля с.г. по 15-е марта был крайне незначительный подвоз раненых воинов в Петроград, так что 45 лазаретов Всероссийского союза городов были за этот промежуток совсем закрыты, и в их числе Городской лазарет № 155, к которому приписан бурятский лазарет.

Из общего числа /113/ пользовавшихся в лазарете воинов было: раненых – 49, контуженых – 7, больных – 57.

В среднем числе ежедневно приходится занятых кроватей – 21,9 и всего

больные провели в лазарете 4974 дня, причем на каждого приходится чуть более 44 проведенных дней.

Ранения располагались следующим образом: в голову – 2, сквозные – 4, грудь – 1, плечо (скелет) – 3, мягкие части – 5, в кисть (скелет) – 6, мягкие части – 5 <...> Контузии: голова – 6, туловища и конечности – 5. Болезни: плеврит и пневмония – 4, крупозное воспаление легких – 4 <...>.

Смертных случаев не было <...>.

Кроме этого, согласно Высочайшего повеления получали отпуск на родину до 1 месяца для полевых работ те воины, которые ожидалось быть после комиссии зачисленными в строй.

Таких случаев было 14.

Врачебной комиссией свидетельствовано всего 70 человек, из которых признаны годными в строй 3, в команду выздоравливающих – 10, в отпуск (по 2, 3, 6 месяцев) – 35 и негодными совсем к военной службе – 22 <...>.

Старшим врачом состоит со дня основания лазарета доктор Ю. Д. Талько-Гринцевич [5], старшей сестрой в отчетные 8 месяцев – В. С. Гробицкая [6], младшей – А. И. Наливайко. Письмоводителем до 1 января с.г. состоял Ц. П., с 1-го января по 25-е марта – М. М. Сахьянова [7], с 25 марта – В. И. Инкижинов [8]. Хозяйственной и денежной частью заведовал до 1-го января П. Ирдынеев [9], с 1-го января уполномоченный Общебурятского общества И. Н. Инкижинов [10].

Упомянутая в предыдущем отчете комиссия при лазарете была неоднократно приглашаема уполномоченным, но ни разу не собралась, очевидно по недостатку у г.г. профессоров времени [11].

Продовольствие раненых и больных воинов лазарета совершается в таком порядке: утром в 8 час. чай с белой булкой, причем последняя дается *ad libitum*, в 12 часов обед, состоящий из 2 блюд, а по праздникам из 3 блюд, в 4 часа чай

с белой булкой и в 7–7½ ч. вечера ужин из 2 блюд. К каждому чаю выдается по 2–3 куска сахара на человека; для приготовления обеда и ужина продукты распределяются по нормам, принятым для лазаретов Красного Креста.

Пища дается обильная и, безусловно, доброкачественная. Продукты приобретаются свежие, оптом, за исключением скоропортящихся, как то: мясо, масло. За последнее время жизненных продуктов в Петрограде недостаточно, а иногда некоторых нельзя достать совсем. Например, с июня месяца совершенно нет свежей рыбы в продаже <...>.

Но, несмотря на все упомянутые тяжелые условия, бурятский лазарет при вполне обильном и доброкачественном питании, при наличии всех принадлежностей и материалов, потребных для его жизни, функционировал в пределах определенной на его содержание сметы. Так, за время с 1-го января сего года по 1-е июля расход его выразился в сумме 13.830 р. 16 к., распадающейся по следующим категориям:

- 1) содержание личного состава 3372 р. 26 к.
- 2) пищевое довольствие 4233 р. 84 к.
- 3) медикаменты и перевязочный материал 180 р. 23 к.
- 4) хирургические инструменты 26 р. 40 к.
- 5) инвентарь 351 р. 48 к.
- 6) библиотечные учебные пособия для раненых 70 р. 95 к.
- 7) почтовые бумажные конверты, папиросы и пособия раненым 221 р. 25 к.
- 8) канцелярские расходы 34 р. 60 к.
- 9) почтовые и телеграфные расходы 25 р. 52 к.
- 10) отопление 319 р. 25 к.
- 11) освещение 109 р. 01 к.
- 12) расходы по дому 2294 р. 19 к.
- 13) очистка нечистот 16 р.
- 14) разъезды служащих и доставка продуктов 171 р. 35 к.
- 15) разные расходы 236 р. 96 к.

16) содержание уполномоченных
Общепурятского общества 2116 р. 82 к.

17) телефонов 50 р. 05 к.

Итого 13830 р. 16 к. <...>

Кроме прямой своей задачи – лечения и питания раненых и больных воинов бурятский лазарет старался посылить скрасить чем-нибудь содержательным их однообразную жизнь, полную страданий. В обыкновенные дни все курящие получают папиросы (всем по 10 шт. ежедневно), почтовую бумагу и конверт (выдается каждый день на 1/3 числа больных), в хорошую погоду ходят гулять с сестрой или санитаром, посещают театры, кинематографы, музеи, в лазарете играют в шашки, игры: «Налма», «Военная», в лазарете есть гармоника (балалайка недавно была сломана), читают газеты (2), книги из библиотеки лазарета, которая в этом году увеличилась на 170 номеров, всего 320 (не считая книг, посланных на позиции сибирским полкам как подарок от бурятского лазарета) <...>.

Подлинный подписали:

Заведующий врач Ю. Талько-Гринцевич

Уполномоченный Общепурятского общества Ив. Инкижинов

Делопроизводитель Валерий Инкижинов

С подлинным верно:

Уполномоченный Общепурятского общества Ив. Инкижинов.

Печать.

ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 478, л. 75–80.

Машинопись. Подлинник.

№ 4

Из отчета о деятельности Петроградского городского бурятского лазарета для раненых и больных воинов № 245 за пять месяцев с 1 января по 1 июня 1917 г.

25 июня 1917 г.

г. Петроград

1) Петроградский городской бурятский лазарет, существовавший ранее при 30-ти кроватях, за отчетное время вследствие массы больных реквизируемых

бурят, желавших поступить для лечения в свой бурятский лазарет, увеличен на 10 кроватей и выделен в самостоятельный лазарет, согласно постановлению Петроградского городского комитета от 18 марта сего года. Попечителем лазарета как самостоятельного учреждения утвержден комитетом Лхарамбо-Цанит Хамбо Агван Доржиев [12], лазарет предоставлен в исключительное пользование больных военнообязанных бурят на 40 кроватей с тем, чтобы больные поступали через изоляционные пункты петроградских больниц и лазаретов, в случае же наличности свободных коек лазарет должен принимать раненых и больных воинов. Расширение лазарета еще на 10 кроватей происходило в пределах тех же палат, а оборудование этих кроватей отпущено Городским комитетом бесплатно, при условии чтобы предметы оборудования по закрытии лазарета возвращены были обратно комитету.

Лазарет помещается в Старой Деревне, в доме буддийского храма, в тех же квартирах, которые уже описаны в предыдущих отчетах. Всего с 1-го января по 1-е июля сего года на излечении в лазарете находилось больных и раненых воинов и военнообязанных бурят 218 человек, которые провели в лазарете 3087 дней. За то же время с 1-го января по 1-е июля 1916 года в лазарет было принято больных 100 человек, которые пробыли 2600 дней, сравнивая эти цифры, получаем разницу в людях 118 человек и проведенных ими 487 дней, более против 1916 года. Смертных случаев за отчетное время было 9 среди бурят, из них 8 человек забайкальцев, один – Иркутской губ[ернии]. Медицинская деятельность лазарета протекала точно также, как и в предыдущих отчетах <...> из персонала оставили службу в лазарете врач Талько-Гринцевич, 2 сестры милосердия Гробицкая и Наливайко, кухарка Скуковская, сиделка Здановская, сиделка Феличкова, помощница прачки Савельева, санитары Хамтаев и Бабкинов. Служебный

персонал состоит из того же числа лиц, как и ранее, один врач и две сестры милосердия, низший персонал, жалование коим увеличено на дороговизну жизни в Петрограде. Продовольствие раненых и больных оставалось в прежней норме, несмотря на то, что цена на продукты питания в Петрограде увеличилась втрое и вчетверо против прошлого года и покупка провизии сопряжена с большими затруднениями ввиду ограниченности таковой на рынках и введения карточной системы в Петрограде.

С 1-го января по 1-е июня 1917 года на содержание лазарета израсходовано всего в сумме 13277 руб. 11 коп., расход этот распределился так: истрчено на экстраординарные непредвиденные расходы, не относящиеся к содержанию лазарета, вызванные необходимостью переходного времени согласно постановлению Петроградской лазаретной комиссии с согласия уполномоченных по делам реквизируемых бурят, состоявшиеся 8 февраля, 12 и 13 марта сего года, копий с каковых мною были отосланы в Правление от 23-го марта и 29-го марта за № 732 и 823. Означенный расход произведен так:

а) командированному в город Минск Бартону Вампилуну [13] 200 руб.

б) на телеграммы в марте 259 руб.
в апреле 81 руб.
в мае 64 руб.

в) на похороны умерших бурят 250 руб.

Итого 855 руб.

За истекшее отчетное время в лазарет поступили разные суммы пожертвований и проч. от разных лиц и учреждений, записанные на приход под статьей:

1) от ламы Дандарова 10 руб.

2) С. М. Хайгаловой 10 руб.

3) Н. О. Бадмаева 25 руб. <...>

15) Хамбо Доржиева 367 руб. 50 коп. <...>

Итого: 1445 руб. 95 коп. <...>

Кроме денежных пожертвований поступило пожертвование вещами от леди

Джорджини Бьюкенен (жены английско-го посланника) [14], список коих прилагается при сем.

2) Вследствие скудности поступления денег на содержание лазарета, в особенности с февраля месяца, по поручению попечителя лазарета Лхарамбо Цанит Хамбо Доржиева возбуждено было личное ходатайство перед главным уполномоченным Всероссийского союза городов М. В. Челноковым о выдаче ежемесячной субсидии бурятскому лазарету <...>. В данное время по случаю скудного поступления денег от правления и имея в виду, что почти все городские лазареты содержатся теперь на казенные средства, бурятский лазарет просил ежемесячной субсидии на содержание личного состава и прислугу из следующих расчетов: согласно получаемого ими жалования <...>.

Ходатайство лазарета рассмотрено Петроградским городским комитетом Всероссийского союза городов 22 апреля сего года, постановлено отпускать ежемесячно просимую субсидию. На основании этого лазаретом получено на уплату жалования персоналу за май и июнь месяц по 628 руб. в месяц. На пищевое довольствие подсчет проведенных в лазарете больными дней за май и июнь будет представлен в комитет для отпуска ассигнованных денег по 80 коп. в день.

3) На время составления отчета медицинский персонал состоит из следующих лиц: старший врач доктор Г. Н. Бадмаев [15], сестры милосердия М. А. Егорова и М. Ю. Бурач, письмоводитель лазарета и заведующая хозяйством С. А. Монастырева, денежной отчетностью и заведующим лазаретом состоит Н. А. Ханхасаев [16] <...>.

4) <...> Постановление Общебурятского общества, принятое на съезде в январе сего года, является гарантией того, что с таким успехом начатое дело помощи жертвам войны будет доведено до конца. Но заранее рождается вопрос, какая судьба ожидает после ликвидации Петроградского бурятского лазарета все

его оборудование, мебель, инструменты и т. д., на которые истрачено несколько тысяч рублей. Неужели все это должно погибнуть, ибо при ликвидации всех существующих во время войны петроградских лазаретов, около 70 тысяч коек, инвентарь этот не представляет никакой ценности, а перевозить в Сибирь, в родные бурятские степи, не окупится расход на укупорку, отправку, перевозку и проч., по моему мнению, самое лучшее применение пожертвовать таковой Петроградскому буддийскому храму для

открытия специальной тибетской лечебницы в Петрограде. Я буду счастлив, если выраженная здесь мною мысль ляжет краеугольным камнем будущей бурятско-тибетской лечебницы, которая рядом с буддийским храмом будет служить культурным целям далекого бурятского народа.

С подлинным верно:

Уполномоченный Общебурятского общества Н. Ханхасаев.

ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 478, л. 148–153.

Машинопись. Подлинник.

Примечания

1. Всероссийский союз городов – организация, созданная в августе 1914 г. для помощи правительству в снабжении армии вооружением и снаряжением.

2. Речь идет о согласии не менее двух третей всех крестьян, имеющих право голоса на сходе, при решении вопроса «об установлении мирских добровольных складок и употреблении мирских капиталов» (Общее положение о крестьянах // Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Изд. 5. – СПб.: Типография МВД, 1909. – С. 82).

3. Старая Деревня – исторический район Санкт-Петербурга на правом берегу Большой Невки, напротив Елагина острова (Приморский район).

4. Речь идет о буддийском храме в Санкт-Петербурге. Строительство продолжалось с 1909 по 1915 г. Освящение храма состоялось 10 августа 1915 г. Настоятелем был лама Агван Лобсан Доржиев.

5. Юлиан Доминикович Талько-Гринцевич (1850–1936) – антрополог и врач, профессор кафедры физической антропологии Краковского Ягеллонского университета, известный краевед и исследователь. В течение 16 лет жил и работал в Кяхте, из них 14 лет был правителем дел Кяхтинского отделения Русского географического общества. В 1915–1917 гг. работал заведующим Петроградским бурятским лазаретом № 245.

6. В. С. Гробицкая – медсестра лазарета. Ю. Д. Талько-Гринцевич пишет в своих воспоминаниях, что «Бенедикта Гробицка, женщина уже пожилая, полька, была родом из Виленской земли. Образование имела только начальное. На жизнь зарабатывала как экономка в нескольких богатых домах. Во время войны стала работать медсестрой в польском госпитале, из которого перешла в бурятский госпиталь, став его ценным приобретением» (Талько-Гринцевич Ю. Воспоминания последних лет. – Варшава, 1932. – 193 с.).

7. Мария Михайловна Сахьянова (1896–1981) – советский партийный деятель, первый секретарь Бурят-Монгольского обкома партии в 1924–1928 гг. В 1915 г. оказалась в Петрограде, поступив вольнослушательницей на высшие курсы П. Ф. Лесгафта по социально-экономическим вопросам.

8. Речь идет, возможно, о Валерии Ивановиче Инкижинове (1895–1973), советском и французском киноактере, режиссере кино и театра, педагоге. После окончания гимназии в 1915 г. он поступил в Петроградский политехнический институт, и можно предположить, что он подрабатывал делопроизводителем лазарета.

9. Нанзад Ирдынеев – уполномоченный Общебурятского комитета в Петроградском бурятском лазарете до января 1916 г. У него был конфликт с попечителями лазарета, profes-

сорами Ф. И. Щербатским, В. Л. Котвичем, попечителем городских лазаретов камергером двора А. Н. Щегловым и врачом лазарета Ю. Д. Талько-Гринцевичем. В результате разбирательств конфликтной ситуации он был отозван Общебурятским комитетом, а на его место назначен И. Н. Инкижинов (ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 478, л. 29, 30).

10. Иван Николаевич Инкижинов – член Иркутского отдела Общебурятского общества, был назначен уполномоченным Общебурятского комитета в Петроградском бурятском лазарете с 1 января 1916 г.

11. Имеется в виду комиссия при бурятском лазарете, членами которой состояли выдающиеся российские ученые Ф. И. Щербатской, В. В. Радлов, А. Д. Руднев и В. Л. Котвич.

12. Агван Доржиев (1853–1938) – бурятский буддийский ученый, религиозный, государственный и общественный деятель России, Тибета и Монголии. Инициировал постройку первого в Европе буддийского храма в Санкт-Петербурге. В годы Первой мировой войны являлся уполномоченным Общебурятского комитета в Петрограде.

13. Баярто (Баертон) Вампилон (Вампилун) (1889–1937) – общественный и политический деятель Бурятии. В 1906 г. окончил Иркутскую учительскую гимназию. В 1907 г. выехал в Санкт-Петербург для получения образования. На Общебурятском съезде 23–25 мая 1917 г. избран членом Бурнацкома и членом Всероссийского учредительного собрания от Иркутской губернии (Курас Л. В., Базаров О. Д. Баярто Вампилон // Выдающиеся деятели Бурятии. Т. 1. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2009. – С. 172–174).

14. Речь идет о жене сэра Джорджа Уильяма Бьюкенена (1854–1924), британского дипломата, посла Великобритании в России в годы Первой мировой войны.

15. Речь идет о Георгии Николаевиче Бадмаеве, племяннике П. А. Бадмаева, работавшем врачом лазарета после увольнения Ю. Д. Талько-Гринцевича.

16. Николай А. Ханхасаев – видный бурятский общественный деятель начала XX в., выходец из курумчинских бурят. В годы Первой мировой войны становится активным членом Общебурятского комитета по сбору пожертвований, представителем бурятских обществ в Петроградском бурятском лазарете.

УДК 001.83

Д. Монх-Очир, М. П. Петрова,
А. Д. Гомбожапов, Е. В. Нолев

К 25-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-МОНГОЛОВЕДОВ

Статья посвящена истории основания летней школы молодых ученых-монголоведов и освещению ее деятельности на современном этапе. Особое внимание уделено содержанию образовательной программы летней школы молодых ученых-монголоведов-2014.

Ключевые слова: летняя школа молодых ученых-монголоведов, международная ассоциация монголоведов, монголоведение.

D. Monk-Ochir, M. P. Petrova,
A. D. Gombozhapov, E. V. Nolev

TOWARD THE 25TH ANNIVERSARY OF THE SUMMER SCHOOL ON MONGOLIAN STUDIES

The article is devoted to the history of foundation of the Summer School on Mongolian Studies and description of its activities at present. Special attention is paid to the content of the educational program of the Summer School on Mongolian Studies in 2014.

Key words: Summer School for Mongolian Studies, the International Association for Mongol Studies, Mongolian studies.

Первая летняя школа молодых монголоведов 1989 г.

9 августа 1989 г. начала свою работу Первая летняя школа молодых монголоведов. Ее организатором была Международная ассоциация монголоведов, которую возглавлял академик Монгольской академии наук Ш. Бира. В состав организационного комитета входили профессор Х. Гомбожав – основоположник американского монголоведения, академики Монгольской академии наук Ш. Нацагдорж и Б. Ширэндэв, профессор Ш. Озава – глава монго-

ловедения Японии, член-корреспондент академии наук СССР профессор В. М. Солнцев, глава китайского монголоведения профессор О. Чингэлтэй. Первая летняя школа молодых монголоведов была посвящена 30-летию со дня открытия Первого международного съезда исследователей Монголии, который проходил в Улан-Баторе в 1959 г.

В качестве преподавателей в школу были приглашены лучшие преподаватели Монгольского государственного университета, педагогического института (ныне Монгольский государственный университет образования), а также

МОНХ-ОЧИР Дондогжальын – доктор исторических наук, директор Фонда поддержки монголоведения Министерства образования, культуры и науки Монголии. E-mail: munkhochir@fpms.meds.gov.mn.

ПЕТРОВА Мария Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: mariap2001@mail.ru.

ГОМБОЖАПОВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, и.о. заведующего отделом истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: agombozh@gmail.com.

НОЛЕВ Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: nolev@inbox.ru.

академики различных научно-исследовательских институтов Академии наук МНР. Студентами школы стали 64 молодых монголоведа из 18 стран мира – МНР, СССР, Китая, Венгрии, Румынии, ГДР, ФРГ, Польши, Болгарии, Чехословакии, Голландии, Франции, Финляндии, Италии, Индии, Великобритании, США и Японии.

Пленарное заседание открыл академик Ш. Бира, рассказавший о состоянии монголоведения и Первом конгрессе исследователей Монголии в 1959 г. Ученый отметил, что за 30 лет мировое монголоведение заявило о себе как об отдельной отрасли науки и значительно расширило свои границы. К 1989 г. наблюдался активный рост интереса исследователей к истории, культуре, языку и литературе Монголии не только в МНР и СССР, но и в США, Японии, Индии, Великобритании и Голландии. Данное обстоятельство, по утверждению академика, формировало перед участниками Первой школы молодых ученых-монголоведов серьезные задачи, заключающиеся в продолжении традиций научных школ, освоении новых направлений исследований, углублении своих знаний и передаче их следующим поколениям монголистов.

Работа летней школы молодых монголоведов была организована по двум основным направлениям: 1) история, культура и этнография Монголии; 2) язык, литература и искусство монголов. Первое направление возглавлял доктор исторических наук, академик Ш. Нацагдорж, второе – директор Института языка и литературы Академии наук МНР Д. Ёндон. На каждом заседании сначала читал лекцию преподаватель, а затем звучали сообщения участников школы. Рабочими языками заседаний были монгольский и английский. Доклад каждого участника обсуждался, а порой возникали и серьезные научные дискуссии.

Особый интерес всех участников Первой летней школы молодых монголоведов вызвали лекции академика

Ш. Нацагдоржа «Основные проблемы монгольского феодализма», чл.-кор. Академии наук МНР Ц. Пунцагнорова «Первые годы возникновения и развития демократии в Монголии (1921–1924)», профессора Д. Ёндона «Дореволюционная монгольская литература». Член-кор. Академии наук СССР В. М. Солнцев выступил с лекцией «Место монгольских языков в классификации языков мира», а профессор Шигео Озава из Японии представил доклад «Некоторые вопросы “Сокровенного сказания монголов”».

Среди участников школы, прибывших из Советского Союза, были Б. В. Бадмаев – тогда аспирант Института языкознания Академии наук СССР, Ю. И. Елихина – аспирант отдела Востока Государственного Эрмитажа, Г. С. Дугарова – младший научный сотрудник Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР, Н. С. Яхонтова – научный сотрудник ЛО ИВАН СССР и М. П. Петрова, ассистент кафедры монгольской филологии ЛГУ.

Помимо заседаний, лекций и семинаров для участников Первой летней школы молодых монголоведов была организована насыщенная культурная программа, включающая посещение музеев Улан-Батора, участие в открытии выставок, концерты мастеров искусств Монголии, а также незабываемую поездку в Тэрэлж.

Сегодня многие из студентов Первой летней школы молодых монголоведов стали признанными учеными, докторами наук, многие возглавили монголоведение в своих странах. Выпускники школы встречаются на конгрессах и конференциях, проходят стажировки в университетах и научно-исследовательских институтах, участвуют в совместных проектах.

Следует отметить, что Первая летняя школа молодых ученых-монголоведов была организована в период, предшествовавший глобальным переменам в

Монголии. Системные трансформации, произошедшие в стране, отразились и на гуманитарных знаниях: появились новые концепции, произошли существенные изменения в области методологии. В сложившихся условиях летняя школа молодых ученых-монголоведов в 1990-х – начале 2000-х гг. явилась образовательной площадкой, аккумулировавшей передовые направления и идеи монголоведных исследований, способствовавшей существенному повышению квалификации молодых специалистов. Учитывая данное обстоятельство, молодые ученые Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН начиная с 2003 г. практически ежегодно проходили в ней стажировку в рамках сотрудничества ИМБТ СО РАН с Международной ассоциацией монголоведения и Международным институтом по изучению кочевых цивилизаций. В 2003 г. в работе школы приняла участие к.ф.н. Ю. Д. Бадмаева, в 2004 г. – к.и.н. Л. Ш. Чимитдоржиева, в 2005 г. – к.ф.н. Ц. Ц.-Д. Бальжинимаева, в 2006 г. стажировку прошли к.соц.н. Д. Д. Бадарав и к.ф.н. Г. Н. Чимитдоржиева, в 2007 г. – к.и.н. М. В. Аюшеева, к.и.н. В. Б. Базаров и М. В. Пурбуева, в 2008 г. – к.и.н. Б. Д. Цыбенков, к.ф.н. С. Д. Гымпилова и к.ф.н. Ю. Д. Бадмаева, в 2009 г. – Н. В. Цыденова, в 2011 г. – д.ф.н. Е. В. Сундуева и к.ф.н. Н. Н. Николаева, в 2012 г. – к.ф.н. Ю. Д. Абаева и к.соц.н. Ю. Г. Бюраева, в 2013 г. – к.ф.н. И. А. Дамбуев, в 2014 г. – к.и.н. А. Д. Гомбожапов и к.и.н. Е. В. Нолев.

Школа молодых ученых-монголоведов 2014 г.

Летняя школа молодых ученых-монголоведов 2014 г. была организована Международной ассоциацией монголоведения в период с 28 июля по 8 августа 2014 г. Участниками школы стали научные сотрудники, аспиранты, магистранты и студенты из научных и об-

разовательных учреждений Монголии, КНР, Южной Кореи, России, Германии и Турции. При этом доля магистрантов и аспирантов среди участников была очень высока, что отражает тенденцию включения в квалифицированное монголоведение молодых специалистов, находящихся на стадии получения высшего образования. Участие в работе школы значительно повышает уровень их профессионализма и существенно дополняет учебные программы образовательных учреждений.

Курс лекций читали профессора Национального государственного университета Монголии, Государственного университета образования, Университета искусства и культуры, ведущие ученые Академии наук Монголии. Отличительной особенностью школы 2014 г. стало увеличение числа приглашенных иностранных преподавателей. Участники школы имели возможность посетить лекции ученых-монголоведов с мировым именем из Англии, США, Израиля и России. Образовательная программа школы включала два направления: «исследования в области филологии и литературы» и «исторические, археологические и антропологические исследования». Лекции читались преимущественно на монгольском языке.

Представление о современном состоянии мирового монголоведения участники летней школы получили из обзорной лекции академика Д. Томортогоо, представленной на пленарном заседании. Им были указаны причины исследовательского интереса к истории и культуре монгольских народов, охарактеризованы этапы становления монголоведения, дана оценка современным работам, обозначены перспективы.

В курсе лекций по «исследованиям в области филологии и литературы» обсуждались актуальные проблемы языкознания и литературы монгольских народов. Лекция профессора МонГУ, доктора филологических наук Ж. Ба-

янсана была посвящена особенностям отражения монгольского менталитета в народных пословицах и поговорках. Об основных проблемах современного языкознания рассказал профессор Г. Гантогтох. Профессор М. Базаррагчаа в своей лекции коснулся проблем этимологии монгольских слов, а доктор филологических наук, профессор МонГУ Г. Нандинбилиг рассказала о современных проблемах изучения монгольского устного народного творчества. Две лекции прочитала заведующая отделом монголоведения Калмыцкого института гуманитарных исследований профессор Э. У. Омакаева – «О словарном составе эпоса “Джангар”» и «О монголо-ойратской национальной системе письма». Доцент кафедры монголоведения и тибетологии Санкт-Петербургского государственного университета М. П. Петрова рассказала о развитии монголоведения в Санкт-Петербурге и проблемах модернизма и постмодернизма в современной монгольской литературе. Особый интерес участников школы вызвали лекции профессора МонГУ М. Баярсайхана «Изучение архаизмов в монгольском языке» и ведущего научного сотрудника Института языка и литературы АН Монголии доктора Б. Тувшинтугса «Исследование киелографов на ясном письме».

Обширным и разносторонним было содержание направления «Исторические, археологические и антропологические исследования». Профессор Ч. Болдбаатар посвятил свою лекцию структуре и деятельности так называемого Малого Хурала (1924–1951 гг.). Актуальность изучения этого органа, по его мнению, связана с пробелами в историографии социалистического периода. Среди огромного числа работ, посвященных политической истории социалистической Монголии, отсутствуют сколько-нибудь серьезные исследования по истории Малого Хурала. Автор указал, что Конституция 1924 г. предусматривала многоуровневую систему представительного собра-

ния. Верховная власть принадлежала Великому Хуралу. Малый Хурал функционировал в промежутках между очередными сессиями Великого Хурала. Кроме того, в это же время действовал и Президиум Хурала. Как считает Ч. Болдбаатар, это была прямая проекция советской государственной структуры. Интересен приведенный автором половозрастной и этнический состав представительного собрания. На протяжении всей 27-летней истории существования в общей сложности 406 человек были избраны членами Малого Хурала, из них 352 мужчины и 45 женщин. В составе Малого Хурала также были представлены делегаты этнических меньшинств.

Весьма подробный обзор этнографических работ монгольских ученых был дан в лекции доктора Б. Баатарху. Разделив на периоды развитие этнографической науки в Монголии, лектор обстоятельно показал пути ее становления.

Дэвид Снит, антрополог из Кембриджского университета, обратил внимание на тематику, непосредственно связанную с тибетским и монгольским понятиями собственности, ландшафта и места индивида в нем. Основным понятием темы является «овоо» – пирамиды из камней, используемые в ритуальных целях, а также для демаркации границы между религиозными и этническими группами. Не менее важно понятие «хий морь» – воздушный конь, воплощающий судьбу и представляемый в виде флага, который прикрепляется к овоо. На примере Чандмань Цагаан Овоо, расположенного в аймаке Ховд, Дэвид Снит выявил значение религиозных объектов в общественно-политической жизни Монголии. В ходе презентации была показана связь между местами поклонений духам гор и космополитизмом. Эта связь, по мнению ученого, развивает представление о тибетской традиции ритуальных объектов.

Маньчжурский период в истории Монголии был затронут доктором

О. Оюунжаргал, которая прочла лекцию с элементами дискуссии о восстании хотогойтского князя Чингунжава. По ее мнению, развитие маньчжуро-монгольских отношений диктовалось обоюдным выгодным союзом. Одно из основных свидетельств маньчжуро-монгольских противоречий – выступление хотогойтского Чингунжава по основной цели никак нельзя определить как освободительное антиманьчжурское восстание. Оюунжаргал обращает внимание на условия и причины восстания Чингунжава. В частности, она указывает на стихийные бедствия, бескормицу, охватившую ту территорию Халхи, где вменялось в обязанность обеспечение маньчжурских войск на пути их следования. Известив маньчжурскую канцелярию о тяжелом положении, Чингунжав самовольно увел свои войска, и неподчинение это имело дальнейшие последствия.

Доктор Ю. Болдбаатар представил слушателям свое видение принципов монгольского летоисчисления – зурхай. Довольно интересной была описанная методика перевода хронологических дат из лунной календарной системы в григорианскую.

На основе подробного источниковедческого анализа социальной структуры монгольского общества периода империи доктором Ж. Гэрэлбадрах было раскрыто содержание средневековых понятий «богол», «нукер», «ард», «дархан», «улс».

Одна из лекций известного ученого, профессора Индианского университета Кристофера Этвуда была посвящена обзору современной историографии монголоведческих исследований, направлениям и тенденциям изучения истории и культуры Монголии в мире. Слушатели получили самое широкое представление об исследовательской деятельности ученых-монголоведов в США, Германии, Великобритании, Южной Корее, Австралии. В следующей лекции под названием «Критика источников и исследования по

Монголии» профессор Этвуд подробно описал приемы и методы внешней и внутренней критики старописьменных источников.

С последними достижениями в области археологии Центральной Азии познакомил слушателей школы известный археолог доктор Д. Эрдэнэбаатар. С 2001 г. Д. Эрдэнэбаатаром и археологом из Санкт-Петербурга А. А. Ковалевым в результате работы международной Центральноазиатской археологической экспедиции в предгорьях Монгольского Алтая было выделено несколько новых культур бронзового века: чемурчекская культура; культура эпохи средней бронзы – мунх-хайрханская; культура поздней бронзы – байтагская, а также культура тэвш. Кроме выявленных 4 новых культур эпохи бронзы Центральной Азии Ковалевым и Эрдэнэбаатаром внесены некоторые уточнения в понимание ранее известных культур – Монгун-Тайгинской и курганов-керексуров. Также полностью раскопаны ритуально-погребальные и ритуально-поминальные комплексы оленных камней в Ховд и Хубсугул аймаках Монголии. Выявлены две различные синхронно существующие традиции ритуального использования оленных камней – западномонгольская и центральномонгольская.

Лекция профессора Л. Алтанзаяа ознакомила участников школы монголоведов с составом, структурой, внутренним устройством монастыря Хутухты.

Лекция профессора Иерусалимского университета, доктора исторических наук Майкл Биран была посвящена трансформации образа Чингисхана в мировой историографии и общественно-политической мысли разных стран в период с XIII по XXI в. Следует отметить, что в обзорных лекциях Д. Томортоого и Кристофера Этвуда о современном состоянии мирового монголоведения наряду с описанием деятельности традиционных монголоведческих центров и школ в обязательном порядке упоминалось

о развитии монголоведения в Израиле, которое представлено преимущественно исследованиями М. Биран. Этот факт свидетельствует о расширении географии и росте научного интереса к монголоведческим исследованиям.

М. Биран проследила влияние идеологических и политических факторов на формирование концепций истории монгольской империи. Особое внимание было уделено антропологическому исследованию визуальных образов Чингисхана, отражающих позитивные или негативные тенденции в процессе конструирования исторической памяти об основателе Великой монгольской империи у разных народов в разное время. Также были рассмотрены причины и основные характеристики возрождения культа Чингисхана в странах Востока и Запада в постсоветский период. Было отмечено, что исследования истории Великой монгольской империи получили новый импульс в мировой ориенталистике в связи с обновлением методологических и концептуальных подходов. В подтверждение указанного положения М. Биран рассказала о международном проекте «Мобильность, империя и кросс-культурные контакты в Монгольской Евразии», целью которого является изучение миграционных процессов на Евразийском пространстве в период Великой Монгольской империи.

В рамках международной школы молодых исследователей-монголоведов состоялась международная научно-практическая конференция «Исследования молодых ученых-монголоведов-2014», где были представлены доклады участников школы. На конференции была организована работа двух секций: «история и социология» и «язык и литература».

На исторической секции вопросам международных взаимоотношений в исторической ретроспективе были посвящены доклады А. А. Андреевой «Династия Цин и Монголия в XVII в.», Д. С. Ткач «“Монгольский вопрос” в за-

рубежной политике России: вторая пол. XIX – нач. XX в.», У Ми Ён «Посольства монгольских борцов за независимость в Корею (1910–1920-е гг.)». Тенденции обновления концептуальных и методологических подходов в современном монголоведении были отражены в историографических и источниковедческих докладах Е. В. Нолева «Монголо-татарское иго» и альтернативные концепции русско-ордынских отношений в современной российской историографии», Д. Д. Селюниной «Буддизм в монгольской историографии», О. Батжаргал «Съезды князей Халхи в период империи Цин», С. Батханд «Концепция развития образования в труде ““Эх хэл-бичиг” С. Жамьяна». Историографическое направление было продолжено в докладах с биографической тематикой Д. В. Цыбжитовой «Доржи Банзаров – первый бурятский ученый»; Г. Баярмаа «Ученик Богдо Жибзундамбы хутухты». Исследования в области культурной антропологии были представлены в докладе Э. Золжаргаал о политической пропаганде в монгольском кино в период социализма и докладе Б. Рихардта, посвященном изучению ограждений в современном геокультурном пространстве Монголии. А. Д. Гомбожапов в своем докладе раскрыл важную геополитическую и экономическую проблему развития номадизма в современной Монголии.

Доклады, отражающие различные научные направления в филологии, лингвистике и фольклористике, были представлены в секции «язык и литература». Участница из Китая магистрантка МонГУ Оюун посвятила доклад творчеству основоположника жанра романа в монгольской литературе В. Инжаннаша, а исследовательница из университета Ланчжоу Ульдзийжаргал – писательскому мастерству одного из первых монгольских прозаиков начала XX в. С. Буяннэмэха. Можно отметить интерес молодых ученых к культурному наследию монголоязычных народов. Здесь

следует выделить выступления российских участников – аспирантки Института восточных рукописей РАН Е. Кантор «Монгольские переводы “Маникамбу-ма”» и магистрантки восточного факультета СПбГУ А. Грибковой «О пользе чтения Ваджрачхеддики». Большой интерес участников и преподавателей школы вызвал доклад выпускницы СПбГУ А. Курышевой «Показатели подлежащего в современном монгольском языке».

По итогам конференции Фондом поддержки монголоведения при премьер-министре Монголии был опубликован сборник материалов [1].

Организаторы школы молодых ученых-монголоведов-2014 разработали обширную культурно-образовательную программу, являющуюся неременной традицией образовательной площадки. Состоялись экскурсии в Государственный дворец – резиденцию Правительства Монголии; Монгольский национальный исторический музей; Музей истории Монголии; Дворец Богдо-гэгэна; Храм-музей тибето-монгольского религиозного искусства Чойджин-ламы; крупнейший буддийский монастырь в Улан-Баторе Гандантэгченлин; Музей интеллектуальных игр. Молодые ученые-монголоведы посетили выставку «Мир великого Чингисхана».

В программе школы был запланирован четырехдневный выезд в древний город Хархорин (Каракорум). Были организованы экскурсии в старейший буддийский монастырь в Монголии Эрдэни-Дзу, основанный в 1585 г.; историко-археологический музей «Хархорум»; музей Кюль-Тегина и Бельге-кагана (Хөшөө цайдам музей). Участники школы посетили мемориальный комплекс города Хара-Балгас, являвшегося столицей Уйгурского каганата в VIII–IX вв., и археологические раскопки древней столицы Монгольской империи – города Каракорум. В рамках проведения монгольского праздника Надаам (три игры мужей) и праздника войлока были организованы этнографические семинары, на которых молодые ученые-монголоведы приобрели опыт углубленного изучения кочевых обычаев и традиций номадов Монголии.

Таким образом, летняя школа молодых ученых-монголоведов за время своего существования стала эффективным международным институтом повышения квалификации молодых исследователей и одновременно консолидирующей научной площадкой, формирующей устойчивые научные связи и раскрывающей перспективные направления в развитии мирового монголоведения.

Литература

1. Гадаадын монгол судлаач залуу эрдэмтдийн Эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлийн эмхэтгэл (Сборник материалов международной научной конференции «Исследования молодых ученых-монголоведов 2014 г.»). – Улаанбаатар, 2014. – 352 с.

УДК 94 (517)

Ц. Энхчимэг, Е. В. Нолев

ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
СТОЛКНОВЕНИЯ МОНГОЛИИ И ЕВРОПЫ В XIII В.»

Ts. Enkhchimeg, E. V. Nolev

UNDERSTANDING OF THE EXPERIENCE
OF RELATIONS BETWEEN MEDIEVAL CIVILIZATIONS:
INTERNATIONAL CONFERENCE “HISTORICAL ACCOUNTS
ON MONGOL-EUROPEAN ENCOUNTERING
IN THE 13TH CENTURY”

2–3 сентября 2014 г. в г. Улан-Баторе состоялась международная конференция «Историческое значение столкновения Монголии и Европы в XIII в.». Организаторами этого научного мероприятия выступили Монгольская академия наук, братство Вальштадт при поддержке Монгольского общества Германии и Отделения монголоведения и тибетологии Института восточных и азиатских исследований Боннского университета. Конференция была приурочена к празднованию 40-летнего юбилея установления дипломатических отношений между Германией и Монголией. Масштаб конференции предполагал значительную географию участников. Были представлены доклады исследователей из Монголии, Германии, России, Казахстана и Киргизии.

Конференцию открыл президент Академии наук Монголии, академик Б. Энхтувшин. В своем обращении он обозначил цели и направления работы конференции, заключающиеся в рассмотрении различных концепций взаимоотношений Монгольской империи и европейских держав в XIII в., изучении

вопросов военной истории, торговых, религиозных, интеллектуальных связей, которые были сформированы Монгольской империей на региональном и континентальном уровнях. С приветственным словом к участникам конференции обратился временный поверенный в делах Германии в Монголии господин Б. Дюкофр.

Фокус внимания исследователей был сосредоточен на вопросах геополитики средневековья. Анализ причин победоносных завоеваний монголов был представлен в докладах Ж. Болдбаатара и Н. А. Алымкулова. Академик Ж. Болдбаатар в своем докладе «Скорость во времена Чингисхана и монгольская конница» объяснил одну из ключевых причин успеха монгольских завоеваний высокой мобильностью и скоростью передвижения монгольской армии. Исследователь из Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына Н. А. Алымкулов в своей работе проанализировал структуру монгольской армии XIII в.

Значительное внимание было уделено изучению роли монгольских полководцев во время европейского похода.

ЭНХЧИМЭГ ЦЭНДМАА – кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Отделения общественных наук АН Монголии. E-mail: rigvady@yahoo.com.

НОЛЕВ Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: nolev@inbox.ru.

Исследование ученого секретаря Отделения общественных наук Академии наук Монголии Ц. Энхчимэг было направлено на изучение вклада представителей трех поколений чагатаидов в успех западной кампании (1236–1242 гг.). Чагатайхан разрабатывал стратегию похода, предложив отправить на Запад старших сыновей наследников Чингисхана. Его сын Байдар и внук Бури приняли участие в кампании, возглавив тумены, и прославились как талантливые полководцы. Байдар был убит в сражении, а Бури стал жертвой разногласий, возникших между Бату и Гуюком в разгар западной кампании.

В докладе профессора С. Цолмон сделан критический анализ формирующихся в современном историографическом дискурсе представлений об изначально второстепенной позиции Бату в европейской кампании. Так, Р. Ю. Почекаев отмечает, ссылаясь на «Сокровенное сказание» в переводе С. А. Козина, что «на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход», на основании чего сделано предположение о командовании Бату лишь теми отрядами, которые были набраны в его владениях [1, с. 86]. С. Цолмон считает, что в данном варианте перевода «Нууц товчоо» могла содержаться ошибка и речь идет не о Бури, а именно о Бату.

Результаты новейших археологических исследований Каракорума, позволяющих расширить эмпирическую базу свидетельств о важном международном значении столицы Монгольской империи, представил в своем выступлении профессор Боннского университета Эрнст Поль.

Большое место участники конференции отвели обсуждению вопросов влияния монгольского нашествия на судьбы европейских государств. В докладе Ц. Минжин были последовательно раскрыты факты отражения монгольского влияния в австрийской истории.

Во-первых, проанализированы события в австрийской истории, связанные с монголами. Во-вторых, дано описание монгольских реликвий, найденных в Австрии. В-третьих, исследован опыт изучения Монгольской империи в австрийской историографической традиции, в частности труды первого президента Австрийской академии наук Йозефа барона фон Хаммер-Пургшталля.

Год спустя после битвы у Лигницы представители шести знатных европейских родов объединились в братство Вальштадт с целью сохранения мира, поддержания боеспособности и увековечения памяти о рыцарях, погибших в столкновении с монгольской армией. Об истории этого общества рассказал глава братства граф Дорофей Роткирч.

В контексте рассмотрения взаимоотношений Монгольской империи и Европы отдельное внимание уделялось проблеме монгольского завоевания русских княжеств. В исследовании ученых из Бурятского государственного университета И. Г. Аюшиевой и М. Г. Цыреновой отмечается, что диспут о монгольском влиянии на Русь не исчерпывается дихотомической позицией в оценке завоевания, сформировавшейся в отечественной историографии, а содержит более сложную проблему идентичности России и определения ее принадлежности к Европе. Исследователь из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Е. В. Нолев в своем выступлении отметил, что результаты геополитического развития русских княжеств в XIII–XV вв., происходящего в условиях выбора внешнеполитической ориентации между Европой и Золотой Ордой, сохраняют важное международное значение и сегодня. Во-первых, в этот период происходит обособление трех народностей: русских, белорусов и украинцев – и определяется вектор их государственного развития с различной степенью интеграции в европейское пространство. Во-вторых, централизация се-

веро-восточных русских княжеств, произошедшая в результате влияния Золотой Орды, привела к формированию крупнейшей евразийской державы – России.

На конференции были представлены новые исследования, посвященные реконструкции и осмыслению битвы у Лигницы, где произошла встреча двух передовых армий средневековья – монгольского войска и объединенных европейских сил. В докладе военного историка Ж. Базарсурена были раскрыты сущность военной идеи монголов, стратегические, тактические и технологические преимущества монгольской армии. Ч. Чойсамба в своей работе дал характеристику исторических источников, содержащих свидетельства о битве у Лигницы, а также рассмотрел современную историографию проблемы. Европейская позиция относительно событий у Лигницы была освещена в докладе графа Роткрича, который определил в качестве одной из основных причин поражения объединенных европейских сил их дезинтеграцию и, как следствие, слабость управления войсками.

Свое развитие в рамках тематики конференции получило источниковедческое направление исследований. В исследовании профессора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Ц. П. Ванчиковой рассматривается содержание двух законодательных памятников Монгольской империи – «Великой Ясы» и «Белой истории» в качестве источников по истории военной науки в Монголии. Работа исследователя из Казахстана Ж. Тулибаевой имела целью выявление и систематизацию материалов, содержащих важные сведения, касающиеся военной истории Улуса Джучи в историческом сочинении Мирзы Улугбека «Четыре улуса чингизидов».

Итогом работы международной конференции стали новые достижения в исследовании вопроса о взаимоотношениях Европы и Монгольской империи в XIII в. и определены приоритетные направления дальнейшего изучения проблемы.

Литература

1. *Почекаев Р. Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. – М.: АСТ МОСКВА; СПб.: Евразия, 2007. – 350 с.

УДК 001.32

М. П. Петрова

60 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЗАВЕДУЮЩЕГО
КАФЕДРОЙ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ И ТИБЕТОЛОГИИ
ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА В. Л. УСПЕНСКОГО

M. P. Petrova

THE 60TH JUBILEE OF THE CHAIR OF THE MONGOLIAN
AND TIBETAN STUDIES OF THE ORIENTAL DEPARTMENT
OF SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY, DOCTOR
OF SCIENCES IN HISTORY, PROFESSOR V. L. USPENSKIY

12 декабря 2014 г. исполнилось 60 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой монголоведения и тибетологии Владимира Леонидовича Успенского.

В 1981 г. В. Л. Успенский окончил с отличием Восточный факультет Ленинградского государственного университета по кафедре монгольской филологии. В 1981–1984 гг. проходил обучение в аспирантуре Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (Институт восточных рукописей РАН), после чего работал научным сотрудни-

ком в различных секторах Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (впоследствии – в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН), где также курировал с 1986 по 1991 г. международные академические связи.

В. Л. Успенский внес важный вклад в каталогизацию рукописных и ксилографических собраний Санкт-Петербурга, прежде всего на монгольском и тибетском языках: в 1994–1996 и 2002–2005 гг. участвовал в международном проекте по составлению компьютерного каталога тибетского фонда Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, в 2005 г. был хранителем Тибетского фонда, а в 1999–2001 гг. вышло два издания составленного им на английском языке каталога коллекции монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в Восточном отделе научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, в 2014 г. вошел в состав библиотечного совета Восточного факультета.

В. Л. Успенский является крупнейшим российским специалистом по книжному наследию народов Центральной

ПЕТРОВА Мария Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: mariap2001@mail.ru.

Азии (прежде всего монголов и тибетцев), а также пользуется неоспоримым международным авторитетом в этой области, участвует в многочисленных международных конференциях, научных публикациях на английском языке материалов этих конференций. В 1997 г. в Японии была опубликована монография о маньчжурском принце Юньли (1697–1738), в 2006 г. – монография, посвященная произведению Пагба-ламы Лодой Гьелцена (1235–1280) «Разъяснение познаваемого» и вводящая в научный оборот не известные ранее оригинальные источники, а в 2011 г. в Санкт-Петербурге был опубликован фундаментальный труд «Тибетский буддизм в Пекине», основой для которого послужила докторская диссертация В. Л. Успенского.

В. Л. Успенский неоднократно выезжает за рубеж для научной работы, где делится своим научным опытом с зарубежными коллегами и проводит научные изыскания, знакомясь с новыми источниками. В 1996–1997 гг. был приглашенным профессором Института изучения языков и культур Азии и Африки при Токийском университете иностранных языков (г. Токио, Япония), в 1990 г. вел научную работу в педагогическом университете Внутренней Монголии, в 2005, 2006 и 2008 гг. – в Университете Внутренней Монголии, в 2008 г. – в Центральном университете национальных меньшинств (КНР).

С 2005 по 2007 г. В. Л. Успенский занимает должность старшего научного сотрудника сектора тюркологии и монголистики, а осенью 2007 г. основным местом его работы стала кафедра монголоведения и тибетологии СПбГУ. В качестве профессора кафедры В. Л. Успенский подготовил новые лекционные курсы «Ламаизм в Пекине», «Тибетский буддизм: теория и практика», «История буддизма тибетского ареала», «История Тибета», «Культура и этнография Тибета», «Введение в специальность» («История Тибета»), «Историография и источниковедение истории Тибета», ввел в рамках преподавания монгольско-

го языка изучение современных художественных, публицистических и научных монгольских текстов в традиционной «уйгурской» графике, принимал участие в чтении коллективных курсов по религиоведению, руководил работой студентов бакалавриата и магистратуры.

В 2009 г. В. Л. Успенский возглавил кафедру монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ, что позволило сохранить и укрепить традиции Петербургского университетского монголоведения и тибетологии. На кафедре был открыт новый профиль «История Тибета (Китай)» и восстановлен профиль «История Монголии». В 2010 г. кандидатура В. Л. Успенского была единогласно поддержана коллективом кафедры при выдвижении заведующего кафедрой.

В 1985 г. В. Л. Успенский защитил кандидатскую диссертацию «Сочинения гуна Гомбоджаба как памятник монгольской историографии XVIII века», а в 2004 г. – докторскую диссертацию «Тибетский буддизм в Пекине при династии Цин (1644–1911) в культурно-историческом контексте эпохи».

В. Л. Успенским опубликовано свыше 100 научных работ, включая разделы в коллективных монографиях. Под его руководством защищено четыре кандидатских диссертации, в т. ч. одна за рубежом.

20 июня 2011 г. Президент Монголии Ц. Элбэгдорж вручил В. Л. Успенскому медаль «Найрамдал» (Дружба) за заслуги перед монголоведением и подготовку научных кадров. За успехи в профессиональной и общественной деятельности В. Л. Успенский неоднократно поощрялся руководством Восточного факультета и университета. Имеет знак «Почетный работник высшего профессионального образования» Министерства образования РФ.

Талантливый педагог и исследователь, В. Л. Успенский щедро делится своими глубокими знаниями и жизненным опытом с коллегами и студентами, пользуясь заслуженным авторитетом коллектива Восточного факультета.

УДК 001

Б. В. Базаров, А. Н. Плеханов, Л. В. Курас

Я ОТВЕЧАЮ ЗА ВСЕ

(к 75-летию доктора медицинских наук

Еши Нянюевича Цыбикова)

B. V. Bazarov, A. N. Plekhanov, L. V. Kuras

I AM IN CHARGE OF EVERYTHING

(Toward the 75th Jubilee of the Doctor of Sciences

in Medicine Eshi Nyanyuevich Tsybikov)

В медицине хорошим лекарством является сам врач

Антоний Кэмпинский

но ездит на работу, сражается с рутинной и непониманием, а то и с нежеланием чиновничьего племени понимать непреложный факт того, что медицина должна быть здоровой, ибо здоровая медицина – это здоровое общество. И при этом он продолжает оперировать, лечить, организовывать, учить и одновременно с этим учиться, познавать и не переставать удивляться.

Человек-эпоха

Один из нас

1 апреля 2014 г. исполняется 75 лет доктору медицинских наук, человеку-эпохе, человеку-легенде Еши Нянюевичу Цыбикову.

В общественном сознании сложился стереотип, что если легенда, то значит это было давно, не у нас и где-то далеко-далеко. А он-то, Еши Нянюевич, как раз с нами, рядом, один из нас. Он ежеднев-

В каждом субъекте есть несколько персоналий, о которых можно сказать «человек-эпоха». Для Бурятии в политике – это А. У. Модогоев, в военном искусстве – И. В. Балдынов, в литературе – Х. Намсараев, в музыке – Б. Ямпиров, в науке – М.В. Мохосоев. В медицине – это доктор медицинских наук Е. Н. Цыбиков. Абсолютно все, что есть нового и передового в медицинской науке и медицинской практике Республики Бурятия связано с его именем, с ним, фактиче-

БАЗАРОВ Борис Ванданович – член-корреспондент РАН, председатель Президиума Бурятского научного центра СО РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: bazarov60@mail.ru.

ПЛЕХАНОВ Александр Николаевич – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой факультетской хирургии медицинского института Бурятского государственного университета; ведущий научный сотрудник НЦ РВХ СО РАМН; главный врач негосударственного учреждения здравоохранения «Отделенческая клиника на ст. Улан-Удэ» ОАО «РЖД». E-mail: plekhanov.a@mail.ru.

КУРАС Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: kuraslv@yandex.ru.

ским Творцом современной медицины в республике, ее Созидателем. Поэтому он – это история нашей республики, ее достижений и побед. Он – это ее настоящее и ее будущее...

Эра милосердия

Один из героев романа братьев Вайнеров «Эра милосердия» говорит: «Милосердие не поповский инструмент, а та форма взаимоотношений, к которой мы все стремимся... Мы должны измениться – каждый из нас, чтобы наступила эта эра».

Милосердие – это одна христианских добродетелей, готовность сострадать, оказывать помощь тому, кто в ней нуждается. Оно не появляется по указу или постановлению; оно заложено на генном уровне и возникает, когда у общества появляется острая необходимость в нем. Поэтому вся жизнь Еши Нянюевича: учеба, работа, научная деятельность, воспитание детей, внуков, учеников – это Милосердие. И хотя герой Вайнеров говорит о том, что Эра милосердия наступит не скоро, но сегодня важно то, что в период крушения нравственных идеалов, когда появляются совсем другие ценности, милосердие не списано в тираж. Доказательством этого является жизнь, творчество и работа Доктора Е. Н. Цыбикова.

От общей хирургии к хирургии профильной.

От хирургии профильной к медицине комплексной

Сегодня молодые хирурги вступают в профессиональную жизнь заточенными на узкопрофильную хирургию, требующую оперативного вмешательства. Это требование времени, по такому пути развивается мировая медицинская практика, именно так можно стать «вторым после Бога». Но хирург Е. Н. Цыбиков начинал не так. Он начинал в Республиканской больнице им. Семашко с общей

хирургии, как раздела хирургии, сфокусированного на органах брюшной полости, включая пищевод, желудок, тонкую и толстую кишку, печень, поджелудочную железу, желчный пузырь и желчные пути, а также на щитовидной железе. Также общая хирургия имеет дело с заболеваниями кожи, груди, мягких тканей и грыжами. И уже имея колоссальный практический опыт хирурга общего профиля, создал специализированные отделения экстренной и плановой хирургии, сердечнососудистое и урологическое отделения. Под руководством Е. Н. Цыбикова в Бурятии внедряются эндоскопические, ангио- и ультрасонографические исследования, литотрипсия, компьютерная и магниторезонансная томография. Но одновременно с этим он понимает, что медицина, как и другие науки, уже не может обойтись только собственным опытом, собственными знаниями, собственным категориально-понятийным аппаратом, существующим уровнем технического обеспечения. Ей нужны опыт и достижения современной физики, химии, психологии, новые компьютерные и нанотехнологии, робототехники, новая идеология развития медицины. Потому что медицина становится комплексной отраслью. Но, это не просто понимание межотраслевого характера современной медицины и необходимости ее мультидисциплинарного развития, когда с представителями других наук разговариваешь на одном языке. Это понимание внедряется им в практическую медицину. Именно поэтому он – Доктор, который отвечает за все!

Печат лучше, а болеют больше?

Свобода слова, рожденная перестройкой, приняла ни на что не похожие формы и превратилась в страшилку, особенно в области медицины. В средствах массовой информации зачастую приводится статистика по росту частоты заболеваемости по ряду патологий, в т. ч.

онкологии, туберкулезу, сахарному диабету и др. Поневоле создается впечатление, что в борьбе за здоровье населения наибольших успехов добилась статистика. При этом подчеркивается, что у нихто аппаратура новая, за валюту купленная; специализация узкая, с ординатурой и стажировкой; методы высокотехнологичные; зарплата растет и бюджет непомерный в ущерб всему остальному. А что толку-то? Народ как болел, так и болеет, и даже чаще и больше. Еши Нянюевич очень мягко и интеллигентно отмечает все инсинуации. При этом он концентрирует внимание на результатах внедрения новых технологий, диагностических методик и современного оборудования, в результате чего как раз и увеличилась выявляемость заболеваний, что и является причиной роста заболеваемости. При чем положительным моментом является то, что современная медицина научилась выявлять заболевания на ранних стадиях развития, что как раз и позволяет своевременно начать соответствующее лечение, выполнить операцию и предупредить развитие возможных осложнений. И здесь, как говорится, и крыть нечем.

Улыбка Будды

«Улыбка Будды» достигается путем длительных, многолетних тренировок, когда человек сосредоточен на идеомоторном движении уголков губ, характерном для зарождения улыбки. Тогда возникает «дуновение ветерка радости», когда зарождающаяся улыбка так и не появляется. Но мимика сделала свое дело и рефлекторно вызвала легкое ощущение блаженства и покоя внутри. Еши Нянюевич никогда не практиковал «улыбку Будды», изнуряя себя долгими упражнениями. «Улыбка Будды» у него врожденная, выражающая состояние души, отношение к пациенту, философию жизни. Как у Юрия Гагарина... После разговора с ним больному действительно становится легче. Ведь эра сердечно-сосудистой хирургии, развитие которой в Бурятии

связано с именем Еши Нянюевича, – это не только внедрение операций на сердце при врожденных и приобретенных пороках, что уже само по себе настоящее чудо, но и «Улыбка Будды»...

Школа Цыбикова

Сегодня у представителей любой профессии, особенно у представителей науки, можно услышать фразу «Мой ученик», «Моя школа». А что такое «школа»? Она сродни понятию «москвич». Если ты перебрался в столицу нашей необъятной, купил квартиру, обзавелся каким-либо делом и шипишь на тех, кто приехал после тебя «Понаехали тут», то ты не москвич, а просто жлоб. Москвич – это тот, у кого три поколения родственников лежат на Ваганьковском. В науке – то же самое: если у твоих учеников, достигших «сияющих вершин», уже есть свои ученики, превзошедшие своих учителей, то это и есть Школа. Так вот, у Еши Нянюевича Цыбикова есть Школа. Это Школа хирургов, созданная им в результате полувекового лечебного процесса и научной деятельности. За годы работы им подготовлено 94 хирурга-интерна, 34 клинических ординатора, выполнено более 6 тысяч сложных операций на различных органах. Он один из тех, кто стоял у истоков создания медицинского факультета Бурятского государственного университета. Он – доктор медицинских наук, директор Бурятского филиала научного центра реконструктивной восстановительной хирургии СО РАМН, президент Ассоциации медицинских работников Республики Бурятия, член Совета старейшин при Главе Республики Бурятия, председатель Общественной палаты Министерства здравоохранения Республики Бурятия, заслуженный врач Бурятской АССР и РСФСР, народный врач Республики Бурятия. Награжден орденом Дружбы народов и орденом Почета, лауреат Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники (2007). Свой уникаль-

ный практический опыт он обобщил в 6 монографиях [1–6], 200 научных статьях, в выступлениях на международных (США, Италия, Австрия, Филиппины, Сингапур, Китай, Монголия, Индия и др.) и 50 Всероссийских научных конференциях.

Белый Старец

Оглянувшись назад и осознав все сделанное юбиляром, и по возможности оценив многолетний опыт и энциклопедические знания Еши Нянюевича, медленно, но верно начинаешь воспринимать его как Белого Старца, который у монгольских народов олицетворяет хранителя жизни и долголетия, является символом плодородия и благоденствия в буддийском пантеоне. Он, действительно, обладает неким магнетизмом: притягивает и вдохновляет, направляет и окрыляет. К нему тянутся, с ним советуются и делятся сокровенным, по нему сверяют свои дела и поступки.

Паровоз для машиниста

Все слышали прекрасную репризу Михаила Жванецкого «Паровоз для машиниста», в которой автор издевается

над идеологией общественного производства, где «пароход – для команды, паровоз – для машиниста, столовая – для поваров, театр – для актеров, магазин – для продавцов, литература – для писателей!» Еши Нянюевич убежден, что медицина – для людей! Поэтому он и спасает человеческие жизни, возвращает людей к труду и каждодневной деятельности, радуется детскому смеху. И он не одинок, ибо есть его Школа, которая идет в фарватере своего Учителя. Потому что, как говорил доктор Устименко из блестящей трилогии о врачах крупного советского писателя Юрия Германа, есть дело, которому ты служишь; есть самое дорогое – человек; и есть ответственность за все, что делаешь и делают те, за кого ты в ответе.

Дороги, которые мы выбираем

Один из героев О’Генри говорил: «Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу». Внутри у Еши Нянюевича неуемная жажда познания, стремление к самосовершенствованию и понимание того, что человек создан для счастья.

Вот и все.

Литература

1. Плеханов А. Н., Цыбиков Е. Н. Печеночная недостаточность у хирургических больных. Сер. Хирургия билиарного тракта и поджелудочной железы. Т. I. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2007. – 255 с.
2. Плеханов А. Н., Цыбиков Е. Н., Монголов Х. П. Печеночная недостаточность у хирургических больных. Сер. Хирургия билиарного тракта и поджелудочной железы. Т. I. Кн. I. – Новосибирск: Наука; Иркутск: НЦРВХ СО РАМН, 2011. – 236 с.
3. Плеханов А. Н., Чикотеев С. П., Цыбиков Е. Н., Монголов Х. П. Портальные циррозы печени. Сер. Хирургия билиарного тракта и поджелудочной железы. Кн. II. – Новосибирск: Наука; Иркутск: НЦРВХ СО РАМН, 2011. – 192 с.
4. Цыбиков Е. Н. Гатроэзофагеальная рефлюксная болезнь: диагностика, клиника и лечение. – Новосибирск: Наука, 2003. – 153 с.
5. Цыбиков Е. Н., Плеханов А. Н. Портальные циррозы печени. Сер. Хирургия билиарного тракта и поджелудочной железы. Т. II. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2007. – 195 с.
6. Щербатых А. В., Бубеев В. Б., Реут А. А., Кузнецов С. М., Цыбиков Е. Н. Функциональные нарушения двенадцатиперстной кишки. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2000. – 147 с.

ДАБА-ЦЫРЕН ДАМБАЕВИЧ НИМАЕВ
(26.02.1952–14.12.2014)

DABA-TSYREN DAMBAEVICH NIMAEV
(26.02.1952–14.12.2014)

14 декабря ушел из жизни наш коллега Даба-Цырен Дамбаевич Нимаев – крупный ученый, доктор исторических наук, доцент.

Он родился 26 февраля 1952 г. в с. Ташир Селенгинского района Бурятской АССР. Еще в годы учебы на отделении бурятской филологии Иркутского государственного университета Д.-Ц. Д. Нимаев приобщился к изучению культуры и быта бурятского народа. Удачный дебют на Всероссийской студенческой ономастической конференции в Москве в 1973 г., успешная защита дипломной работы по теме «Микротопонимия Селенгинского района Бурятской АССР» во многом определили характер его будущей научной деятельности.

Принятый в сентябре 1975 г. старшим лаборантом в отдел истории, этнографии и археологии Бурятского института общественных наук, Д.-Ц. Д. Нимаев при поддержке известных ученых Е. М. Залкина и Т. М. Михайлова всерьез начал осваивать основы этнографической науки. Через год его направили в аспирантуру Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, где он прошел хорошую творческую школу под руководством д.и.н. С. И. Вайнштейна, имел счастливую возможность пообщаться с С. А. Токаревым, В. П. Алексеевым, И. С. Гурвичем и другими маститыми этнографами. В 1981 г. на диссертационном совете института успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблемы этногенеза бурят», а в 2000 г. в стенах родного Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН защитил докторскую диссертацию «Буряты: этногенез и этническая история».

Неутомимый, ищущий исследователь, Д.-Ц. Д. Нимаев занимался вопросами эт-

ногенеза, этнической истории и других монгольских народов (халха-монголов, ойратов, киданей, баргутов, дауров), а также эвенков, якутов, тюркоязычных народов Южной Сибири; участвовал в организации и проведении полевых этнографических исследований в Бурятии и Монголии. Он автор более 100 научных работ, в т. ч. двух монографий, нескольких учебных пособий и научно-популярных книг, один из основных авторов фундаментальных коллективных трудов – «Буряты» и трехтомная «История Бурятии», изданная в 2011 г.

Много времени и кропотливого труда потребовала от Д.-Ц. Д. Нимаева подготовка к изданию коллективной работы – библиографического указателя «Этнография бурятского народа 1768–2002 гг.», научным редактором которого он был. Указатель, вышедший в Москве в 2006 г., был первым в Сибири удавшимся опытом издания подобного рода.

Научную деятельность Д.-Ц. Д. Нимаев успешно сочетал с педагогической: в течение многих лет он преподавал в Бурятском государственном университете и Восточно-Сибирской академии культуры и искусств.

Многолетняя научная, научно-организационная и педагогическая деятельность Д.-Ц. Д. Нимаева отмечена грамотами, в т. ч. Президиума РАН. Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия».

Ушел из жизни замечательный человек, настоящий профессионал, один из ведущих специалистов в бурятской этнографии. Он был полон идей и творческих замыслов, но судьба распорядилась иначе...

Светлая память о Даба-Цырене Дамбаевиче Нимаеве навсегда останется в наших сердцах.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

THE TOPICAL ISSUES OF ARCHEOLOGY AND ETHNOLOGY OF CENTRAL ASIA

7–8 апреля 2015 г. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН организует проведение международной научной конференции «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии», посвященной памяти крупного ученого, известного археолога, доктора исторических наук, доцента, заведующего отделом истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН Сергея Владимировича Данилова.

Тематика конференции затрагивает широкий круг актуальных вопросов древности и средневековья Центральной Азии, включая исследования культур эпохи камня (палеолит, мезолит, неолит); энеолита, бронзового и раннего железного веков; эпохи кочевых империй. В рамках конференции будут рассмотрены проблемы социальной и политической истории, духовной культуры и мировоззрения кочевников, а также этнической истории Центральной Азии. Поскольку С. В. Данилов являлся одним из основателей приоритетного научного направления «Социально-политические и экономические предпосылки формирования городов и городской культуры в

кочевых обществах Центральной Азии», отдельное направление будет посвящено истории городских и поселенческих комплексов кочевников. Также планируется осветить актуальные вопросы сохранения памятников археологии.

На конференции будут представлены доклады ведущих российских и зарубежных специалистов, отражающие современные достижения и перспективы в области изучения археологии, этнологии и кочевниковедения Центральноазиатского региона. Проведение конференции будет способствовать формированию дискуссионного поля, в рамках которого ожидается обновление научного дискурса, концептуальных и методологических позиций по вопросам выделения новых археологических культур, генезиса кочевничества, возникновения и развития городской культуры у кочевников, уточнения территориальных и хронологических границ кочевых империй Центральной Азии, идентификации генетического разнообразия древних популяций.

Оргкомитет приглашает специалистов в области археологии и этнологии Центральной Азии принять участие в работе конференции.

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СО РАН

Научный журнал
№ 1 (17)

Выходит 4 раза в год

Художник *Д. Т. Олов*
Редактор *А. Е. Болонев*
Компьютерная верстка и макет – *Т. Н. Вахрушкина*

Редакционно-издательский отдел
Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии
Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6.

Подписано в печать 02.03.2015.
Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 25,48. Уч.-изд. л. 27,4.
Тираж 200. Заказ № 1.